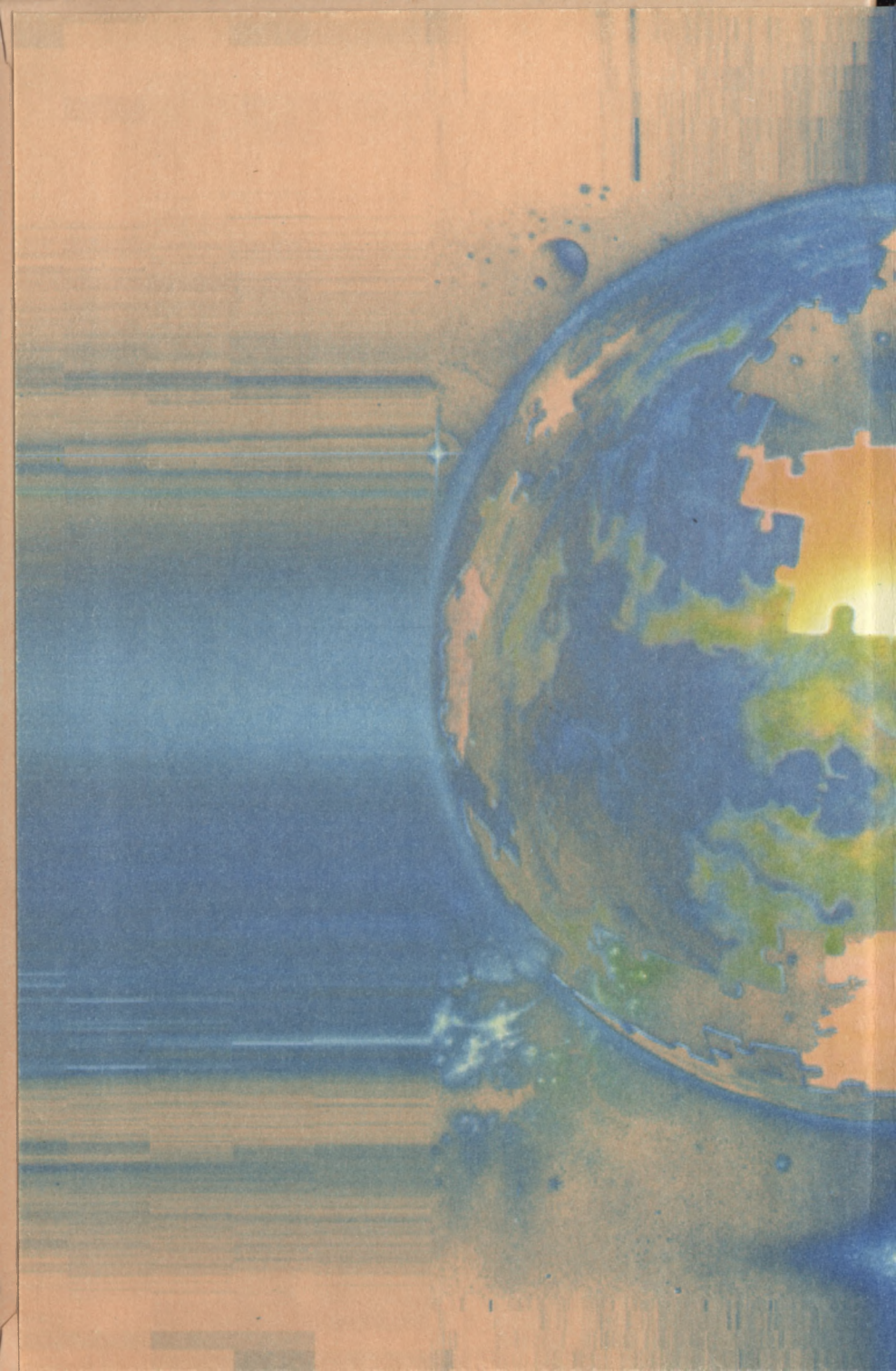

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF POUL ANDERSON

Volume nine

**THREE HEARTS
AND THREE LIONS**

A MIDSUMMER TEMPEST

«POLARIS» PUBLISHERS
1996

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Том девятый

**ТРИ СЕРДЦА
И ТРИ ЛЬВА**

БУРЯ В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996

Миры Пола Андерсона. Т. 9 / Пер. с англ. — Рига: Полярис, 1996. — 351 с.

В очередной том собрания вошла дилогия в жанре «фэнтези», где реальный мир сталкивается с миром литературным. В романе «Три сердца и три льва» это мир легенд о Карле Великом, а в «Буре в летнюю ночь» — мир пьес великого драматурга Уильяма Шекспира.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Three Hearts and Three Lions
Copyright © 1961 by Poul Anderson

A Midsummer Tempest
Copyright © 1974 by Poul Anderson

Три сердца и три льва
© ПКК «Вснда», перевод, 1996

© Издательство «Полярис»,
перевод, оформление, 1996

© Издательство «Полярис»,
составление, название серии, 1995

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

собрание фантастических произведений
в тридцати томах

ТОМ ДЕВЯТЫЙ

Уважаемые читатели!

Издательство «Полюс» благодарит вас за интерес к нашей книге и поздравляет с удачным вложением денег. В каждом томе «Миры Пола Андерсона» (кроме последнего) вы найдете аналогичный призовой купон.

Мы рекомендуем сохранить эти купоны до окончания выставки в свет всего собрания фантастических произведений Пола Андерсона.

Потому что:

Вниманию!

Потому что читатели, которые вышлют нам 29 разных купонов (по одному из каждого тома), получают последний том «Миры Пола Андерсона» **БЕСПЛАТНО!**

Вам нужно лишь заполнить и выслать в адрес издательства 29 призовых купонов.

Мы гарантируем получение по почте бесплатно последнего тома «Миры Пола Андерсона» **НАШ АДРЕС:**

Латвийская Республика, Л.В. 1039, Рига, 4/4 22

«МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА»

собрание фантастических произведений
в тридцати томах

1	«Зима над миром» «Огненная пора»	Терранская империя — 3 Рассказы и повести	16
2	«Победить на трех мирах» «Тау — ноль» «Полет в навсегда»	Терранская империя — 4 «День, когда они возвратились» «Рыцарь призраков и теней»	17
3	«Орион взойдет»	Терранская империя — 5 «Игра империи» «Камень в небесах»	18
4	«Челн на миллион лет»		
5	«Враждебные звезды» «После судного дня» «Ушелец»	«Ночной лик» «Орбита не ограничена» Рассказы	19
6	«Планета, с которой не возвращаются» «Война двух миров» «Мир без звезд» «Самодельная ракета»	«Звездные нивы»	20
		«Звезды тоже из огня»	21
7	«Волна мозга» «Сумеречный мир»	Патруль времени — 1	22
8	«Операция "Хаос"» «Танцовщица из Атлантиды»	Патруль времени — 2	23
9	«Три сердца и три льва» «Буря в летнюю ночь»	«Щит времени»	24
10	«Сага о Хрольфе Жердинке» «Дети морского царя»	Психотехническая лига — 1 «Психотехническая лига» «Снега Ганимеда»	25
11	Торгово-техническая лига — 1 Рассказы и повести	Психотехническая лига — 2 «Бескровная победа» «Звездные пути»	26
12	Торгово-техническая лига — 2 «Сатанинские игры» «Обитель мрака»	Психотехническая лига — 3 «Звездолет» «Планета девственников»	27
13	Торгово-техническая лига — 3 Рассказы и повести		
14	Терранская империя — 1 «Дети ветра» «Мичман Флэндри»	«Аватара»	28
		Рассказы	29
15	Терранская империя — 2 «Все круги ада» «Восставшие миры»	Рассказы	30

*В содержании отдельных томов после двадцатого
возможны незначительные изменения.*

От издательства

В девятый том собрания сочинений Пола Андерсона вошли составляющие диологию романы в жанре «фэнтези» «Три сердца и три льва» (1961) и «Буря в летнюю ночь» (1974).

Пол Андерсон более известен своим поклонникам как мастер «жесткой» научной фантастики, однако его вклад в литературу этим далеко не исчерпывается, хорошим примером чему служит эта дилогия. Уже первый ее роман был высоко оценен критикой как совершенно оригинальное и необычное произведение в, казалось бы, выработанном до дна стиле «фэнтези», причем в наиболее подверженной использованию штампов ее ветви — «героической фэнтези».

Андерсон смело использует литературные источники, создавая свой сказочный мир. Если первый роман строится не только на легендах о Карле Великом, но и на других легендах и поверьях — о царстве фей Фейери и волшебнице Моргане, о кобольдах, гномах, русалках и оборотнях, то «Буря в летнюю ночь» основывается преимущественно на песнях великого английского Барда — Уильяма Шекспира, из названий которых сложено ее собственное — «Буря» и «Сон в летнюю ночь».

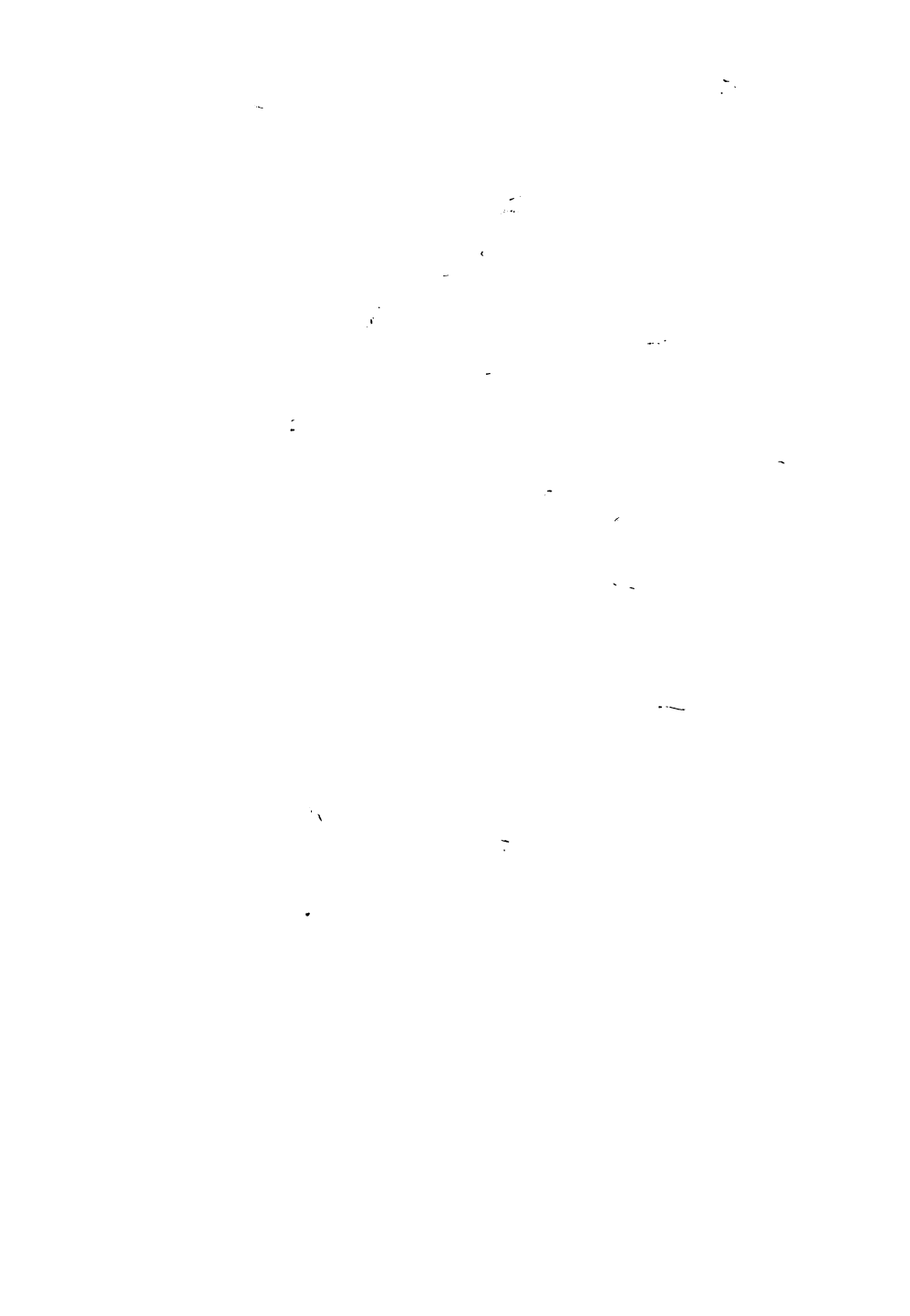
Стремление молодого Андерсона к рационализации вводит в «Три сердца и три льва» современного человека, с трудом воспринимающего магию окружающего его мира и не без успеха пытающегося применить к ней естественнонаучные законы. Обитатели Фейери — фарисеи — сражаются дюралевыми мечами и магниевыми кинжалами, золото троллей отравлено радиацией... но в то же время девушка в этом мире может обернуться лебедем, а ведьма — вызвать демона из глубин ада. И красной нитью проходит через роман история легендарного Ожье Датчанина, одного из рыцарей короля Карла Великого, Защитника справедливости, чьим могущественным волшебным мечом пытаются завладеть темные силы, чтобы власть Фейери легла на землю — так же, как пытаются захватить весь мир гитлеровские солдаты во вселенной, откуда явился датчанин Хольгер Карлсен...

Во втором романе тот же художественный прием — столкновение магического и обыденного — применен по-иному. В реальность шекспировской вселенной попадают герои собственных книг Андерсона — Хольгер Карлсен из предыдущего романа «Три сердца и три льва» и Валерия Матучек, дочь Стива

Матучека из «Операции “Хаос”». Однако не они становятся главными героями книги, а молодой рыцарь Руперт, хранящий верность королю Карлу Английскому в недобрый час поднятого Кромвелем мятежа Круглоголовых. В нашем мире победили пуритане, и столь любимые Андерсоном добродетели рыцарских времен были сметены наступающей эпохой делячества и хищнически-разорительного промышленного производства. Но в стране, где живы Оберон и Титания, где сама земля готова подняться против тех, кто хочет заковать ее камнем и сталью, история может пойти иным путем — если изменятся те, кто вершат ее...

ТРИ СЕРДЦА И ТРИ ЛЬВА

Пролог

Теперь, через много лет, я имею право предать огласке эту историю. С Хольгером я познакомился лет двадцать назад, и тогда все было иным — и времена, и люди. Жизнерадостные парни, которым я читаю сегодня лекции, — отличные, разумеется, ребята, но мы с ними давно говорим на разных языках, и нет никакого смысла делать вид, будто мы можем понять друг друга. Поэтому я совсем не уверен, что эта история придется им по вкусу. Они гораздо рациональнее, чем были когда-то мы с Хольгером, и этим, на мой взгляд, сильно обедняют себя. Правда, им не привыкать к чудесам. Откройте любой научный журнал, любую газету, откройте собственное окно и спросите себя: обычна ли наша обыденность и не полна ли чудес повседневность?

Мне рассказ Хольгера кажется правдоподобным, хотя я и не настаиваю на его абсолютной истинности, так как не имею никаких тому доказательств. Но, публикуя его, я далек от мысли о скандальной славе. Просто мне кажется, что если он правдив, то из него можно извлечь кое-какие уроки, и, может быть, они кому-нибудь пригодятся. Если же — что вероятнее — он только сон или откровенная мистификация, то и в этом случае заслуживает огласки — хотя бы из-за его оригинальной увлекательности.

Безусловно, достоверно то, что осенью далекого 1938 года в конструкторском бюро, где я служил, появился Хольгер Карлсен, и в течение последующих нескольких месяцев я имел возможность узнать его довольно хорошо.

Был он датчанином и, как большинство молодых скандинавов, нес по всему миру великое любопытство. В юности он

исколесил пол-Европы, на велосипеде и пешком, позднее, исполненный традиционного для жителя его страны восхищения перед Соединенными Штатами, добился стипендии в одном из наших восточных университетов и стал осваивать профессию инженера. В летнее время он скитался по Северной Америке (в основном — «автостопом») и брался за любую подвернувшуюся работу. Он так полюбил нашу страну, что после получения диплома устроился на неплохое место и стал подумывать о натурализации.

Хольгер легко сходиллся с людьми и быстро превращал их в своих друзей. Симпатичный, спокойный, со здоровым чувством юмора и скромными запросами, он не был ханжой и довольно часто позволял себе отпускать поводыря в датском ресторанчике. Он не слишком блистал как инженер, но вполне соответствовал занимаемой должности: его мозги были приспособлены больше к решению практических задач, чем к глубоким аналитическим рассуждениям. Короче говоря, его умственные способности я бы не назвал выдающимися. Чего нельзя было сказать о его внешних данных. Он был высок — больше двух метров ростом — и в то же время так широк в плечах, что никто не называл его долговязым. Разумеется, он играл в футбол и, если бы не отдавал столько сил наукам, стал бы звездой университетской команды. Грубая лепка его лица — с широкими скулами и выдающимся подбородком — была неправильной, но выразительной. Добавьте сюда очень светлые волосы и широко расставленные голубые глаза — и вы получите его точный портрет.

Ему бы побольше наглости, и он мог бы стать настоящим донжуаном. Однако какая-то робость удерживала его от желания умножать приключения такого рода.

Итак, Хольгер был славным, но в общем-то довольно заурядным парнем того типа, который многие определяют как «свой в доску».

Он поделился со мной некоторыми подробностями своей биографии.

— Хочешь верь, хочешь нет, — сообщил он мне, усмехнувшись, — но я настоящий подкидыш. Да-да, ребенок, буквально подброшенный на крыльцо. Такие случаи в Дании очень редки. Полиция из всех сил пыталась что-либо разнюхать, но у нее ничего не вышло. Мне было, наверное, всего несколько дней, когда меня нашли в одном из дворов в Хельсингере. Это очень красивый городок, вы называете его Эльсинором, родиной Гамлета. Меня усыновила семья Карлсенов. И больше в моей жизни не было ничего примечательного.

Так казалось ему тогда.

Помню, как однажды я уговорил его пойти со мной на лекцию иностранного физика, одного из тех великолепных талантов, какие рождаются только в великой Британии, — ученого, философа, остролова, поэта, эссеиста, — короче, человека Возрождения, хотя и лишенного, может быть, печати гения.

Он излагал новую космогоническую теорию. Лекция завершилась несколькими смелыми гипотезами о характере будущих научных открытий. В частности, лектор говорил, что если теория относительности и квантовая механика доказывают, что не бывает наблюдения без участия, если логический позитивизм утверждает, что многие из известных сущностей всего лишь абстракции или результат общественного договора, если ученые твердят, что о многих способностях разума мы даже не подозреваем, то, может быть, в основе многих старинных мифов и волшебных сказок лежат не суеверия, а что-то иное. Когда-то откровенно смеялись над шарлатанами, занимающимися гипнозом и телепатией. Кто скажет, сколько великих загадок было осмеяно без осмысления? Фактами магии и волшебства пестрит история любого народа, любой фольклор. Может быть, эти факты когда-нибудь будут поняты с точки зрения науки? В нашем мире великое множество загадок. А в других вселенных? Принципы волновой механики уже сейчас позволяют допустить существование самостоятельной, параллельной нашему миру вселенной. Докладчик именно так и выразился: «Совсем нетрудно вывести математическую формулу существования бесконечного количества параллельных миров. В каждом из них фундаментальные законы природы будут немного другими. Следовательно, где-то в бесконечно удаленной вселенной должно существовать абсолютно все, что только можно и даже нельзя вообразить!»

Хольгер откровенно зевал на лекции, а когда после нее мы зашли пропустить по маленькой, иронично заметил:

— Эти математики так парят свои мозги, что в осадок у них, конечно, выпадает в конце концов метафизика.

— Ты употребил, хоть и сам не понял, именно то слово, что нужно, — не без ехидства заметил я.

— Это какое же?

— Метафизика. Дословно — до и после физики. Иными словами, там, где заканчивается физика, с которой ты привык иметь дело и которую ты меряешь логарифмической линейкой, или там, где она еще не начиналась. Именно о метафизике и шла речь в лекции.

— Ха! — Он прикончил виски и заказал еще. — Вижу, тебя эта тема волнует?

— Пожалуй, да. Что такое единицы физических мер? Это сущности или условные знаки, которыми мы пользуемся, чтобы соотнести одно явление с другим? Что такое ты, Хольгер? Кто ты есть? Или, точнее, кто ты, где ты, когда ты есть?

— Я это я, я сижу здесь и в настоящий момент потребляю не совсем неприятную жидкость.

— Ты пребываешь в равновесии с данным континуумом, точнее, с рядом частных его проявлений. Я тоже — с тем же самым. Он для нас общий. Он представляет собой материальное воплощение определенных математических формул, связывающих воедино пространство, время, энергию. Некоторые из этих формул мы называем «законами природы». И потому строим на них целые науки — физику, астрономию, химию...

— Хей-хо! — Он поднял стакан. — Кончим умничать и начнем пить с умом!

Я махнул рукой. Хольгер больше не возвращался к этой теме, однако, думаю, наш разговор позднее сослужил ему неплохую службу. По крайней мере, льщу себя такой надеждой.

За океаном разразилась война, и поведение Хольгера изменилось. День ото дня он становился все более взвинченным. Твердые политические убеждения никогда не были его амплуа, но теперь он на каждом углу с горячностью, удивлявшей нас, стал твердить, что всей душой ненавидит фашизм. Когда же немцы вступили на территорию его страны, он несколько дней беспробудно пил.

Оккупация Дании протекала довольно спокойно. Правительство проглотило пилюлю и осталось на своем месте — единственным из всех европейских правительств. Просто объявило о своем нейтралитете под немецким протекторатом. Думаю, что этот выбор потребовал определенного мужества: благодаря сознательному унижению небольшой кучки политиков на протяжении нескольких лет удавалось удерживать оккупантов от жестоких, как во всех европейских странах, репрессий, особенно в отношении еврейского населения.

Хольгер, однако, буквально ошалел от радости, когда датский посол в США обратился к Белому дому с призывом вторгнуться в Гренландию. К тому времени большинству из нас было очевидно, что Америка рано или поздно будет втянута в эту войну. Самым простым выходом для Хольгера было дожидаться этого дня и немедленно встать в ряды ополченцев. Впрочем, он мог поступить еще проще — вступить в британскую армию или примкнуть к «Свободным норвежцам». В доверительных беседах со мной он часто повторял, что сам не поймет, почему не делает этого.

В 1942 году начали, однако, поступать известия, из которых можно было понять, что терпение Дании лопнуло. Дело еще не дошло до взрыва (который в конце концов прогремел в виде всеобщей забастовки, после чего немцы немедленно низложили короля и превратили страну в еще одну поработленную провинцию), но уже пошли в ход карабины и динамитные пашки.

Вопрос о возвращении домой стал для Хольгера своеобразной *idée fixe*. Он обсуждал его и так и эдак, но никак не решался поставить точку. На принятие окончательного решения у него ушло много вечеров и пива. Наконец последовала капитуляция. После седьмой и последней, как говорят в Дании, Хольгер перестал быть американцем и решил исполнить свой гражданский долг. Он уволился, мы устроили ему прощальную вечеринку, и на следующий день он уже всходил на борт судна, идущего в Швецию. Из Хельсингборга он добрался домой на пароме.

Некоторое время он старался держаться в тени, не без основания побаиваясь, что поначалу немцы будут держать его под особым контролем. Он получил место на заводе «Бурмейстер и Вайн», специализирующемся на производстве корабельных двигателей. В середине 1942 года он решил, что оккупанты уже вполне уверились в его лояльности, и присоединился к Движению сопротивления. И тут оказалось, что его служба — настоящая золотая жила для диверсий и саботажа.

Не стану утомлять вас длинным перечнем его подвигов. Довольно сказать, что он работал на совесть. Их небольшая организация, в сотрудничестве с английской разведкой, действовала не менее успешно, чем эскадрилья бомбардировщиков. Во второй половине 1943 года они совершили самую дерзкую из своих акций.

Необходимо было вывезти из Дании некоего Х. Союзникам был нужен его талант. Немцы, прекрасно осведомленные о способностях Х., держали его под строжайшим надзором. Подпольщикам удалось, однако, вывести Х. из дома и доставить в Зунд, где уже ждала лодка, приготовленная для отправки в Швецию. Оттуда он должен был попасть в Великобританию.

Наверно, навсегда останется тайной, пронюхало ли гестапо об этой засекреченной операции, или ночной патруль наткнулся на пляже на группу подпольщиков совершенно случайно. Кто-то вскрикнул, кто-то спустил курок — завязался бой. Пляж был каменистым, плоским. Звезды и огни со шведского берега лили на него тусклый, но ровный свет. Лодка уже отчалила, и подпольщики решили вызвать огонь на себя, чтобы дать ей без помех добраться до цели. Откровенно говоря, на это было мало

надежды. Лодка была неуклюжей и тихоходной. Тот факт, что ее так отчаянно прикрывали, говорил о ценности груза. Через несколько минут, в течение которых датчанам удастся в лучшем случае убить десяток солдат, немцы вломятся в ближайший дом и по телефону свяжутся со штабом оккупационных войск в Эльсиноре. И мощный патрульный катер перехватит беглецов прежде, чем они достигнут нейтральной территории. Но подпольщики сделали свой выбор. Пути к отступлению не было.

Хольгер Карлсен понял, что сегодня умрет. Перед его внутренним взором пронеслись картины безмятежного прошлого, в котором было так много солнца, где кричали над головой чайки, а на крыльце дома, полного дорогих ему мелочей, стояли его приемные мать и отец... И почему-то он вспомнил старинный замок Кронбург, красную черепицу и высокие башни и покрытые патиной перила моста над зеркальной водой...

С пистолетом в руке он укрылся за камнем и палил в темные расплывчатые силуэты. Вокруг свистели пули. Рядом раздался чей-то стон. Хольгер в очередной раз прицелился и выстрелил...

Мир вокруг взорвался ослепительной вспышкой, и упала тьма.

Глава 1

Когда он пришел в себя, все его ощущения сводились только к одному — адской головной боли. Потом стало медленно возвращаться зрение. Вскоре он смог различить, что странный предмет, маячивший в тумане перед его глазами, — корявый древесный корень. Он шевельнулся — под ним зашелестели сухие листья. Ноздри щекотали запахи земли, мха, влаги.

— Где я нахожусь? — пробормотал он. — Что за черт?

Он сел. Потрогал голову и нащупал запекшуюся на волосах кровь. Должно быть, пуля только скользнула по черепу. Сантиметра бы на два ниже — и...

Ладно, но что же случилось потом? Сейчас ясный день, он в диком лесу, и вокруг никого. По-видимому, его товарищам удалось покинуть побережье, и они вынесли его на плечах. А потом спрятали в этой чаще. Но почему они раздели его догола и бросили одного?

Он заставил себя подняться на ноги. Мышцы ломило, во рту было сухо и гадко. Подташнивало от голода. Голова разламывалась от боли. По бьющим сквозь кроны деревьев лучам он определил, что солнце уже в зените: утренний свет не имеет такого золотистого отблеска. Ого! Он провалялся без памяти часов двенадцать!

Рядом по пятнистому ковру из листьев и мха бежал ручей. Он наклонился и стал жадно пить. Потом умылся. Холодная вода несколько взбудрила его. Пытаясь понять, где же он находится, он внимательно осмотрелся по сторонам. Грибский лес?

Нет, конечно, нет! Здесь настоящая чаща: огромные буки и ясени, наросты лишайника на стволах, буйные заросли боярышника, черный бурелом... В Дании со средневековья не было таких лесов.

Красной искрой взлетела на дерево белка. Пронеслась пара скворцов. Сквозь разрыв в листьях он увидел ястреба, парящего в небе. Разве в его стране еще остались ястребы?

Он вдруг сообразил, что совершенно наг. Что делать? Предположим, его товарищи имели самые веские причины раздеть его и оставить здесь. Но тогда они не могли бросить его надолго... С другой стороны, не стряслось ли чего-нибудь с ними самими?

— Не дай Бог, тебе придется провести здесь еще ночь в таком виде, друг мой, — сказал он сам себе. — И еще очень хотелось бы знать, куда тебя занесло.

До его слуха донесся непонятный звук. Он прислушался. Звук повторился, и Хольгер узнал в нем лошадиное ржание. Он воспрянул духом. Значит, где-то поблизости ферма. Он уверенно двинулся вперед, в ту сторону, откуда донеслось ржание, продрался сквозь заросли кустарника и остановился в изумлении.

Таких лошадей он никогда не видел. На поляне стоял жеребец громадного роста — настоящий першерон, но изящного и благородного сложения. Черный и блестящий, как дождливая ночь. Уздечка украшена серебром. Поводья с бахромою. Седло тонкой кожи, с высокими луками. Белая шелковая попона с вытканными на ней черными орлами. Притороченный к седлу вьюк...

Хольгер протер глаза и подошел ближе.

— Все нормально, — произнес он, — кто-то питает слабость к костюмированным прогулкам верхом. Эй! Есть здесь кто-нибудь?

Конь потянулся к нему, встряхнул длинной гривой и радостно заржал. Потом подвинулся к Хольгеру и фыркнул ему в щеку. Хольгер потрепал его по шее. Славный коняга. Что это у тебя на уздечке? На серебряной пластинке было выгравировано архаичным шрифтом: Папиллон.

— Папиллон, — позвал Хольгер.

Конь снова заржал, откликаясь на свое имя, переступая с ноги на ногу, и ударил копытом.

— Значит, тебя зовут Папиллон? — Хольгер вздохнул коню гриву. — По-французски это бабочка, не правда ли? Удачная шутка — назвать бабочкой такого зверюгу.

Его заинтересовал выюк за седлом, он пощупал его и отогнул край ткани. Что за дьявол? Кольчуга!

— Эй! — крикнул он снова. — Есть тут кто? Выходи!

Тишина. Только прострекотала, словно издаваясь, сорока.

Оглянувшись вокруг, Хольгер заметил еще кое-что: к стволу дуба был прислонен длинный шест со стальным наконечником и защитной, как на шпаге, чашкой посередине. Копье? Ей-Богу, настоящее турнирное копье!

Тот образ жизни, который вел Хольгер Карлсен во время войны, превратил его в человека, не робеющего перед буквой закона, как большинство его соотечественников. И потому он, не медля более, снял с седла выюк и развязал его. Он обнаружил там длинную, до колен, кольчугу, конический шлем с пурпурным оперением, стилет, кожаный пояс и толстый кафтан. Кроме того, несколько комплектов одежды: штаны до колен, рубахи с длинными рукавами, короткие туники и другие предметы старинного туалета. Часть одежды была из грубого крашеного полотна, другая — из обшитого мехом шелка. Он уже не удивился, когда, обойдя коня, обнаружил висящие на седле щит и меч. Щит был прямоугольный, фута четыре длиной, в новеньком полотняном чехле. Он снял чехол: стальная пластина на деревянной основе была с лазурным покрытием, и на ней — три красных сердца и три золотых льва.

Герб. Чей? Показалось, что где-то его уже видел... Странно. Кто здесь собрался на карнавал? Он вытянул меч из ножен — длинный, двуручный, обоюдоострый, с эфесом в форме креста. Низкоуглеродистая сталь, профессионально определил он. М-да, так старательно не мастерят реквизит даже в кино. Странно. Он вспомнил мечи, которые видел в музеях. Средневековые предки не могли похвастаться высоким ростом. Этот же меч как будто был сделан специально для него, а ведь его считали верзилой в двадцатом веке.

Папиллон заржал и попятился. Хольгер резко обернулся. И увидел медведя.

Здоровенный бурый медведь, по-видимому, был просто привлечен шумом. Он уставился на Хольгера маленькими глазками, постоял с минуту и, удовлетворив любопытство, развернулся и убрался обратно в чащу.

Хольгер перевел дух. Сердце прыгало, как мячик.

— Не исключено, что где-то сохранился заповедный участок леса, — услышал он свой рассудительный голос. —

Не исключено, что в нем сохранилось несколько ястребов. Но в Дании нет — это абсолютно исключено! — медведей!

Может быть, медведь сбежал из зоопарка? Бред?.. Скорее всего он сам свихнулся и у него начались галлюцинации. Или он видит сон... Нет, непохоже. Все слишком отчетливо и подробно: и пляска пылинок в луче, и запах лошадиного пота, и мха, и собственного тела. К черту! Как бы там ни было, во сне или в бреду, все равно надо что-то предпринимать. В любой ситуации прежде всего нужно искать информацию и пищу, подумал он. Именно в такой последовательности — информацию и пищу.

Жеребец казался настроенным дружелюбно. Грех покусаться на чужую собственность, однако его нужда, безусловно, острее, чем у того, кто так беспечно бросил здесь свое имущество. Прежде всего Хольгер оделся. Облачение в непривычный туалет требовало некоторой смекалки, однако все предметы, включая сапоги, странным образом оказались ему впору. Лишнюю одежду и оружие он снова упаковал и приторочил вьюк на прежнее место. Вставил ногу в стремя, уселся верхом. Конь фыркнул, сделал несколько шагов и вдруг остановился возле копыя.

— Не думал, что лошади так умны, — вслух удивился Хольгер. — Ладно, намек понял.

Он поднял копые и поставил его концом на петлю, свисавшую с седла рядом со стременем. Потом взял поводья левой рукой и чмокнул. Папиллон пошел.

Только проехав уже не меньше мили, Хольгер обратил внимание на то, что на удивление уверенно сидит в седле. Его опыт в верховой езде до сих пор исчерпывался несколькими неуклюжими попытками в прокатных пунктах. Он вспомнил даже свою шутку о том, что если лошадь — это приспособление для сокращения расстояния, то проще сократить приспособление. Но откуда, скажите на милость, его внезапная симпатия к этой черной зверюге? Может быть, в его роду были ковбои?

Он предпринял попытку осмыслить технику езды и сразу почувствовал себя неуклюжей деревенщиной. Папиллон фыркнул. Хольгер мог бы поклясться, что насмешливо. К черту! Подумаем о маршруте. Они продвигались по тропе, но лес вокруг был так густ, что езда верхом, да еще с копыем наперевес, была сильно затруднена.

Тропа шла на запад. Солнце клонилось к закату. На фоне багрового неба стволы деревьев казались обугленными. Нет, это невозможно: в маленькой Дании нет таких обширных заповедников! Или, пока он был без сознания, его переправили в Норвегию? В Лапландию? В Россию? К черту на кулички?.. Что ж,

черепная травма могла лишить его сознания и на день, и на неделю, и на месяц... Нет, нет, рана на голове слишком свежая. Он в сердцах плюнул.

Но все черные мысли вмиг испарились, стоило ему вспомнить о еде. Сейчас бы две... нет, три копченые трески и кружку холодного пива... Или по-американски — отбивную с косточкой в жареном луке...

Хольгер чуть не вылетел из седла: Папиллон резко встал на дыбы. Из-за темных стволов выступил лев. Хольгер остолбенел. Лев остановился и яростно захлестал хвостом по бокам. Раздался рев. Папиллон нервно загарцевал и стал рыть землю копытом. Хольгер обнаружил, что рука сама подняла копыте и направила его острием в свирепую морду.

Из глубины леса донесся протяжный волчий вой. Лев не топился атаковать, а у Хольгера не было никакой охоты вести с ним дискуссию о правилах движения по лесным тропам. Зато Папиллон был настроен воинственно. Но Хольгер сильно натянул поводья и заставил сопротивляющегося жеребца обойти зверя слева. Когда лев остался сзади, Хольгер вытер рукой мокрый лоб.

Они продолжали свой путь, и вскоре настала ночь. В голове у Хольгера как будто вертелась дикая карусель. Медведи, волки, львы... В каких же странах эти звери живут бок о бок? В какой-нибудь глухой провинции Индии?.. Но в Индии, кажется, нет европейской растительности... Он попытался вспомнить что-нибудь из Киплинга, но ничего, кроме общих мест — «запад есть запад, восток есть восток», — не приходило в голову. Тут невидимая в темноте ветка хлестнула его по щеке, и мысли о Киплинге закончились чертыханьем.

— Кажется, эту ночь мы проведем с тобой под открытым небом, — сообщил он коню. — Давно об этом мечтал. А ты?

Папиллон — черная масса среди царства тьмы — уверенно шел вперед. До слуха Хольгера доносилось то уханье филина, то хриплый визг вдалеке, то жуткий вой... Что это?! Мерзкий хохот откуда-то прямо из-под копыт!

— Кто тут?! Кто это?!

Топот убегающих ног. Улетающий смех. Озноб по спине. Ладно, едем дальше. Ночи здесь довольно прохладные.

Внезапно небо над его головой взорвалось звездами. Хольгер не сразу сообразил, что они выехали из чащи на открытое место. Впереди мерцал огонек. Неужели жилье? Он пришпорил коня.

Вскоре Хольгер разглядел ветхое, убогое строение, стены которого были сплетены из ивовых прутьев и обмазаны глиной, а крыша покрыта дерном. Внутри горел огонь, светилось крохот-

ное окошко без стекол. Хольгер остановил коня и облизал пересохшие губы. Сердце отчаянно колотилось, словно он снова встретился со львом.

Самое разумное сейчас — остаться в седле. Он ударил в дверь древком копыя. Дверь заскрипела и распахнулась. В дверном проеме на фоне тусклого света показалась черная сгорбленная фигура и каркнула скрипучим старушечьим голосом:

— Кто здесь? Кто пожаловал в гости к Матери Герде?

— Я, кажется, сбился с пути, — произнес Хольгер. — Не пустишь ли меня на ночлег?

— О, это рыцарь! Молодой и прекрасный рыцарь! Хоть Мать Герда совсем ослепла от старости, но хорошо видит, кто ночью стучит в ее дверь, хорошо видит! Слезай, слезай с коня, славный рыцарь, и располагай всем, что есть у бедной старухи, которая тебе искренне рада. Я так стара, что уже не боюсь греха, хоть и знала другие времена, знала, знала... Но те времена кончились, увы, еще до того, как ты появился на свет, а теперь я стара, одинока и рада любой вести из большого мира, стучащейся ко мне в дверь. Входи, отринь опасенья, входи, прошу тебя. Здесь, на краю света, ты не найдешь другого убежища.

Хольгер протиснулся в дверь. В хижине больше никого не было. Кажется, здесь он мог чувствовать себя в безопасности.

Глава 2

Он сел на табурет возле колченогого тесаного стола. Глаза ел дым, который поднимался к потолку и медленно улетучивался через дыру в крыше. Еще одна дверь вела из комнаты в конюшню, где в стойле уже стоял Папиллон. Земляной пол. В грубом каменном очаге пылает огонь. Когда глаза притерпелись к дыму, Хольгер заметил еще пару табуретов, соломенный тюфяк в углу, хозяйственную утварь, а также большого черного кота, сидящего на Бог весть откуда взявшемся здесь красивом и дорогом сундуке. Его немигающие желтые глазищи неотступно следили за Хольгером. Старуха — Мать Герда — мешала какое-то варево в железном котле, висящем над очагом. Седые грязные патлы свисали вдоль морщинистых впалых щек, нос торчал крючком, рот беспрестанно кривился в бессмысленной ухмылке, — она была горбатой, худой и дряхлой, ветхое платье висело на ней как мешок. Но глаза, ее темные глаза хитро поблескивали.

— Не след, конечно, — заговорила она, — мне, бедной полоумной старухе, доверять тайны или просто-напросто то, о чем лучше не болтать, первому встречному. Много тут бродит по краю света разного тайного людя — почему я знаю, может

быть, ты рыцарь из Фейери, превратившийся в человека, чтобы проверить и наказать меня за болтливый язык? Однако, славный рыцарь, никак не может он удержаться, чтобы не спросить, как тебя величать. Нет-нет, не нужно настоящего имени — зачем открывать его старой никчемной нищенке, которая только и может, что зря молоть языком? Но хоть какое-то имя, чтобы я могла обращаться к тебе согласно приличиям и с надлежащим почтением.

— Хольгер Карлсен.

Она буквально подпрыгнула, едва не опрокинув котел.

— Как? Как ты сказал, славный рыцарь?

В чем дело? Может, его разыскивают? Может, это какая-нибудь дикая окраина Германии? Он нащупал рукоятку стилета, который на всякий случай сунул за пояс.

— Хольгер Карлсен! Что тебя удивляет?

— Ох!.. Н-н-ничего, милостивый господин. — Мать Герда отвела глаза и тут же вновь выстрелила в гостя зорким снайперским взглядом. — Только то, что и Хольгер, и Карл — надо сказать, очень громкие имена, как ты и сам знаешь, однако, если говорить напрямик, я никогда не слыхивала, чтобы один из них был сыном другого, ибо их отцами, как известно, были Пепин Годфред и... или, точнее, я хотела сказать совсем другое... Конечно, в некотором смысле король — всегда отец своего вассала и...

— Я не имею отношения к этим джентльменам, — оборвал ее Хольгер. — Это случайное совпадение.

Она как будто успокоилась, выловила из котла кус вареного мяса и предложила гостю. Он не заставил себя упрашивать и налег на еду, не мороча голову мыслями о заразе или отраве. Старуха выложила на стол хлеб и сыр, и он нарезал их стилетом. Увенчала меню кружка исключительно хорошего пива. Расправившись со всем этим, он сказал:

— Благодарю. Ты спасла меня от голодной смерти.

— Что ты, что ты, рыцарь, мне стыдно, что я подала тебе такую еду, тебе, который, конечно, не раз и не два делил трапезу с королями и герцогами под музыку и песни менестрелей, и хотя я совсем стара и не очень искусна, но в твою честь, если пожелаешь, тоже могла бы спеть и...

— У тебя отменное пиво, Мать Герда, — поспешно прервал ее Хольгер. — Я никогда не пивал пива этого сорта. Кажется...

Он хотел сказать: «Кажется, местный пивной завод чудом миновала громкая слава». Но старуха, хихикнув, перебила его:

— Ох, благородный сэр Хольгер, ты не простой рыцарь, и если ты даже и не из высшей знати, то человек опытный и проникательный. Мигом раскусил маленький фокус бедной старухи. И хотя добрые христиане вроде тебя чураются всякой магии и зовут ее измышлениями дьявола, но, по правде сказать, моя ворожба почти то же самое, что и чудотворные деяния святых угодников, которые творят чудеса как для язычников, так и для христиан. Ты, конечно, должен понять, что здесь, на краю света, ну никак не обойтись без капельки магии — больше для защиты от сил Срединного Мира, чем ради барыша, — и в милости своей не станешь требовать сжечь бедную, но добронравную старуху за то, что она чуточку поворожила над кружечкой пива, дабы оно лучше грело ее старые кости в холодные зимние ночи, в то время как столько могущественных волшебников, ничуть не опасаясь справедливой кары, у всех на виду прямо-таки торгуют черной магией...

«Так она, выходит, ведьма? — подумал Хольгер. — А мне и в голову не пришло... Но что это она заговаривает мне зубы? И зачем без конца кривляется?» Он перестал слушать ее болтовню. Новая мысль поразила его. Он с удивлением прислушался к собственной речи. Он разговаривал со старухой на странном языке, твердом и звучном, похожем на старофранцузский с примесью немецкого. Вероятно, он сумел бы прочитать на нем какой-нибудь текст, с большим трудом, разумеется, однако никогда раньше не сумел бы говорить на нем так легко, как сейчас. Странно. Значит, способ, с помощью которого он совершил путешествие в... неизвестно куда, вооружил его знанием местного диалекта.

Он никогда не увлекался чтением научной фантастики, однако цепь всех этих странных событий все больше наводила его на мысль, что в результате какого-то невероятного воздействия он оказался в прошлом. И эта убогая хижина, и старуха, которая восприняла его рыцарскую экипировку как нечто само собой разумеющееся, и этот язык, и огромный заповедный лес... Ну хорошо, предположим. Но что это за страна? В Скандинавии так не говорили. Германия? Франция? Англия?.. Но если он оказался в средневековой Европе, то что здесь делает лев? И что означают слова старухи о стране Фейери?

Нет, эти вопросы нужно задавать не себе, а просто спросить напрямик.

— Мать Герда... — начал он.

— Да, благородный рыцарь? Каждое твое желание, которое я смогу выполнить, сделает моему дому честь, а потому только прикажи, а уж я расстараюсь. Все, на что способна по мере моих

слабых сил, лишь бы ты остался доволен. — Она погладила кота, который все так же пристально пялился на Хольгера.

— Можешь ты мне сказать, какой сейчас год?

— Ох, и дивные вопросы задаешь ты мне, славный рыцарь. Хотя виной тому, может быть, рана на твоей голове, которую получил ты, конечно, в ужасной битве с каким-нибудь великаном или чудовищем-троллем. Она, наверно, и замутила немного память моего благодетеля. Но, по правде сказать, хоть это и постыдно, признаюсь тебе, что счет годам я уже давно не веду, тем более что это и невозможно здесь, на краю света, где...

— Ну ладно. А что это за страна? Чье это королевство?

— Воистину, славный рыцарь, ты задаешь вопросы, над которыми бились многие мудрецы, а уж сколько ратников из-за них перебило друг друга! Хе-хе! Уж не знаю, с каких времен спорят об этих границах цари человеческие и властелины Срединного Мира, сколько здесь бушевало войн и творилось всякой чертовщины. Могу только сказать, что и Фейери, и Империя претендуют на эти земли, но никто им не господин, хотя и прав на них, конечно же, больше у людей: ведь только наш род здесь укоренился. Право на эти земли отстаивают и сарацины: ведь их Махоунд был родом из местных злых духов, как говорят. Что, Грималькин? — Она погладила по спине поднявшегося кота.

— Значит... — Терпение Хольгера лопалось. — Где же я могу найти людей... м-м-м... христиан... которые смогут помочь мне? Где тут ближайший король, герцог или кто-нибудь в этом роде?

— Есть тут город, и не так уж до него далеко, всего несколько миль, — сказала старуха. — Однако я должна предостеречь тебя, рыцарь, что пространство здесь, как и время, пречудесно искривлено чернокнижниками, и часто бывает, что место, к которому ты направляешься, находится совсем рядом, но вдруг оно или провалится, или посыплется на тебя всякие напасти, так что ты запутаешься и не будешь знать, какую тебе выбрать дорогу и откуда ты шел...

Хольгер сдался. Либо перед ним сумасшедшая, либо его дурачат. В любом случае рассчитывать на полезную информацию не приходится.

— Однако если ты не побрезгуешь добрым советом, — внезапно произнесла Герда, — разумеется, не моим, потому что от такой рухляди уже никакого толку, и не Грималькина, который хоть и ужасно ловок, но от рождения нем, то можно попробовать такой добрый совет испросить, а вместе с тем разведать и способ, который выгнал бы из тебя порчу и вернул здоровье и

память. Только не гневайся, ибо я хочу предложить тебе чуточку магии. Она у меня совсем белая... Или серая на худой конец. Ты ведь сам видишь, что я не могущественная волшебница — а то разве ходила бы я в этих лохмотьях и жила бы в такой развалюхе? Нет, дворец из чистого золота приличествовал бы мне, а тебе прислуживала бы сейчас челядь. Поэтому если я сейчас, по твоему повелению, вызову духа — маленького, совсем крошечного духа, — то он поведает тебе обо всем, что тебя волнует и о чем напрасно пытаться меня.

Хольгер поднял брови. Кажется, все ясно. Чокнутая. Лучше поддакивать, если он намерен провести ночь с нею под одной крышей.

— Как пожелаешь, Мать Герда.

— Ты и впрямь, рыцарь, из неведомых стран, если даже не перекрестился. Только иные рыцари, хоть и сотворят крест, да зато уж потребуют, чтобы подали им самого Князя Тьмы, да с таким нетерпением, будто не жаль им своих горемычных душ, которым гореть за это вечно в адском огне. Конечно, они не такие уж праведники, однако для Империи и они сгодятся, коли других не сыщешь в этих Богом забытых краях. Ты не из таких, сэр Хольгер, так что как не задать тут вопрос: а не из Фейери ли ты в самом деле? Но молчу, молчу — попытаем счастья у духов, хотя должна тебя предостеречь, что они на редкость капризны и могут вообще ничего не ответить или ответить так, что понять будет непросто.

Герда взялась за крышку сундука, и кот прыгнул на пол. Она достала треногу, повесила на нее котелок и всыпала в него какой-то порошок из склянки. В ее руке появилась короткая палочка, выточенная, похоже, из черного дерева и слоновой кости. Бормоча и бурно жестикулируя, она начертала палочкой на полу окружность, внутри ее — еще одну и вместе с котом встала между ними.

— Этот внутренний круг, — объяснила она, — для того, чтобы удержать духа, а внешний — чтобы не дать ему вырваться, потому что он может разбушеваться сверх меры, особенно если вызов окажется для него нежелательным. И я должна просить тебя, рыцарь, не молиться и не творить крестное знамение, ибо в этом случае демон без промедления сгинет, причем в страшном гневе.

— Ладно, начинай, — сказал Хольгер.

Она затянула заунывный напев и стала приплясывать, не выходя из очерченного круга, и Хольгеру показалось, что он уже где-то слышал это странное пение. «Амен, амен...» — пела она. Слова тоже были знакомы. «Мало а нос либера сед...»

Мурашки побежали по спине Хольгера. Латинские слова сменились каким-то кудахтаньем, в котором нельзя было разобрать ни единого слова. Потом она коснулась палочкой котла, и из него повалил густой белый дым. Клуб дыма рос и рос, но — фантастика! — не выходил за пределы внутреннего круга.

— О Велиаал, Ваал Зебуб, Абуддон, Асмодей! — заклинала старуха. — Самизель, Самизель, Самизель!

Дым стал густеть и окрасился в красный цвет, почти целиком скрыв от Хольгера фигуру старухи. Он привстал с табуретки. Ему показалось, что над котлом нависло нечто змееобразное, полупрозрачное... О небо! Он увидел, как вспыхнули пурпурные глаза и это нечто оформилось в человеческую фигуру!

Он не верил себе: существо из дыма заговорило свистящим шепотом, старуха отвечала ему на непонятном языке. Чрево-вещание? Галлюцинация, порожденная его утомленным мозгом? Конечно, галлюцинация, и ничего больше! Папиλλον за стеной тревожно заржал и стал бить копытом. Хольгер случайно прикоснулся к стилету — лезвие было горячим. Значит, магия, рассудил он, возбуждает в металле циркуляционные токи!

Существо шелестело, ухало, корчилось. Хольгеру показалось, что их разговор со старухой длится уже целую вечность.

Наконец старуха подняла палочку и снова запела. Существо стало таять. Дым начал втягиваться обратно в котел. Хольгер силно выругался и потянулся за пивом.

Когда дым полностью исчез в котле, старуха покинула круг. Ее лицо казалось бесстрастным, глаза были полуприкрыты. Однако от взгляда Хольгера не укрылось, что она вся дрожит. Кот поднял хвост, выгнул спину и зашипел.

— Престранный ответ, — пробормотала старуха. — Престранный ответ дал мне демон...

— Что он сказал? — с трудом выдавил из себя Хольгер.

— Он поведал... Самизель поведал, что ты прибыл издалека, из такой дали, что человек мог бы идти и идти бесконечно, хоть до Судного Дня, но никогда не достиг бы твоего дома. Так ли это?

— Так, — ответил Хольгер. — Да, я думаю, это так.

— И еще он поведал, что из переплета, в который ты угодил, выбраться сможешь только тогда, когда попадешь в Фейери. А значит, туда лежит твой путь, сэр Хольгер. В Фейери.

Хольгеру это ничего не говорило.

— Не так страшна Фейери, как ее малюют, — хохотнула старуха. — И если уж вовсе начистоту, то сама я не из злых врагов герцога Альфрика, самого сиятельного из всех рыцарей Фейери. Он немного чванлив, как и весь его род, но тебе он поможет, коли ты попросишь у него милости, — так поведал

мне демон. А я сегодня похлопочу о проводнике, чтобы ты мог туда добраться без проволочек.

— Сколько это будет?.. — Хольгер запнулся. — Дело в том, что я не могу заплатить много.

— Совсем ничего. — Старуха махнула рукой. — Может, зачтется при случае мне добрый поступок, когда покину я этот мир для мира иного. К тому же, что может быть приятнее для бедной старухи, чем угодить такому красавцу? Эх, было время, да сплыло... Ну и ладно. Дай-ка мне поглядеть твою рану, а после ступай в постель.

Хольгер, стиснув зубы, терпел, пока она промывала рану и накладывала компресс из трав, бормоча при этом заклинания. Он был так измучен, что готов был вытерпеть что угодно. Однако у него хватило благоразумия отказаться от предложения занять ее тюфяк: он предпочел охапку сена в конюшне, рядом с бдительным Папиллоном. Нельзя бесконечно искушать судьбу. И так его занесло в края по меньшей мере диковинные.

Глава 3

Хольгер проснулся и какое-то время лежал с закрытыми глазами, припоминая, что с ним произошло накануне. Потом вскочил на ноги и осмотрелся.

Итак, он провел ночь в конюшне. Допотопное сумрачное строение, пропитанное запахом навоза и сена. Черный конь, тянущий губы к его ладони... Он стряхнул с одежды приставшие травинки. Отворилась дверь, и полумрак прорезал луч солнца.

— Добрый день тебе, славный рыцарь, — пропела Мать Герда. — Вот уж кто спал сегодня сном праведника, как говорится. Я за свою жизнь видала не один десяток честных людей, которых по ночам терзала бессонница, и людей подлых, от храпа которых ходила ходуном крыша. У меня рука не поднималась будить тебя. Иди взгляни, что тебя поджидает.

Оказалось, его поджидала миска овсянки с хлебом, сыр, пиво и кусок недоваренной свинины. Хольгера не нужно было долго упрашивать, и, расправившись с завтраком, он с тоской подумал о сигарете и кофе. К счастью, тяготы военного времени научили его довольствоваться малым. Он энергично умылся в корыте на улице и почувствовал себя совсем неплохо.

Когда он вернулся в хижину, оказалось, гостей в ней прибавилось. Правда, Хольгер обнаружил это только тогда, когда кто-то дернул его за штанину и прогудел низким басом:

— А вот и я!

Хольгер опустил глаза и увидел коренастого человечка с темным, землистым лицом, ушами, похожими на ручки пивной кружки, носом-туфлей и белой бородой. Человечек был одет в коричневую куртку, такие же штаны, но при этом бос. Роста в нем не было и трех футов.

— Это Хуги, — сказала Мать Герда. — Он будет твоим проводником.

— Э-э-э... очень приятно, — отозвался Хольгер.

Он взял карлика за руку и потряс ее, отчего тот просто остолбенел.

— Пора в путь! — весело воскликнула старуха. — Солнце уже высоко, а вам предстоит долгая дорога, полная напастей. Но не страшись их, сэр Хольгер. Лесной народ — а Хуги из их рода-племени — знает, как избегать нежелательных встреч. — Она протянула ему холщовый мешок. — Я собрала тут немного мяса и хлеба и еще кое-чего: уж я-то знаю, как вы о себе заботитесь, благородные паладины, странствующие по белу свету и прославляющие имена своих дам. Разве помыслите вы о том, чтобы припасти что-нибудь на обед? Ах, будь я молодой, я бы и сама об этом не думала, ибо когда мир цветет, то живот не в счет. Только теперь, в мои годы, о чем другом еще и помнить бедной старухе?

— Спасибо, Мать Герда, — смущенно поблагодарил Хольгер.

Он шагнул к выходу, но Хуги неожиданно вцепился в его штанину.

— Ты что? — пробасил он. — Замыслил в лес ехать в одной рубашонке? В чащобе найдется немало лихих людей, которые будут рады-радешеньки проткнуть ножичком богатого путника.

Мать Герда ухмыльнулась и заковыляла к двери. Хольгер распаковал свой тюк, и Хуги помог ему облачиться.

Толстый кафтан, кожаные наколенники. Потом кольчуга — звонкая и тяжелая. Ремни... Этот, кажется, на пояс, за него можно заткнуть стилет. Этот — через плечо, на нем висит меч. Пикейная шапочка, сверху шлем. Золоченые шпоры. Пурпурный плащ... Хольгер никак не мог решить: франтом или идиотом он сейчас выглядит.

— Доброго пути, сэр Хольгер, — напутствовала его Мать Герда, когда он вышел во двор.

Знать бы, как в этих краях принято выражать благодарность!

— Я... помяну тебя в своих молитвах, — промямлил он.

— Помяни, сэр Хольгер, помяни. — Старуха хихикнула и скрылась в хижине.

Хуги подтянул штаны.

— Идем, что ли? — буркнул он. — А то слов много, а дела мало. И если кому надо в Фейери, то ему давно пора быть в седле.

Хольгер вскарабкался на Папиллона и усадил карлика впереди.

— Едем туда, — указал тот рукой на восток. — Не будем мешкать, так денька за два-три доберемся до замка Альфрика.

Они тронулись с места и вскоре вновь вступили в лес. Хижины старухи скрылась за деревьями. Тропа, возможно, звериная, была довольно широкой и достаточно прямой. Шелестела листва, распевали птицы, копыта стучали о землю, скрипели подпруги, и позванивало железо. Воздух был чист и прозрачен.

Хольгер вспомнил о своей ране: голова не болела, старухины снадобья в самом деле оказались волшебными. М-да... Вся эта история, в которую его угораздило... Сосредоточимся. И порассуждаем. Итак, каким-то неведомым образом он перенесен в другое время, если не в другое пространство. Если это, конечно, не сон. Он находится в мире, в котором имеется по крайней мере одна настоящая ведьма, один натуральный гном и некто по имени Самизель — дух, или демон, или что-то подобное. Не исключено, что в окружающем его мире это рядовые явления. Что из этого следует?

Рассуждать логично было совсем не просто. Нелепая ситуация, в которой он оказался, навязчивые мысли о доме и легкая паника (не останется ли он здесь навсегда?) — все это заставляло его мысли крутиться в какой-то дьявольской карусели. Перед его взором вставали как наяву изящные шпили Копенгагена, заросли вереска на берегу Ютландии, небоскребы Нью-Йорка, золотая дымка над Сан-Франциско, вереница милых подружек и миллион мелочей, которые окружали его в повседневной жизни. Ему хотелось кричать, звать на помощь, бежать со всех ног туда, где мирно стоит его дом... Нет, об этом лучше не думать. Не думать об этом! Будем думать о том, как приспособиться к изменившимся обстоятельствам. И если герцог из Фейери — будь это место хоть самой преисподней! — способен ему помочь, едем к герцогу! Хоть какая-то, но надежда. А пока остается благодарить судьбу хотя бы за то, что весь этот кошмарный бред каким-то чудом еще не помутил его разума.

Хольгер оглядел своего проводника.

— Я очень тебе благодарен, — сказал он. — Как я с тобой рассчитаюсь?

— О чем речь, — отвечал Хуги. — Я ведь стараюсь ради ведьмы. Не то чтобы я был ее слугой. Мы, лесные, только

подсобляем ей время от времени: дровишек подкинуть, воды там наносить или еще что по хозяйству. Не задаром, конечно. Слов нет, не шибко я ее, сову старую, жалую, однако пиво у нее хоть куда.

— Мне она показалась... весьма любезной...

— Да уж, язык-то у нее без костей, и стелет она мягче некуда, когда пожелает, — ухмыльнулся Хуги. — Вот так же охмурила она и младого сэра Магнуса, когда его сюда нелегкая занесла. Да ведь она якшается с черным искусством! Ловка она в этом, ловка, хоть и не больно сильна. Вызвать пару демонов средней руки, да и те то сокрут, то напутают, — вот и все, на что она способна. Помню, — вновь усмехнулся он, — как-то раз один крестьянин из Вестердейла залил ей сала за воротник, так она поклялась, что напустит на его хлеб спорынью. Да то ли он хлеб святой водой окропил, то ли ее ворожба была хилой, только кончилось все тем, что она тужилась-тужилась, кряхтела-кряхтела, да так ничего и не выворожила, разве что хлеба малость помяло градом. Вот она и спешит угождать господам из Срединного Мира, все чаёт, что ей от них хоть какая милость перепадет, да только до сих пор что-то не видать никакой корысти.

— Что же случилось с сэром Магнусом? — спросил Хольгер.

— Да много чего. А в конце концов его сожрал крокодил.

Они долго ехали молча. Хольгер прервал молчание первым и спросил, что представляет собой лесной народ и чем он занимается. Хуги охотно отвечал, что народ его живет в лесах, а леса тут бескрайние, что кормится грибами, да орехами, да разной лесной всячиной и дружит с малым лесным зверьем — кроликами и белками. Что нет у них способностей к магии, как у жителей Фейери, но зато нет и страха перед крестом и железом.

— А до всяких там войн и сражений, что не редкость в наших краях, нам и дела нет, — говорил он. — У нас свои правила, а на небесах и в аду, в Империи и Фейери — свои, как кому больше нравится. И пусть все эти господа друг друга в конце концов хоть перебьют, хоть перетопят, а у нас все как есть, так и останется. Чтoб их приподняло да треснуло!

Очевидно, подумал Хольгер, их раса за что-то сильно обижена и на людей, и на жителей Срединного Мира.

— Что-то я не понимаю, — пробормотал он. — Если на Мать Герду положиться нельзя, то зачем мы по ее совету едем в Фейери?

— Вот именно. — Хуги пожал плечами. — Правда, я не сказал, что творит она только зло. Если нет у нее на тебя обиды,

то отчего ж не помочь советом? Глядишь — и благодетельствует тебя герцог Альфрик, коли развлечется загадкой, какую, сдается мне, ты ему загадаешь. Они там сами про себя наперед ничего сказать не могут. Живут в мерзости и потому в войне на стороне Темного Хаоса стоят.

Эти новые сведения ничего для Хольгера не прояснили. Пока что Фейери была для него единственной надеждой на возвращение, но в равной степени могло оказаться, что его увлекают в ловушку. Хотя зачем кому-то морочить себе голову и вредить неведомому чужестранцу, тем более что у него ни гроша за душой?

— Хуги, ты будешь рад, если я попаду в переделку? — спросил он.

— Зачем? Ты мне не враг. К тому же я вижу, что ты человек хороший. Не то что некоторые, с которыми мне приходилось иметь дело. — Он сплюнул. — Что там у Герды на уме, мне до одного места. Говорю, что знаю, вот и все, мое дело маленькое. Тебе надо в Фейери — пожалуйста, я провожу.

— И чем это для меня кончится, тебе безразлично, да?

— Ага. Меня научили не совать нос в чужие дела.

Карлик явно имел в виду какую-то старую обиду. Сделать из него союзника, подумал Хольгер, будет не так уж сложно.

— По-моему, — сказал он, — в узелке что-то булькает. А у меня пересохло в горле. Остановимся.

Хуги облизнулся. Они развязали подаренный мешок и обнаружили несколько глиняных фляг. Хольгер открыл одну из них и протянул карлику. Хуги опешил. Однако чувство субординации оказалось слабее любви к пиву, и он, махнув рукой, взял флягу и приложился к ней от всего сердца. Опорожнив сосуд наполовину, он с трудом оторвался, отрыгнул и протянул пиво Хольгеру.

Пустая фляга полетела в траву. Они двинулись дальше.

— Диковинные у тебя манеры, сэр Хольгер, — после долгого молчания произнес Хуги. — Ты, пожалуй, не из императорских рыцарей, но вроде бы и не сарацин.

— Да, — кивнул Хольгер. — Я из очень далекой страны. У меня на родине считается, что между людьми нет особой разницы.

Глазки гнома удивленно сверкнули.

— Ужасные вещи ты говоришь. Кто же правит страной, где все равны — и господин, и простолюдин?

— Каждый имеет право голоса, когда нужно что-то решить.

— Быть того не может! Из этого выйдет одна болтовня и ни капли толку.

— У нас в этом деле порядочный опыт. Видишь ли, потомственные монархи слишком часто оказывались или глупцами, или садистами, или рохлями. В конце концов мы решили, что хуже без них не будет. В моей стране есть король, но он ничего не решает, а только как бы хранит традицию. А другие страны вообще избавились от королей.

— Хм! Престранные вещи... И, по правде говоря... Сдается мне... Уж не из сил ли ты Хаоса?

— Кстати, — сказал Хольгер, — что такое Хаос? Мне почти ничего неизвестно о ваших странах. Ты не мог бы мне рассказать?

Гнома не пришлось долго упрашивать, но из щедрого потока красноречия Хольгер выудил весьма скудные сведения: Хуги не блистал умом и вдобавок был закоренелым провинциалом. Главное, что определяло законы этого мира, была бесконечная война между изначальными силами Хаоса и Порядка. Но что это были за силы? Какова их природа? Во всяком случае, Хольгер понял, что на стороне Порядка в основном выступали люди. Правда, не все: некоторые из них, одни по недомыслию, другие — ведьмы и чернокнижники — из корысти продались Хаосу. И наоборот, кое-кто из нелюдей поддерживал Порядок. Лагерь Хаоса составлял весь Срединный Мир, в который, как понял Хольгер, входили страны Фейери, Трольхейм, а также страна великанов. Мир Порядка зиждился на принципах гармонии, любви и свободы, которые были ненавистны обитателям Срединного Мира. И потому они изо всех сил стремились разрушить Мир Порядка и подмять его под себя. Хаос не брезговал ничем, и особенно на руку ему были войны, которые люди вели между собой. Примером тому — война сарацин и Империи.

Все это было для Хольгера мистикой и абракадаброй, но, когда он пытался вытащить из Хуги более конкретные сведения, тот отвечал еще более туманно. Хольгер узнал лишь то, что земли людей, где правил Порядок, лежат на западе. Они разделены на Святую Империю христиан, страну сарацин и отдельные королевства. Ближайшая страна Срединного Мира — Фейери — лежит к востоку, а район, где они находятся сейчас, — ничейный и спорный.

— В стародавние времена, — рассказывал Хуги, — сразу после Упадка, почти везде царил Хаос. Ну, стали его теснить — шаг за шагом. Дальше всего оттеснили, когда пришел Избавитель, однако же до конца с ним совладать не смогли. А нынче

ходят такие слухи, что Хаос опять силу набрал и большую войну готовит.

... Что тут вздор, а что истина, выяснить удастся не скоро. Во всяком случае любопытно то, что у этого мира, кажется, много общего с миром Хольгера, так что они не могут не иметь каких-то связей. Очевидно, время от времени они как-то пересекаются, кто-то проваливается в параллельный мир, а потом возвращается с рассказами, которые затем превращаются в легенды и мифы. Выходит, здесь родина чудовищ из мифов? М-да... Вообразив себе некоторых из них, Хольгер от всего сердца пожелал себе, чтобы эта догадка не подтвердилась.

Встреча с огнедышащим драконом или с великаном о трех головах — как бы они ни были интересны с точки зрения зоологии — вовсе его не устраивала.

— Ну и вот еще что, — сказал Хуги. — Крест свой настоящий, если ты его носишь, и оружие железное придется тебе оставить за воротами. И молитв в замке нельзя читать. Господа из Фейери, конечно, против них бессильны, однако, коли ты к ним прибегнешь, они отомстят и способ отыщут, чтобы на тебя злые чары наслать.

Атеистам, кажется, здесь делать нечего. Хольгер был крещен в лютеранской церкви, но уже много лет не переступал порог храма.

Хуги продолжал болтать без умолку. Хольгер из вежливости поддакивал. В конце концов их беседа вылилась в обмен анекдотами, и Хольгер выложил все плоские остроты, какие смог припомнить. Хуги рычал от смеха.

На берегу живописного ручья они остановились пообедать. Хольгер сел на камень. Хуги неожиданно положил ему на плечо руку и сказал:

— Сэр рыцарь! Я хотел бы, если ты не против, кое-что тебе посоветовать.

Итак, тактика Хольгера увенчалась успехом.

— С удовольствием воспользуюсь твоим советом, — ответил он.

— Я все думаю, как тебе быть. Может, ехать в Фейери, как насоветовала ведьма, а может, побыстрее повернуть в обратную сторону? И ничего путного придумать не могу. Только одно: знаю я в здешнем лесу кое-кого, кто поумнее меня и кому все слухи-новости ведомы...

— Ты хочешь устроить мне с ним встречу?

— С ней, а не с ним. Первого встречного я бы, понятно, к ней не повел, в головах у них одна только похоть, а ей это не по душе. Ты — другое дело... Да! Проведу тебя к ней!

— Спасибо, друг. Может, и я когда-нибудь смогу тебе услужить.

— Пустяки, — буркнул Хуги. — Ты вот что... При ней будь поделikatнее, что ли...

Глава 4

Они повернули на север. Хуги разоткровенничался и теперь угощал Хольгера бесконечными воспоминаниями о своих амурах с женщинами своего народа. Хольгер слушал вполуха, избражая восхищение, которого подвиги Хуги, несомненно, заслуживали бы, будь они правдой хотя бы наполовину.

Дорога пошла вверх, лес поредел. По сторонам открывались поляны, залитые солнцем, напоенные ароматом полевых цветов, между деревьями дыбились серые валуны, порой лес расступался, и открывался вид на синеющие вдаль горы. Тропу то и дело пересекали ручейки, со звоном бегущие в долину, украшенные миниатюрными радугами на перепадах. С ветвей, как изумрудные молнии, срывались зимородки, высоко в небе парили ястребы и орлы, гомон диких гусей доносился из озерного камыша. Мелькнул заяц, тропу пересек олень, в кустарнике фыркала медвежья парочка. Светлые тени белых облаков бежали, как волны, по цветущим лугам, ветерок освежал лицо. Путешествовать по этому краю было подлинным наслаждением. Даже тяжеловесная рыцарская экипировка уже не казалась Хольгеру обременительной и дурацкой.

А из глубин его подсознания всплывали туманные воспоминания о том, что в этих местах он когда-то уже бывал. Может, это напомнило ему Альпы? Пожалуй, нет. Высокогорные луга в Норвегии? Тоже нет. И дело, кажется, не во внешнем сходстве. Он бывал именно здесь! Но эта мысль была настолько дикой, что он постарался отбросить ее.

И все-таки если переход в этот мир вооружил его знанием неизвестного языка, то не исключено, что его мозг может выкинуть и другие штуки. А может, в его теле просто оказалось чужое сознание? Он внимательно осмотрел свои ладони, крепкие длинные пальцы, ощупал нос, горбинку на котором оставил ему на память тот великий день, когда они разнесли команду политеха (счет 38:24). Нет, он это он. И кстати, весьма нуждается в бритве.

Солнце уже клонилось к закату, когда они выехали на пологий берег обширного озера. Из камышей поднялась в воздух стая диких уток.

— Туточки, — сказал Хуги. — Уф! Мой бедный зад. — Он спрыгнул с коня и потерял ягодицы.

Хольгер спешил. Стреноживать верного, как пес, Папиллона не было надобности, он только перебросил поводья на луку седла. Жеребец потянулся к сочной траве.

— Надо ее подождать, — пробурчал Хуги. — У нее здесь гнездо. А коли ждать, быстрее получится, если промочить горло.

Хольгер извлек из мешка еще одну флягу.

— Ты мне так и не рассказал, кто она?

— Алианора-то? Дева она, лебедь, — ответил гном и сделал огромный глоток. — Летает себе по лесам и собирает наши слухи да новости — кто шепнет, кто крикнет. Мы тут все ее любим. Уф! Может, ведьма из старой Герды и никакая, но пиво у нее — как ни у кого другого.

Папиллон заржал. Хольгер обернулся и увидел гибкое пятнистое тело, скользящее к озеру. Леопард!

Мгновение — и он, уже готовый к сражению, сжимал в руке меч.

— Не надо! Не надо! — Хуги попытался схватить его за руку. — Он мирный. Он не нападет, если его не трогать.

Леопард застыл и устремил на них холодный желтый взгляд. Хольгер вернул меч в ножны. Над головой зашумели большие крылья.

— Она, она! — закричал Хуги и принялся прыгать и размахивать руками. — Э-ге-гей! Давай сюда, к нам!

С неба упал лебедь. Такой огромной птицы Хольгер еще не видел. Лучи солнца золотили красивое оперение.

Хольгер неуверенно шагнул вперед, чтобы представиться, как принято в подобных случаях. Птица взмахнула крыльями и отлетела в сторону.

— Не бойся, Алианора, не бойся! — Хуги выбежал вперед. — Это страсть какой благородный рыцарь, он хочет только кое-что у тебя спросить.

Лебедь встрепелся, вытянул шею, раскинул крылья и поднялся во весь рост. И — Боже! — тело прямо на глазах стало удлиняться, шея — укорачиваться, крылья — утончаться... Хольгер перекрестился.

И вот вместо лебедя перед ним стоит женщина!

Нет — девушка! Не старше восемнадцати лет: стройная и высокая, загорелая, с каштановыми волосами, свободно падающими на плечи, большими серыми глазами, нежным ртом и россыпью редких веснушек на вздернутом носике — загляденье! Хольгер понял, что нужно делать: он расстегнул шлем, снял его, сдернул шапочку и поклонился.

Она робко шагнула ему навстречу. Ее длинные ресницы дрогнули. Весь ее наряд состоял из короткой туники, сшитой, казалось, из перьев и плотно облегающей тело. Босые ступни тонули в траве.

— Стало быть, это ты, Хуги, — произнесла она. В ее низком контральто звучали те же, что и у Хуги, гортанные нотки. — Привет тебе. И тебе привет, сэр рыцарь, друг моего друга.

Леопард подошел к ней, сел и подозрительно воззрился на Хольгера. Алианора улыбнулась и потрепала его по шее. Он потерся мордой о ее колено и заурчал, как дизельный двигатель.

— Этого длинного молодца звать сэром Хольгером, — объявил Хуги важно. — А ты, сэр рыцарь, понятное дело, видишь перед собой деву-лебедь. А потому пора подкрепиться. — И гном вновь приложился к фляге.

— Гм! — Хольгер не знал, что говорить. — Для меня большое счастье познакомиться с тобой, благородная госпожа.

Девушка явно продолжала его опасаться, и Хольгер решил, что следует вести себя как можно более учтиво.

— О нет, — улыбнулась она. — Это для меня счастье. Не часто я встречаюсь с людьми, а тем более с такими мужественными воинами.

Она не кокетничала — только соревновалась с ним в галантности.

— Так будем мы ужинать или нет? — подал голос Хуги. — У меня кишка к кишке прилипает.

Они расположились на траве. Алианора грызла черный хлеб с таким же, как и гном, удовольствием. Ели молча. Солнце уже падало за лес, и тени стали такими длинными, словно старались дотянуться до противоположного горизонта. Когда все было съедено, Алианора обратилась к Хольгеру:

— Один человек ищет тебя, сэр рыцарь. Сарацин. Он твой друг?

— Что?.. Сарацин? — растерялся Хольгер. — Пожалуй... Я прибыл издалека и никого здесь не знаю... Ты, верно, ошиблась...

— Может быть, — улыбнулась Алианора. — А что привело тебя ко мне?

Хольгер кратко рассказал об истории с ведьмой и своих затруднениях. Девушка нахмурилась.

— Ты полагаешь, что мне лучше не встречаться с герцогом Альфриком?

— Этого я не сказала. В Фейери я никого не знаю. Кое с кем из Срединного Мира я знакома, но с теми, кто попроще, — с домовыми и коболями и несколькими русалками.

Хольгер почесал затылок. Опять двадцать пять! Едва он сумел убедить себя, что он в своем уме, что ситуация, в которой он очутился, хоть и выглядит фантастической, но все же может быть научно объяснена, как они опять за свое: плетут о сверхъестественном с таким видом, словно говорят о соседе по лестничной клетке.

Хотя... Может быть, оно и впрямь по соседству с этой поляной! Ладно! Разве он не видел собственными глазами, как полчас назад лебедь стал человеком?

Его смятение осталось незамеченным, но от этого он почему-то почувствовал себя чудовищно одиноким. Нет, не нужно проклятий. Или рыданий. Благоразумие — прежде всего. Он помедлил и спросил:

— Не могла бы ты подробнее рассказать мне о сарацине?

— Ах, о нем... — Девушка, не отрываясь, наблюдала за полыхающей на закате гладью озера. В воздухе носились ласточки. — Сама я не видела его, но лес полон разговоров о нем. Кроты бормочут в своих норах, шепчутся барсуки, зимородки и вороны кричат об этом повсюду. Вот я и узнала, что уже не одну неделю кочует по здешним местам одинокий рыцарь, судя по оружию и внешности — сарацин. И всех спрашивает о христианском рыцаре. Никто не знает, зачем он ищет его, только тот в его описаниях похож на тебя: гигант со светлыми волосами, верхом на черном коне, и герб у него... — Она взглянула на Папиллона. — Твой щит в чехле. Герб, о котором он говорит, — это три сердца и три льва.

Хольгер вздрогнул.

— Но я не знаю никакого сарацина! — воскликнул он. — Вообще никого здесь не знаю. Я попал сюда из таких мест, о которых вы не имеете и представления...

— Может, это враг, ищущий твоей смерти? — с интересом полюбопытствовал Хуги.

— Я сказал, что не знаю его! — с раздражением воскликнул Хольгер и спохватился: — Извините... Я не в своей тарелке...

Алианора тихо рассмеялась:

— Не в своей тарелке? Как смешно!

Хольгер отметил про себя, что банальности его мира могут сходить здесь за остроумие.

Однако вернемся к сарацину. Кто он такой, черт побери! Единственным мусульманином, с которым он был знаком, был когда-то его сокурсник — робкий, маленький сириец в больших очках. Этот «сарацин» не пустится на его поиски, тем более напялив на голову консервную банку.

Важно, что его, Хольгера, путают с кем-то, у кого такой же конь и похожая внешность. И это может грозить неприятностями. Так что лучше держаться от сарацина подальше.

— Решено. Я еду в Фейери, — заявил он.

— Решено? — глухо переспросила Алианора. — А на чьей стороне — Хаоса или Порядка?

Хольгер пожал плечами.

— Ответь, — настаивала она. — Я не умею предавать.

— Порядка, я полагаю, — подумав, ответил он. — Хотя что он здесь означает?

— Я почувствовала, — сказала Алианора. — Я ведь тоже из человеческого рода. И хотя сторонники Порядка порой и пьяницы, и невежи, но их дело все равно ближе мне, чем дело Хаоса. Я тоже решила — я еду с тобой, сэр рыцарь. Возможно, я принесу тебе пользу.

Хольгер собрался возразить, но она решительно подняла тонкую руку:

— Нет, нет, решено. Это не так уж опасно для меня: я умею летать.

Спускалась ночь, звездная и росистая. Хольгер снял с Папиллона попону и расстелил на земле. Алианора заявила, что будет спать на дереве, и удалилась. Хольгер лег. Звезды мерцали над головой. Он узнал знакомые созвездия: над ним было летнее небо Северной Европы. Однако сколько отсюда миль до его дома? И разве это расстояние можно измерить в милях?

Тут он вспомнил, как перекрестился, когда увидел перевоплощение Алианоры. Почему он сделал это — впервые в жизни? Поддался наваждению средневековья? Или это еще один из подарков неведомой силы, научившей его неизвестному языку и умению ездить верхом?.. Непостижимый мир, непостижимый путь...

Здесь не было комаров. Спасибо и на том. Хотя как напоминание о доме их можно было бы и потерпеть... Он повернулся и заснул.

Глава 5

Рано утром они пустились в путь уже втроем: Хольгер и Хуги верхом на Папиллоне, а над ними — превратившаяся в лебедя Алианора. Она то летела над их головами, то взмывала высоко вверх и кружила в небе, то исчезала далеко впереди за кронами деревьев, чтобы через минуту вновь показаться в небе над ними. Поднималось солнце, поднималось настроение у Хольгера. По крайней мере, теперь у него были цель и неплохая компания.

Продвигаясь все дальше к востоку, к полудню они достигли самой высшей точки. Это была дикая, продуваемая всеми ветрами местность, усеянная острыми скалами, между которыми шумели водопады. Трава здесь была жесткой и редкой, а деревья — корявыми и низкорослыми. Хольгер осмотрел горизонт, и ему показалось, что на востоке разлита в воздухе какая-то странная темнота.

Тут Хуги затянул хриплым голосом песенку, изобилующую непристойностями. Не желая остаться в долгу, Хольгер в ответ спел «Шотландского старьевщика» и «Бастард — король Англии», на ходу переводя их с легкостью, изумившей его самого. Карлик рычал от смеха. Когда Хольгер, войдя во вкус, начал петь «Трех ювелиров», на них упала тень. Он поднял голову и увидел, что лебедь, с интересом прислушиваясь, парит над ними. Слова песенки, предназначенной отнюдь не для девичьих ушей, застряли у него в горле.

— Эй, давай дальше! — пнул его Хуги. — Песенка что надо! Ха!

— Я... забыл, что дальше, — промямлил Хольгер.

Он ужаснулся, представив, как посмотрит в глаза Алианоре, когда они остановятся на привал. Вскоре они действительно расположились на круглой полянке под скалой, в основании которой темнел заросший кустарником вход в пещеру. И девушка, вновь в человеческом облике, подошла к нему летящей походкой...

— Дорога с тобой, сэр Хольгер, полна музыки, — улыбнулась она.

— Э-э-э... благодарю... — буркнул он.

— Как бы мне хотелось, чтобы ты вспомнил, что же произошло дальше с этими золотых дел мастерами, — сказала она. — С твоей стороны просто жестоко оставить их на крыше.

Он искоса взглянул на нее и не увидел насмешки — только живой интерес. Понятно, в каком деликатном окружении она здесь росла... Но смелости допеть песенку до конца у него, конечно, не хватит.

— Я постараюсь вспомнить, — соврал он.

Вдруг кусты затрещали, и из пещеры вывалилось странное существо. С первого взгляда Хольгер решил, что перед ним какой-то безобразный мутант, но, присмотревшись, понял, что видит вполне нормального представителя еще одной здешней гуманоидной расы. Существо было несколько выше Хуги и значительно шире. Мощные руки свисали до колен. Голова была большой

и круглой, с плоским носом, острыми ушами и словно прорезанным бритвой ртом. На серой коже не росло ни единого волоска.

— Ах, это Унрих! — воскликнула Алианора. — Я и не знала, что ты забираешься так высоко в горы.

— Ха! Труды наши ведут нас, — отвечал Унрих, оглядывая Хольгера пристальным взглядом круглых глаз. Из одежды на нем был только кожаный фартук. В руке он держал молоток. — Мы новую штольню бьем. Золото тут лежит, в оной горе.

— Унрих — гном, — объяснила Алианора. — Нас когда-то познакомили барсуки.

Вновь прибывший жаждал, конечно, услышать новости. Хольгеру пришлось рассказать свою историю с самого начала. Выслушав его, гном сердито сплюнул.

— К замку тому, куда вы спешите, мало кто приязнь питает, — сказал он. — А ныне особенно, когда Срединный Мир орды свои сзывает.

— Что верно, то верно, — поддакнул Хуги. — Хлеба-соли в Альфриковом замке не жди.

— Слышал я, что эльфы и тролли временный союз заключили. А когда кланы оные воедино сбиваются, тут жди чего-то великого.

Алианора нахмурилась.

— Мне это не нравится, — сказала она. — Я тоже слышала, что черные маги без всякой опаски нарушают границы Империи и ведут себя так, будто бастион Порядка уже рухнул и препон для Хаоса нет.

— Бастион наш — святое зачатие, на Кортану наложенное, — подхватил гном. — Только ныне меч оный погребенный покоится в месте тайном и недоступном. А ежели его и сыскать, то кто его поднять на врага сможет?

Откуда Хольгеру знакомо это имя — Кортана?

Унрих полез в карман фартука и, к изумлению датчанина, достал грубо вырезанную трубку и мешочек с чем-то очень похожим на табак. Ударив несколько раз куском кремня о железо, он высек огонь и глубоко затянулся. Хольгер проглотил слюну.

— Опять эти твои фокусы с глотанием дыма, — пробурчал Хуги.

— А мне нравится, — степенно ответил необычный гном.

— И правильно, — не выдержал Хольгер и процитировал: — Женщина — всего только женщина, а хорошая сигара — это ритуал.

— Никогда не видела, чтобы люди подражали демонам в этом, — подняла брови Алианора.

— Одолжи мне трубку, — попросил Хольгер гнома. — И я покажу.

Тот скрылся в пещере и через минуту вернулся с большой вересковой трубкой. Хольгер набил ее, высек огонь и с наслаждением затянулся. Зелье было до чертиков крепким, но не хуже того, что курили в Дании во время войны. Хуги и Унрих захохотали. Алианора прыснула.

— Сколько ты хочешь за это? — спросил Хольгер. — Есть у меня епанча, так я готов поменять ее на эту трубку с кресалом и кисет табака.

— Идет, — поспешно кивнул Унрих.

Хольгер понял, что продешевил.

— По справедливости, ты мог бы добавить немного еды, — вмешалась Алианора.

— Ежели просишь об этом ты... — Унрих снова исчез в пещере.

— Вы, люди, непрактичная раса, — вздохнула Алианора.

И вот они снова в пути, разбогатевшие на несколько караваев хлеба, голову сыра и кусок ветчины.

Местность становилась все более дикой и мрачной. Странная темнота на востоке приближалась.

К вечеру они достигли соснового бора и остановились. Алианора рьяно взялась за сооружение шалаша. Хуги занялся ужином. Хольгер оказался не у дел. Впрочем, наблюдать за хлопотами девушки тоже было занятием, и не самым неприятным.

— Утром, — сказала она, когда опустились сумерки и путешественники уселись вокруг костра, — мы войдем в Фейери. И положимся на судьбу.

— А почему там, на востоке, такая темень? — спросил наконец Хольгер.

Алианора взглянула на него с удивлением.

— Воистину прибыл ты издалека, или кто-то наложил на твою память заклятие, — сказала она. — Всем известно, что фарисеи не выносят дневной свет и потому царит у них вечный сумрак. — Ее лицо в свете костра сияло молодостью и красотой. — И если когда-нибудь победит Хаос, то этот сумрак на весь мир разойдется, и тогда уже никому не видать ни солнца, ни зеленой листвы, ни даже маленького цветка. Вижу, что ты и впрямь на стороне Порядка. — Она задумалась. — Но и в Фейери предивные красоты имеются.

Хольгер смотрел на нее сквозь языки пламени. Огонь искрами вспыхивал в ее глазах, сиял на волосах матовым блеском и рисовал тенями мягкие линии ее точеной фигуры.

— Не хочу совать свой нос в чужие дела, — произнес он, — но мне непонятно, почему такая красивая девушка живет в такой глуши среди... среди чужих ей племен.

— О, в этом нет тайны, — отвечала она, глядя в огонь. — Гномы нашли меня в лесу еще младенцем. Наверно, я была дочерью какого-нибудь переселенца, и меня украли разбойники. В этих краях это обычное дело. Видимо, они хотели вырастить из меня служанку, только раздумали и бросили в чаше. Тогда гномы и лесные звери взялись за мое воспитание. Они были добрыми и мудрыми учителями и многому меня научили. А когда я выросла, они подарили мне этот наряд лебедя, который когда-то принадлежал валькирии. Благодаря его свойствам я, хоть и рождена человеком, могу превращаться в птицу, а потому чувствую себя в безопасности. Меня не прельщают дымные человеческие селения. Здесь у меня друзья и чистое небо. Вот и все.

Хольгер кивнул.

— А теперь ты расскажи о себе, — продолжала Алианора. — Где твой дом, как ты попал сюда, миновав и Срединный Мир, и земли людей. Это странно...

— Я сам хотел бы это знать, — отвечал Хольгер. В какой-то миг ему захотелось рассказать ей о себе все, но осторожность взяла верх. Скорее всего она ничего не поймет. — Думаю, кто-то навел на меня чары. Я жил так далеко, что и, слухом не слыхивал о ваших землях. И вдруг в одно мгновение что-то перенесло меня к вам.

— Как называется твоя страна?

— Дания.

К его удивлению, она воскликнула:

— Я слышала о твоём королевстве! Хотя оно лежит далеко, но идет о нем добрая слава. Христианская это страна, и лежит она на севере Империи, так?

— Э-э-э... Вряд ли это та самая Дания... Моя Дания находится... Находится... — Ему не хотелось врать ей в глаза.

— Кажется мне, что ты что-то скрываешь, — покачала она головой. — Что ж, воля твоя. Тут, в пограничье, не очень-то любопытничают. — Она зевнула. — Будем спать?

Ночь была свежей, и, заснув, она прижалась к нему, пытаясь согреться. Хольгер почти не спал, стуча зубами от холода и прислушиваясь к ее ровному дыханию. Невинный ребенок! Если случится так, что он не найдет дороги обратно...

Глава 6

Утром они двинулись дальше. Теперь дорога пошла под уклон, и Папиллон прибавил шаг. Хуги охал, когда копыта коня сбивали в бездну, над которой они мчались, шаткие валуны. Алианора кружила высоко в небе. Она нашла себе забаву, от которой у Хольгера кровь стыла в жилах: зависнув в воздухе, она меняла облик на человеческий, а потом, в стремительном падении вниз, в последний момент вновь превращалась в лебедя. Правда, теперь у Хольгера была трубка, а значит, было чем успокоить нервы.

Дорога шла по сосновому бору, когда вдруг стало темно. С каждым шагом полумрак становился все гуще и плотнее, и путешественникам приходилось преодолевать странное сопротивление, как будто они двигались под водой. У Хольгера мурашки побежали по коже при мысли о том, что если так пойдет дальше, то вскоре они очутятся в полной тьме посреди мира, кишящего оборотнями, троллями и еще Бог весть какой нечистью. Его опасения рассеялись, когда, спустившись ниже, они выехали из леса и оказались в просторной долине. Здесь тоже не было солнца, но воздух был прозрачным и теплым. Повеяло ароматом цветов. Высокие травы колыхались под ветром. Хуги кашлянул и сказал:

— Вот мы и в Фейери.

Хольгер внимательно осмотрелся. Отсутствие солнца или иного видимого источника света на небе густого вечернего синего цвета создавало ощущение, что они попали в подводное царство. Среди высокой бледно-зеленой с серебристым отливом травы сверкали, как звезды, большие белые цветы. «Асфоделии», — подумал Хольгер, в который раз удивляясь своим неожиданным познаниям. Тут и там цвели кусты белых роз. То группами, то поодиночке по долине были рассеяны деревья — стройные и высокие, с молочно-белыми стволами и такими же, как травы, бледно-зелеными листьями. Листья тихо звенели под порывами ветра. Неподдалеку струился ручей — не журчал, как обычный ручей, а в подлинном смысле слова вызванивал какую-то затейливую мелодию. Над водой стояла дымка, в которой играли цветные сполохи — белые, зеленые и голубые.

Папиллон фыркнул и заржал. Ему здесь не нравилось.

«Я уже видел это, — подумал Хольгер. — Именно эту холдную, спокойную синеву над бледными деревьями и плавной линией холмов. Но где и когда? В каком краю еще так звенят листья и поет ручей? Может быть, однажды белой ночью в Дании, еще до войны? Не знаю. Не помню...»

Они медленно продвигались вперед. В этом вечернем мире, лишенном теней, застыло, казалось, и само время: ландшафт менялся, но оставался неизменным; они ехали вперед, но оставались на месте... Вдруг лебедь камнем упал вниз, забил крыльями и превратился в Алианору.

— Я видела рыцаря, он скачет нам навстречу! — испуганно выдохнула она.

У Хольгера сжалось сердце. Но он постарался сказать как можно более небрежно:

— Отлично. Посмотрим.

Незнакомец выехал из-за холма. Под ним танцевал снежно-белый конь с длинной гривой и круто выгнутой шеей. Хольгеру он показался каким-то странным: слишком длинные ноги, слишком маленькая голова. Всадник был закован в черные латы. Забрало шлема опущено, оперение из белых перьев развевалось на ветру. Щит тоже черный, без герба. Он остановился, поджидая Хольгера.

Когда датчанин приблизился, всадник опустил копьё и произнес:

— Стой и отвечай.

Голос его звучал как из бочки. Хольгер натянул поводья.

— Я еду от ведьмы, которую зовут Мать Герда, с известиями для герцога Альфрика.

— Прежде всего я хочу видеть твой герб, — произнес всадник. — Никто не въезжает сюда тайно.

Хольгер пожал плечами, снял с седла щит и взял его в левую руку. Хуги стащил чехол. Увидев герб, рыцарь прищипорил коня и ринулся на Хольгера.

— Защищайся! — завизжал Хуги.

Папиллон отпрыгнул, всадник пронесся мимо. Остановив коня, он развернулся для новой атаки. Хольгер, подчиняясь неведомой силе, поднял, как во сне, копьё, закрылся щитом и уперся ногами в стремяна. Черный всадник помчался прямо на него. Наконечник его копья был нацелен в грудь Хольгеру.

Они столкнулись с лязгом и грохотом. Эхо прокатилось по холмам. Нижним краем щит больно въехал Хольгеру в живот, но зато его копьё каким-то чудом угодило противнику в голову. Незнакомец вылетел из седла.

Однако он тут же вскочил с ловкостью, невероятной для человека в тяжелых латах. Свистнул меч, вынутый из ножен. На размышления времени не было, и Хольгер предоставил своему телу свободу. А оно, казалось, соскучилось по таким поединкам. Хольгер выхватил меч, ловко отразил удар и обрушил клинок на пернатый шлем. Противник пошатнулся, но устоял.

Меч создан для пешего боя, и потому Хольгер спрыгнул с коня, но, зацепившись шпорой за стремя, упал и опрокинулся на спи-

ну. Черный рыцарь бросился к нему. Хольгер ударил его обеими ногами — тот отлетел. Оба вскочили на ноги одновременно. Зазвенели мечи. Хольгер пытался попасть клинком в щель в доспехах. Его противник метил в незащищенные ноги. Предупредив низкий секущий удар, Хольгер выбил меч из руки врага. Тот мгновенно выхватил кинжал и снова бросился в атаку.

Широким мечом неудобно наносить колющие удары, но Хольгер изловчился и вонзил острое в узкую щель между шлемом и железным воротником. Брызнули искры. Металлическая фигура пошатнулась, медленно опустилась на колени и с лязгом рухнула на траву.

Хольгер ошалело потряс гудящей как колокол головой. Белый конь галопом мчался на восток. «С докладом к герцогу», — подумал он. Хуги с ликующими криками заплясал вокруг лежащего врага, а Алианора повисла на шее у Хольгера. Она смеялась, и плакала, и восклицала, какой он могучий рыцарь и как он велик в бою.

«Это я-то? — подумал он. — Нет, это не я. Я ни черта не смыслю в поединке на копьях. Но кто же тогда провел за меня этот бой?»

Алианора склонилась над поверженным рыцарем.

— Крови не видно, — сказала она испуганно. — Но он наверняка мертв, потому что для фарисеев рана, нанесенная железом, смертельна.

Тем временем Хольгер пытался проанализировать бой. В первых, спешиваться было нельзя. Коня можно было использовать с большей для себя выгодой. Кстати, почему жителей Фейери зовут фарисеями? Какое отношение они имеют к библейским фарисеям? Во-вторых, что они здесь используют вместо стали? Алюминиевые сплавы? Можно ли с помощью магии добывать из бокситов алюминий? Или они предпочитают сплавы бериллия, магния, меди, никеля, хрома?.. Мысль о чернокнижнике-эльфе, сидящем за спектроскопом, заставила его рассмеяться и окончательно прийти в себя.

— Ну что ж! — весело воскликнул он. — Посмотрим, кто ты такой!

Он опустился на колени и откинул забрало шлема. Внутри ничего не было. Черная пустота.

Глава 7

Фейери казалась необитаемой: вокруг только леса и луга, не знавшие плуга. Хольгер спросил, чем занимаются здешние жители, и Хуги с готовностью ответил, что в основном они маги и ратники и пропитание себе частью выколдовывают, а частью

берут данью из других стран Срединного Мира. Кроме того, любят они охоту на диких зверей. А обслуга у них — кобольды, гоблины и другие второсортные расы. Болезни и старость им неведомы, однако нет у них и души.

Хольгер вспомнил о пустых доспехах, лежащих в траве среди асфodelий, и содрогнулся. Нет, если он не хочет сойти здесь с ума, надо попробовать вникнуть в природные законы этого мира.

Здесь такие же звезды на небе, значит, перенос обошелся без космических путешествий. Законы физики и химии здесь, кажется, те же, однако они как-то сосуществуют с силами магии. Магия — что это такое? Допустим, это способность управлять материей с помощью энергии мысли. На Земле такие вещи известны: телепатия, телекинез и тому подобное. Но в этом мире ментальные силы, кажется, главенствуют над природными... Что же из этого следует? Неизвестно.

Все-таки главное для него сейчас — понять, где он. Может быть, он оказался в прошлом Земли? Или это другая Земля, расположенная в той же точке пространства и времени. Но два объекта, одновременно занимающие один и тот же объем?.. Может, это не только другая Земля, но и другая галактика? Вполне возможно и это. Но раз он сюда попал, между ними есть какая-то связь... Какая?

Нет, главное для него — выжить, тем более что кто-то определенно хочет смерти человека, носящего герб с тремя львами и тремя сердцами.

Вскоре они увидели замок. Белые стены поднимались на головокружительную высоту, остроконечные крыши венчали изящные маковки. Замок был точно из хрусталя: таким хрупким казался резной ажурный камень. Однако, приблизившись, Хольгер увидел, что при всей своей красоте это надежная крепость: стены массивны, а вокруг холма, на котором она стоит, вырыт глубокий ров. И — удивительно! — по рву несясь стремительный прозрачный поток, не имевший видимых источников.

В отдалении виднелся еще один холм, поросший розовыми кустами. Над его вершиной висела шапка тумана.

— Холм эльфов, — кивнул на него Хуги. — В его нутре эльфы свои нечестивые хороводы кружат, а при полной луне, бывает, безобразничают и снаружи.

Поодаль, за холмами, темнела стена густого леса.

— А там, в мрачной Пуще, фарисеи охотятся на грифов да на мантикор.

Со стен замка пропели трубы. «Увидели нас», — подумал Хольгер и положил руку на рукоять меча. Алианора спикировала вниз и приняла человеческий облик.

— Ты, Алианора, и ты, Хуги... — сказал Хольгер. — Вы меня проводили, и я вам благодарен. Однако теперь вам лучше вернуться...

— Нет, — решительно возразила Алианора. — Нет. Может быть, мы тебе еще пригодимся.

— Кто я вам? — попробовал убедить ее Хольгер. — Вы мне ничего не должны, а я и так уж ваш вечный должник.

— У меня предчувствие, — тихо сказала она. — Я уверена, что тебе выпал особенный жребий, и потому я должна остаться с тобой.

— Я тоже, — буркнул Хуги без особого восторга. — Спросите кого хотите, и вам скажут, что Хуги никогда не праздновал труса.

Больше Хольгер не настаивал. Свой долг он исполнил: они могли отступить, но не сделали этого. И, честное слово, он очень рад, что не сделали.

Ворота замка открылись. Опустился мост. Снова пропели трубы. Показался отряд всадников: флажки и флаги, гербы и оперение на шлемах, щетина копий, поднятых в небо. Всадники Фейери. Хольгер сжал копье.

В сумрачном свете яркие краски нарядов, казалось, светились: тлело золото, мерцал пурпур, фосфоресцировала изумрудом зелень. Часть рыцарей была облачена в кольчуги с причудливой гравировкой, другие красовались в пышных нарядах и коронах. Всех без исключения отличали высокий рост и странная плавная грация. Печать холодной надменности лежала на лицах с высокими скулами. Белая кожа, длинные голубоватые волосы, у большинства — борода и усы. Когда они подъехали ближе, Хольгер решил, что это племя слепых: в их глазах цвета лазури не было зрачков. Но вскоре он убедился, что зрение у них не хуже, чем у него.

Предводитель отряда остановил коня и легко поклонился.

— Привет тебе, рыцарь, — произнес он. Его речь звучала как пение. — Мое имя Альфрик. Я герцог Альфарланда в королевстве Фейери. К нам редко жалуют смертные гости.

— Привет тебе, герцог Альфрик, — отвечал Хольгер. — Меня послала к тебе ведьма по имени Мать Герда, верная, как я понял, служанка твоей милости. Только твоя мудрость, сказала она, сможет ответить на мучающие меня вопросы. Вот я и прибыл сюда, чтобы просить тебя о благосклонности и помощи.

— Я все понял и рад тебе, — пропел герцог. — Ты и слуги твои — мои гости. Располагайтесь и живите, сколько вам будет угодно. А я приложу все старания, чтобы в силу своих

скромных возможностей помочь славному рыцарю в его затруднениях.

Хольгер не сомневался, что существо, атаковавшее его на границе Фейери, состояло на службе у герцога. Его три сердца и три льва не пользовались здесь любовью. Оставался вопрос: догадывается ли Альфрик, что перед ним не тот, кого ему нужно убить?

— Благодарю тебя, твоя милость, — отвечал он.

— С болью в сердце должен просить тебя, — учтиво продолжал Альфрик, — чтобы оставил ты за стенами замка железо и крест — о прискорбная слабость моей расы! Но не опасайся: взамен тебе выдадут иное оружие.

— В твоём замке, о герцог, гостю нечего опасаться, — продолжал упражняться в учтивости Хольгер.

— Я позабочусь о твоём оружии, Хольгер, — вступила в разговор Алианора. — Я останусь снаружи.

Красивые лица повернулись к ней.

— О, это та дева-лебедь, о которой мы столько слышали, — воскликнул герцог. — Нет-нет, прекрасная дева, плохим я буду хозяином, если не окажу тебе достойного гостеприимства.

Она покачала головой. Альфрик поднял брови:

— Ты отказываешься от приглашения?

— Отказываюсь, — отрезала Алианора.

— Я тоже останусь, — поспешно вставил Хуги.

— Нет, — возразила она. — Ты пойдешь с сэром Хольгером.

Хуги удрученно вздохнул, но промолчал.

Альфрик пожал плечами.

— Что ж, не смею настаивать. — Он вновь повернулся к Хольгеру. — Итак, сэр рыцарь?

Хольгер сошел с коня и снял меч. Папиллон, кося глазом на чужих лошадей, заржал. Алианора взвалила на жеребца амуницию Хольгера и взяла поводья.

— Я буду ждать в лесу, — сухо сказала она.

Хольгер проводил ее долгим взглядом.

Кортеж въехал в замок. Просторный двор украшали деревья, растущие в вазах, слух ласкали звон фонтанов и льющая откуда-то музыка, воздух был напоен ароматом роз. Живописной группой стояли у парадных дверей женщины Фейери. У него перехватило дыхание. О! Ради минутного взгляда на них стоило пересечь Галактику. Он поклонился, ошеломленный.

Альфрик подозвал маленького зеленого человечка.

— Он проводит тебя в покои, — сказал он Хольгеру. — А потом мы ждем тебя, рыцарь, к обеду.

Хольгер и семенящий за ним Хуги двинулись по лабиринту коридоров. Свет сочился прямо из стен. Проходя мимо распахнутых дверей в залы, Хольгер видел безумную роскошь убранства: все здесь было просто усыпано драгоценными камнями. «Выколдовывают», — вспомнил он. Они поднялись по широкой винтовой лестнице, миновали просторный зал и оказались в апартаментах для гостей, состоящих из нескольких комнат. Каждая из них, без сомнения, поразила бы воображение даже автора «Тысячи и одной ночи». Гоблин поклонился им в пояс и ушел.

Хольгер стоял посреди немыслимого великолепия. Переливались, как перламутр, ковры. Стены были облицованы малахитом и яшмой и украшены золототкаными гобеленами. За окном цвел сад. Неподвижным светом горели светильники на потолке. Хуги застыл перед одним из гобеленов: изображения на нем менялись, как в замедленной съемке, разворачивая причудливый и весьма фривольный сюжет.

— Сильная вещь, — оценил Хуги. — И обстановочка не из бедных. Только весь этот замок я, не задумываясь, отдал бы за свой старый дуб. Нечисто здесь, а?

— Без сомнения, — кивнул Хольгер.

Он прошел в ванную комнату и обнаружил атрибуты цивилизации: проточную воду, мыло, ножницы, бритву и большое зеркало. И хотя все эти предметы имели вид не совсем привычный, он покинул ванную заметно посвежевшим. На широкой кровати в спальне его уже ждало приготовленное кем-то платье: шелковая рубашка с длинными рукавами, пурпурный атласный камзол, карминные панталоны, короткая голубая пелерина, черные бархатные туфли — все прошитое золотой нитью, украшенное драгоценными камнями и отороченное мехом. Наряд сидел на нем как влитой. В углу спальни он обнаружил рыцарское снаряжение, в том числе и меч с круглым эфесом. Альфрик сдержал слово.

— Достойно и пышно предстанешь ты перед дамами, сэра Хольгер, — объявил Хуги. — И, глядишь, кого-то из них покоришь. Они, говорят, против тут не бывают.

— Хотел бы я знать, с какой стати они так любезны, — сказал Хольгер.

— Чего не знаю, того не знаю. Может, они расставляют силки. А может, Альфрику просто приятно тебе угодить. Не поймешь, что тут, в Фейери, у них на уме. Да они, пожалуй, и сами не знают толком, чего хотят.

Появился гоблин и почтительно известил, что обед подан. Хольгер последовал за ним. Вновь лабиринт коридоров, потом какой-то дымчато-голубой зал и, наконец, — столовая. Назвать это помещение залом значило оскорбить его. Больше всего оно походило на стадион. В центре стоял невероятных размеров стол, рыцари и дамы окружали его, как радуга. Вокруг хлопотали слуги, откуда-то лилась музыка, смех и веселые возгласы витали в воздухе.

Хольгера усадили по левую руку Альфрика, между герцогом и женщиной по имени Меривен. Впечатление, которое произвели на него ее лицо и фигура, было таким сильным, что он едва разобрал ее имя. Однако, усевшись, он предпринял мужественную попытку завязать с ней салонную беседу.

Она охотно отвечала на его более чем неуклюжие реплики. Прислушиваясь к разговорам вокруг, Хольгер отметил, что искусство беседы было здесь на высоте: ум, поэтичность, остроумие, цинизм — виртуозное фехтование велось по правилам, которые были для него слишком сложны. Что ж, бессмертным, у которых нет иных забот, кроме охоты, магии и сражений, свойственно увлекаться софистикой. Каждому свое. Если бы еще у него так не кружилась голова от присутствия Меривен...

— В самом деле, — говорила она, обратив к нему лицо фантастической красоты, — ты отважный человек, рыцарь, коль дерзнул явиться сюда. А какой прекрасный и беспощадный удар нанес ты черному латнику — о, просто чудо!

— Ты видела? — изумился он.

— Да, я наблюдала — в Черном Колодце. Только не спрашивай меня, что это было, шутка или покушение. Молодым мужчинам, сэр Хольгер, не всегда полезно знать слишком много. Капелька сомнения избавляет от лишнего веса, — мелодично рассмеялась она. — Но скажи мне, зачем ты здесь?

— А разве дамам не вредит лишний вес?

— Насмешник! Но я рада, что ты здесь. Ничего, что я так говорю? Не слишком откровенно? Просто мне кажется, что между нами проскочила какая-то искорка...

— Скорее, пробежала кошка, — усмехнулся Хольгер.

Она улыбнулась. Хольгер почувствовал себя персонажем шекспировской драмы — с той разницей, что он должен был сочинять остроты сам, а обед, в отличие от запасов его остроумия, грозил никогда не кончиться.

Но в конце концов это произошло, все поднялись из-за стола и перешли в другой зал, который предназначался для танцев и был еще огромнее. К счастью, танцевать его не заставили.

Как только зазвучала музыка, герцог отозвал его в сторону.

— Не угодно ли пройти со мной, сэр рыцарь? — сказал он. — Нам лучше поговорить в спокойной обстановке и с глазу на глаз. Боюсь, что потом мне будет непросто украсть вас хоть на минутку у наших дам.

Они покинули зал и вышли в сад. В фонтане журчала вода, в кустах распевал соловей. Они неторопливо двинулись по тенистой аллее.

— Итак, в чем твои затруднения, сэр Ольгер? — нарушил молчание герцог.

Хольгер рассказал ему все без утайки. Альфрик внимательно слушал, время от времени переспрашивая и не выказывая ни малейшего удивления. Когда Хольгер умолк, герцог вынул из-за пояса стилет и в задумчивости стал крутить его в руках. Хольгер заметил выгравированную на белом надпись: «Пламенное лезвие».

— Диковинная история, — произнес герцог. — Самая диковинная из всех, какие я когда-либо слышал.

— Но... ты сможешь мне помочь, благородный герцог?

— Не знаю, сэр Ольгер. Не знаю. Да, в пространстве много миров. Волшебники и астрологи давно это знают. Есть упоминания об этом и в некоторых старинных манускриптах... Твой рассказ подтверждает также некоторые мои мысли... Я часто думал о другой Земле, такой, какую описал ты. Возможно, это и есть источник наших легенд и мифов, таких, как сказание о Барбароссе или эпосы о Цезаре, Наполеоне и других героях... — Альфрик задумчиво прочитал какие-то латинские стихи. Потом помолчал и продолжил: — Что я могу сделать для тебя, сэр Ольгер, так это вызвать духов, способных дать тебе хороший совет. На это, правда, потребуется известное время, но зато может выйти толк. А пока мы сделаем все, что в наших силах, чтобы ты не мог упрекнуть нас в негостеприимстве.

— Я доставляю тебе так много хлопот, благородный герцог...

— Ничуть. — Герцог махнул рукой. — Вы, смертные, не можете даже представить себе, какой скучной может быть жизнь, не имеющая конца, и с какой радостью приветствуем мы все, что обещает разнообразие. Но, мне кажется, тебя заждались на танцах. Приятного отдыха.

Он поклонился и ушел. Хольгер остался один. Черт возьми, как он ошибался, опасаясь козней Срединного Мира! Нет, фарисей — образец человеколюбия! И разве можно отвечать на это чем-то другим?

Он вернулся в танцевальный зал. Меривен порхнула из толпы навстречу и взяла его за руку.

— Сама не знаю, что со мной, сэр рыцарь, — проворковала она, — но, когда ты ушел, не сказав ни слова, мне стало так одиноко...

Волны музыки подхватили Хольгера. Увы, он не умел танцевать изящные церемонные танцы, какие танцевали вокруг, но Меривен мгновенно освоила па фокстрота, и вскоре Хольгер вынужден был признать, что у него никогда не было лучшей партнерши. Время потеряло для него смысл. Бал длился и длился... А потом они убежали в сад и пили вино из сказочного фонтана, и остаток несравненной ночи был блаженством, блаженством, блаженством...

Глава 8

В этой стране утро наступало тогда, когда тебе казалось, что ему пора наступить.

Хольгер спал долго и проснулся в прекрасном настроении. В спальне он был один. Вошел гоблин, неся поднос с завтраком. Хозяева прибегли, разумеется, к колдовству, чтобы угодить его вкусам: на подносе не было никакой континентальной ерунды, только добрый американский завтрак: яичница с ветчиной, тосты, гречишное печенье, кофе и апельсиновый сок.

Хуги появился тогда, когда он уже одевался. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

— Где ты был? — спросил Хольгер.

— О, я ночевал там, в саду. Я подумал, что так будет лучше, ибо ты... хм... был занят. — Карлик уселся на стул — бурое пятно на золотом и пурпурном фоне. Он погладил бороду и сообщил: — Знай, что тебя хотят надуть. И мне это не по душе.

— Чепуха, — отмахнулся Хольгер. — Ты пристрастен.

Он вспомнил, что условился сегодня ехать с Меривен на соколиную охоту.

— Они умеют преподнести себя в лучшем виде и заморочить кому хочешь голову вином да прелестными девами, гораздыми в услаждении, — пробурчал Хуги. — Только вот приязни между людьми и фарисеями никогда не бывало, а ныне, когда Хаос войной грозит, тем более. И уж если я что говорю, то знаю. Я, покуда в саду лежал, много чего увидел. Ночью на самой высокой башне огонь пыхнул, и демон в дыму умчался. От него такой смрад чернокнижный пошел, что у меня кровь в жилах застыла. А потом другой демон с востока примчался с воем, да в той же башне исчез. Сдается мне, герцог на подмогу ужасное чудовище вызвал.

— Вот и отлично, — улыбнулся Хольгер. — Он мне вчера обещал, что сделает это.

— Хаханьки, — бурчал Хуги. — В пасти льва, между прочим, хаханьки. А вот бросят твой труп воронам на поживу, так люди скажут, что Хуги не предостерег.

Хольгер оставил ворчуна-карлика, вышел из покоев и стал спускаться по лестнице. Возможно, он в чем-то прав. Все это действительно может оказаться красивой ловушкой. Может быть, они хотят усыпить его бдительность и продержат здесь до тех пор, пока не станет поздно... «Поздно для чего?» — удивился он собственным мыслям. Нет, вздор. Если бы они пожелали, то давно могли бы проткнуть его стилетом или отравить. Вся его доблесть пока только в том, что он сумел одержать верх над одним из них. Но разве он справится с дюжиной?

Они не условились с Меривен насчет часа свидания — здесь никто, кажется, не считал времени. Хольгер вышел во двор и стал бесцельно слоняться, пока ему не пришла в голову мысль разыскать герцога и расспросить о продвижении своего дела. От раба-кобольда он узнал, что покои хозяина замка находятся на втором этаже северного крыла. Весело насвистывая, он взбежал, перепрыгивая через ступени, по высокой лестнице.

Но не успел он одолеть лестницу до конца, как дверь наверху распахнулась и появился герцог в сопровождении какой-то дамы. Хольгер видел ее только мгновение: дверь тотчас же захлопнулась, но этого было довольно, чтобы буквально ошеломить его. Он увидел живую богиню... или просто женщину, немного полнее и выше, чем остальные женщины Фейери... В ее длинных и темных как ночь волосах мерцала золотая диадема... Белое атласное платье ниспадало до пола... Лицо казалось выточенным из слоновой кости... Нос с царственной горбинкой... Надменность в уголках рта... О, герцогу повезло.

Герцог заметил Хольгера. В его глазах вспыхнул гнев, но его тотчас же сменила любезная улыбка.

— Добрый день, сэръ Ольгер! Как самочувствие?

— Великолепное, благородный герцог. — Хольгер поклонился. — Надеюсь, и ты в добром здравии?

— Благодарю, да.

— А ты не слишком учтив, рыцарь, — послышалось за спиной Хольгера. — Где ты прятался от меня?

Меривен. Откуда она взялась? Она схватила Хольгера за руку и бесцеремонно потащила за собой.

— Пора на охоту, кони давно готовы! На охоту, рыцарь!

Они чудесно повеселились, пуская соколов, сбивая журавлей, диких павлинов и прочую птичью мелочь. Меривен без

умолку болтала, и Хольгер весело хохотал в ответ на ее остроумные шутки. Но из головы у него не выходила эта женщина — подруга герцога. Он не мог отделаться от ощущения, что знал ее раньше!

Откуда ему известно, что у нее низкий голос и деспотичный нрав? Что порой она нежна, а порой жестока? Что все ее капризы и настроения — только круги на поверхности глубокой и темной воды? Откуда ему это известно?..

— Ты чем-то опечален, мой рыцарь? — Меривен положила руку на плечо Хольгера.

— О нет, только задумался.

— Фи! Как глупо! Всякая мысль — дитя заботы и мать печали. Сейчас мы прогоним ее прочь.

Она сорвала с дерева зеленую ветку, согнула ее в дугу и прошептала несколько слов. Ветка стала арфой. Меривен тронула струны и запела о любви.

Они уже выезжали из леса, когда Меривен схватила его за локоть.

— Смотри! — прошептала она. — Вон там! Видишь? Единорог! О, они редко забредают сюда...

Хольгер увидел, как за стволами деревьев мелькает удивительное и прекрасное животное. У него была белоснежная шерсть, а его рог обвивал побег плюща. Но что это?.. Как будто бы кто-то шествует рядом с ним?

Меривен подобралась, как дикая кошка перед прыжком.

— Если нам удастся подкрасться поближе...

Она осторожно пустила коня по ковру из мха. Единорог повернул голову и увидел их. На миг он застыл, но уже в следующее мгновение исчез — только светлая молния мелькнула вдали. Красавица виртуозно выругалась. Хольгер молчал и переваривал увиденное. Померещилось ему или нет? Рядом с единорогом он увидел Алианору...

— Не повезло, — махнула рукой Меривен. — О, ты огорчился, мой рыцарь? Не стоит. Я соберу друзей, и мы устроим облаву на эту тварь.

Видение Алианоры смутило Хольгера. Она появилась как будто нарочно для того, чтобы напомнить ему об осторожности. И он хотел бы теперь поговорить с Хуги.

— Прости меня, благородная дама, — сказал Хольгер. — Я хотел бы принять ванну перед обедом.

— О, моя ванна достаточно велика для нас обоих. И удобна для кое-каких упражнений.

У Хольгера вспыхнули уши.

— Но я хотел бы еще и вздремнуть немного, — стал отбиваться он. — Я должен быть в хорошей форме к вечеру...

Он удрал прежде, чем она смогла настоять на своем. Хуги был дома и спал, свернувшись калачиком. Хольгер потряс его за плечо.

— Сегодня утром я видел женщину, — нетерпеливо сообщил Хольгер, как только Хуги открыл глаза. — Кто она? — И он подробно описал встречу.

— Хм?... — Хуги поскреб в затылке. — Сдается мне, что ты выследил саму королеву фей Моргану. Стало быть, это ее вызвал сегодня ночью Альфрик с Авалона. Чую, готовится тут сатанинский шабаш.

Фея Моргана! Конечно, это она! Но откуда у него такая уверенность? Хуги упомянул об Авалоне... Откуда известно Хольгеру, что Авалон — остров, на котором поют птицы и цветут розы, сверкают радуги и властвует волшебство?..

— Расскажи мне о ней, — попросил он.

— Ого, уж не решил ли ты за ней приударить? Моргана — не для таких, как ты, и не для таких, как Альфрик. Не задирай голову высоко, а то солнце глаза сожжет или луна разум высушит.

— Я просто хочу понять, зачем она здесь.

— Я о ней сам не слишком-то много знаю. Авалон, например, остров. Он далеко в западном океане лежит, а про запад я знаю лишь то, что в старых легендах сказывается. Говорят, она сестра короля Артура, а тот был у бриттов последним великим королем. Только в ней, мол, и осталась ихняя кровь. Сказывают, что она самая великая ведьма и во всем христианском мире, и среди язычников, и даже в Срединном Мире равных ей нет. Смерти она не боится, а капризна и гневлива до крайности. Чью она сторону держит — Хаоса или Порядка, — неведомо. А может, она как есть сама по себе. Говорят еще, что Артура она унесла, когда он лежал раненный до смерти, спрятала, выходила, да еще не настал срок ему в мир возвращаться. Может, все так, а может, и нет. Только для меня в этом радости никакой — оказаться с ней под одной крышей.

«Дело ясное, что дело темное», — подумал Хольгер.

В спальню вошел гoblin.

— Его сиятельство герцог пир для слуг и челяди объявил, — сообщил он. — И ты, лесной гном, туда приглашен.

— Ха! — Хуги поскреб живот. — Благодарен я премного, однако... Нет у меня сегодня здоровья...

Гoblin удивленно поднял брови:

— Негоже тебе отказываться. Не любит этого герцог.

Хуги и Хольгер обменялись взглядами. Похоже на маневр: Хуги хотят на время устранить. Но отказываться в самом деле нельзя.

— Иди, Хуги, — сказал Хольгер. — Развлекись.

— Да? Ну что ж... ладно... Ты тут, без меня, это самое...

Хуги и гоблин ушли. Хольгер раскурил трубку и улегся в ванну. Кажется, вокруг него уже сплели паутину. Только без паники. Все равно предпринять ничего не удастся. Пока можно только ждать и делать вид, что ни о чем не подозреваешь. Может, обойдется?

На кровати его опять ждал новый наряд. Он оделся. Пуговицы и пряжки застегивались сами. Едва он успел осмотреть себя в зеркале, как круглая дверная ручка превратилась в металлический рог и произнесла:

— Его сиятельство герцог просит позволения войти.

— О! — попятился Хольгер. — П-прошу... п-пожалуйста.

Рабы, однако, входят без спроса. Своеобразный этикет.

Фарисей вошел, на его бледном тонком лице играла улыбка.

— Я с доброй вестью, — сказал он. — Я держал совет со многими. Похоже, у тебя есть шанс на возвращение домой.

— Не знаю, как благодарить тебя, милостивый герцог, — отвечал Хольгер.

— Какое-то время уйдет на сбор ингредиентов, необходимых для магического акта, — продолжал Альфрик. — Так что придется чуть-чуть подождать. Я приглашаю тебя сегодня принять участие в особом развлечении. Состоится пир в Холме эльфов.

— О да, я видел этот холм...

Альфрик взял его за локоть.

— Тогда идем? Эти несколько часов будут упоительными. Эльфы знают, как сделать человека счастливым.

Хольгер не чувствовал ни малейшего желания участвовать в оргии, но ответить отказом, конечно, не мог. Они спустились вниз. Во дворе шумел пестрый водоворот: обитатели замка готовились к походу в Холм. Альфрик подвел Хольгера к Мери-вен. Она взяла его под руку и заявила:

— Теперь ты от меня не сбежишь. Идем?

— А остальные?

— Вслед за нами. Мы будем первыми.

Хольгер насторожился. Однако если это ловушка, то Мери-вен тоже попадет в нее. Выбора нет. Посмотрим.

Процессия потянулась в ворота, через мост и дальше, по лугу, к холму, поросшему розовыми кустами. Хольгер шел впереди. Сзади гарцевали всадники, развевались знамена, музы-

канты дули в трубы, звенели струны лютен. Рыцари и дамы веселились, пешие танцевали. Вдруг вступила другая музыка. Она лилась со стороны Холма, ее томные, сладкие звуки заполнили все существо Хольгера. Он взглянул на Меривен и почувствовал неодолимое влечение к ней. Она улыбнулась и прижалась к нему всем телом. Ветер бросил ему в лицо ее душистые светлые волосы, их запах пьянил, как вино. Холм разверзся. Хольгер увидел волшебным мерцающим светом внутри. Музыка звала.

Вдруг раздался дробный стук копыт. Заржал конь, громко и гневно. Хольгер оглянулся. Со стороны леса мчалась верхом на Папиллоне Алианора, лицо ее было искажено ужасом.

— Нет! — кричала она. — Не ходи туда, Хольгер! Не-е-ет!

Глава 9

За спиной Хольгера разразился проклятиями Альфрик. Свистнула стрела. К счастью, мимо. Хольгер в растерянности остановился.

— В Холм! Тащите его в Холм! — зарычал герцог.

Меривен вцепилась Хольгеру в руку и потянула к Холму. Еще трое фарисеев бросились ей на подмогу. Гнев и ярость захлестнули Хольгера. Он отшвырнул Меривен и шагнул им навстречу. Первого он встретил прямым левым, после которого тот рухнул, как сноп. Правый боковой мгновенно уложил второго. Третий был верхом, и Хольгер попятился. Меривен вцепилась в его плащ. Вне себя от ярости Хольгер схватил ее, подняв над головой и швырнул во всадника. Оба полетели на землю.

Тем временем три конных рыцаря окружили Алианору. Папиллон встал на дыбы, пронзительно заржал и ударом передних копыт свалил одного из врагов на землю. Развернувшись, он укусил коня под другим рыцарем. Бедное животное с ржанием унеслось в степь. Третий попытался ударить Алианору мечом, но она уклонилась и соскользнула на землю.

И попала прямо в объятия фарисея в бархатном камзоле! Он крепко схватил ее и радостно рассмеялся. Но миг — и вместо слабой девушки в его руках бился лебедь.

— О! — вскрикнул он, когда лебедь ударил его клювом в лоб. — Ой! — Удар крылом чуть не сломал ему скулу. — Ох-хо-хо! — завопил он, когда клюв защемил его пальцы. Бросив птицу, он обратился в бегство.

Рыцари окружили Хольгера. Удары сыпались на него со всех сторон. Он угостил ближайшего противника ударом кулака, схватил его меч и заработал им, как ветряная мельница. Меч был легче железного, но острый как бритва. Кто-то попытался

ударить его боевым топором. Свободной левой рукой Хольгер перехватил рукоять и вырвал оружие. Теперь он дрался обеими руками.

Папиллон атаковал толпу фарисеев с тыла. Лягаясь, кусаясь и сшибая врагов грудью, он прорвался к хозяину. Нога Хольгера нашла стремя. Он вскочил в седло. Жеребец понес его прочь.

Оглянувшись, Хольгер обнаружил погоню. Скакуны Фейери были резвее Папиллона, так что шансов уйти от погони практически не было. Хольгер отбросил добытое в бою оружие и снял с луки седла собственные щит и меч. К сожалению, на то, чтобы облачиться в доспехи, упакованные во вьюк, времени не было.

Лебедь летел рядом. Внезапно белая птица сделала крутой вираж. С неба камнем упал орел. Хольгер взглянул вверх и ужаснулся: над ним кружила черная стая. Бог мой, фарисеи превращались в орлов! Что будет с Алианорой?.. Лебедь, отчаянно отбиваясь от пикирующих стервятников, устремился к лесу. Там она, превратившись в человека, сможет укрыться от орнитоморфов в густых зарослях. Но там ее настигнет земная погоня!..

Первый из преследователей уже нагонял Папиллона. Альфрик! На его лице, красиво обрамленном летящими по ветру серебристыми волосами, застыла усмешка.

— Мы убедились, что ты действительно непобедим, сэр Ольгер Датский! — крикнул он.

— Рад за вас, — буркнул Хольгер.

Его меч встретился с изогнутым мечом герцога. Мгновенно, не теряя ни секунды, Хольгер поддел острием своего меча меч герцога, сильно рванул и вырвал у врага оружие. Альфрик вскипел и пришпорил коня. Его левая рука быстро, как змея, сделала выпад вперед, и сильные пальцы сомкнулись на кисти Хольгера, сжимающей меч. Этот маневр понадобился для того, чтобы, задержав противника, успеть выхватить из-за пояса стилет.

Хольгер поднял щит и резко ударил железным ободом по руке, держащей стилет. Герцог вскрикнул. Его кожа задымилась. Хольгер почувствовал смрад горелой плоти. Белый конь диким галопом рванулся вперед. Святое небо, это правда! Тела фарисеев не выносят прикосновения железа!

Он повернулся к преследователям и поднял меч.

— Идите, идите сюда, красавцы! — заорал он. — У меня найдется для каждого поцелуй!

Всадники резко осадил коней и разъехались в обе стороны. Хольгер увидел бегущих к нему лучников. Дело дрянь! Издали они легко настигают его стрелами. Придется брать на испуг.

— Йе-о-о-о! — завопил он, бросая Папиллона в атаку и размахивая мечом.

Лучники не дрогнули, и вокруг него запели стрелы.

— Во имя Отца и Сына и Святого духа!.. — вырвалось у него.

И вдруг фарисеи взвыли! Они бросились врассыпную, теряя оружие, как будто их разметал взрыв. Значит, и это правда! Они не выносят молитв! Почему он не вспомнил об этом раньше?

Он расхохотался и крикнул:

— Хей-хо! Эй, вы! Серебро!

По слухам, серебра они тоже не любят. Слава Богу, он от них отделался. Хольгер повернул коня к лесу.

Что-то блеснуло в траве. Он ловко нагнулся и поднял стилет, потерянный герцогом. Стиллет был самым обыкновенным, только очень легким. По лезвию бежала надпись: «Пламенное лезвие». Поразмыслив, он решил, что стилет сгодится как сувенир, и сунул его за пояс.

Теперь надо найти Алианору. Он медленно проехал вдоль опушки леса, выкрикивая ее имя. Тщетно. Радостное возбуждение сменилось тревогой. Если она убита... Ах, мерзкие твари! Что-то щиплет глаза... Он как-нибудь выкарабкается и один, но она была великолепной девчонкой и к тому же спасла ему жизнь. И чем он с ней расплатился? Пил, танцевал и валялся в постели, в то время как она спала в холодной росе...

— Алианора!!!

Нет ответа. Ветер утих, опускался туман. Вокруг ни движения, ни звука. Он с тревогой подумал, что долго ему здесь оставаться нельзя. Замок совсем рядом, а фарисеи, конечно, не станут сидеть сложа руки. Они найдут кого-нибудь, кто не боится ни молитв, ни железа. Фею Моргану, например. Поэтому если он хочет удрать, то надо торопиться.

Он ехал вдоль опушки леса на запад, то и дело останавливаясь и окликая Алианору. Туман становился все гуще и гуще. Скоро он стал таким плотным, что заглушал стук копыт и затруднял дыхание. Капли влаги блестили на оружии и гриве коня. В радиусе двух метров ничего не было видно.

«Это фокусы фарисеев», — пришло ему в голову. Пеленают его туманом, как младенца. Он пустил Папиллона в галоп.

Впереди, среди серых клубов тумана, мелькнуло что-то белесое.

— Эй! — крикнул он. — Кто там? Стой на месте, или будет плохо!

В ответ — смех! Но — Боже! — не лживый смешок фарисеев, а прозрачный девичий смех.

— Это я, Хольгер. Я никак не могла найти своего скакуна. Путь слишком долг, а у нас на троих всего один конь. Мои крылья, увы, устают.

Она показалась из тумана — стройная и прекрасная, в тунике из белых перьев. Под ней был белый единорог, несомненно, тот самый, которого встретили они с Меривен. Животное испуганно взглянуло на Хольгера умными сердоликовыми глазами. Из-за спины девушки выглянула бородастая физиономия карлика.

— Сначала я отыскала этого молодца, — объяснила Алианора, — а потом мы с ним вместе разыскивали скакуна. Пусть Хуги переседет к тебе: мне стоило большого труда уговорить единорога нести на спине кого-нибудь, кроме меня.

Хольгеру стало стыдно. Он совершенно забыл о Хуги. Разгневанный Альфрик, несомненно, жестоко расправился бы с ним.

Он подхватил лесовика и усадил перед собой.

— Какие у вас планы? — спросил он.

— Какие еще планы, кроме как ударить в галоп и скорее из поганых этих мест удалиться, — заворчал Хуги. — Чем будем ближе мы к правильным землям, тем будем живее, и глядишь, еще и другим расскажем; из какого переплета выбрались.

— Пожалуй. Но не собьемся ли мы в таком тумане с пути?

— Я буду иногда подниматься и определять направление, — предложила Алианора.

Они поскакали сквозь влажную, ватную мглу. Хольгер ехал и думал о том, сколь многим обязан он своим бескорыстным спутникам и как эгоистично ведет себя сам, то и дело вовлекая их в смертельно опасные приключения.

— Хуги, а почему это так опасно — войти в Холм эльфов? — спросил он.

— А ты не знаешь? Так вот почему они меня от тебя утащили. Чтоб я предостеречь не успел... Ну так вот, время в Холме этом эльфовой прескверные повадки имеет. Провел бы ты там одну только ночь в утехах, а вышел — здесь уже сто лет прошло. А они эти сто лет творили бы, чего пожелают, и то как раз, в чем ты для них поперек дороги стоишь.

Ого! Но из этого можно сделать вывод, что его персона в этом мире что-то значит. Вряд ли Альфрик и фея Моргана могли так долго заблуждаться на его счет и путать с героем, под чьим гербом он невольно выступает. Похоже, что именно он, Хольгер Карлсен, сирота и полуэмигрант, стал почему-то крупной фигурой в здешней колдовской игре. Возможно, скачок в этот мир произвел в нем кардинальные изменения. Но какие?.. Ясно одно: силы Хаоса стремятся или привлечь его на свою сторону, или

нейтрализовать. Сногсшибательное гостеприимство (Меривен, конечно, была включена в счет) было, вероятно, попыткой приручить его. Ему втирали очки, а тем временем Альфрик и Моргана держали совет. Скорее всего они решили не рисковать и, пользуясь его неведением, засадить от греха подальше в Холм эльфов лет на сто или двести.

Но почему ему просто не всадили нож в спину? Это было бы проще всего. Может быть, нападение «пустого» рыцаря и было такой попыткой? Кстати, откуда вообще герцогу о нем известно? От Матери Герды, конечно. Демон, которого она вызвала, должно быть, рассказал ей о Хольгере нечто такое, после чего ведьма решила немедленно послать его к своим могучим друзьям в Фейери. С помощью магии она предупредила Альфрика. Но что именно мог рассказать ей демон? И еще: как теперь, когда коварство герцога не принесло плодов, а прямое нападение сорвалось, Срединный Мир попытается расправиться с ним?

Так или иначе, но возвращение домой пока откладывается. Правда, в этом мире есть не только черная, но и белая магия. Может быть, удастся договориться с кем-нибудь из белых волшебников?..

Из тумана грянул грохот — хриплый и оглушительный. Хольгер вздрогнул. Хуги закрыл уши ладонями. Захлопали огромные крылья. Кто это? Сквозь серую муть ничего не видно.

— Это, пожалуй, впереди, — прошептал Хольгер. — Повернем?

— Нет, — Алианора побледнела, но ее голос звучал твердо. — Это уловка: нас хотят сбить с дороги. Сейчас опаснее всего заблудиться.

— Ладно, — буркнул Хольгер. — Я поеду впереди.

Он прищипорил кося и обогнал единорога. Туман шипел, чавкал, стонал, хохотал и выл, серые тени бросались врассыпную из-под копыт, из серых клубов высовывались и кривлялись жуткие рожи. Хольгер решительно скакал вперед. Хуги, закрыв глаза и зажав уши, повторял, как заклинание:

— Я был обычным лесовиком... Я был примерным лесовиком. Я был обычным лесовиком...

Казалось, прошла вечность, прежде чем туман стал редеть. Папиллон и единорог почуяли солнце, пустились галопом и с радостным ржанием вырвались на солнечный свет. Страна полумрака осталась позади.

Близился вечер. Длинные тени скал и высоких сосен легли на холмы, поросшие колючим кустарником. Свежий ветерок

трепал конскую гриву. Неподалеку шумел водопад. Обычный прекрасный мир.

— После захода солнца фарисеи могут напасть опять, — сказала Алианора. — Но здесь их чары будут слабее, чем в Фейери.

Ее голос срывался от усталости. Хольгер чувствовал, что тоже вымотан до предела.

Не останавливаясь, они пустились дальше, чтобы до заката солнца отъехать от границы Фейери как можно дальше. Потом разбили лагерь между сосен, на склоне холма. Хольгер срубил мечом две прямые ветки, сделал из них крест и воткнул в землю возле костра. Карлик принял свои, варварские, меры предосторожности: выложил вокруг лагеря круг из камней и железных предметов, бормоча при этом какие-то заклинания.

— Теперь попробуем, — сказала Алианора, — продержаться ночь. — Она улыбнулась. — Я еще не успела сказать тебе, рыцарь, как прекрасен был твой бой с фарисеями. Ты был могуч и красив.

— Хм... м-да... благодарю, — промямлил Хольгер.

Он ничего не имел против комплиментов из уст очаровательной девушки, но... Чтобы скрыть смущение, он уселся и стал вертеть в руках трофейный стилет. Костяная ручка была снабжена большим, пожалуй, чересчур большим эфесом. Металл клинка был похож на магний. Но магний слишком мягок для клинка и к тому же легко воспламеняется. Почему Альфрик выбрал себе такой стилет?

Из тех скудных запасов, которые оставались у них, Алианора приготовила немудреный ужин.

Опустилась ночь. Хольгер, которому выпало дежурить в третью смену, растянулся на мягкой подстилке из трав. От костра шел жар и лился мерцающий свет. Он мог позволить себе немного расслабиться. И хотя он запретил себе спать, веки сомкнулись сами собой...

Он проснулся и рывком сел. Алианора держала его за руку и, глядя в темноту, испуганно шептала:

— Ты слышишь? Слышишь? Там кто-то есть!

Он схватил меч и вскочил. Вокруг лагеря блуждали огоньки — множество чьих-то глаз. Над самым ухом раздался вой. Он вслепую махнул мечом. Ответом был мерзкий хохот.

— Во имя Отца и Сына... — воскликнул он и был снова осмеян. Эти гости, кажется, обладали иммунитетом к молитве. Его глаза привыкли к темноте, и он различил блуждающие по границе лагеря тени. Таких мерзких чудовищ он никогда не видел.

Хуги скорчился возле костра и выбивал зубами барабанную дробь. Алианора, дрожа, прижималась к Хольгеру.

— Спокойствие, — сказал он.

— Это посланцы Фейери, — прошептала она. — Жители ночи. Они со всех сторон, Хольгер! Я не могу выдержать этого кошмара! — Она уткнулась лицом ему в грудь.

— Да, на конкурс красоты это мало похоже, — подтвердил он.

Странно, но он совершенно не чувствовал страха. Эти монстры уродливы сверх всякой меры, но кто заставляет любоваться ими?

— Они не могут к нам приблизиться, милая, — сказал он. — А если бы могли, то давно бы уже это сделали.

Алианора подняла на него глаза.

— Я видел плотины на реках. Если бы вода их прорвала, она смела бы все. Но никто не падал от этой мысли в обморок. Все знали, что плотины выдержат.

Про себя он подсчитывал, каков примерный коэффициент их безопасности. Несомненно, местные чародеи располагали чем-то вроде таблиц сопротивления материалов и могли бы дать точный ответ. Ему приходится полагаться на интуицию. И какое-то глубоко спрятанное в нем знание подсказывало, что лагерь под надежной защитой.

— Все будет хорошо, — произнес он. — Все будет хорошо. Они ничего нам не сделают, разве что помешают своими воплями выспаться.

Он осторожно поцеловал обращенное к нему лицо. Она неумело вернула поцелуй...

Глава 10

В конце концов враг отступил. По словам Хуги, эти твари поспешили забиться в свои норы до рассвета.

Значит, сделал вывод Хольгер, они боятся солнечного излучения. Скорее всего ультрафиолетовых волн...

Стоп, стоп! Но ведь это объясняет загадку магниевого стилета! В случае крайней опасности, окажись герцог прижатым к стенке своими соперниками из Срединного Мира, он мог поджечь клинок. Широкая рукоятка защитила бы от огня руку, а другой рукой можно было бы закрыть лицо полой плаща... Враг, конечно, бежит. Ну что ж, это оружие может пригодиться.

Когда чудовища исчезли, друзья заснули как убитые. Через два или три часа Хольгер проснулся от холода и ужаснулся: он был совершенно голым! Полученное в Фейери платье исчезло! Довольно мелко со стороны Альфрика.

К счастью, Алианора еще спала. Он поспешно натянул свои простые одежды. Поразмыслив, напялил сверху кольчугу.

После скромного завтрака они снова тронулись в путь.

— Куда мы теперь? — спросил Хольгер.

— Я знаю одного белого мага, — сообщила Алианора. — Он живет в городе Тарнберге. У него доброе сердце и обширные знания. Может быть, он сможет тебе помочь. Только, Хольгер, — она с нежностью произнесла его имя, — нам надо держаться ближе к человеческому жилью. Фейеры так тебя не отпустит... Там, где люди, там церкви, а существа без души опасаются приближаться к ним.

— Конечно, — согласился Хольгер. — Но скажи, этот твой маг сможет тягаться с такими мастерами, как Альфрик или фея Моргана?

— Если нет, то нам придется пробираться в Империю. Она далеко на западе, путь туда труден и небезопасен, но там тебя встретят с почестями. Со времен Карла не было у христиан равного тебе рыцаря.

— О каком Карле вы все говорите? — спросил Хольгер.

— О том, конечно, кто основал Святую Империю, — король Карл! Кто воздвиг твердыню христианства и вытеснил полчища сарацин обратно в Испанию. Не может быть, чтобы ты о нем ничего не знал!

— Э-э-э... — промямлил Хольгер. — Может быть, и знал... Ты имеешь в виду Карла Великого?

— Ну да, — обрадовалась Алианора. — Многие зовут его так. Значит, ты его знаешь! О, говорят, его окружало много героев, но я знаю только историю Роланда. Этот рыцарь пал в Ронсельванском ущелье.

У Хольгера голова шла кругом. Значит, он все-таки в прошлом? Нет, это невозможно! Но, как ни крути, Карл Великий — реальная историческая фигура!

Стоп! Если вспомнить то, что он знал из старофранцузского эпоса, то все сходится: волшебные страны и сарацины, девушка-лебедь и единорог, чернокнижье и Холм эльфов, Роланд... Легенды средних веков. Неужели он самым немыслимым образом очутился в книге?

Нет-нет, это ни в какие ворота не лезет. Все-таки лучше считать, что это — иная вселенная с особым пространственно-временным порядком и с собственными законами, отличными от земных. В конце концов, математическая вероятность существования такой вселенной, пусть даже по модели средневековой мифологии, вполне допустима.

Однако и тут не все ясно. Если здесь так много земных подобию, то, следовательно, он был перемещен не как попало, в какое-то чужое пространство. Между этим и его миром, несомненно, есть какая-то связь. Ведь сходство между ними не ограничивается только астрономией и географией, но касается и истории.

Здесь Карл мог и не быть двойником земного, но, очевидно, в истории обоих миров они сыграли одинаковые роли. Может быть, сознание бардов, поэтов и пророков было тогда каким-то трансцендентальным образом настроено на волну восприятия этого мира?.. Может быть. Но для него из этих рассуждений не следует ничего. Лучше попытаться выудить из мифологии какие-нибудь полезные сведения.

Например, Хуги говорил о Моргане как о сестре короля Артура. Того самого, конечно, Артура, который стоял во главе рыцарей Круглого Стола... Какая досада, что эти старинные легенды он читал только в детстве!

Они прошли уже немалый путь по выбранной Алианорой дороге. Она вела на северо-запад по гребню возвышенности, откуда во все стороны открывался прекрасный вид. Сзади стояло темное море Фейери, впереди синели горы, через которые им предстояло пройти. В оврагах пенились и шумели ручьи. По бледному небу летели рваные облака.

Они выбрали удобную поляну и остановились пообедать. Хольгер, едва не поломав зубы о твердый как камень хлеб, сокрушенно вздохнул:

— Дорого бы я сейчас дал за хороший датский бутерброд. Знаете, как он делается? На слегка поджаренный хлеб намазывается масло, потом кладут тонкий ломтик сыра, несколько очищенных креветок и половинку яйца... О!..

— В придачу ко всем своим достоинствам ты умеешь стряпать? — восхитилась Алианора.

— Ну, не так чтобы очень...

Она села рядом и положила голову ему на плечо.

— Как только представится случай, я найду тебе все это, — с нежностью сказала она. — И мы закатим пир — пир только для нас двоих.

— Хе! — буркнул Хуги. — Пойду посмотрю, что это там за скалой.

— Куда ты? — смущенно воскликнул Хольгер, но карлик уже исчез.

— Хуги — деликатный и добрый лесовик, — улыбнулась Алианора и обвила руками шею Хольгера. — Он знает, что бывают моменты, когда девушке хочется нежности.

— Но... — Хольгер стушевался. — Конечно... Ты изумительная девушка, но... Здесь?.. Впрочем, к черту! — И он решительно обнял ее.

— Ай! — взвизгнула Алианора.

Хуги свалился на нее неизвестно откуда.

— Дракон! — заорал он. — Дракон! Он летит сюда!

Хольгер вскочил как ужаленный:

— Что? Где? Откуда?

— Дракон, дракон! — причитал Хуги. — Огнедышащий! Это Альфрик наслал его на нас! — Он обнял Хольгера, точнее, его ноги. — Спаси, спаси нас, великий рыцарь! Я знаю, рыцари всегда убивают драконов! Я знаю!

Папиллон заржал. Единорог подбежал к Алианоре, она вскочила на него, и в мгновение ока они скрылись из виду. Хольгер схватил Хуги в охапку, прыгнул на Папиллона и помчался вслед за Алианорой.

Вырвавшись на открытое место, они увидели дракона. Чудовище приближалось с юга и было уже на расстоянии около полумили. От грохота крыльев заложило уши. «Фюзеляж длиной футов пятьдесят», — оценил Хольгер, стараясь унять нервную дрожь. Пятьдесят футов панцирной чешуи, гигантская змеиная голова, пасть, способная в два приема проглотить всадника вместе с конем, перепончатые крылья, железные когти на мощных лапах... Папиллон, обезумев от ужаса, мчался, не уступая в скорости единорогу. Но дракон летел быстрее.

— Ой-ой-ой! — голосил Хуги. — Быть нам поджаренными! Быть нам печеными!

Дракон повис в небе высоко над ними и вошел в пике. Дым и пламя вырывались из открытой зубастой пасти. У них оставались считанные секунды. Хольгер лихорадочно пытался найти выход. Каков метаболизм этой твари? Почему она вообще летает вопреки всем законам аэродинамики? В нос ударил запах горячей серы.

— Смотри! — донесся до него крик Алианоры. — Сюда! Здесь можно укрыться!

Она показала на узкий черный лаз в скале.

— Нет! — закричал Хольгер. — Только не туда! Это верная смерть!

Она недоуменно дернула плечами, но послушно повернула единорога. Первая волна жара окатила Хольгера. О Господи! Если бы они влезли в эту дыру, дракон сжег бы их одним вздохом.

— Вода! Нам нужна вода! — заорал Хольгер.

Копыта коня стучали по каменному плато. Хольгер вытащил меч. На что он рассчитывает? Дракон превратит его в пепел вместе с мечом. Но, может быть, Алианора успеет спастись...

Они поскакали к краю плато. Немыслимо крутой склон вел вниз. Папиллон не заржал — захрипел от страха, но отчаянно ринулся вниз, ломая грудью густой кустарник. Они мчались почти кувырком. И вдруг оказались на берегу горной реки. Единорог прыгнул, Папиллон сиганул за ним, и они остановились как вкопанные посреди быстрого ледяного потока.

Дракон приземлился на берегу. Он выгнул спину и зашипел, как взбесившийся локомотив. «Бойтся воды!» — обрадовался Хольгер. Опять его подсознание шепнуло ему правильную подсказку.

— Все в воду! — скомандовал он и прыгнул первым. Мощное течение ударило в грудь. — Держитесь за хвост коня. Если он станет атаковать, ныряйте.

Долго в этой ледяной воде не выдержать. Но это их единственный шанс.

Дракон ударил крыльями, поднялся в воздух и завис над ними, закрыв все небо. В открытой пасти бушевало пламя. Хольгера осенило. Он бросил бесполезный меч в ножны, сдернул с головы шлем и зачерпнул воды. Дракон потянулся к нему мордой. Хольгер закрыл глаза левой рукой и вслепую плеснул водой.

Зашипел пар. Дракон взревел. У Хольгера лопались барабанные перепонки. Бронированное чудовище в панике било крыльями и изрыгало огонь направо и налево. Хольгер выругался и влил полный до краев шлем прямо в кошмарную пасть.

Дракон оглушительно завизжал. Медленно и неуверенно, как слепой, он поднялся вверх и неуклюже, рывками полетел к югу. Они стояли и слушали, как умирает вдали грохот чудовищных крыльев. Когда дракон скрылся из виду, они выкарабкались на берег.

— Хольгер, Хольгер! — Алианора обняла его, смеясь и плача одновременно. — Ты лучший из рыцарей! Как ты это сделал, любимый? Как это тебе удалось, мой герой?

— О, ничего особенного, — сказал Хольгер, озабоченно трогая обожженную щеку. — Немного термодинамики.

— Это какая-то особая магия? — уважительно спросила она.

— Никакой магии, малыш. Если кто-то хочет изрыгать пламя, то сначала как следует раскочегаривает топку. Ну а я плеснул в эту топку воды. И вышло что-то вроде взрыва парового котла. — Он небрежно махнул рукой. — Пустяк.

Они тронулись дальше и через несколько миль наткнулись на залитую солнцем и со всех сторон окруженную скалами долину. Среди высоких трав мелодично звенел ручей, купались в солнечном свете тополя и буки. Стайка скворцов при появлении людей с шумом снялась с дерева и унеслась прочь. Лучшего места для отдыха, в котором все они так нуждались, нельзя было и желать. Алианора легла на траву и мгновенно уснула. Хуги уселся под куст и принялся стругать какую-то деревяшку. Хольгеру не сиделось.

— Пойду пройдуся, — сказал он. — Если что — кричи.

— Не опасно ли тебе удаляться от нас? — спросил гном, но тут же ответил себе: — Хотя кто осмелится покуситься на укротителя драконов?

Хольгер хмыкнул в ответ. Он сегодня, конечно, герой дня. Но причиной тому прежде всего благоприятное стечение обстоятельств. Он раскурил трубку и, насвистывая, двинулся по берегу ручья. Вокруг расстился классический пасторальный пейзаж: луга, цветы, деревья, ручей. Щиплющие травку конь и единорог. Щebet птиц. Если бы не боль от ожога, он, конечно, тоже завалился бы под куст и помечтал о чем-то приятном. Однако многое требует серьезного обдумывания.

Надо все же признать, что он является для этого мира кем-то вроде главного персонажа. Цепь кажущихся случайностей складывается в стройную систему. Не успел он появиться здесь, как тут же нашел одежду своего размера, оружие и преданного коня. Потом — переполох в Фейери при его появлении. При этом, несмотря на полное отсутствие у него боевого опыта, никому не удается его убить...

Лагерь скрылся из виду. Он брел и рассуждал про себя. В чем суть конфликта между Порядком и Хаосом? Здесь явно кроется нечто большее, чем просто религиозный конфликт. Хаос и Порядок — терминология второго начала термодинамики, а оно говорит, что тепловая смерть Вселенной настанет при условии победы хаоса, или энтропии, над порядком. Стоп-стоп... Может быть, в этом ненормальном мире борьба природных сил приобрела одушевленную форму? И разве не то же самое происходит на Земле? В самом деле, с чем он сражался, воюя с фашизмом, как не с древним кошмаром Хаоса? А здесь — обитатели Среднего Мира пытаются вернуть планету к первобытному Хаосу. По другую сторону баррикады стоит человеческая мораль, стремящаяся укрепить и расширить владения Порядка, безопасности, мира.

Это рассуждение показалось Хольгеру достаточно убедительным. Разница только в том, думал он, что в его родном мире естественные силы природы проявлены и осознаны в полной мере, а силы ментальные, магические — слабы и неуловимы. В этой вселенной все наоборот. Но у этих двух миров существует некое единство, и потому в них обоих борьба Порядка и Хаоса имеет одновременные кульминации. Что касается силы, которая перенесла Хольгера из одного мира в другой, то здесь не обошлось, пожалуй, без божественного промысла... Хотя эти слова мало что объясняют.

И еще одно доказательство — странные знания, непонятные для него самого и приходящие в нужный момент на помощь из глубин подсознания. Этот Кортана, например. Кортана — меч, как сказал лесовик. В нем заключена магическая сила. Сейчас он надежно спрятан в неприступном и неведомом месте. Но почему Хольгер помнит, что когда-то держал этот меч в руке?

Он вошел в небольшую светлую рощицу, прошел ее насквозь — и нос к носу столкнулся с феей Морганой.

Встреча была как гром среди ясного неба. Сладкий гром, поражающий сердце. Она шла к нему сквозь поток золотого света и зеленые волны листвы... Ее платье сверкало, как снег... И улыбка на губах была как расцветающая роза... И волосы, как ночной водопад, отражающий звезды...

— Привет тебе, Хольгер, — услышал он ее чарующий голос. — Давно мы не виделись.

Видит Бог, он из всех сил старался сохранить самообладание. Но она взяла его за руку и посмотрела в глаза.

— Как одиноко мне было без тебя, — тихо сказала она.

— Без меня?! — сдавленно вскрикнул он.

— Конечно, а без кого же еще? Или обо мне ты тоже забыл? — Ее «ты» звучало как музыка. — Тьма была наложена на тебя, но как долго тебя не было, Хольгер... — Она весело рассмеялась. — Но что у тебя с лицом, мой милый? О, мало кто из мужей встречает огнедышащего дракона лицом к лицу. Позволь мне излечить тебя. — Она коснулась пальцами обожженной щеки. Мгновенная боль — и волдыри исчезли. — Вот и все. Тебе лучше?

Нет, ему не стало лучше. Его прошиб пот, а ворот рубахи стал почему-то тесен.

— В этом мире ты набрался скверных привычек, — улыбнулась она, вынула у него изо рта трубку, вытряхнула ее и сунула в кисет на поясе. Но при этом ее рука задержалась на его

бедре гораздо дольше, чем это бывает при случайном прикосновении. — Гадкий мальчик.

Ее игривость неожиданно отрезвила его. Ему всегда было не по себе, когда зрелые женщины сюсюкают и вульгарно кокетничают.

— Послушай-ка, — буркнул он, — Альфрик не раз пытался меня убить, а ты помогала ему. Что же тебе теперь от меня надо?

— Что может быть нужно женщине, истосковавшейся по мужчине? — тем же тоном продолжала она.

Она шагнула к нему, он отступил.

— Милый, я не знала, что это был ты, и помогала Альфрику в полном неведении. В ту самую минуту, когда мне стало известно о его предательстве, я поспешила сюда.

Хольгер стер пот со лба.

— Ты лжешь, — сказал он.

— Даже если лгу, милый, что из того? Слабому полу нужно прощать маленькие хитрости, не так ли? Главное, что я в самом деле пришла сюда за тобой. Вернись.

— Куда? В мир Хаоса?

— А почему бы и нет, милый? Что, собственно, в этом скучном Порядке так привлекает тебя? Я буду искренней, но будь до конца честным и ты. Почему, Хольгер, мой милый медведь, ты должен класть жизнь за неотесанное мужичье и толстобрюхое мещанство, когда все ослепительные звезды Хаоса могут принадлежать тебе? С каких пор ты стал человеком, который ищет счастья в убогом мире, пропахшем навозом и дымом? Ты, который обращал в бегство легионы! Ты можешь зажигать солнца и лепить новые миры, если захочешь!

Ее голова легла ему на грудь.

— Нет, нет... — выдавил он. — Я не верю тебе.

— О скорбная перемена! Где тот мужчина, которого я обнимала на Авалоне? Ты забыл, как принесла я тебе в дар столетия своей любви и молодости! — Все это звучало до пошлости банально, но блеск ее темных глаз околдовывал Хольгера. — Я не зову тебя в ряды Хаоса, милый, но зачем тебе война с ним? Вернемся на Авалон, Хольгер! Вернемся на счастливый наш Авалон!

У Хольгера пропало желание противиться ей. Она искренна, подумал он. Пусть она хочет вывести его из игры накануне решающих битв, но вместе с тем она искренна в любви к нему. В конце концов, почему бы и нет? Он ничего не должен в этом мире ни Порядку, ни Хаосу. Зато ее обаяния обещают так много...

— Мы не виделись вечность, — шептала она, — а когда встретились, ты даже не поцеловал меня...

— Это... — Он кашлянул. — Это нетрудно исправить...

Их губы встретились. Высокая теплая волна подняла Хольгера... Он уже не мог думать ни о чем другом, не мог и не хотел.

— О-о! — вздохнула она. — Мой повелитель! Еще... Целуй меня, целуй...

Он обнял ее, но боковым зрением заметил, как что-то мелькнуло в кустах. Он поднял голову и увидел Алианору верхом на единороге.

— Хо-о-ольгер! — громко звала она, не замечая их. — Хо-о-оль... О!

Единорог увидел Моргану, встал на дыбы и, сбросив всадницу, умчался прочь, негодуяще фыркая. Алианора, вскочив, уставилась на них.

— Ну вот, теперь он ко мне не вернется, — пожаловалась она. — Видишь, что ты наделал. — Она всхлипнула.

Хольгер выпустил из объятий Моргану.

— Уберите с глаз моих эту деревенскую девку! — гневно крикнула королева фей.

У Алианоры мигом высохли слезы.

— Убирайся сама! — закричала она. — Оставь его в покое, мерзкая ведьма!

— Хольгер! Если эта недозрелая девица сейчас же не оставит нас...

— Недозрелая?! — Алианора задохнулась от возмущения. — Ты! Зато ты давно уже перезрела!

— Соплячка!

— Старуха!

Хольгер ошалело крутил головой.

— Какая ты храбрая, дева-лебедь! — воскликнула фея Моргана. — Или ты только что снесла особенно удачное яйцо?

— Для этого мне нужно бы поучиться кудахтать у старых квочек!

— Ах так, прекрасно! В облике курицы тебе это будет проще! — Королева ядовито улыбнулась и стала делать руками быстрые пассы.

— Эгей! — Хольгер подскочил к ней. — Без этих штук!

Он не собирался делать этого, но не рассчитал, и получилось так, что он грудью толкнул ее в плечо. Моргана покатилась по траве.

— Прошу прощения. — Хольгер протянул ей руку.

Она оттолкнула руку и быстро вскочила. Гнев стер все краски с ее лица — оно было холодным и бледным.

— Что ж, друзья, — произнесла она. — У вас своя дорога, у меня своя. Но мы обязательно встретимся. — Она неприятно хихикнула, взмахнула рукой и исчезла. Воздух с хлопком заполнил образовавшуюся пустоту.

Теперь Алианора разрыдалась по-настоящему, уткнувшись в ствол дерева и спрятав лицо в ладони. Хольгер подошел и тронул ее за плечо. Она стряхнула его руку.

— Уйди! — всхлипнула она. — Ступай к своей... своей ведьме... если она... тебе нравится...

Что толку оправдываться?

— Иди, иди, — шмыгая носом, гнала его Алианора, — никто не заплачет... Сколько угодно...

Только женских слез Хольгеру не хватало. Он крепко взял ее за плечи, повернул к себе и сказал:

— Слушай. У меня с ней ничего не было, понятно? И никогда не будет. Запомни это. А теперь скажи: пойдешь со мной, как взрослая, или тебя нести, как ребенка?

— Как взрослая!

Она выскользнула из его рук и побежала вперед. Хольгер раскурил трубку и всю обратную дорогу попыхивал ею. К черту! К черту! Жаль только, что он опять ничего не помнит, а ведь в объятиях Морганы к нему стала возвращаться память. Жаль. Зато теперь все расставлено по своим местам: с сегодняшнего дня Морганя стала его самым лютым врагом.

И тут ничего не поделаешь.

А ему предстоит долгий путь. Он взял Алианору за руку, и они вышли к лагерю.

Глава 12

Этой ночью их не беспокоил никто. Но, по мнению Хуги, это могло означать только одно: им готовят что-то посерьезнее, чем балаган с жителями ночи. Хольгер разделял пессимизм карлика.

Они проснулись чуть свет и сразу пустились в путь. Теперь у них было только одно верховое животное на троих. Алианора, разумеется, могла бы сопровождать их в воздухе, но лебеди не умеют парить и поэтому быстро устают. А Папиллон, несмотря на свою необычную силу и выносливость, не мог нести на спине тройной груз с прежней скоростью. До того как они тронулись в путь, Алианора поднялась высоко в небо и с высоты выбрала удобный для них маршрут. К вечеру Хольгер надеялся достичь

перевала, за которым она заметила первые следы человека — несколько уединенных ферм.

— Там, где живут хоть несколько человек, — объяснила она, — если, конечно, они не варвары и не преступники, мы обязательно найдем хоть клочок освященной земли и даже церковь. Там мы будем в безопасности.

— Если это так, — сказал Хольгер, — и каждая церковь — преграда для Срединного Мира, то как он может рассчитывать на захват этих земель?

— Во-первых, у них есть союзники среди существ, которые не боятся ни света дня, ни священных молитв. Это животные вроде вчерашнего дракона или злобные гномы, обладающие душой. Таких помощников у них, правда, мало, да и те слишком глупы, чтобы на них можно было всерьез положиться. Главная их опора — это люди, перешедшие на сторону Хаоса. Чернокнижники, ведьмы, разбойники и убийцы, язычники и дикари. Этим ничего не стоит осквернить священное место и уничтожить его защитников. И тогда на опоганенную ими землю смогут спуститься голубые сумерки Срединного Мира. Каждый такой шаг будет теснить Порядок, а близость Хаоса — будить в людях страх, зло и жестокость.

Солнце уже село, когда они достигли наконец перевала. Лес остался внизу, вокруг были только голые камни с редкими пучками травы. Папиллон фыркнул и помотал головой.

— Бедный, бедный. — Алианора потрепала его по шее. — Тебе сегодня досталось. А в награду за труды — только жалкие сухие колючки.

Она нашла углубление в скале и налила туда воды из бурдюка. Хольгер подождал, пока конь утолит жажду, и тщательно вытер его попоной. Он уже перестал удивляться собственной сноровке в уходе за жеребцом, но никак не мог понять, откуда в нем столько нежности к этому бессловесному существу.

Они разбили лагерь, выложили магический круг и на скорую руку поужинали. И, предельно измученные, наконец улеглись.

Однако заснуть Хольгеру не удавалось. Было очень холодно. Плащ, которым они с Алианорой укрылись, почти не грел, а чепрак из-под седла, служивший им подстилкой, не делал скалу ни теплее, ни мягче. Но настоящей причиной его бессонницы было не это. Причиной было доверчиво обнявшее его существо, сотканное из сонного тепла и спутанных волос. К таким искушениям он не привык. Он попробовал отвлечься, припоминая подробности романа с Меривен, но это только ухудшило дело. Хольгер поймал себя на мысли, что сейчас он, пожалуй, был бы не прочь очутиться в объятиях феи Морганы. «Значит, ты готов

бросить Алианору после всего, что она для тебя сделала, мерзавец?» — возмутился его внутренний голос. Ну уж нет!

Благодарность и нежность толкнули его к ней. И прежде чем он осознал, что творит, его рука скользнула под тунiku из перьев и легла на упругую молодую грудь. Алианора шевельнулась и что-то пролепетала во сне. Хольгер замер. Чувства переполняли его. Он закинул голову к небу.

Звезды, как снег, замели небосвод. По положению Большой Медведицы он определил, что до рассвета осталось каких-то два часа. Небо сияло, а на земле лежала крошечная тьма. Тускло мерцал костерок, выхватывая из темноты примостившегося на корточках возле огня Хуги. Силуэт огромной черной горы заслонял звезды на севере... Но... Откуда она взялась?! Там не было никакой горы!!

Он вскочил. Мгновение спустя земля дрогнула. Потом снова и снова... и снова... как будто ожил гигантский бубен. Гора дрожала, как лестница, по ступенькам которой поднимался чужинный гигант. Скалы лопались и с грохотом катились вниз. Хольгер выхватил меч.

Ступня величиной с человека пнула и разрушила магический круг. Алианора закричала от ужаса. Папиллон, дрожа как лист, спрятался за спиной Хольгера. Хуги на четвереньках быстро-быстро улепетывал от ступни с огромными нестриженными ногтями.

Великан присел на корточки и корявыми, как дубовые ветви, пальцами разворошил костер. Огонь ярко вспыхнул и выхватил из темноты уродливую, коротконогую фигуру гиганта. Одеждой ему служили кое-как сшитые мохнатые шкуры, от которых шел резкий неприятный запах. Лицо великана, насколько его позволяли рассмотреть спутанная растрепанная шевелюра и лохматая борода, относилось к ярко выраженному акромегалическому типу: маленькие глазки прятались под карнизом мощных надбровных дуг, нос был коротким, скулы — острыми, а под толстыми губами сверкали устрашающей величины зубы.

— Прыгай на Папиллона, Хуги, — шепнул Хольгер. Первый страх миновал, и он лихорадочно обдумывал ситуацию. — Я задержу его, сколько смогу. А ты улети, Алианора!

— Я останусь с тобой, — услышал он в ответ.

— Как же это? — простонал Хуги. — Он же из Среднего Мира. Магический круг должен был остановить его!

— Он дождался минуты, — сказала Алианора, — когда у кого-то из нас родились мысли кощунственные и нечистые. Тогда святые знаки теряют свою магическую силу. — Она бросила негодующий взгляд на Хуги.

Хольгер почувствовал себя подлецом: виновным в греховных мыслях был, конечно, не Хуги.

— Говорите так, чтобы я вас мог слышать, — оглушительно протрубил великан.

Хольгер облизал пересохшие губы, шагнул вперед и сказал как можно громче и тверже:

— Во имя Отца и Сына и Святого духа приказываю тебе удалиться!

— Фу! — пренебрежительно фыркнул гигант. — Поздно, смертные. Вы сами разорвали круг добра грешными помыслами. Альфрик поведал мне, что я найду здесь лакомую добычу. Отдайте мне деву, а сами ступайте своей дорогой.

У Хольгера уже был готов сорваться с языка достойный ответ на это гнусное предложение, но он вовремя спохватился: формулировка была отнюдь не для девичьих ушей. Поэтому он молча стиснул зубы, размахнулся и нанес великану удар мечом. Тот охнул, резко отдернул руку и стал ею трясти, дуя на дымящуюся рану, нанесенную непереносимым железом.

— Постой! — вскричал он. — Поговорим!

Хольгер, едва не сбитый с ног децибелами, опустил меч. Дудки! Его не так просто взять голыми руками!

Густой бас между тем принялся вещать довольно миролюбиво:

— Я прослышал, что ты великий рыцарь. Что ж, ты убедился, что меня ранит прикосновение железа. Однако не кажется ли тебе, что я мог бы обрушить на тебя скалы? Давай обойдемся без этого. Что ты скажешь о поединке более приятном? Я говорю о состязании в уме. Если ты победишь меня силой разума, я не стану чинить вам помех. И вдобавок наполню твой шлем золотом. — Он потрянул увесистым мешком, висящим у пояса. — Но если проиграешь ты, то дева достанется мне. Идет?

— Нет! — отрезал Хольгер.

— Подожди, подожди, любимый, — с неожиданной горячностью схватила его за руку Алианора. — Я думаю, речь идет всего лишь о загадывании загадок.

Хольгер удивленно поднял брови. Великан кивнул:

— Да, правильно. Мы, Большой народ, в родовых замках бесконечно долгие ночи нашей северной родины год за годом, столетие за столетием совершенствуем свой разум, проводя блистательные турниры, загадывая и разгадывая загадки. Это я и предлагаю тебе. И если случится, что я не отвечу на две из твоих загадок, то позволю тебе уйти и мне не жаль будет потерянной девы. Ведь я стану богаче на две новые хорошие загадки.

Итак. — Он с беспокойством оглянулся на восток. — Начнем?

— Соглашайся, соглашайся, Хольгер, — зашептала Алианора. — Я уверена, что ты победишь.

— Мне ничего не приходит в голову...

— Да что ты?.. — растерянно пробормотала она. — Совсем ничего?.. Тогда... Тогда знаешь что?.. Лучше тогда отдать ему меня. Честное слово. Он съест меня, вот и все. А ты должен жить. Это так важно для нашего мира. Ты не должен рисковать жизнью из-за такой пустышки, как я...

Хольгер лихорадочно рылся в памяти. «Четыре висят, четыре идут, два ведут, один погоняет...» Корова. Загадка Самсона филистимлянам. Пожалуй, можно наскрести еще что-то из классики... Но если великан, как он говорит, занимается этим делом уже не один век, то все классические загадки ему должны быть известны... Выдумать самому? Для этого его голова не приспособлена...

— Ну так что же? — прогудел великан и опять беспокойно взглянул на восток.

Хольгера озаарило.

— Он что, не переносит солнечных лучей? — шепотом спросил он.

— Не переносит, — кивнула Алианора. — Солнечный свет превратит его в камень.

— Вот-вот! — вмешался Хуги. — И если ты сумеешь голову ему заморочить до того, что рассвет застанет его здесь, то нам, глядишь, и золотой мешок достанется.

— Я слышала, — возразила Алианора, — что их сокровища проклятые, а человека, который на них польстится, ждет неминуемая гибель. О Хольгер, уже через час он вынужден будет бежать от рассвета. О, неужели не сможешь ты продержаться, ты, победитель дракона?

— Я... попробую... — выдавил Хольгер и повернулся к нетерпеливо ерзающему великану. — Я буду состязаться с тобой, — объявил он.

— Три загадки! — прогреготал гигант. — И свяжи деву, чтобы она не могла улететь. Быстрее!

Хольгер не мог не подчиниться. Но, накручивая веревку на тонкие руки, он шепнул:

— Ты легко сбросишь путы, если дело примет дурной оборот.

— Нет, нет, я не убегу. Ведь тогда он обрушится на тебя... О черт!

Великан подбросил в огонь несколько сучьев.

— Начнем, рыцарь. Думаю, тебе лестно будет узнать, что сегодня ты имеешь честь состязаться с тем, кому принадлежит титул Мастера загадок девяти последних турниров. — Взглянув на Алианору, он облизнулся: — Лакомый для нас обоих приз.

Хольгеру стоило большого труда сдержаться и не ответить на ухмылку этого гиппопотама ударом меча.

— Ладно, — сказал он. — Первая загадка. Почему курица переходит дорогу?

— Что-о? — Великан разинул рот. Его огромные зубы блестели, как брусчатка после дождя. — Ты спрашиваешь об этом меня???

— Отвечай.

— Но ведь это вопрос для детей! Разумеется, чтобы оказать-ся на другой стороне!

— Неправильно, — покачал головой Хольгер.

— Врешь! — Великан вскочил.

Хольгер предостерегающе поднял меч.

— У этой загадки есть остроумный и абсолютно правильный ответ. И ты должен найти именно его.

— Такого я еще не слышал, — пожаловался великан. Однако снова опустился на корточки и погладил бороду своей грязной лапой. — Почему курица переходит через дорогу? Зачем же еще, если не для того, чтобы оказаться на другой стороне? Какой во всем этом аллегорический смысл? Поставим вопрос так: что такое курица? И что такое дорога? — Он закрыл глаза и стал медленно раскачиваться.

Алианора восторженно улыбнулась Хольгеру.

Время тянулось медленно, ужасающе медленно. Сияли ледяные звезды. Дул холодный ветер. Наконец великан открыл глаза. Свет костра заплесал в них двумя красными кляксами.

— Я нашел ответ, — объявил громоподобный голос. — Загадка эта подобна той, с помощью которой Тхази победил Гротнира пятьсот лет назад. Так вот, смертный, курица — это жизнь, которую она должна перейти с обочины рождения на обочину смерти. И хотя на дороге много опасностей — повозки войны и мира, ухабы труда и грязь греха, а в вышине кружит ястреб, имя которому Сатана, — но курица идет и переходит через дорогу. Она сама не знает, почему это делает, разве что поля на той стороне кажутся ей зеленее, чем на этой. Она переходит, потому что так суждено нам всем, — высокопарно и самодовольно закончил он.

— Нет, — сказал Хольгер.

— Не-е-ет? — Великан вновь вскочил.

— Тебе явно не хватает смекалки, — усмехнулся датчанин.

— Мне?! — оскорбленно взревел гигант, вызвав этим небольшую лавину. — Мне?! Что ж, я готов сдаться. Послушаем твой ответ. Почему же курица переходит через дорогу?

— Потому что обходить ее слишком долго.

Повисло молчание, а потом великан разразился проклятиями. Так как единственной целью Хольгера было стремление выиграть время, его не слишком заботил вопрос о чистоте жанра. Еще полчаса они препирались по поводу понятий «загадка», «вопрос» и «ответ», и это тоже было ему на руку. Благословенны будьте, лекции по семантике! Один только пересказ теории значений Бертрана Рассела убил минут десять, не меньше.

В конце концов великан пожал плечами.

— Ладно, — злое ще произнес он. — Учти, что завтра ночью я приду опять. Хотя в этом, может, и не окажется нужды. Давай свою вторую загадку!

Хольгер был готов.

— Ответь, что это такое: четыре ноги, желтые перья, живет в клетке, поет и весит четыреста килограммов?

Кулак великана ударил по земле так, что подпрыгнули камни.

— Ты спрашиваешь о какой-то неслыханной химере! Это не загадка!

— Если загадка, — возразил Хольгер, — это вопрос, ответ на который можно найти путем логических рассуждений, то я задал тебе именно загадку. — Он украдкой взглянул на восток. Кажется, там чуть-чуть посветлело?

Великан фыркнул и погрузился в раздумья. Похоже, он не слишком сообразителен, подумал Хольгер. Датский школьник ответил бы за одну минуту, а этот бегемот будет думать часами. Великан раскачивался и бормотал себе под нос. Костер почти угас.

Хуги дернул Хольгера за штанину.

— Не забудь о золоте, — алчно прошептал он.

— И о том проклятии, которое на нем, — добавила Алианора.

Внезапно великан ожил.

— Готово, — громыхнул он, потирая руки. — Я нашел ответ на твою загадку. Это две двухсоткилограммовые канарейки!

Хольгер чертыхнулся. Но всякий раз выигрывать невозможно.

— Отлично, Соломон. Третья загадка.

— Не называй меня Соломон. Баламорг — вот мое имя. Это грозное имя, и его навсегда запомнили вдовы и сироты и

разнесенные мною в щепки бастионы. Называй меня моим именем.

— Видишь ли, там, откуда я родом, Соломон — это обращение, исполненное уважения. Поэтому... — И Хольгер пустился в длинные нелепые комментарии, которые съели еще минут десять бесконечного времени.

Но Баламорг решительно оборвал его:

— Последняя загадка! И поспеши, а то я без жалости раздавлю тебя!

— Ладно, ладно, горячиться не стоит. Скажи лучше, что такое: зеленого цвета, с колесом, растет возле дома?

У великана отвисла челюсть.

— Хо! Как?

Хольгер повторил.

— Какого дома? — уточнил гигант.

— Любого.

— Значит, растет? Вопрос о фантастических деревьях, на которых колеса растут, как плоды, нельзя считать настоящей загадкой!

Хольгер уселся и демонстративно принялся чистить ногти концом ножа. Ему пришло в голову, что горящий магниевый стилет может оказаться так же опасен для великана, как свет солнца. А может и не оказаться. Однако, если дело дойдет до битвы, не стоит забывать про Пламенное лезвие. Он заметил, что силуэт великана, несмотря на то что костер почти догорел, стал виден гораздо отчетливее.

— В моих краях такие загадки задают друг другу дети, — сказал Хольгер.

Это была чистая правда. Однако уязвленное самолюбие заставило великана израсходовать еще несколько драгоценных минут на сопение и фырканье.

В конце концов он с сердитым ворчанием впал в свой обычный транс.

Небо на востоке медленно светлело. Каждая минута казалась вечностью.

Неожиданно великан встряхнулся, грохнул кулаком по земле и с досадой объявил:

— Сдаюсь. Солнце уже припекает, я должен искать убежище. Каков же ответ?

Хольгер поднялся.

— А почему я должен открыть его тебе?

— Потому что я так сказал! — Гигант поднялся во весь рост и прорычал: — Или я разорву сейчас деу на куски!

— Ладно, — сказал Хольгер. — Трава. Это трава.

— Трава? Но у травы нет колес!

— Я немного приврал, чтобы ты не догадался, — спокойно заявил Хольгер.

Баламорг взорвался от ярости. Ревущая гора мяса двинулась к рыцарю. Хольгер отскочил, стараясь держаться как можно дальше от Алианоры. Если он заставит ослепшего от злости великана побегать за ним хотя бы еще минут пять... разумеется, оставаясь при этом в живых...

— Кис-кис-кис! А ну, попробуй меня поймать!

И начались прыжки и финты, броски в сторону и катание по земле — и хлопки чудовищных лап в нескольких дюймах от тела. От этой гимнастики сердце Хольгера готово было выпрыгнуть из груди.

И вдруг — первый луч солнца упал на голову великана. Баламорг взвыл. Еще никогда и нигде не слышал Хольгер вопля, в котором было бы столько муки и ужаса. Великан рухнул — и земля ухнула, как от взрыва. Великан был не переставая и корчился, как гигантский червяк. Это было жуткое зрелище.

И вдруг вопль оборвался. В беспощадно ясных лучах солнца на том месте, где упал великан, лежала на земле удлинённая гранитная глыба с едва различимыми человеческими очертаниями. Лопнувшие шкуры лохмотьями свисали с нее. И это было последнее, что запечатлел взгляд Хольгера. Он упал и потерял сознание...

Когда он пришел в себя, его голова покоилась на коленях Алианоры. Солнце горело в ее волосах... солнце сияло в жемчуге ее слез...

Хуги скакал вокруг каменной глыбы.

— Злато, злато, злато! — горланил он. — Все они носят на поясе целый мешок! Быстрее, рыцарь! Разрежь мешок, и мы станем богаче, чем короли!

Хольгер поднялся и, прихрамывая, направился к Хуги.

— Лучше этого не делать, — предупредила Алианора, — однако, любимый, как ты решишь, так и будет. В дороге нам не помешает несколько монет. Но только прошу тебя: позволь мне нести это богатство — пусть проклятие падет на меня, только на меня.

Хольгер молча отодвинул Хуги и склонился над завязанной сумой, сшитой из грубой кожи. Несколько монет выпали из нее и, ослепительно сверкая, лежали рядом. Огромное богатство...

Но что это за запах? Нет, не терпкий смрад кожи, а совсем другой — чистый и легкий, какой бывает после грозы на расвете... Озон? Да! Но откуда?

— Боже! — вывалось у него.

Он подскочил как ужаленный, бросился к Алианоре, подхватил ее на руки и помчался бегом к лагерю.

— Хуги! Бегом! Быстрей! Прочь отсюда! Ни к чему не прикасайся, если тебе дорога жизнь!

В одну минуту их пожитки оказались собранными, и Папиллон галопом помчал их на запад. Только когда тропа нырнула за высокий утес, Хольгер придержал жеребца. Хуги и Алианора немедленно потребовали объяснений. Он вынужден был на ходу сочинить им историю о внезапном видении ангела, предостерегающего от смертельной опасности.

Его авторитет не позволил им усомниться.

А какими еще словами он мог объяснить им подлинную суть дела? Он и сам был не очень силен в ядерной физике. Помнил только обрывки лекций об экспериментах Лоуренса и Резерфорда. И о лучевой болезни.

Басни о проклятии, наложенном на золото погибшего великана, оказались чистою правдой. При превращении атома углерода в атом кремния должны выделяться радиоактивные изотопы, а в данном случае речь шла о многих тоннах вещества распада.

Глава 13

Теперь дорога шла вниз. Через несколько часов в лесу, по которому они ехали, стали попадаться следы человеческой деятельности: пни срубленных деревьев, кучи выкорчеванного кустарника и поляны, вытопанные скотом. Наконец — даже некое подобие дороги, петляющей сквозь чащу. По словам Алианоры, по этой дороге они могли еще до вечера добраться до какого-то городка. Хольгер дремал в седле: ночное приключение вымотало его, а медленная езда и пение птиц так сладко баюкали.

Они миновали брошенный хутор. Все говорило о былой зажиточности хозяев: основательный и просторный дом из тесаных бревен, аккуратные соломенные крыши над амбаром и овчарней. Однако дом был пуст, из трубы не шел дым, а по безжизненному подворью неуклюже скакал ворон. Ворон посмотрел на путников, склонив голову набок, и насмешливо каркнул.

— По следам видно, — сказал Хуги, — что хозяин свое стадо в город угнал или еще куда по дороге. Хотел бы я знать, зачем?

К вечеру они выехали из леса на открытую местность. Вокруг колосились поля пшеницы. Солнце падало за кромку гор, и первые звезды робко теплились на востоке. Было еще достаточно светло, и Хольгер заметил впереди на дороге облако пыли. Он

причмокнул, и уставший Папиллон сделал вид, что прибавил ходу. Алианора, гоняющая в небе голубей, опустилась на землю и приняла человеческий облик.

— Нет смысла беспокоить этих людей, — сказала она. — Они куда-то торопятся и явно чем-то встревожены.

Хуги потянул большим носом воздух.

— Гонят скотину за городские стены. Ух и смердит! Всем на свете — и навозом, и псиной, и потом, да вдобавок чем-то совсем не людским...

Стадо остановилось, и они догнали его. Несколько овец отбились и забрели в пшеницу. Пастухи и псы, безжалостно топчя хлеб, выгоняли их на дорогу. Странно, подумал Хольгер. Не очень похоже на бережливых крестьян.

Папиллон остановился: дорогу путникам преградили всадники с копьями наперевес. Это были коренастые, светлокожие бородачи, одетые в простые полотняные кафтаны, подпоясанные ремнями. И хотя они производили впечатление флегматичных и миролюбивых людей, что-то в их голосах и движениях говорило о мрачной готовности к драке.

— Кто вы такие? — спросил один из них.

— Сэр Хольгер из Дании со своими друзьями, — объявил Хольгер. — Я прибыл с миром и хотел бы найти в городе еду и ночлег.

— Ольгер? — переспросил другой и почесал затылок. — Вроде я где-то это имя слышал.

— Я прибыл издалека и в ваших краях проездом. Ты слышал не обо мне.

— Ладно, — сказал первый. — Стадо вот надо гнать. Приветствуем, значит, тебя, господин, в Лурвиле. Боюсь, что ты прибыл в недоброе время, но сэр Ив не откажет в гостеприимстве... Эй, ты там! — закричал он. — Вороти эту телку, а то она добежит до соседнего графства... Меня зовут Рауль, господин. Прости, что остановил тебя.

— Что у вас происходит? — спросила Алианора. — Зачем вы гоните скот за стены?

— Ну да, гоним, — кивнул Рауль. — Днем, значит, пасем его все сообща, а к сумеркам гоним в город. Нынче по ночам все, кто могут, за стены идут. Ни один храбрец, слышь, в одиночку за город ночью не сунется. Оборотень у нас шастает, вот так.

— Да что ты? — охнул Хуги.

— Ну. В последние годы все у нас пошло наперекосяк. В каждом доме беда на беде сидит. Нынешней весной, слышь, топор мой возьми да шмякни мне по ноге. А после и отца моего

рубанул. Три недели — посевную как раз — пролежали мы с ним пластом, слышь. И в каждой семье такие страсти. Люди говорят, все оттого, что Срединный Мир подымается. Черно-книжье в силу входит. — Рауль перекрестился. — Но этот волк-оборотень самая худшая из всех наших напастей, Христос нас сохрани.

— А может, это обычный волк? — спросила Алианора. — Только более сильный и ловкий?

— Может, и так, — мрачно хмыкнул Рауль. — Однако как понять, что простой волк столько ворот сломал и замков отворил? Да еще для потехи за один раз дюжину овец резал? А прошлой ночью, объясни мне, кто был? Пьер Большеног с женою Бертой дома, значит, сидели. Это в лесу, отсюда в трех милях. Ночью, значит. Тут он им окно выломал и ворвался. Из люльки дитя схватил — и бежать. Пьер его серпом, да только серп сквозь его ребра — как сквозь воду. Спасибо Берте: не растерялась ихватила его серебряной ложкой, из своего приданого, значит. Тут он и бросил дитя — слава Богу, не искалечил. И в то же окно утек. Вот, значит, какой это волк. Может, конечно, и простой.

— Нет, конечно, — согласилась Алианора.

Рауль плюнул на землю.

— Так что лучше мы поспим за стенами, пока эта нечисть не уберется. Пускай себе рыщет на голом месте. А может, мы когда и найдем того, кто его шкуру носит, найдем да сожжем. Да-а-а, — протянул он, — для всех он — большое несчастье, и для нашего сэра Ива. Ведь его-то дочь Рембер как раз к путешествию на запад готовится, дабы обвенчаться в Вене, значит, с третьим сыном маркграфа.

— Наш господин, наверное, не сможет принять тебя как положено, — добавил один из спутников Рауля. — Он теперь каждую ночь на крепостной стене. А госпожа Бланшфлор в постели: хворает она.

Хольгер подумал, что следовало бы предложить свои услуги для ночного дежурства, но после событий последней ночи и дня, проведенного в седле, он просто падал от усталости. Он кивнул крестьянам и тронул поводья.

Хольгер попросил рассказать подробнее об оборотнях, и вот что поведала Алианора:

— Есть два пути, с помощью которых человек может превращаться в животных. Первый — заклинания, обращенные на обычных людей. Именно таким образом превращаюсь в лебедя я. Другой путь — ужасный. Он для тех, кто рождается с двойной природой. Они не прибегают к заклинаниям, но

каждую ночь ими овладевает темное желание стать медведем, или кабаном, или волком... В человеческом облике они могут быть мягкими и спокойными, но в зверином — они сеют смерть до тех пор, пока не удовлетворят свою жажду крови. Страх перед разоблачением заставляет их возвращаться в человеческий облик. Их нельзя победить, потому что раны заживают у них мгновенно. Только серебра боятся они и, видя серебряное оружие, убегают...

— Постой, но... Выходит, этот оборотень откуда-то пришел сюда?

— Не обязательно. Скорее всего это кто-то из местных. Малая толика волчьей крови может долгие годы, а иногда даже всю жизнь дремать и оставаться скрытой от всех. Но в последнее время силы зла растут и могли разбудить спящего в ком-то демона. Оборотень, конечно, и сам должен быть очень напуган. Помоги ему Бог, когда люди дознаются, кто это.

Во всем этом была своя особая и обычная для этого мира логика. Вурдалак, по-видимому, был продуктом какого-то фокуса с генами. Если пропорции человеческих и волчьих генов были равны, тогда, вероятно, оборотень был оборотнем с младенчества, и его убивали сразу, когда отец обнаруживал в колыбели волчонка. Если пропорции были неравны, менять облик было сложнее. Обладатель такой наследственности мог носить в себе это проклятие, ничего не подозревая. Но только до того времени, пока не возростала мощь магического дуновения со стороны Срединного Мира, вызывающая биологические и химические изменения в организме...

Сумерки стали уже такими плотными, что приходилось напирать зрение, чтобы что-нибудь рассмотреть. Городок был обнесен крепкой деревянной стеной с узким настилом сверху. По нему сегодня и будет совершать обход сэр Ив. За стеной прятались одно- и двухэтажные деревянные домики. Узкие пыльные улочки были пропитаны запахом скота. Та, по которой они вошли в город, казалась немногим шире и прямее остальных.

Появление Хольгера привлекло к нему общее внимание. Женщины, дети, ремесленники в грязной одежде — все с чадающими факелами в руках — провожали его любопытными и почтительными взглядами. Хольгер остановил коня рядом с крепким бородачом. Тот погладил бороду и представился:

— Кузнец Одо, господин. К твоим услугам.

— Эта дорога приведет к двору вашего господина? — спросил Хольгер.

— Да, сэр рыцарь. Эй, Фродар, наш господин еще дома?

Юноша в потертых красных штанах и с мечом на поясе кивнул:

— Я оставил его минуту назад, уже полностью одетого и вооруженного. Он подкрепляется кружкой пива. Я его оруженосец, сэр рыцарь. Я провожу тебя: наш городок — настоящая головоломка.

Хольгер снял шлем и подставил потную голову под свежий ночной ветерок. На излишний комфорт здесь, конечно, рассчитывать не придется. Сэр Ив де Лурвиль скорее всего не очень богат, — провинциальный рыцарь с горсткой челяди, охраняющий этот край от разбойников и исполняющий обязанности судьи. Рауль едва не лопался от гордости, когда сообщал о свадьбе дочери своего господина с младшим сыном мелкого аристократа из западной провинции Империи.

Оруженосец двинулся вперед, подняв факел повыше. Хольгер пустил Папиллона следом. Едва они повернули в первую темную улочку, как где-то рядом раздался ужасный женский крик.

Мгновение — и шлем Хольгера очутился на его голове, а обнаженный меч в руке. Папиллон развернулся. Люди на улице сбились в толпу и тревожно галдели. Плающие факелы лили пляшущий свет. Верхние этажи домов тонули в полумраке. Хольгер заметил, что и окна и двери во всех домах плотно закрыты. В одном из этих запертых домов и кричала женщина.

Вдруг ставни одного из домов, запертые на железный засов, разлетелись вдребезги. Длинное косматое существо серо-стального цвета вылетело из распахнутого окна. Упав на землю, оно подняло голову. В ужасных челюстях бился младенец.

— Волк! — закричал кузнец. — Он в городе!

В окне показалась мать ребенка.

— Спасите! — завопила она. — Он вбежал через черный ход! Держите его, люди, держите! Пусть Бог накарает вас, мужчины, чего вы стоите?! Спасите мою Люси!

Папиллон рванулся вперед. Ребенок бился и плакал. Хольгер ударил мечом, но волк оказался проворнее: со сверхъестественной быстротой он проскользнул под брюхом Папиллона и помчался по улице.

Оруженосец Фродар встал на его пути. Не замедляя хода, волк прыгнул и пролетел над его головой. Сейчас он нырнет в ближайший переулок — и все, его не найти.

Раздалось хлопанье крыльев: на землю перед волком упал лебедь и атаковал его, целя клювом в глаз. Волк прижал уши, отпрыгнул и метнулся к переулку. Алианора вновь оказалась у

него на дороге — и обрушилась на чудовище, как снежный буран. Главное — она задержала его.

А Хольгер уже был рядом. Теперь настал его черед. И хотя на таком расстоянии от факелов он различал только темный силуэт врага, он рубанул мечом — раз, другой... Он почувствовал, как меч рассекает плоть. В темноте сверкнули глаза оборотня — зеленые, холодные, жуткие. Хольгер вновь поднял меч и в слабом свете вспыхнувшего поодаль факела заметил, что на клинке нет ни капли крови. Железо не ранило оборотня.

Папиллон ударил копытом, опрокинул волка и стал топтать его. Неуязвимая косматая тень откатилась в сторону и исчезла в темноте. Брошенный ребенок остался на земле, заливаясь слезами.

Прежде чем люди успели добежать к ним, Алианора снова стала человеком. Она подняла с земли испачканную кровью и грязью девочку и прижала к груди.

— Ах, бедное дитя, маленькая моя, уже все хорошо. И ничего с тобой не случилось. Разве что несколько царапинок. Перепугалась, бедняжка? Зато теперь ты сможешь рассказать своим детям, как лучший на свете рыцарь спас тебя. Вот ты уже и не плачешь...

Мужчина с окладистой черной бородой, очевидно, отец мальютки, почти вырвал девочку из рук Алианоры, прижал к себе и вдруг, отчаянно зарывав, упал на колени.

— Успокойся, — сказал Хольгер, — возьми себя в руки. Ребенок жив и невредим. Мне нужны люди с факелами. Ты, ты и ты, идите сюда. Мы должны схватить волка.

Часть мужчин, перекрестившись, отвернулась. Кузнец Одо потряс кулаком и мрачно спросил:

— Как мы это сделаем, рыцарь? Он не оставляет следов ни на земле, ни на камне. Он доберется до своего дома и снова станет одним из нас.

Хуги потянул Хольгера за рукав.

— Мы его выследим, если прикажешь, — сказал он. — У меня свербит в носу от его смрада.

Хольгер принял.

— Я ощущаю только запах навоза и помойки.

— Да, но ты ведь не лесовик. Быстро, рыцарь, спусти-ка меня на землю, а я уж пойду по следу. Только смотри, держись ко мне поближе.

Хольгер поднял Алианору в седло и двинулся за Хуги. Фродар и Одо шли по обеим сторонам от него, высоко подняв факелы. Сзади, вооруженные ножами и палками, двигались самые отважные из городских жителей. «Если мы его схватим, — по-

думал Хольгер, — нам понадобится силой удерживать его и попытаться связать. А там... Там будет видно».

Путь волка кружил по городу. Вскоре Хуги вывел их на рыночную площадь, мощенную брусчаткой.

— Запах острый, как горчица, — воскликнул он. — Никто на свете не смердит так, как оборотень, который недавно сменил обличье.

«Не результат ли это выделений каких-то желез?» — мелькнуло в голове Хольгера.

Они миновали площадь и двинулись по относительно широкой улице. В домах светились окна. Хуги, не отвлекаясь по сторонам, вел прямо и прямо — до тех пор, пока за спиной Хольгера не прозвучал испуганный голос Фродара:

— Нет! Только не дом моего господина!

Глава 14

Дом рыцаря выходил фасадом на церковную площадь. Кухня и конюшня стояли отдельно. Сам дом выглядел не слишком роскошно — деревянный, крытый соломой, он был немного просторнее, чем дачный домик в далекой Дании. Парадный вход был закрыт, из щелей в ставнях окон сочился свет. В конюшне надрывались псы.

Хуги подошел к двери, обитой железом.

— Волк вошел сюда, — сказал он.

— А мой господин и его семья там совсем одни! — Фродар подергал дверь. — На засове! Сэр Ив! Ты слышишь меня? Все ли в порядке?

— Одо, зайди в дом сзади, — приказал Хольгер. — А ты, Алианора, поднимись в воздух и следи сверху.

Он подъехал к двери и постучал в нее рукояткой меча. Кузнец с группой мужчин скрылся за углом. Хуги поспешил за ними. Отовсюду на площадь стал стекаться народ. В неверном свете факелов Хольгер узнал знакомые лица: пастухи с дороги. С копьём в руке к нему подошел Рауль.

Стук в дверь отзывался в доме эхом.

— Умерли они там, что ли? — вскричал Фродар. — Нужно взломать дверь! Люди, что вы стоите?!

— Нет ли в доме черного хода? — спросил Хольгер. Кровь стучала в висках, но он не испытывал страха перед чудовищем. Он делал работу, для которой был призван.

Хуги протиснулся к нему сквозь толпу и дернул за стремя.

— Здесь других дверей нет, — сообщил он. — А все окна закрыты наглухо. Я все обнюхал: волк в доме, он не выходил. Теперь он от нас не уйдет.

Горожане притихли и ждали, готовые ко всему. Свет факела осветил испуганное лицо какой-то женщины, блеснул на мокром от пота лбу мужчины, отразился в обнаженном клинке. Над толпой щетинилось оружие — копья, топоры, косы, пики, цепи...

— Нет никого, — ответил Фродар. — Прислуга, как стемнеет, расходится по домам. На ночь остается только старый Никола, но он вот он, вместе с конюхами. Давай войдем, сэр рыцарь.

— Именно это я и хотел предложить. Разойдитесь немного.

Фродар и Рауль быстро и грубо оттеснили толпу. Хольгер похлопал Папиллона по шее и шепнул ему:

— Ну, мальчик, покажи, покажи им, чего мы стоим.

Конь разбежался — и передние копыта с грохотом ударили в дверь. Засов отлетел. Путь был свободен.

Хольгер въехал в дом и оказался в длинном зале с глиняным полом, кое-где покрытым потрепанными циновками. Стены, вдоль которых тянулись лавки, были украшены охотничьими трофеями и оружием. Между стропилами колыхались запыленные боевые знамена. При свете свечей в канделябрах можно было убедиться, что в помещении никого нет. Из толпы, ввалившейся вслед за Хольгером, донеслись яростные восклицания. Кто-то, закованный в сталь, вырвался вперед и поднял меч.

— Кто ты?! Что это за разбой?!

— Сэр Ив! — воскликнул Фродар. — Волк не причинил тебе вреда?

— Какой волк? В чем дело, черт побери? Кто ты, рыцарь? Как ты объяснишь мне, что вломился в мой дом? Или ты мой враг? Если нет, то, клянусь Богом, ты сделал все для того, чтобы им стать!

Хольгер соскочил с коня и подошел к хозяину. Сэр Ив де Лурвиль был высоким худым мужчиной с апатичным лошадиным лицом и обвислыми серыми усами. Доспехи на нем были куда изысканнее, чем у Хольгера. Герб на его щите — черная волчья голова на фоне красных и серебряных полос — оказался необычайно точно соответствующим ситуации. Кто-то из его предков мог быть стопроцентным оборотнем, и, когда все об этом забыли, герб сохранил память...

— Я сэр Хольгер из Дании. Я и множество других людей видели волка собственными глазами. Только благодаря милосердному провидению нам удалось спасти ребенка, которого он похитил. Он убежал. Его след привел нас сюда.

— Да! — воскликнул Хуги. — След ведет прямо в дом!

Ропот пробежал по толпе.

— Ты лжешь, карлик! Я просидел здесь весь вечер. Никакой зверь не вбегал сюда. — Сэр Ив ткнул мечом в сторону Хольгера. — И здесь нет никого, кроме моей больной жены и моих детей. И если кто-то решится сказать, что я лгу...

Роль смельчака была ему не по плечу: голос выдавал его растерянность. Ему ответил Рауль:

— Если все это так, сэр Ив, то оборотнем, значит, должен быть кто-то из твоих домашних.

— Что? — гневно воскликнул рыцарь. — Видно, ты перетрудился сегодня. Я прощаю тебе эти слова. Но если кто-нибудь еще осмелится сказать так, отправится на виселицу!

— Лесовик! — сказал сквозь слезы Фродар. — Ты уверен?

— Кому вы поверили! — загрохотал сэр Ив. — Этому недочеловеку и какому-то неизвестному с большой дороги? Разве не я все эти годы охранял вас от зла?

За его спиной возник юноша лет четырнадцати, шуплый и светловолосый. На голове его был шлем, в руках — щит и меч.

— Я здесь, отец! — звонко выкрикнул он и впился в Хольгера зелеными злыми глазами. — Я, Ги, сын Ива де Лурвиля, хоть еще и не посвящен в рыцари, обвиняю тебя во лжи и вызываю на бой.

Хольгер был тронут. Мальчик еще очень молод, но его храбрость делает ему честь.

«Не торопись делать выводы», — одернул он себя. Оборотень может производить самое выгодное впечатление до тех пор, пока его метаболизм не разбудит в нем жажду убийства. Он вздохнул и вложил меч в ножны.

— Я не хочу сражаться, — сказал он. — Если люди скажут, что не верят мне, я уйду.

Горожане беспокойно зашевелились. Многие прятали глаза. Вдруг в дверях появился Одо: он расталкивал людей, прокладывая дорогу Алианоре.

— Дева-лебедь будет говорить! — крикнул он. — Дева-лебедь, которая спасла Люси! Тихо, вы там, поберегите лбы, или они кое у кого треснут!

Наступила полная тишина, нарушаемая только лаем собак на улице. Хольгер заметил, как побелели костяшки пальцев Рауля, сжимающего копье. Какой-то коротышка в одеянии священника упал на колени, прижимая к груди распятие. Ги разинул рот. Сэр Ив отшатнулся, как человек, получивший удар в живот. Все взгляды были прикованы к Алианоре. Она стояла в центре зала, стройная и гибкая, и свет свечей мерцал в ее каштановых волосах.

— Кто-то из вас обо мне слышал, наверное, — начала она. — Я живу у озера Аррой. Не люблю хвалиться, но в городах, которые ближе к моему дому — в Тарнберге, Кромодню, — вам расскажут, сколько заблудившихся детей я вывела из леса и как заставила саму фею Меб снять заклятие с мельника Филиппа. Я знаю Хуги с детства и готова поручиться за него. А сэр Хольгер... Счастье для вас, что могущественнейший рыцарь, какого когда-либо знал мир, прибыл к вам именно сейчас, чтобы освободить вас от волка, прежде чем тот успеет унести жизни многих. Будьте послушны ему — вот и все, что я хочу вам сказать.

Из толпы, ковыляя, вышел старик и, прищулив подслеповатые глазки, произнес в тишине:

— Ты что же, хочешь сказать, что это — Защитник?

— Ну-ну... — попробовал возразить Хольгер, но старик продолжал:

— Защитник? Тот, кто придет в час самой лютой напасти?... Дед рассказывал мне эту легенду, но не говорил имени... Так это, выходит, ты, сэр рыцарь? Ты?

— Нет, — сказал Хольгер, но его никто не услышал. Все, казалось, заговорили сразу. Рауль с копьём наперевес рванулся вперед.

— Святое небо! Моим господином не будет тот, кто пожирает детей! — крикнул он.

Фродар взмахнул мечом, но без особого рвения. Удар пришелся по древку копья. Мгновением позже четверо мужчин уже прижимали оруженосца к полу.

Сэр Ив бросился на Хольгера. Датчанин едва успел выхватить меч и отразить удар. Ответным ударом он расколол щит сэра Ива. И следующим выбил у него меч. Двое горожан скрутили своему господину руки. Ги полез в атаку, но был остановлен пиками, нацеленными ему в грудь.

— Рауль, Одо, успокойте людей! — приказал Хольгер. — Не позволяйте никого обижать. Ты, ты и ты, — указал он на троих молодых горожан, — охраняйте вход. Никто не должен отсюда выйти. Хуги и Алианора, идите за мной.

Он сунул меч в ножны и зашагал в глубину дома. Перпендикулярно главному залу шел коридор с резными деревянными панелями. Хольгер отворил крайнюю дверь и вошел в комнату, увешанную шкурами и гобеленами, траченными молью. Пламя свечей освещало лежащую на просторном ложе женщину. Прямые светлые волосы, милое лицо, болезненный румянец на щеках. Она прижимала ко рту платок и надсадно кашляла. «Грипп», — определил Хольгер.

Рядом с кроватью сидела девушка лет семнадцати. Безукоризненная фигурка, длинные светлые волосы, голубые глаза, маленький вздернутый носик и изумительно красивые губы. Она была одета в простое одноцветное платье, перетянутое пояском с золотой пряжкой.

Хольгер поклонился:

— Благородная дама и благородная девица, прошу извинить меня за это вторжение. Меня принудили к нему обстоятельства.

— Мы знаем, — нервно ответила девушка. — Я все слышала.

— Я имею честь говорить с дочерью сэра Ива, не так ли?

— Да. Мое имя Рембер. А это моя мать Бланшфлор.

Упомянутая дама трудно высморкалась и со страхом взглянула на Хольгера. Рембер нервно ломала пальцы.

— Я не могу поверить тебе, рыцарь, — продолжала она. — Ты утверждаешь, что один из нас... хищный зверь...

— След ведет сюда, — сказал Хуги.

— Значит, никто из вас не видел, как оборотень вошел сюда? — уточнил Хольгер.

Бланшфлор покачала головой. Рембер пояснила:

— Мы все были в разных комнатах. Ги в своей, я в своей, а мать спала здесь. Двери были заперты. Отец сидел в зале. Когда я услышала шум, то прибежала сюда, чтобы успокоить мать.

— Тогда выходит, что оборотень — сэр Ив, — сказала Алианора.

— Отец? Нет-нет! — испугалась Рембер.

Бланшфлор закрыла лицо руками. Хольгер повернулся к двери.

— Идем дальше, — скомандовал он.

Комната Ги располагалась под лестницей, ведущей в башню, а Рембер — напротив, в противоположном конце коридора. И та и другая оказались обставленными в полном соответствии со вкусами и интересами девушки и юноши их круга и возраста. Во всех комнатах имелись окна, выходящие во двор. Запах оборотня, по словам Хуги, витал повсюду. Зверь, по-видимому, навещался в эту часть дома из ночи в ночь. Правда, из этого не следовало, что все непременно должны были видеть его: он мог проникать через окно, когда все спали.

— Кто-то из них троих, — пробормотала Алианора.

— Ну да, — подтвердил Хуги. — Из четверых. Их мать тоже может быть оборотнем. Здоровье возвращается к нему, когда он меняет шкуру.

Помрачневший, Хольгер вернулся в зал. Рауль и Одо навели здесь образцовый порядок. Горожане стояли вдоль стен,

Папиллон сторожил вход, сэр Ив и Ги сидели в высоких креслах, привязанные ремнями. Фродар, тоже связанный, лежал на полу. Священник бормотал молитву.

— Ну? Что? — Рауль подбежал к Хольгеру. — Кто из них носит проклятие?

— Пока не знаем, — ответила за него Алианора.

Ги плюнул в сторону Хольгера.

— Когда я увидел тебя без шлема, то сразу подумал, что ты мало похож на рыцаря, — язвительно проговорил он. — А теперь, когда ты ворвался в покои беззащитных женщин, я наверняка знаю, что ты не рыцарь.

В зал зашла Рембер. Подойдя к отцу, она поцеловала его в щеку, потом обвела взглядом зал и сказала:

— Вы все хуже зверей, вы, поднявшие руку на своего господина!

Одо покачал головой.

— Нет, девица, — сказал он. — Господин, который не заботится о своих людях, не господин. У меня дома маленькие дети, и я не хочу, чтобы их сожрали живьем.

Рауль ударил копьем в пол.

— Волк должен умереть сегодня! — возвестил он. — Назови его имя, сэр Хольгер! Его или ее имя. Назови имя волка!

Хольгер промычал что-то невразумительное. От волнения у него пересохло во рту.

— Но мы не можем сказать! — воскликнул Хуги.

— Тогда... — Рауль обвел пленников пасмурным взглядом. — Может, зверь признается сам? Я обещаю ему легкую смерть: удар в сердце серебряным ножом.

— Обойдемся и железным, — продолжил Одо. — Ведь он в человеческом облике. Отвечайте. Я не хотел бы прибегать к пыткам.

— Если никто не признается, то придется умереть всем, — заключил Рауль. — Священник здесь — он исповедует.

Ги заскрипел зубами. Рембер окаменела. Из глубины дома донесся сухой кашель Бланшфлор. Ив, казалось, впал в забытие. Вдруг он тряхнул головой и сказал:

— Ладно. Это я оборотень.

— Нет! — крикнул Ги. — Это я!

Рембер усмехнулась:

— Они оба лгут. Настоящий оборотень — это я, добрые люди. Но не убивайте меня, ведь достаточно меня хорошо стеречь — до тех пор пока я не уеду отсюда к своему жениху в Вену. Там, далеко от Фейери, я буду за пределами сил, которые принуждают меня к превращениям.

— Не верьте ей! — крикнул Ги.

Ив затряс головой и замычал, как от зубной боли.

— Так дело не пойдет, — сказал Рауль. — Мы не можем допустить, чтобы оборотень ушел живым. Отец Вальдебрун, ты готов причастить членов этой семьи?

Хольгер достал меч и заслонил собой пленников.

— Пока я жив, здесь не прольется кровь невинного, — услышал он металлический голос, в котором с удивлением узнал свой собственный.

Кузнец Одо сжал кулаки.

— Я не хотел бы обижать тебя, сэр, но, если это понадобится для блага моих детей, я это сделаю.

— Если ты Защитник, — прозвучало в толпе, — то назови нам имя врага.

Снова настала напряженная тишина. Хольгер чувствовал, как его спину сверлят три пары глаз. Он должен найти ответ. Но как? Он не гений и не пророк, он всего лишь инженер-прагматик. Правда, теперь он не может, как когда-то, дать голову на отсечение, что все на свете вопросы можно решить с помощью одного только здравого смысла. Однако... эту загадку, кажется, можно... Он не детектив, но и оборотень не профессиональный преступник. Вся ситуация разложима на логические конструкции... Внезапная догадка буквально ошеломила его.

— Да! Слава Богу, да! — воскликнул он.

— Что? Что? — оживилась толпа.

Хольгер начал говорить. Удивительным было то, что он и сам не знал, чем закончит свой монолог, но толпа, не замечая его неуверенности, впитывала каждое слово.

— Тот, кого мы сегодня ищем, — оборотень от рождения. Ему не нужно магической кожи, как, например, Алианоре. А значит, одежда не может меняться вместе с ним, не так ли? Следовательно, на разбой он выходит голым. Фродар сказал мне за минуту до появления волка, что оставил своего господина в полном рыцарском облачении, пьющим пиво здесь, в доме. Но даже с посторонней помощью сэра Ив не смог бы в течение кратких минут снять с себя латы и оружие, которые и сейчас на нем, а затем облачиться в них снова. Следовательно, он не оборотень. Точно так же и Ги взял на себя вину только для того, чтобы выгородить кого-то другого. Он проговорился, сказав, что видел меня без шлема. А ведь сегодня я снимал шлем только однажды, когда спрашивал о дороге сюда. И надел его снова, когда началась суматоха. Волк не мог видеть меня без шлема. Он был в это время... точнее, она была в том доме. Она вбежала туда через заднюю дверь и выскочила в окно, закрытое ставнями.

Думаю, что Ги видел меня с вершины башни над его комнатой. И, следовательно, его не было там, где мы видели волка. Что касается леди Бланшфлор... — Хольгер задумался. Как, черт побери, объяснить им природу болезни, вызванной вирусами? — Леди Бланшфлор больна, и этой болезнью не болеют собаки и волки. И если бы она превратилась в волка, то мгновенно стала бы здоровой, но она была бы, конечно, слишком слаба, чтобы вести себя так агрессивно и дерзко. К тому же, превратившись, она убила бы вирус... то есть демона, вызывающего болезнь, — и после обратного превращения осталась бы здоровой. Но у нее жар и кашель. Думаю, ее нужно избавить от подозрений.

Рембер прижалась спиной к стене. Ее отец застонал и в мольбе протянул к ней руки.

— Нет... нет... нет... — повторял он.

Толпа свирепо заворчала и, выставив вперед копы и вилы, стала надвигаться на Рембер.

Девушка упала на четвереньки, черты ее лица стали стремительно искажаться.

— Рембер! — крикнул Хольгер. — Нет! Не нужно!.. Я не допущу!..

Рауль попытался достать ее копыем. Алианора бросилась к ней и обхватила руками текущее тело.

— Не нужно! — умоляла она. — Нет, сестра, вернись! Он спасет тебя, он обещает!..

Лязгнули клыки, пытаясь сомкнуться на ее плече. Алианора ловко натянула губы волка на его клыки. Теперь он не мог ее укусить.

— Сестра! Сестра! Мы хотим тебе только добра!

Чтобы удержать толпу, Хольгер вынужден был пустить в ход кулаки. Несколько самых горячих оказались на полу — это успокоило остальных. Они остановились и замолчали, глядя исподлобья.

Хольгер обернулся к Рембер. Человеческий образ вернулся к ней, и она, рыдая, прижалась к Алианоре.

— Я совсем не хочу этого! Я не хочу! Это накатывает само! Я боялась... Меня сожгут... Отец Вальдебрун, отчего я проклята? Теперь мне гореть в аду?.. О, дети так кричат...

Хольгер обменялся взглядом со священником.

— Это болезнь, — сказал он. — Здесь нет ее злой воли. Что она может сделать...

Сэр Ив смотрел перед собой отсутствующим взглядом.

— Я подозревал, что это она, — пробормотал он. — Когда волк вбежал в дом, я знал, где Бланшфлор и Ги... Я запер дверь. Я хотел... Я думал, мне удастся ее удержать, а потом она уедет.

— Почему бы и нет? — вмешался Хольгер. — По-моему, это разумно. Если увезти ее достаточно далеко, влияние сил Срединного Мира ослабеет и превращения прекратятся. До той поры ее нужно, конечно, хорошенько стеречь.

— Пролетится свет и осветит ее душу, — мягко сказал священник. — Тогда ей потребуются воля и утешение.

— Честно говоря, — продолжал Хольгер, — она пока что не совершила ничего ужасного. Ее отец выплатит компенсацию тем, кто понес какой-либо ущерб, а также родителям раненых детей. Их, кажется, всего двое? И отвезет ее в Вену как можно скорее. Я думаю, хватит и сотни миль, чтобы уйти от опасности. В Империи, конечно, обо всем этом знать не должны.

Рауль бросился к ногам сэра Ива, а Одо, сопя, стал возиться с узлами веревок.

— Господин, прости нас! — воскликнул пастух.

Ив слабо улыбнулся:

— Боюсь, что это я должен просить прощения. И прежде всего — у тебя, сэр Хольгер.

Рембер подняла заплаканное лицо.

— За-заберите мен-ня отсюда, — всхлипнула она. — Я чувствую, как темнота возвращается. Заприте меня до рассвета... А завтра, сэр рыцарь, я смогу отблагодарить тебя... Ты спас мою душу.

Фродар повалился Хольгеру в ноги.

— Защитник вернулся! — слезливо закричал он.

— Только без этого вздора! — отрезал датчанин. — Я вернулся в ваш город ради куска мяса с хлебом. Или я могу рассчитывать еще и на глоток вина?

Глава 15

Популярность Хольгера стала такой, что теперь он не мог и шагу ступить, не будучи окружен толпой почитателей. Леди Бланшфлор заставила его благословить ее и спустя несколько часов действительно оказалась совершенно здоровой. Она выздоровела бы и так: кризис уже миновал, но Хольгеру сразу стало мерещиться, как он кочует по округе и врачует приступы радикулита и фурункулез.

Однако им надо было спешить к волшебнику-эксперту, пока фея Моргана не придумала новую чертовщину. Поэтому к вечеру следующего дня они оставили Лурвиль и двинулись дальше. Сэр Ив настоял, чтобы Алианора приняла от него в подарок верховую лошадь, и она с удовольствием дала себя уговорить. С таким же удовольствием они взяли бы и деньги, но ни один

уважающий себя рыцарь не имел, увы, права коснуться этой низменной темы.

Следующие несколько дней были самыми приятными днями их путешествия. Путь лежал через холмы и долины, сквозь прозрачные рощи. Они останавливались, где хотели, и позволяли себе долгие стоянки на берегах рек и озер, где ловили рыбу и наслаждались купанием. Время от времени мелькал в стороне бледный силуэт лесной нимфы, но Срединный Мир, казалось, забыл об их существовании.

Единственное, что смущало порой Хольгера, — неправдоподобная естественность Алианоры. Трудно было найти более неунывающего и покладистого спутника, но привыкнуть к ее манере сбрасывать тунику при виде каждого водоема, пригодного для купания, он не мог. В придачу время от времени появлялись ее лесные приятели. Белку, принесшую в подарок орехи, еще можно было перенести, но, когда в лагерь заявился лев и положил к ее ногам оленью тушу, Хольгер дрогнул.

Однако главная проблема заключалась в ее отношениях к нему. Черт побери, он не имел никаких серьезных намерений! Развлечения в стогу сена с кем-нибудь вроде Меривен — совершенно другое. А он при первой же возможности намерен вернуться в свой мир, так что роман между ними заведомо обречен. Хольгер решил оставаться джентльменом до конца, но, черт возьми, она ни на йоту не упрощала его задачу и буквально льнула к нему.

Однажды вечером Хольгер отозвал Хуги в сторону. Целый час перед этим он желал спокойной ночи Алианоре, эта процедура требовала от него слишком много поцелуев и сил...

— Хуги, — сказал он, — ты знаешь все, что происходит между мной и Алианорой.

— А то как же! — хмыкнул гном. — Глаза-то у меня есть. Слишком долго, скажу я, жила она в дикости, среди зверья да лесного народа.

— Но... ты сам предупреждал меня, чтобы я вел себя с ней поприличнее.

— Тогда я тебя еще не знал. А теперь вижу, что дивно же вы друг дружке подходите. Девке всегда парень нужен. Так что ты да она могли бы царить в лесах наших. А мы бы радовались.

— Значит, ты мне помочь не хочешь?

— Это я тебе не помогал? — обиделся Хуги. — Да не счесть, сколько раз я нарочно к вам затылком сидел или в лес уходил, чтобы одних вас оставить.

— М-да... Помощник. Ладно.

Хольгер раскурил трубку и уныло уселся у костра. Он никогда не был донжуаном. И никак не мог взять в толк, почему в этом мире женщины бросаются в его объятия одна за другой. Меривен и Моргана преследовали самые низменные цели, но почему обязательно с ним? Алианора же самым банальным образом влюбилась в него. Странно. Он не питал иллюзий относительно своей внешности.

По всей вероятности, в этом был виноват его двойник из этого мира. Он был здесь кем-то очень значительным. И хотя, наверное, неспроста из всех людей Земли был выбран именно Хольгер, тем более очень хотелось знать, кем был тот, кто носил на своем гербе три сердца и трех львов?

Поразмыслим. На основании всего, чему он явился свидетелем, попробуем реконструировать эту личность. Прежде всего он могучий воин, что здесь особенно ценилось. Импульсивный и рассудительный одновременно. Искатель приключений. Не бабник, но и не святоша. Наверное, немного идеалист. Моргана проговорила, что он защищал Порядок бескорыстно и мог бы получить больше от Хаоса. Он, должно быть, умел управляться с женщинами, иначе такая сильная и умная особа, как она, не затащила бы его на Авалон... Кстати, Авалон... Хольгер поднес к глазам правую руку. Эта самая рука покоилась на малахитовых перилах, выложенных серебром и рубинами. Солнце золотило волоски на пальцах... Серебро было теплее камня, а рубины пылали, как капли крови... Перила шли по краю обрыва над отвесной стеклянной скалой... Свет дробился в гротах на миллионы осколков, и его брызги — красные, желтые, фиолетовые — осыпались в море. А море было темным, с пурпурным отливом и поразительно белыми барашками волн... Авалон — плавучий остров, скрытый волшебным туманом...

Он посидел еще немного, глядя на огонь, и отправился спать.

Дней через семь они выехали на обширную равнину. На пологих склонах холмов колосились пшеница и рожь, на сочных пастбищах паслись лохматые лошаденки, коровы и овцы. В качестве строительного материала местные жители употребляли глину: все чаще путешественники натывались на домики с глиняными стенами. Домики то и дело сбивались в крохотные деревеньки. Время от времени у дороги вырастали деревянные замки с дубовыми заборами. Горы, через которые они перевалили, вместе с темной пеленой Фейери, давно скрылись из виду. Однако на севере Хольгер заметил зубчатую линию более мощной горной цепи. Она была едва различима. Три высокие снежные

вершины как бы парили в воздухе, отделенные от своих оснований. Хуги сообщил, что за этими горами также лежит область Срединного Мира. Поэтому то, что мужчины здесь, даже работая в поле, не снимали оружия, не было странным. Не удивило Хольгера и то, что изощренная иерархическая система Империи была здесь упрощена и избавлена от лишних формальностей. Рыцари, в домах которых они ночевали в две последующие ночи, были неграмотны и не велеречивы, зато полны доброжелательности и интереса к новым людям.

На третий день пути по равнине, перед заходом солнца, они въехали в Тарнберг. По словам Алианоры, в восточной части герцогства это местечко более всего походило на город.

Но в городе было невесело. Барон и все его сыновья пали в битвах с северными варварами, баронесса уехала к родственникам на запад, а наследники не спешили вступать во владение наследством. Упадок этой семьи был только фрагментом тех бедствий, которые постигли эти края за последние годы. Тарнбергом управлял неопытный совет горожан, который только и мог, что следить за сменой караулов на городских стенах.

Въехав в ворота, Хольгер увидел перед собой прямую мощеную улицу, по которой бегали дети, собаки и свиньи.

Разнокалиберные деревянные и каменные дома стояли вплотную друг к другу. Улица утыкалась в церковь.

Папиллон продвигался сквозь толпу ремесленников и женщин, которые пялили глаза на Хольгера и отвешивали ему неуклюжие поклоны.

Хольгер натянул на щит чехол — реклама ему была ни к чему. Здесь, оказывается, знали Алианору. Люди окликали ее:

— Эй, дева-лебедь, какие новости ты принесла?

— Что это за рыцарь с тобой?

— Что слышно в лесах, дева?

— А что с Шармеманом, а?

— Не видала моего кузена Эрсена?

— Что, Фейери продолжает копить силы? — взволнованно спросил кто-то.

Многие перекрестились.

— Может быть, ты привела нового господина, который защитит нас?

Девушка отвечала натянутой улыбкой. Среди людей и каменных стен она чувствовала себя не в своей тарелке.

Наконец они очутились перед домом, который был, пожалуй, в городе самым ветхим. Над дверью висела вывеска. Хольгер прочитал:

МАРТИНУС ТРИСМЕГИСТУС

Магистр магии

Заклинания. Чары. Предсказания.

Исцеления. Любовные напитки.

Благословения. Проклятия.

Всегда-полные-кошельки.

Особая скидка при крупных заказах.

— Ого! — Хольгер поднял брови. — Смахивает на визитную карточку коммивояжера.

— О да! — поддакнула Алианора. — Он также городской аптекарь, дантист, писарь и ветеринар.

Она ловко соскользнула на землю. Хольгер тоже спешился и привязал Папиллона к столбу у крыльца. Тотчас, как из-под земли, на противоположной стороне улицы выросло несколько подозрительных личностей.

— Присмотришь за конем, Хуги? — спросил Хольгер у карлика.

— Зачем? — удивился тот. — Дураку, который вздумает украсть Папиллона, можно хоть сейчас спеть за упокой.

— Именно этого я и опасаясь, — хмыкнул Хольгер.

Он взялся за ручку двери и остановился. Стоит ли рассказывать волшебнику все до конца? Алианора его хвалит, а больше, кажется, обращаться не к кому. Он распахнул дверь и вошел. Мелодично звякнул колокольчик. Темное и пыльное помещение было завалено самым диковинным хламом: склянки, колбы, ступы, перегонные кубы и реторты, огромные фолианты в кожаных переплетах, человеческие черепа, чучела животных и еще Бог весть что — все это в чудовищном беспорядке громоздилось на шкафах, столах, полках и просто на полу. Из угла зыркнула сова. Через комнату прошествовал белый кот.

— Иду, иду, благородные господа, — послышался тонкий голос. — Минуточку!

Откуда-то из глубин хлама появился, потирая руки, магистр Мартинус — маленький лысый человечек в застиранной черной хламиде, украшенной знаками зодиака. Редкая бороденка казалась приклеенной, близорукие глазки непрерывно моргали, а на губах играла неуверенная улыбка.

— Рад, рад приветствовать вас, господа! Надеюсь, вы в добром здравии? — Он прищурился. — О, никак это прелестная дева-лебедь? Входи, входи, моя дорогая. Или ты уже вошла?.. Ну да, разумеется, раз ты уже здесь, ты, конечно, уже вошла.

— У нас просьба, Мартинус, — сразу взяла быка за рога Алианора. — Она может оказаться обременительной, но нам не к кому, кроме тебя, обратиться.

— Прекрасно, прекрасно! Я сделаю все, что смогу, все, что смогу, для тебя, дорогая дева-птица, и для твоего благородного спутника. Уверяю вас. Извините. — Мартинус подбежал к стене и смахнул пыль с висящего на ней пергамента.

Пергамент уведомлял, что Мартинус, сын Холофи, достойно справился со всеми премудростями науки, выдержал экзаменационные испытания и удостоен титула магистра в области магических наук со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Я только боюсь, маэстро... — Хольгер хотел честно признаться, что у него нет ни гроша за душой, но острый локоток Алианоры не позволил ему обнародовать эту глупость.

— Страшные тайны связаны с нашим делом, — поспешно подхватила она. — Ни один рядовой волшебник не в силах справиться с ними, и потому я привела этого рыцаря сразу к тебе. — Она одарила мага обольстительнейшей улыбкой.

— Прошу вас, прошу, — пригласил их Мартинус и засемянил в соседнюю комнату, такую же захламленную, как и передняя. Он убрал со стульев книги, освободил угол стола, сдул с него пыль, бормоча извинения и проклятия в адрес нерадивых слуг, потом хлопнул в ладоши и приказал: — Вина! Поддай нам вина и три кубка! — Подождал, прислушиваясь, и повторил: — Эй, ты там! Проснись! Вина, говорю тебе! Вина и три кубка!

Хольгер осторожно сел на жалобно заскрипевший стул.

Алианора присела на краешек другого. Мартинус плюхнулся на свой, забросил ногу на ногу, переплел пальцы рук и деловито спросил:

— Итак? Итак, рыцарь, что у тебя за проблемы?

— Как тебе сказать... — начал Хольгер. — Вся эта история началась... Просто не знаю, с чего начать.

В этот момент в комнату вплыли по воздуху бутылка и три запыленных кубка.

— Наконец-то! — буркнул волшебник, когда бутылка опустилась на стол. — Ну и времена! Невозможно, невозможно, поверите ли, подыскать порядочную прислугу! Возьмите этого духа. Крайне, крайне нерадив и невыносим! Когда я был молод, все было совершенно иначе. Тогда они знали свое место. А возьмите товар, с которым сегодня имеешь дело! Травы, мумии, растертые жабы... Разве такой товар был раньше? А цены? — Он закатил глаза. — Ты не поверишь, дорогой рыцарь, но в последнее время...

Алианора кашлянула.

— Что? О, простите меня, — спохватился Мартинус. — Разболтался. Скверная привычка, скверная. — Он наполнил

кубки. — Итак; продолжай, дорогой рыцарь, прошу тебя, продолжай. Рассказывай все как есть.

Хольгер вздохнул и рассказал все. Время от времени Мартинус перебивал его вопросами, цокал языком и теребил бородку в знак озабоченности. Когда Хольгер дошел до Матери Герды, волшебник покачал головой:

— Знаю, знаю эту особу. Ничего удивительного, что тебя взяли в такой оборот. Она давно заигрывает с черной магией. И, скажу тебе, из-за таких вот невежественных кустарей-одиночек дипломированные профессионалы теряют доверие, а значит, и клиентуру. Но продолжай, продолжай, рыцарь.

Когда Хольгер закончил рассказ, Мартинус дернул себя за бороду и воскликнул:

— Удивительная история! И я думаю, рыцарь, твои догадки правильны. Ты попал в центр каких-то действительно важных событий.

— Кто я такой? — спросил Хольгер. — Чей это герб — три сердца и три льва?

— Боюсь, что не знаю, сэр Хольгер, боюсь, что не знаю. Возможно, это герб какой-нибудь крупной фигуры из западных стран. Может, из Франции? Знаешь ли ты, что Мир Порядка — человеческий мир — со всех сторон окружен доминионами Хаоса? Он — только остров в море Срединного Мира. На севере живут великаны, на юге — драконы. Здесь, в Тарнберге, восточная граница стран, населенных людьми. Рукой подать до Фейери и Тролльхейма. Чего ждать от них? Мы не знаем. Слухи идут быстро, но по дороге искажаются до неузнаваемости. Что тут говорить, если даже о человеческих странах на Западе мы мало что знаем! Франция? Испания? Слухи, одни только слухи. Нет, я не могу ответить тебе, рыцарь. Наверно, владелец этого герба принадлежит к знатному роду. Но при чем тут ты? Нет, даже не стану спрашивать свои книги. Тем более что у меня в библиотеке некоторый, знаете ли, беспорядок... М-да... Однако, — неожиданно перешел он на серьезный и значительный тон, — я думаю, мы можем сделать кое-какие выводы. Вероятно, рыцарь львов и сердец был для Хаоса слишком серьезным противником. Вероятно, он был одним из избранных, вроде Карла, Артура и им подобных. Я имею в виду избранность не праведника, а миссионера. Это тяжелая ноша. Рыцари Круглого Стола ушли в мир иной, Карл — тоже. Но на их место должны были прийти другие герои. Хаос понял это и решил опередить события и устранить возможных кандидатов. Предположим, за дело взялась Моргана. Она сблизилась с потенциальным героем, лишила его памяти, потом превратила в ребенка и отправила в

другой мир в полной уверенности, что он не сумеет вернуться до тех пор, пока Хаос не одержит окончательной победы. Не могу понять, почему она попросту не убила его? Возможно, его жизнь охраняется силой более могущественной, чем сила феи Морганы. Во всяком случае ясно, что в момент, который был сочтен переломным, ты все-таки был возвращен обратно. Кто это сделал? Бог? Не думаю. При всем моем уважении к тебе. По-видимому, просто подействовал некий Мировой Закон, согласно которому в случае чрезвычайной нужды должен появиться герой! Должен! Понятно, что Срединный Мир во что бы то ни стало будет пытаться во всем препятствовать ему.

Ему или тебе, что, кажется, одно и то же. Вот так, — подытожил Мартинус. — Понятно, что это только догадки, мой дорогой рыцарь, только догадки. Гипотезы. Однако всеми известными нам факторами они подтверждаются, не так ли?

Хольгер сидел понурившись. Влип. Кому понравится быть послушной фигуркой в чьей-то шахматной партии?

Нет, это не для него. Никто не может лишить его свободы воли. Мировой Закон? К черту! Почему он должен считаться с чужими законами?

— К делу! — нетерпеливо воскликнул он. — Удастся тебе вернуть меня обратно?

Алианора печально вздохнула.

Мартинус покачал головой:

— Нет, рыцарь. Боюсь, эта задача мне не по плечу. И, думаю, она не по плечу кому бы то ни было, будь он человек или обитатель Срединного Мира. Если мои догадки верны, то ты не просто втянут в борьбу Порядка и Хаоса, но играешь в ней центральную роль. — Он вздохнул. — Быть может, раньше, когда я был молод, нахален и весел, я попытался бы рискнуть. Если бы ты знал, каковы они — проделки студентов с факультета магии... Однако с тех пор утекло много воды, и я отдаю себе отчет... Боюсь, от меня будет мало толку.

— Что же мне делать? — беспомощно спросил Хольгер. — Куда мне идти?

— Не знаю... Разве что... Искать меч Кортана. Он выкован из той же стали, что и Жуазе, Дурандаль, Эскалибр. По преданию, он освящен кем-то из отцов церкви. В руках правоверного владельца Кортане надлежало охранять христианский мир. Но меч украден. Говорят, подданными феи Морганы. Она не в силах уничтожить его, но с помощью язычников-дикарей где-то спрятала.

— Я должен его найти?

— Это опасно, мой юный друг, это очень опасно. Однако больше мне в голову ничего не приходит. Знаешь что? — Мартинус хлопнул Хольгера по колену. — Мы сделаем вот что! Моих сил и знаний — кстати, некоторые утверждают, что они весьма значительны, — хватит, чтобы узнать, где спрятан меч. Да-да, так мы и поступим. Это будет наилучшим решением.

— Я безмерно тебе благодарна, — сказала Алианора.

Опасности были для нее пустым звуком. Главное, Хольгер задерживается в этом мире на неопределенный срок.

— Боюсь, что у меня тесновато, — сказал Мартинус. — Но в городе есть постоянный двор, где вы найдете все, что пожелаете. Передайте заодно хозяину, что я не забыл о его долге... М-да... Кстати, кстати... Может быть, ты хотел бы, рыцарь, избежать встречи с этим сарацином? У меня найдется все для полного преображения — по умеренной цене.

— С каким сарацином? — удивился Хольгер.

— Как? Я тебе не сказал? Ах, дырявая голова! Нужно все записывать, все записывать. Так вот, тебя ищет какой-то сарацин. Он тоже сейчас в городе.

Глава 16

Мартинус порылся в своих фолиантах и развел руками: вернуть Хольгеру память он оказался не в силах. Зато с помощью нескольких пассов и вонючего дыма он снабдил датчанина новой внешностью. Взглянув в зеркало, Хольгер увидел, что кожа его лица потемнела, волосы и борода стали черными, а глаза из голубых превратились в карие.

— Раньше ты мне больше нравился, — вздохнула Алианора.

— Когда захочешь вернуть свой естественный облик, — сказал Мартинус, — воскликни: «Белгор Меланхус!» Или, возможно, Кортана сам развеет мои чары.

— Неплохо было бы поработать и над моим конем, — заметил Хольгер. — Он слишком бросается в глаза.

— Но-о-о... — запротестовал было Мартинус.

— Пожалуйста, — попросила Алианора.

— Ну хорошо-хорошо. Введите его сюда. Но чтобы он вел себя тут пристойно.

Папиллон заполнил собой всю переднюю. И вскоре из дома вышел конь каштановой масти. Махнув рукой, Мартинус предложил изменить, по выбору Хольгера, и герб. Хольгер вспомнил Айвенго — и его щит тут же украсило вырванное дерево.

— Приходите завтра, и я сообщу все, что сумею узнать, — велел волшебник. — Но не раньше, не раньше полудня. А то вы,

странники, думаете, что если солнце взошло, то день, почитай, скоро кончится.

Они покинули дом чародея в сумерках. Темнота быстро сгустилась, и искать путь к постоялому двору им пришлось чуть ли не на ощупь. На пороге дома их встретил улыбающийся толстяк.

— Вы ищете ночлег! Прекрасно! У меня есть покои, в которых останавливались даже коронованные особы!

— Нам нужно две комнаты, — сказал Хольгер.

— Я могу спать на конюшне, — небрежно обронил Хуги.

— Две комнаты!

Толстяк кивнул. Путешественники спешили. Алианора подошла к Хольгеру и тихо спросила:

— Зачем нам две комнаты? У костра мы спали бок о бок.

Ее волосы пахли солнцем.

— Здесь я не доверяю себе, — буркнул он.

Она захлопала в ладоши:

— Но это здорово!

— Что?! Ну нет! К черту! Две комнаты!

Хозяин опять кивнул и улыбнулся, но, улучив момент, когда на него никто не смотрел, выразительно постучал пальцем по лбу.

Он проводил гостей в комнаты, меблированные только кроватями, но довольно опрятные. До сих пор Хольгеру как-то удавалось обходиться без денег, но сейчас он с ужасом подумал, как он будет расплачиваться с хозяином. Алианору, разумеется, финансовые проблемы не интересовали. И еще об одном подумал Хольгер с тревогой. Каждая собака в этом городишке, разумеется, уже знала о его приезде. И все знали, конечно, что прибыл блондин, а у Мартинуса превратился в брюнета. Эти сведения с легкостью дойдут до сарацина.

Хольгер снял доспехи и переоделся в свою лучшую тунику. На всякий случай нацепил меч. Вышел из комнаты и наткнулся на Алианору.

— Пойдем поужинаем? — неуверенно предложил он.

— Пойдем, — глухо ответила она и неожиданно схватила его за руку. — Хольгер! Я совсем не нравлюсь тебе?..

— Да нет... Ты мне нравишься...

— Я знаю, я дикая и некрещеная... Дикая птица... Но я могу с этим проститься, Хольгер! Я могу стать обычной женщиной... дамой!

— Видишь ли, Алианора... Ты прекрасно знаешь, что я должен вернуться домой. Что ни говори, а это не мой мир и в нем нет для меня места.

— А если тебе не удастся вернуться? — горячо прошептала она. — Если тебе придется остаться?

— Тогда... тогда это будет совсем другая история...

— Я не хочу, я не желаю, чтобы ты возвращался! Нет, нет, я буду, я буду изо всех сил помогать тебе, потому что ты... — Она отвернулась. — Почему жить так непросто?

Он взял ее за руку, и они спустились по лестнице.

В обеденном зале постоянного двора пылал камин. Зал был узким и длинным с низким и темным потолком. За большим общим столом сидел только один человек. При появлении Хольгера он вскочил и воскликнул: «Ожь...» — но осекся.

— Простите, я обознался, благородные господа. — Он поклонился. — Я принял тебя за другого, рыцарь. Еще раз прошу прощения.

Хольгер подвел Алианору к столу. Вероятно, это был тот самый сарацин, который искал его. Среднего роста, худощавый и гибкий, он выглядел весьма элегантно в своих просторных белых одеждах и красных башмаках с загнутыми носами. На поясе — кривая сабля, на голове — тюрбан с изумрудом и страусиным пером. Темное узкое лицо, орлиный нос, короткая аккуратная бородка и золотые серьги в ушах. Он двигался легко и плавно, как кошка, а говорил мягко и вежливо, но с первого взгляда было понятно, что в бою он мог оказаться опасным противником...

— Мы охотно извиняем тебя, — галантно ответил датчанин. — Осмелюсь представить тебе госпожу Алианору... де ля Фор. А я... хм... сэр Руперт из Граустарка.

— Боюсь, что ничего не слышал о твоих владениях, рыцарь, поскольку прибыл я с далекого юго-запада и в этих краях только гость. Сэр Карау, — представился он. — Некогда король Мавритании, к вашим услугам. Не соблаговолите ли разделить со мной трапезу?

— Охотно, сэр Карау, — без промедления согласился Хольгер. Король, готовый оплатить счет, был весьма кстати.

Они уселись. Необычный наряд Алианоры явно смущал Карау, и он старательно отводил от нее глаза. Выбор меню он взял на себя, перепробовал все хозяйские вина, покритиковал их и указал, какой именно сорт подавать к тому или иному блюду. Хольгер не мог удержаться от замечания:

— Я полагаю, что твоя религия, рыцарь, запрещает употреблять спиртное.

— Ты принимаешь меня за кого-то другого, сэр Руперт, — отозвался сарацин. — Я христианин, как и ты. Да, когда-то я сражался на стороне еретиков, пока справедливый и благородный рыцарь, одолевший меня в бою, с истинной щедростью не открыл мне свет истинной веры. Но должен признаться, что, останься я мусульманином, я все равно не осмелился бы нанести оскорбление прекраснейшей из дам и не выпить за ее здоровье.

Ужин прошел под аккомпанемент приятной легкой беседы. Потом Алианора зевнула и отправилась спать. Карау и Хольгер уселись поудобнее: им предстояло главное — основательная мужская пьянка. И хотя Хольгер честно пытался уклониться, сарацин настоял.

— Для меня истинное счастье оказаться в обществе человека, который в равной степени умеет сложить изысканный сонет и скрестить меч, — заявил он. — Такие встречи — большая редкость в этом диком краю. Поэтому прошу не отказывать мне в любезности, рыцарь.

— Ты прав, это дикое края, — согласился Хольгер и с деланным равнодушием добавил: — Такого рыцаря, как ты, могла привести сюда только какая-то крайняя необходимость.

— Да, я ищу одного человека. — Карау пристально посмотрел Хольгеру в глаза. — Может быть, ты о нем слышал? Он высок и могуч, как ты, только со светлыми волосами и кожей. Под седлом у него черный конь, а в гербе он носит либо орла — чернь на серебре, либо три сердца и трех львов — золото и багрец.

— Хм! — как можно равнодушнее хмыкнул Хольгер. — Мне кажется, что-то такое слышал... Как, ты говоришь, его имя, рыцарь?

— Я не называл имени, — ответил Карау. — Пусть это имя будет таким, каково оно есть, да простишь ты мне эту скрытность. Дело в том, что у него много врагов, которые не замедлят напасть на него, как только прознают, где он находится.

— Он твой друг?

— Прости еще раз, но будет лучше, если и мои отношения с ним останутся тайной. О, это не значит, что я не доверяю тебе, сэр Руперт, но и у стен могут быть уши. А я здесь одинок, и не только в этой части света, но и вообще в вашем времени.

— Что-о-о???

Карау кинул на Хольгера изучающий взгляд.

— Вот об этом я могу рассказать без утайки. С человеком, которого я ищу, я познакомился несколько столетий назад. Но вскоре он куда-то исчез. Потом мы встретились снова, и он снова исчез. Потом мне стало ясно, что он появляется всегда в тот момент, когда прекрасной Франции начинает грозить опасность. Я долго искал его. Однажды во время странствий по морю шторм выбросил меня на берег плавучего острова И-Бразель, и я оказался в гостях в замке прекраснейшей из всех земных женщин. — Он грустно вздохнул. — Время имеет там свои законы. Говорят, оно ведет себя так же в Холме эльфов и на острове Авалон. Для меня прошел один год, а здесь миновали

столетия. Когда до меня дошли слухи, что поднимаются силы Срединного Мира, я воспользовался магическими знаниями моей госпожи и любимой и узнал, что битва разразится именно здесь, на восточных границах Империи. Я узнал также, что Ож... этот рыцарь, встречи с которым я так страстно желаю, будет вызван сюда высшими силами. И тогда под покровом ночи я сел на волшебный корабль и устремился прочь. На побережье купил коня, и вот я здесь. Но Господь еще не послал мне желанной встречи.

Карау одним махом опорожнил кубок. Хольгер выпил свой. Вполне правдоподобный рассказ. Для этого мира, конечно. Но, может быть, это все ложь. Хотя сарацин производит впечатление искреннего человека. К тому же это смуглое сухое лицо кажется Хольгеру почему-то очень знакомым. Где-то, когда-то он знал Карау, но остается вопрос: кто он — друг или враг? От прямого ответа он уходит, а значит, допытываться не стоит. То, что он отзывается о человеке, которого ищет, лестно, ничего не доказывает: рыцарский кодекс обязывает отдавать должное даже злейшим врагам.

— Я не хотел бы казаться назойливым, — учтиво произнес Карау, — но меня не может не томить любопытство: а что заставило тебя пуститься в путь по этим беспокойным землям? Твой Граустарк — где он?

— Немного южнее, — пробормотал Хольгер. — Я... я дал обет. Дева-лебедь любезно согласилась помочь мне его исполнить.

Карау кивнул. Вряд ли он поверил Хольгеру, но расспрашивать больше не стал, а весело улыбнулся и предложил:

— Может, споем для веселья? Тебе, конечно, известно много баллад и песен, которые усадят слух скитальца, привыкший лишь к свисту ветра и вою волков.

— Давай попробуем, — обрадовался Хольгер перемене темы.

Они запели и, не забывая о кубках, горланили несколько часов подряд. Вечер кончился тем, что они, ревя на весь дом что-то из датского фольклора и поддерживая друг друга, с трудом одолели лестницу, крепко обнялись и разошлись по комнатам, горячо пожелав друг другу спокойной ночи.

Глава 17

На следующий день Хольгер проснулся с сильной головной болью. Был уже почти полдень. Алианора благоразумно молчала. Оставив лошадей под присмотром Хуги на постоялом дворе, они направились к дому Мартинуса. Хозяин проводил их подо-

зрительным взглядом. Вероятно, у него был богатый опыт общения с постояльцами, имеющими пышное генеалогическое древо, но тощие кошельки.

Волшебник встретил их широкой улыбкой.

— О, я вижу, не раз, не раз ты вчера заглянул на дно кубка, мой юный друг, — засмеялся он и укоризненно покачал головой. — Что ж, весьма кстати у меня имеется эффективнейшее и очень дешевое снадобье, излечивающее малярию, заражение крови, меланхолию, мозоли, ревматические боли, конъюнктивит, проказу и похмелье. Вот этот кубок. До дна, до дна... Чуть-чуть горчит... Ну что?

Мартинусовская панацея в самом деле оказалась волшебной. На таком снадобье Хольгер на Земле мог бы нажить целое состояние.

— Я не мог установить твою личность, сэра Хольгер, — печально сказал волшебник. — Все демоны, к которым я обращался, оставляли мой вопрос без ответа. Это может означать только одно: ты действительно помещен в центр событий. Враг, однако, не мог предусмотреть всего. Я связался с духом воздуха, вызвал на консультацию Ариэля и с их помощью сумел определить место, где схоронен меч Кортана. Это не так далеко отсюда, но путешествие не обещает быть приятным.

Хольгер вскинул голову:

— Где?

Мартинус взглянул на Алианору:

— Ты знаешь о церкви святого Гриммина-на-горе?

Она кивнула.

— Меч там. — Волшебник погладил лысину. — Я от всего сердца, от всего сердца не советую тебе ехать туда, мой юный друг.

— Что это за место? — спросил Хольгер.

— Зброшенная церковь в горах. К северу отсюда. Несколько столетий назад ее возвели миссионеры, дабы обратить в христианскую веру тамошних варваров. Но она простояла недолго. Миссионеров варвары перебили, а церковь превратили в руины. Говорят, их вождь осквернил святой алтарь человеческим жертвоприношением, поэтому церковь утратила святость и стала логовом злых духов. Теперь даже сами варвары боятся приблизиться к ней.

— М-да... — Хольгер поежился. Мартинус не шутил.

Зачем он вообще морочит себе голову? Ради возвращения домой? А что, собственно, так влечет его туда? Друзья, воспоминания, знакомые местечки... Но, положи руку на сердце, там

нет ничего, о чем бы он по-настоящему тосковал. Там царят война и голод, продажность и бездуховность. Кроме того, вполне возможно, что, вернувшись, он очутится на том же месте и в то же время, из которых был вырван. То есть на пляже под огнем гитлеровцев. И кто знает, не суждено ли ему сложить там голову?

К дьяволу! Тот мир чужд ему. Его место здесь, в этом мире, а тот — только ссылка, место изгнания. Здесь, со всех точек зрения, ему и лучше и проще...

Правда, здесь тоже опасности и ловушки. И тоже нет никакой гарантии, что он останется жив.

Солнечный луч, пробившись сквозь пыльное стекло, упал на волосы Алианоры и заставил их жарко вспыхнуть. Никогда и нигде не встречал он такой девушки. Может, послать к черту все эти хитросплетения и удалиться с ней куда-нибудь? Неужели он не сумеет обеспечить ей сытую и спокойную жизнь? Чем не судьба — быть царем лесного народа? Или он не сможет выкроить себе удельное владение в этих ничейных землях? Или не устроится, если возникнет тяга к цивилизованной жизни, где-нибудь в центре Империи?..

Пожалуй. А дальше? Ведь Хаос поднимается на войну. Фарисеи стремятся распространить тьму на все земные пределы.

Увы, у него нет выбора. В такие времена у каждого честного человека нет выбора. Ему придется пройти этот путь до конца, найти меч и вручить его владельцу — или сражаться самому, если выяснится, что владелец — он. А уж после того — если это «после» когда-нибудь наступит — решать, как все-таки вернуться домой.

Он тряхнул головой:

— Я еду!

— Мы едем, — поправила Алианора.

— Как угодно, — тихо произнес Мартинус. — Я буду молиться за вас. Да поможет тебе Бог, рыцарь, ибо ради всех нас ты идешь туда. — Он вытер увлажнившиеся глаза, высморкался и сделал попытку улыбнуться. — Ну хорошо. А теперь поговорим о счете. Перед таким небезопасным путешествием ты, конечно, имеешь желание урегулировать все дела такого рода.

За него ответила Алианора.

— У нас сейчас нет денег, — решительно сказала она. — Но я обещаю, что твой счет будет оплачен.

— Вот как? — Мартинус опечалился. — Я предпочел бы, чтобы у вас были деньги. Видите ли, видите ли, мое заведение не предоставляет кредита...

— Твоя реклама говорит о том, что ты умеешь набивать кошельки, — заметил Хольгер.

— Реклама всего лишь реклама. Маленький яркий штришок для целостности композиции.

— Мой дорогой! — Алианора улыбнулась и взяла волшебника за руку. — Как ты можешь досаждать разговором о деньгах человеку, который призван спасти весь мир? Твоя помощь зачтется на небесах, твое имя будет прославлено в песнях.

— Но этим не рассчитаешься с кредиторами, — попробовал воспротивиться Мартинус.

Алианора погладила его по плечу.

— Разве сокровища на небе не стоят всех сокровищ земных?

— Э-э-э... В Священном Писании есть слова, которые звучат примерно так же, но...

— Ах, дорогой друг! Благодарю тебя! Я знала, что ты все поймешь и согласишься. Благодарю тебя!

— Но... э-э-э... нельзя ли все же...

— Нет-нет, ни слова больше! Мы ни за что не согласимся принять от тебя помощь большую, чем та, которой ты уже одарил нас. До свидания, благородный человек! — Алианора чмокнула старика в щеку и, прежде чем Хольгер успел что-либо сообразить, вытолкала его за дверь.

«О женщины!» — только и подумал датчанин.

Возвратившись на постоянный двор, они увидели вышагивающего возле крыльца Карау. Увидев их, он поспешил навстречу.

— Ваш слуга-карлик проговорился, что вы собираетесь в путь.

— Да, — ответил Хольгер и, заметив косой взгляд хозяина, добавил: — Быть может.

Карау погладил бороду длинными, украшенными перстнями пальцами.

— Не будет ли с моей стороны дерзостью задать вам вопрос: в какую сторону вы направляетесь?

— На север.

— В земли варваров? Несомненно, вас там ждут приключения, о которых будут сложены саги. Если, разумеется, хоть один их свидетель вернется домой.

— Я уже говорил тебе, рыцарь, что дал обет.

— О, прости меня, друг. — Карау поклонился. — Я не смею быть назойливым, но позволь мне дать тебе добрый совет.

Когда хочешь сохранить тайну, не следует говорить загадками. Чем больше загадок, тем больше слухов. Кто-то скажет, что ты поклялся убить тролля, хоть местные жители и уверены, что тролли бессмертны, кто-то — что сэр Руперт желает вызвать на поединок короля варваров. Но большинство — такова уж природа людей — будут считать, что ты охотишься за сокровищем, спрятанным в этих краях. Будь уверен, люди с удовольствием перемоют все косточки и тебе, и твоей прекрасной спутнице. Сплетни, как гонцы, понесутся впереди вас. А кто-то, возможно, и пойдет по пятам... Тебе нужна легенда, и чем невероятней она будет, тем легче люди поверят в нее и оставят тебя в покое.

Алианора клянула на это речистое дружелюбие.

— Но наша цель и впрямь необычна, — простодушно сообщила она. — Мы едем к проклятой церкви святого Гриммина.

— Я поклялся совершить паломничество в эти места, — пытался спасти положение Хольгер, — чтобы... чтобы спасти священные реликвии, которые, возможно, еще сохранились. Но я предпочитаю не распространяться на эту тему по той причине, что... это епитимья за проступок, о котором я не хотел бы...

— Вот как? Я еще раз прошу прощения. — Карау пристально взглянул в глаза Хольгера. — Но ты заронил в мою душу сомнение, рыцарь. Я не искал еще в тех краях того, кого хочу найти. Это непростительная оплошность. Поэтому я прошу твоего позволения следовать вместе с тобой. Беседа с другом сокращает путь, а рука друга делает его безопаснее. К тому же, признаюсь: слушая тебя, я подумал, что, может быть, заслужу хоть малую Божию милость, если помогу тебе исполнить священный обет.

Хольгер и Алианора обменялись взглядами.

— Но, — неуверенно отвечал Хольгер, — нам будут угрожать не только земные силы. Мы можем столкнуться с магией...

Карау улыбнулся и махнул рукой:

— Твой меч прямой, мой — изогнутый. Не все ли равно, как выглядит враг?

Хольгер колебался. Вне всяких сомнений, такой спутник может оказаться очень полезным. Однако нет ли у Карау каких-либо тайных мыслей? Не может ли он оказаться посланником Хаоса? Он ведет себя странно: разыскивая одного, почему-то набивается в спутники другому. Возможно, он заинтригован тайной Хольгера и рассчитывает, что тот каким-то образом связан с объектом его поисков. А если нет, то его желание исследовать северные предгорья выглядит правдоподобно...

— Я еще раз прошу удостоить меня чести сопровождать тебя, рыцарь, — продолжал настаивать сарацин. — Особенно тебя, прекрасная дама. Я страстно желаю этого. Если вы окажете мне эту милость, я буду считать вас своими гостями с момента нашей встречи. И пожалуйста, не возражайте. — Он был вправе позволить себе иронию: финансовое положение Хольгера всем, кажется, бросалось в глаза. Рассчитывать на бескорыстие хозяина постоялого двора, конечно, не приходилось.

— Идет! — Хольгер протянул руку Карау. Тот пожал ее. — Значит — союз?

— И порукой ему — моя честь.

— И моя. — Хольгер вдруг ясно понял, что принял правильное решение. Карау будет надежным товарищем. — Без дружбы за спиной стужа, — улыбнулся он.

Карау вздрогнул:

— Что? Где ты слышал эту пословицу?

— Нигде, просто пришло в голову. А в чем дело?

— Я знал человека, который любил ее повторять. И, скажу откровенно, это был тот, которого я ищу. — Он вновь пристально посмотрел в глаза Хольгеру. Потом отвел взгляд и переменил тему. — Думаю, самое время перекусить, а потом начать собираться. Не тронуться ли нам в путь завтра утром?

За трапезой он шутил, балагурил, пел и предавался рискованным воспоминаниям. Затем оба рыцаря проверили свое снаряжение. Доспехи Карау оказались надежными и изысканными: стальной панцирь с широкими надплечниками был испещрен замысловатой гравировкой, к круглому шлему крепились железная сетка, защищающая шею, ноги закрывали железные наколенники. На щите, в обрамлении красной полосы с золотыми лилиями, цвела серебряная шестиконечная звезда на голубом поле. С седла белой лошади свисали лук и колчан со стрелами.

Карау похвалил каштанового мерина Алианоры, но предложил обзавестись еще и мулом, который повезет Хуги и запасы провизии. Потом он ушел в город, где накупил на рынке всякой всячины.

Они рано легли спать, и Хольгер долго ворочался с боку на бок. Он думал о том, что, несмотря на меры предосторожности, фея Моргана будет, конечно, знать все. И пойдет на все, чтобы им помешать.

Глава 18

Две первые ночи они останавливались на ночлег в деревенских домах. Хольгер, опасаясь невольных оговорок и разоблачения, старался держать язык за зубами, зато сарацин говорил за

двоих. Он был так галантен, остроумен, весел и уделял Алианоре так много внимания, что Хольгер становился все более угрюмым и молчаливым. Он не имел на Алианору никаких прав, у него не было даже права на ревность, но отчего-то он все чаще чувствовал ее болезненные уколы.

На третий день они оставили позади последнее человеческое селение и провели ночь в пастушьей хижине, хозяин которой не пожалел для них жутких историй о нравах дикарей, наводящих ужас на местное население. Еще более страшные дела творили, по его словам, тролли, изредка навещающиеся в пределы человеческого жилья.

И вот утром они вступили на землю, населенную каннибалами. Дорога вновь повела их в горы, но куда более высокие и крутые, чем те, которые лежали на востоке. Алианора сообщила, что по другую сторону этих гор нет ничего, кроме холода, тьмы и льда, и только полярное сияние освещает глубокий мрак страны, принадлежащей великанам.

Конечной целью их путешествия было плоскогорье у подножия самой высокой горной гряды. Идти туда нужно было не меньше семи дней, да все по земле, полной смертельных опасностей.

Тропа вела их вверх — через скалы, изуродованные лавинами и изглоданные ветрами, по острым как бритва камням, вдоль ущелий, никогда не видевших солнца. Леса остались внизу, а здесь было нищее царство карликовых деревьев и жесткой сухой травы. По ночам на землю падали заморозки. Солнце было здесь бледным, а звезды — огромными и колючими. То и дело приходилось переправляться через ледяные реки, с ревом летящие со скал. Лошади напрягали все силы, чтобы справиться с бурным течением. Только Хуги удавалось оставаться после переправ сухим — его ноги едва доходили до края тюков, на которых он восседал.

Карау сразу простыл, стал чихать и сморкаться, но упорно продолжал сопровождать их.

— Когда я вернусь домой, — мечтательно говорил он, — я улягусь на солнцепоке под цветущим деревом. Музыканты будут играть для меня, а наложницы — класть в рот ягоды винограда. Но, конечно, я буду заниматься и физическими упражнениями, чтобы сохранить форму, — два раза в день крутить ручную мельницу и молоть себе кофе. А когда через несколько месяцев мне наскучит такая жизнь, я отправлюсь в новое странствие, далеко-далеко — в кофейню на другой улице.

— Кофе... — вздохнул Хольгер и вспомнил, что табак у него уже закончился.

Время от времени Алианора превращалась в лебедя и улетала вперед, чтобы разведать путь. На четвертый день, когда она в очередной раз поднялась в воздух, Карау взглянул на Хольгера и сказал с необычной для него серьезностью:

— Несмотря на своеобразное ее одеяние, редко встретишь подобную красавицу.

— Я тоже так думаю, — согласился Хольгер.

— Прости мою дерзость, но Господь дал мне глаза, чтобы видеть. Она не принадлежит тебе, не так ли?

— Нет.

— С твоей стороны это просто глупость.

— То же самое и я говорю ему, — вмешался карлик. — Пречудное это изобретение — рыцарь. Обойдет всю землю, чтобы деву спасти, а после не знает, что с ней творить. Разве что отвезет ее домой да, набравшись смелости, упадет на колени, чтобы выпросить ленточку на рукав. Просто диво, что рыцари до сих пор не вымерли.

В тот день Алианора вернулась к вечеру.

— Я видела церковь, — сообщила она. — Правда, издаleка. На пути к ней — два варварских поселения, а вокруг каждого — колья с человеческими черепами. Они там суетятся и возятся — похоже, собираются в поход. — Она помолчала. — Я высмотрела дорогу для нас — вон через тот перевал. Там нет поселений, может быть, потому, что где-то в пещере обитает тролль. Но охотников мы повстречать можем. А они могут привести других.

Карау взял ее за руку.

— Если дело примет плохой оборот, — хмуро сказал он, — ты должна улетать не задумываясь. Мир, возможно, обойдется без нас, но станет таким невеселым, если потеряет ту, которая его озаряет.

Она задумчиво покачала головой и не сразу убрала руку. Хольгер разозлился. Этот тип просто профессионал! Но что он мог противопоставить цветистому красноречию сарацина? Чувствуя себя глубоко несчастным, Хольгер пришпорил коня и ускакал вперед. Вряд ли он сможет долго терпеть эти приемчики, хотя нельзя сказать, что Карау ловит рыбку в пруду. Но должен же он, черт побери, знать место и время! А Алианора? Хороша, нечего сказать! Или она ничего не понимает? Дитя леса, святая простота. Самые избитые банальности и грубейшую лесть она принимает за глубокий ум и высокие чувства.

Нет, Карау не должен так играть с невинным созданием. Да еще в таком сложном и опасном походе... Черт бы их обоих побрал!

Сумерки застали их в вогнутой долине. Прямо за ней вздымались скалы, на которые предстояло карабкаться завтра. Их четкие черные силуэты, словно зубья гигантской пилы, отчетливо вырисовывались на фоне еще светлого неба. Белый водопад, пенясь, падал с лилового обрыва в красные воды озера. Стая диких уток сорвалась с пологого берега при их приближении.

— Я и хотела, чтобы мы успели до ночи добраться сюда, — сказала Алианора. — Если мы забросим удочки на ночь, то на завтрак будет что-нибудь повкуснее, чем солонина.

Хуги потряс головой и фыркнул:

— Не знаю, не знаю. Эта страна вся провоняла нечистой силой, а в этом месте стоит такой смрад, какого я еще никогда не встречал.

Хольгер потянул носом воздух. Пахло сыростью и травой.

— А по-моему, все в порядке, — сказал он. — Но о том, чтобы до темноты добраться до другого берега, нечего и мечтать.

— Мы можем вернуться, — предложил Карау.

— Ну уж нет! — фыркнул Хольгер. — Впрочем, если кому-то страшно...

Сарацин вспыхнул, едва удержавшись от ответа на оскорбление. Алианора поспешила вмешаться:

— Посмотрите, вон там, кажется, удобное и сухое место.

Мох под копытами лошадей хлюпал, как мокрая губка. Алианора указывала на огромный мшистый валун с плоской вершущкой, покрытой сверху тонким слоем дерна. В центре ветвился сухой кустарник — вполне подходящее топливо для костра.

— Как будто специально для нас приготовлено, — сказала Алианора.

Через несколько минут, разнуздав лошадей, Хольгер и Карау принялись за выкладывание магического круга, а Хуги, вооружившись топором, затеял войну с кустарником. Полнеба было охвачено пламенем. Алианора раздула костер и вскочила на ноги.

— Пусть пока разгорается. Я пойду заброшу удочки.

— Нет, прошу тебя, останься. — Карау сидел на земле, скрестив ноги и подняв на нее глаза. Каким-то чудом его живописный наряд, несмотря на все тяготы путешествия, сохранял свою первозданную чистоту и элегантность.

— Ты не хочешь свежей рыбы на завтрак?

— Разумеется, хочу. Но что такое гастрономическое удовольствие по сравнению с тем наслаждением, которое дарит тебе присутствие красоты?

Девушка вспыхнула.

— Но я... — замялась она, — не очень понимаю тебя...

— Присядь. — Он похлопал по земле ладонью. — В меру своего скромного поэтического таланта я постараюсь тебе все объяснить.

Она вопросительно взглянула на Хольгера. Тот стиснул зубы и отвернулся.

— Я сам заброшу удочки! — буркнул он и, схватив снасти, слетел со скалы и зашагал к камышам. От желания оглянуться у него заболела шея. К тому времени когда камыши скрыли их от него, его башмаки и штаны были мокры насквозь. «Перестань скулить, — уговаривал он себя. — Ты один виноват в том, что Алианора попала в силки этого прохвоста. Разве не ты оттолкнул ее?» Но беда была в том, что иначе он поступить не мог. Судьба играла им, как котенком.

«Посмотри на себя! — с презрением шептал он. — Ты пропах потом и измазался грязью. Сарацин — денди рядом с тобой. И нет ничего удивительного, что Алианора... К черту! Почему я должен страдать? Наоборот, прекрасно, что нашелся наконец тот, кто поможет тебе избавиться от ее любви. Проклятый камыш!»

Он яростно рубил камыши ножом. Меч он оставил в лагере. В зеркале озера отражались черные скалы и пурпурный закат, бледный месяц и первая звездочка рядом с ним. Камыши волновались и что-то шептали. С гнилой коряги, прибившейся к берегу, плюхнулась в воду семейка лягушек. Хольгер разложил на коряге удочки и стал наживлять на крючки ломтики соловьины.

Ему было холодно, замерзшие пальцы плохо слушались. Сгустившиеся сумерки заставляли напрягать зрение. «А ведь я мог бы сейчас блаженствовать на Авалоне, — вдруг подумал он. — Или, на худой конец, в Холме эльфов. Неужели эта дева-лебедь действительно так наивна, чтобы не понимать, к чему может привести привычка разгуливать перед мужчиной почти нагишом? Черт бы побрал всех женщин на свете! Они годятся только для одного. Меривен, по крайней мере, осознавала это».

Рука дрогнула, и крючок впился в палец. Он вырвал его и разразился бешеной бранью.

За его спиной послышался смех. Он вздрогнул, обернулся и увидел перед собой обнаженную женщину. Он не успел ничего

понять, как вокруг его шеи обвились нежные руки, силы оставили его, и он начал куда-то проваливаться. И воды озера сомкнулись над его головой.

Глава 19

Полузадушенный, он сделал попытку вырваться, но тело отказывалось повиноваться, а воля куда-то исчезла. Через некоторое время он почувствовал, что его отпустили.

Он обмяк и сел. Невероятно, но он не испытывал ничего похожего на удушье. Несколько минут он сидел, приходя в себя, неподвижно. Потом оглянулся по сторонам. Вокруг был белый речной песок. Там, где из песка торчали черные камни, колыхались длинные зеленые водоросли. Зеленый, странный, как будто люминесцентный, свет позволял видеть все вокруг достаточно ясно. Из его рта вырвался рой пузырьков и умчался вверх, как рассыпанная ртуть. Слева выплыла рыбина, медленно проплыла мимо и исчезла в зеленой мути. Он вскочил, рванулся вверх, но, потеряв равновесие, стал падать. Тело ничего не весило. Падение было медленным, как в кошмарном сне. Каждое движение встречало упругое сопротивление воды.

— Приветствую тебя, сэр Ольгер, — услышал он.

Голос был прохладным и нежным. Он обернулся. Перед ним стояла женщина. Длинные зеленые волосы, как водоросли, клубились вокруг ее головы. На круглом лице с приплюснутым носом и чувственными губами светились желтые глаза. В ее теле была необыкновенная грация. «Грация рыбы», — подумал он.

— Кто... ты?..

— Не бойся, — засмеялась она. — Ты же не простолюдин, а благородный рыцарь. Еще раз приветствую тебя. — Она подплыла поближе, и он заметил, что длинные пальцы на ее ногах соединены перепонками, а ногти, как и губы, окрашены в зеленый цвет. Однако это почему-то не вызывало у Хольгера отвращения. — Прости меня за такое бесцеремонное приглашение. — Пузырьки, вылетающие из ее губ, путались в волосах и сверкали, как бриллианты. — Я должна была воспользоваться тем кратким моментом, когда на тебе не было железа и ты проклинал Бога. Поверь, я не хотела тебя испугать.

— Где я, черт побери?! — взорвался он.

— На дне моего озера. Я так одинока здесь. — Она взяла Хольгера за руку, и он вновь почувствовал, что от прикосновения ее прохладных пальцев стал беспомощным как младенец. — Не бойся, ты не утонешь, мои чары охраняют тебя.

Хольгер в самом деле не испытывал затруднений с дыханием. Он чувствовал себя, как обычно, разве что толща воды

немного давила на грудь. Он попытался найти хоть какое-то научное объяснение этой загадки. По-видимому, магические силы создали вокруг его тела тончайшую, возможно, молекулярную пленку, проницаемую для кислорода и непроницаемую для воды... Впрочем, какая разница?! Как он выберется отсюда?

— Кто тебя послал? — резко спросил он.

— Никто. — Она усмехнулась и грациозно изогнулась, подняв над головой руки. — Ты не представляешь, какая скука заедает нас, бессмертных и одиноких. Как, по-твоему, быть русалке, когда к берегу ее озера судьба приводит прекрасного молодого воина с глазами, как небо, и волосами, как солнце? Она не может не полюбить его с первого взгляда.

Он насторожился. Глаза, как небо? Значит, она воспринимала его внешность такой, какой она была до превращения у Мартина? И, скажите на милость, откуда ей известно его имя?

— Тебя послала фея Моргана! — воскликнул он.

— Какая разница? — Она пожала плечами. — Пойдем ко мне, мой дом рядом. Устроим пир. А потом... — Она соблазнительно улыбнулась.

— Моргана, конечно, следила за мной. Знала, что мы идем к озеру, а потом с помощью чар устроила сцену ревности...

— О, разве тебе неизвестно, рыцарь, что ни один смертный не может быть зачарован, если он сам того не желает?

— Мне лучше знать, чего я желаю! Все, конечно, сделано по ее сценарию! Ну что ж, отлично! Сгинь, нечистая! — и Хольгер начертил знак креста.

Русалка улыбнулась своей сонной и таинственной улыбкой и покачала головой. Ее волосы заколыхались в воде.

— Слишком поздно, рыцарь. Кто попал сюда, тому отсюда не выбраться. Хочешь знать правду? Пожалуйста. Да, ее высочество госпожа Авалона повелела мне подкараулить тебя и пленить, если представится случай. И держать тебя здесь велено до тех пор, пока она не пришлет за тобой. А это случится только после окончания войны, которая вот-вот начнется. — Она легла на воду и опять улыбнулась. — Но есть еще одна правда. И она в том, что я, Русель, рада, очень рада, что исполнила наказ. И приложу все силы, чтобы твое пребывание здесь оставило у тебя самые приятные воспоминания.

Хольгер с силой оттолкнулся от дна, мощно загребая воду, устремился к поверхности озера. Русалка без видимых усилий с улыбкой плыла рядом. Никаких попыток удержать его. Но вдруг рядом мелькнула серая молния. У лица щелкнула зубастая пасть. Перед ним повисла уродливая морда громадной щуки. Еще одна, нет, еще десять... сто щук окружило его со всех сторон. Одна

из них цапнула его за палец. Острая боль и клубящаяся в воде кровь.

Хольгер остановился. Русель взмахнула рукой, и шуки медленно отплыли и стали кружить поодаль.

Он был побежден и вернулся на дно. Русалка взяла его за руку и поцеловала укушенный палец. Рана исчезла.

— Ты останешься здесь, сэр Ольгер, — ласково сказала она. — Ты оскорбишь меня, если снова попробуешь так невежливо убежать.

— Черт поberi! — только и смог он произнести.

Она рассмеялась и взъерошила его волосы.

— Фея Моргана, увy, заберет тебя у меня. Но пока ты мой пленник. И я сделаю твой плен наслаждением.

— Там остались мои друзья, — хмурo сказал он.

— Без тебя они не представляют для нас никакой угрозы. Кстати, — язвительно усмехнулась она, — когда зашло убийственное для меня солнце, я понаблюдала немного за поведением одной особы из твоей компании. Сдается мне, что дева-лебедь позволит кому-то развеять ее печаль после твоего исчезновения. И если не в эту ночь, то наверняка в следующую.

Хольгер сжал кулаки. Сарацинский красавчик! А дева-птица? Куриные мозги! Ключнуть на такие приемчики?..

— Ладно, — буркнул он. — Где тут твой дом?

— О как ты обрадовал меня, прекрасный рыцарь! Пойдем. Какие яства я для тебя приготовила! Но главное — ты не можешь и вообразить, какие наслаждения ждут твое тело здесь, где оно свободно и невесомо.

— Могу себе представить, — буркнул Хольгер.

— Разве ты не хочешь сначала снять эту ужасную одежду?

Он оглядел свой мокрый наряд и потянулся к пряжке пояса. Пальцы наткнулись на стилет Альфрика. Он на мгновение задумался, потом тряхнул головой и сказал:

— Потом. В доме. Может, она мне еще пригодится.

— Вот уж нет. Моргана разоденет тебя в меха и шелка. Но не будем, не будем думать о той минуте, когда ты должен будешь оставить меня! Идем!

Русалка умчалась вперед, как стрела. Неуклюже загребая воду, Хольгер последовал за ней. Она вернулась и со смехом закружила вокруг него. Шуки плыли следом. Их глаза блестели, как монеты.

Хольгер ожидал увидеть коралловый дворец, но дом Русель оказался иным. Круг, выложенный из белых камней, был чем-то вроде фундамента, на котором стояли, нет, из которого росли стены — длинные, колышущиеся коричневые и зеленые

водоросли. Рыбы сновали сквозь них. Мелочь брызнула прочь при их появлении, а форель собралась и окружила Русель, искательно тыча мордами в ее ладони. Они прошли сквозь склизкую кисею. В доме было несколько комнат, выгороженных тем же способом. Русель ввела своего гостя в центральный зал. Здесь стоял каменный стол, инкрустированный перламутром и жемчугом и ломящийся от яств в золотой посуде. Вокруг стояли легкие изящные стулья из рыбьих костей.

— Хочу отметить, рыцарь, — улыбнулась русалка, — что, благодаря помощи королевы, мне удалось раздобыть для тебя даже такую редкость, как вино. — Она протянула ему круглый сосуд с узким горлышком, напоминающий реторту. — Нам придется пить прямо отсюда, иначе вода испортит драгоценную жидкость. Выпьем за наше знакомство.

Они чокнулись. Вино оказалось старым, густым и крепким.

Русалка села к нему на колени.

— О рыцарь, — промурлыкала она. — Чем мы займемся прежде? Едой или друг другом?

«От этого мне не отвертеться, — подумал Хольгер. — Придется провести с ней ночь. И попробовать усыпить ее бдительность, прежде чем снова попробовать удрать».

— Не так уж я голоден, — ответил он.

Она поцеловала его в губы и стала расстегивать его кафтан. Он снял пояс. Русель отпрянула — она увидела торчащий из ножен стилет.

— Не может быть! — воскликнула она. — Я почувствовала бы близость железа... Но это не...

Она осторожно вытянула стилет и внимательно осмотрела.

— «Пламенное лезвие». Необычное название. Это из Фейери?

— Я взял его у герцога Альфрика, когда победил его в бою, — похвастал Хольгер.

— Ничего удивительного, благородный рыцарь. — Русалка потерялась щекой об его плечо. — Никому из смертных это не под силу, но ты — это ты. — Ее пальчик пробежал по лезвию. — Все, что у меня есть, сделано из золота. Хотя я не раз пыталась втолковать жрецам варваров, что хотела бы иметь бронзовый нож. Однако они так глупы, что никак не могут понять, зачем демону озера может быть нужен иногда острый нож. Считают, что золото больше мне подходит. У меня есть несколько кремневых ножей, оставшихся со стародавних времен, но они уже совсем затупились.

— Тогда прими от меня этот стилет в подарок, — небрежно сказал Хольгер, стараясь скрыть от Русель внезапно охватившее его волнение. Кажется, он нашел путь к спасению...

— О благодарю! Я сумею одарить тебя, добрый рыцарь, — промурлыкала она. Ее рука скользнула под кафтан. Хольгер притворно нахмурился, пробуя пальцем лезвие.

— Не годится, он совсем тупой, — сказал он. — Надо бы его наточить. Но ведь ты не отпустишь меня ради этого на берег?

Она отрицательно покачала головой. Хольгер улыбнулся и небрежно отбросил нож.

— Как хочешь.

Его руки легли на ее точеные бедра.

И его игра обманула ее! Она задумалась и сказала:

— Знаешь, среди кучи мусора, который наташили мне в дар, кажется, есть точило. Хочешь попробовать?

Потребовалась вся выдержка, чтобы равнодушно ответить:

— Завтра.

Она отодвинулась.

— Нет, сейчас! — капризно сказала она.

Эту болезненную капризность и нетерпеливость он наблюдал у жителей Фейери. Она потянула его за руку:

— Пойдем, я покажу тебе свои сокровища.

С тем же снисходительным равнодушием он ей поддался.

— Варвары несут и несут мне дары, — со смехом рассказывала она. — Каждую весну приходят к озеру и бросают в воду всякую всячину, которая, по их мнению, должна мне понравиться. И кое-что мне действительно нравится. — Она раздвинула колышущуюся стену. — Это моя сокровищница. Сюда я переносу все их дары, вплоть до самых нелепых, над которыми можно только посмеяться на досуге.

Хольгеру бросились в глаза многочисленные человеческие кости. Русель выложила из них жуткую мозаику — на это, должно быть, ушло немало времени. В глазницах черепов сверкали драгоценные камни. Тут же высилась пирамида золотых и бронзовых кубков, посуды и украшений. В стороне беспорядочной кучей громоздилась разнообразная утварь, которую варвары сочли ценным для демона подношением (или таким образом они избавлялись от хлама?): размокшие церковные книги, хрустальный шар, челюсть дракона, сломанная статуэтка и великое множество мусора, потерявшего в результате долгого пребывания под водой всякую форму.

— Тебе, стало быть, приносят и человеческие жертвы? — с содроганием спросил Хольгер.

— Каждый год — юношу и девушку. Только не знаю зачем. Я не тролль и не каннибал, чтобы потчевать меня таким угощением. Но они думают иначе. И наряжают этих бедняг в

праздничные одежды. — Русель взглянула на него самым невинным взглядом.

«Существо без души», — подумал Хольгер.

Русалка запустила руку в середину кучи и выдернула из хлама допотопное точило. Деревянная рама казалась насквозь прогнившей, бронзовые детали окислились, но точильный круг отзывался на повороты рукоятки.

— Разве не смешные у меня игрушки? Выбирай что угодно. — Она обвела рукой свою сокровищницу. — Включая меня.

В этом могильнике Хольгеру стало не по себе. Но он сделал над собой усилие, изобразил улыбку и сказал:

— Я уже выбрал. Но сперва займемся стилетом. Ты можешь покрутить рукоятку?

В ее грациозном теле таилась невероятная сила. Она уперлась ногами в дно и так раскрутила точило, что образовался небольшой водоворот. Точило мощно и ровно гудело. Хольгер коснулся его стилетом.

Раздался неприятный скрежет. Откуда-то вновь появились шуки и свирепо уставились на него.

— Быстрее, — попросил он. — Если можно.

Точило завывало. Рама тряслась, от оси летели зеленые клочья. Господи, лишь бы эта рухлядь не развалилась!

Шуки буквально обнюхивали его. Русель не желала рисковать: у него в руках было оружие. Ее верные слуги за три минуты обглодают его до костей. А затея могла и провалиться. Но ведь и под водой предметы нагреваются от трения, а магний горит в воде...

— Может, достаточно? — взмолилась Русель. — Я устала.

— Еще чуть-чуть! — Он всем телом налег на стилет.

Вспышка света ударила его по глазам. Русалка закричала. Хольгер, закрыв глаза, стал размахивать перед собой стилетом. Одна из шук умудрилась все же цапнуть его за лодыжку, он пинком отшвырнул ее и, оттолкнувшись, рванулсЯ вверх.

Ослепленная Русель осталась внизу. Она кричала, приказывая шукам атаковать. Но за Хольгером погналась только одна. Он взмахнул факелом — и она сбежала. Адские рыбы либо тоже не выдержали ультрафиолета, либо власть Русель над ними ослабевала на расстоянии. Второе казалось более правдоподобным: любая магия теряла силу на расстоянии.

Он изо всех сил работал ногами и загребал свободной рукой. Быстрее вверх! Как будто из космической дали донесся до него голос русалки:

— Ольгер, Ольгер, зачем ты меня покидаешь? На суше тебя ждет смерть! Вернись, Ольгер! Ты узнаешь блаженство со мной...

Он греб изо всех сил.

Ее гнев словно толкнул его в грудь:

— Тогда — умри!

Вода хлынула ему в легкие. Чары были сняты. Он едва не выронил факел. Русель, окруженная стаей шук, догоняла его. Вверх, вверх! Мышцы деревенели, мутилось сознание... Вверх!

Он вынырнул и закашлялся, захлебнувшись воздухом. Луна выстелила на воде светящуюся дорожку. Хольгер устремился к берегу. Вскоре ноги нащупали дно. Он опустил факел к поверхности воды и побежал. Свет горящего магния угас как раз тогда, когда он подбежал к камышам. Он выскочил из воды, споткнулся, упал, вскочил и помчался по черной раскисшей почве.

Потом, уже порядочно удалившись от озера, он снова упал, но не стал подниматься. Сердце готово было выскочить из груди. Мокрая холодная одежда неприятно липла к телу. Он долго лежал, переводя дыхание, пока смертельная усталость не оставила его.

Глава 20

Лагерь не пришлось искать долго. Выделяясь на фоне лунного неба, черный валун торчал из земли, как корабль: ветер гнал облако, и это создавало иллюзию, что корабль плывет. К какому берегу его вынесет?

Хольгер вскарабкался на скалу. От костра оставалась только кучка багровых углей. Кони жались друг к другу. Карау стоял на краю, устремив взгляд на север. Ветер трепал его одежду. Лунный свет играл на обнаженном клинке.

К Хольгеру метнулась низкая тень, схватила его за штаны и разъяренно дернула.

— Куда ты пропал, человек? Мы тут сошли с ума! Почему от тебя так смердит нечистью? Почему ты мокрый? Что с тобой приключилось?

Карау обернулся. Из-под шлема сверкнули белки глаз. Увидев Хольгера, он молча поднял руку в знак приветствия и снова отвернулся, поглощенный созерцанием чего-то важного для него. Хольгер взглянул на север. Там, на краю долины, под вздымающимися к небу горами, мерцало бледно-красное зарево, словно кто-то жег большой костер.

— Где Алианора? — испуганно спросил он.

— Полетела искать тебя, сэр Руперт, — ответил Карау простым и будничным тоном. — Когда ты исчез, она превратилась в лебедя и поднялась в небо, чтобы осмотреть долину

сверху. Боюсь, она полетела туда, где зарево. А я сомневаюсь, что в этих краях вокруг больших костров собираются добрые люди.

— И ты не остановил ее? — вскипел Хольгер. — Почему?

— Благородный рыцарь, — учтиво отвечал Карау, — как я мог остановить ее, если она поднялась в воздух прежде, чем я успел подняться с земли?

— Так оно и было, — встал на защиту Карау Хуги. — Лучше ты расскажи нам, где пропадал. Вижу, что враг сумел взять тебя в оборот.

Хольгер сел у костра, протянул ладони к огню и выложил спутникам историю своего пленения и бегства. Хуги поскреб бороду и подытожил:

— А что я тебе говорил? Я не из тех, кто любит напоминать о своих словах, но я предупреждал, что это место нечистое. Так что в следующий раз не стоит отмахиваться от Хуги, как от назойливой мухи. У него тоже, конечно, бывают промашки, но куда реже, чем попадание в цель. А доказательство тому — и этот пример, и множество других историй из моей жизни, и только врожденная скромность не позволяет поведать вам о них. Но об одном случае, когда я предупреждал бедного сэра Турольда, что в некоем гроте водится мантикора...

Карау все так же спокойно оборвал карлика:

— Все это говорит о том, сэр Руперт, что твоя миссия не укладывается в обычные рамки. Иначе откуда такое нагромождение препятствий?

Хольгер был слишком измучен, чтобы вновь городить какие-нибудь объяснения, и промолчал. Вместо ответа он занялся своим платьем: снял и развесил мокрое вокруг костра и стал рыться в тюке в поисках сухого белья. Именно в этот момент над их головами раздалось хлопанье крыльев. Мелькнувший на фоне неба белый силуэт заставил его побить все рекорды по скоростному надеванию мокрых штанов.

Алианора приземлилась и приняла человеческий облик. Увидев Хольгера, она ойкнула и бросилась было к нему, но, что-то вспомнив, остановилась. Темнота скрадывала выражение ее лица.

— Итак, ты цел и невредим, — холодно произнесла она. — Я летала туда, на зарево. Там лысая гора и... — Ее голос дрогнул. Она взглянула на Карау, словно прося у него помощи. Тот снял епанчу и набросил на плечи Алианоре.

— И что увидела там самая храбрая и прекрасная из женщин? — тихо спросил он, заботливо оправляя епанчу на худеньких плечах.

— Они правят там шабаш. — Она всмотрелась в бездонную, безмолвную темноту. — Я никогда не видела шабаша, но

это, конечно, он. Тринадцать мужчин стоят полукругом у алтаря, и перед ними лежит сломанный крест. Их одежды и украшения... Наверно, это вожди диких племен. Все они старые, очень старые, а в их лицах такое зло, что, увидев их, я едва не упала на землю. Чудовища... Этот кошмар будет преследовать меня всю жизнь... Эти тринадцать стояли и смотрели на алтарь, а на нем в луже крови... — Она подавила стон. — В луже крови лежал младенец... с перерезанным горлом... А над алтарем росла, как снежный ком, мгла... Я повернулась и улетила. Это было не меньше часа назад... Но я не могла заставить себя вернуться к вам, пока ветер не выдул из меня ужаса...

Она упала на колени и спрятала лицо в ладони. Карау тронул ее за плечо — она со стоном оттолкнула руку. Тогда подошел Хуги и погладил ее по голове. Алианора, плача, обняла его, и карлик стал ей что-то нашепывать.

Карау приблизился к Хольгеру и хмуро сказал:

— Значит, то, что я слышал в И-Бразеле, правда. Хаос стягивает силы. Хаос готовится к войне. — Он помолчал. — Несколько сотен лет назад мне случилось странствовать по этим местам. Здешние дикари и тогда были язычниками, но их вера была чище. Они не чтили дьявола и не ели человеческого мяса. Но испорченность сделала их игрушкой в руках врага человеческого рода. Их вождей приняли в темный круг, и теперь они готовы вести свои племена против жителей долин. Может быть, этот шабаш — один из военных советов.

— Я тоже так думаю, — согласился с ним Хольгер.

Карау понял его ответ по-своему.

— Ты думаешь о многом, но прячешь свои мысли от нас, — на что-то намекнул он. — Впрочем, не будем. Сон принесет больше пользы, чем разговоры. Но в следующий раз я все же осмелюсь задать тебе несколько вопросов.

Нелегкий выдался день. Натянутые, как струна, нервы долго не давали Хольгеру заснуть. Наконец он впал в беспокойную дремоту, то просыпаясь и ворочаясь, то погружаясь в причудливый лабиринт сновидений. Такой сон утомлял больше, чем освежал, поэтому он даже обрадовался, когда Хуги потряс его за плечо: ему выпало дежурить перед рассветом.

Взошло солнце. Они торопливо позавтракали, оседлали лошадей и двинулись в путь, когда озеро еще дымилось ночным туманом. Вскоре оно скрылось с глаз. Дорога шла вверх. Становилось холодно, ветер гнал по небу свинцовые тучи. Последнее дерево осталось внизу, и только жесткая серебристая трава как-то скрашивала однообразие серого камня. Вершины крутых утесов заслоняли небо.

Указав на крутой и гладкий северный склон, Алианора сказала, что на плоскогорье им лучше всего взойти по нему. С воздуха она высмотрела удобную для восхождения расселину. Другие, более пологие тропы проходили слишком близко от туземных селений.

Хуги поморщился и плюнул.

— Неудивительно, что даже варвары сторонятся этого склона, — проворчал он. — От него за милю смердит троллем; в нем, думаю, его нор и туннелей — как дыр в сыре.

Алианора нахмурилась. Хольгер попытался пошутить:

— На нашем боевом счету целый зверинец: ведьма, фари-сеи, дракон, великан, оборотень и русалка. Что нам какой-то тролль?

— Я предпочел бы с ними всеми разом столкнуться, чем со зверем из этой горы, — мрачно произнес Хуги. — Рядом с великаном он как россомаха с медведем. Не такой, правда, громадный, но яростный и свирепый без меры и страшно изворотливый. А жизни его лишить только удушением можно. Великанов-то немало от человеческих рук полегло, но, говорят, ни один рыцарь из схватки с троллем живым не вышел.

— Как же так? — нахмурился Карау. — Разве они не боятся железа?

— Боятся, конечно, жжет оно их, как тебя бы жгла раскаленная кочерга. Только от того он еще больше свирепеет и прет на врага. А раны — что? Он их потом залечит. — Хуги помолчал и вдохновенно продолжил: — Тролли, да будет вам известно, в родстве с гхоулами, выедающими мертвецов из гробов, и ежели священные вещи не очень сильны, то им они не страшны. Крест, например, годится, только если он чудотворный. Вот так. Мог бы я вам о них еще рассказать, да сам ничего не знаю, потому как тех, кто тролля видел и живым возвратился, почти что и нет на Земле.

Карау вспомнил рыцарский кодекс.

— Тем больше чести убить его, — воскликнул он.

«Дудки, — подумал Хольгер. — Лучше остаться живым».

Около полудня, вынырнув из узкого ущелья, они увидели перед собой людоедов. Встречи никто не ждал. Хольгер с проклятием натянул поводья. Страху не было — драться так драться.

Дикарей было около двух десятков. Они торопливо спускались по склону, но, заметив путешественников, взвыли, резко изменили маршрут и побежали к ним навстречу.

Высокий и уродливый предводитель бежал впереди всех. Его желтые волосы были заплетены в косы, лицо размалявано крас-

ными и синими полосами, голову украшали бычьи рога и снопы ярких перьев. На плечах развевался короткий плащ из барсучьих шкур, бедра закрывала мохнатая юбка-килт.

Он кричал и размахивал стальным боевым топором.

Остальные были ему под стать. Сборище чучел, вооруженных топорами, копьями и мечами. У одного из них, почти голого, торчал на голове ржавый рыцарский шлем, другой дул в деревянную дуду, третий гроыхал толстой железной цепью на шее, — и все они мчались на Хольгера.

— Назад! — крикнул Карау. — Бежим!

— Это нас не спасет, — возразил Хольгер. — По таким камням человек передвигается быстрее лошади. Кроме того, у нас нет времени на игру в прятки.

Брошенное копье вонзилось в землю впереди в нескольких метрах от них.

— Алианора! В воздух! — скомандовал Хольгер. — Ты там будешь в безопасности.

Она отрицательно покачала головой и подъехала к нему поближе.

— Оттуда ты сможешь помогать нам, — подсказал Карау.

Этот довод она приняла. Взмахнув белыми крыльями, лебедь взмыл вверх.

Превращение Алианоры ошеломило нападающих. Они остановились как вкопанные. Некоторые упали на колени, другие взвыли, третьи закрыли лица руками.

— Слава Аллаху! — воскликнул Карау. — То есть... слава Богу! Их испугала магия.

Белая птица спикировала на людоедов. Вождь вырвал лук из рук ближайшего воина и натянул тетиву. Лебедь едва успел увернуться. Вождь криками и пинками стал приводить своих людей в чувство.

— Ого! — скривился Хуги. — Этот наверняка принадлежит к черному кругу и, видно, магии не боится. Он их сейчас на нас натравит.

— Не похоже, что он очень уверен в себе, — спокойно, словно разговор происходил за обеденным столом, проговорил Карау и снял с плеча короткий, с двойным выгибом лук. — Еще бы один такой магический фокус...

Еще один фокус! Легко сказать. Хольгеру ничего не приходится в голову, кроме карточных фокусов... Хотя...

— Хуги! — бросил он. — Высеки мне огонь.

— Зачем?

— К черту вопросы! Огня!

Пока гном извлекал из мешочка на поясе кресало, Хольгер успел набить трубку. Когда трубка разгорелась как следует, крадущиеся к ним дикари были совсем близко. Уже можно было разглядеть шрам на лбу одного, костяную палочку в носу другого... Топот босых ног и сиплое дыхание... Хольгер глубоко затянулся и — выпустил клуб дыма.

Дикари застыли как статуи. Он курил с таким остервенением, что из глаз полились слезы, а из носа закапало. Ветра, к счастью, здесь не было. Варвары стояли, разинув рты и вытаращив глаза.

Выпустив очередное облако дыма, Хольгер поднял руку и заревел:

— У-у-у-у-у!!!

Врагов будто ветром сдуло. Склон усеяло брошенное в панике оружие, а через миг откуда-то из-за скал донесся удаляющийся вой.

Вождь, однако, остался. Один как перст. Хольгер вытащил меч. Вождь заскулил и тоже исчез. Карау пустил ему вслед стрелу, но промахнулся.

Алианора превратилась в девушку и, подбежав к Хольгеру, обняла его за ногу и запричитала:

— О Хольгер! О Хольгер!

Карау держался от смеха за живот.

— Ты гений! — хохотал он. — Просто гений! Руперт, как я тебя люблю!

Хольгер снисходительно улыбнулся. Откуда им знать, что это плагиат и он просто обратился в очередной раз к классике, но не пересказывать же им «Янки при дворе короля Артура»? Довольно и того, что фокус удался.

— Поспешим, — сказал он. — Предводитель этих команд вряд ли успокоится.

Они тронулись. Хуги принялся рассуждать:

— Да, отвaga из них улетучилась вместе с твоим дымом, рыцарь. Однако, слышал я, что они храбрые воины. В чем тут дело? Думаю, твоих малых чар испугались оттого, что навидались в последние времена таких мерзких и великих, что стало им самим тошно...

Хольгер тем временем размышлял, преднамеренна или случайна эта встреча. Скорее всего это дело рук Морганы. Узнав, что Русель не смогла его задержать, она ввела в игру свежие силы...

Карау прервал размышления Хольгера.

— Мне показалось, что наша прекрасная спутница, обращаясь к тебе, произнесла незнакомое мне имя, — сказал он.

— Разве? — вспыхнула Алианора. — Нет-нет, ты ослышался...

Карау поднял брови, но промолчал. Рыцарский кодекс чести не позволяет публично уличать даму во лжи.

А Алианора заторопилась отвлечь его внимание.

— Как скучно путешествовать среди голых скал, — тоном светской кокетки произнесла она. — Не развлечешь ли ты меня, рыцарь, рассказами о своих подвигах и приключениях? Ты совершил их так много и повествуешь с таким искусством...

— Хм... Разумеется.

Карау клюнул на лесть. Он приосанился, подкрутил ус — и его понесло. Такого вранья Хольгер еще никогда не слышал.

Но Алианора! Она слушала этот невероятный вздор с таким откровенным восторгом, что Хольгер в конце концов не выдержал, пнул ни в чем не повинного Папиллона и поскакал вперед.

Глава 21

К вечеру они достигли разлома в скале, к которому вела их Алианора. Дно расщелины устилали обломки скал. Подъем на плоскогорье, который они единодушно перенесли на утро, отнимет не меньше часа. Но, сказала Алианора, когда они поднимутся туда, им останется до цели совсем чуть-чуть и дорога будет прямой и ровной.

У подножия скалы они обнаружили крохотную лужайку. В центре торчал грубый каменный истукан: когда-то здесь было капище варваров. Вероятно, тролль, запах которого заставлял морщиться Хуги, поселившись где-то поблизости, вынудил дикарей бросить своего идола на произвол судьбы. Благодаря этому площадка не была вытоптана и ее покрывал тонкий ковер жесткой травы.

Наступила ночь. Поднялся сильный ветер. Оранжевое пламя костра прижималось к земле, искры неслись по воздуху и гасли далеко в стороне. Черное небо было затянуто тучами, сквозь разрывы в них то и дело выкатывался круглый глаз полной луны. Из темноты неслись шорохи, вздохи, стоны...

Все были настолько измучены, что, кое-как перекусив, поспешили завернуться в одеяла и лечь. Хуги выпало первое дежурство. Вскоре он растолкал Хольгера и сразу же захрапел. Хольгер подбросил в костер дров, закутался в плащ и подсел ближе к огню.

Его друзья спали. Неверный свет костра освещал их неподвижные фигуры. Карау даже во сне не терял обычного спокойствия и самоуверенности. Хуги свернулся вместе с одеялом в клубок, оставив снаружи только трубно храпящий нос. Взгляд

Хольгера остановился на Алианоре. Одеяло сползло с нее, она лежала на боку, свернувшись от холода калачиком и прижав к груди маленькие кулачки. Беззащитная и милая как ребенок... Хольгер поднялся и поправил на ней одеяло. Поколебавшись, украдкой коснулся губами ее щеки. Она улыбнулась во сне.

Он вновь подсел к костру и глубоко задумался. Если он окажется втянутым в водоворот войны, то выдержит все испытания, какие ни пошлет ему Господь! Но она? Он не может позволить ей следовать за ним по кругам ада. Прогнать ее? Но где взять силы от нее отказаться?..

Он сжал кулаки.

— Пусть черт поберет этот мир!

И услышал:

— Ольгер!

Он вскочил. Меч вылетел из ножен. Никого. Только мрак за дрожащей границей света. Шум ветра, шепот сухой травы, уханье филина вдалеке.

И снова:

— Ольгер!

— Кто здесь? — вполголоса спросил он.

Разбудить остальных?

— Ольгер, — вновь отозвался певучий голос. — Не тревожь спящих. Я хочу говорить только с тобой.

Он почувствовал странную истому. Фея Моргана вышла из темноты.

Костер красным светом облил ее длинное сказочное платье, зажег красные искры в темных глазах.

— Что тебе надо? — У него сел голос.

Она улыбнулась — роза расцвела на губах.

— Поговорить с тобой. Иди сюда.

— Нет. — Он потряс головой, отгоняя наваждение. — Этот трюк не пройдет. Я не переступлю круг.

— Тебе нечего опасаться. Те, кто сильнее тебя, сейчас далеко и готовятся к битве. — Она пожала плечами. — Что ж, мы можем поговорить и так.

— Что ты для меня опять приготовила? Еще одну шайку людоедов?

— Те, которых ты встретил сегодня, не причинили бы тебе ни малейшего вреда. Они должны были, не считаясь со своими потерями, захватить тебя в плен целым и невредимым. А потом доставить ко мне.

— А что было бы с моими друзьями?

— О, кто они для тебя, Ольгер? Ты знаешь их всего несколько дней. В них нет ничего, достойного твоего внимания. Ты

должен уйти со мной. Хотя бы потому, что вождь, которого ты опозорил сегодня, в ярости и клянется, что умрет или съест твое сердце. Ты встретился с горсткой воинов, но сейчас он собрал остальных. Он рвет и мечет, и я не могу удержать его.

— Разве не ты их наставник? Кто же научил их есть человечину?!

Она поморщилась.

— Не я. Но ты прав, мои союзники — демоны и колдуны гор, которых призвал к себе Хаос. Это они насадили веру в дьявола. Я никого ничему не учила. Но хватит об этом! — Снова улыбка. — У нас с тобой есть другие темы. Мы знали настоящее счастье. И я верю, что мне удастся вернуть его — и тебе, и себе.

— Счастье с тобой? Пустой звук! — холодно сказал Хольгер.

Он видел, что она говорит искренне. Но он тоже не притворялся. Влечение к ней, от которого он с таким трудом избавился тогда в роще, исчезло. Перед ним стояла чужая красивая женщина — и только.

— Ты никогда не отличался постоянством в любви. — Она продолжала улыбаться. — Когда-то ты взбунтовался даже против своего господина, самого Карла. В твоем лице он приобрел самого опасного соперника. И только твое великодушие положило конец вашему спору...

— И мы с ним стали союзниками, не так ли?

Моргана остановила взгляд на Алианоре и печально вздохнула:

— Теперь над тобою властвуют чары сильнее моих... Мне... тяжело, Ольгер. Что ж, остается утешаться прошлым...

— У всех есть прошлое, кроме меня! — с непонятной горячностью бросил он. — Превратить меня в бессмысленного младенца и вышвырнуть за самые дальние рубежи мира — спасибо! Но я вернулся. Вопреки тебе. Благодаря власти, источник которой выше тебя и меня.

— Ты уже так много узнал? — удивилась она. — Но хочешь знать еще больше? Я могу вернуть тебе всю память.

— А чем я буду платить? Друзьями?

— Зачем? Я могу позаботиться и о том, чтобы с ними ничего не случилось. А твои намерения приведут к гибели всех вас.

— Почему я должен верить тебе?

— Позволь мне вернуть тебе память. Выйди из круга, чтобы я могла прибегнуть к чарам, которые рассекут твой мрак. И ты вспомнишь, какие клятвы давал мне.

Он внимательно посмотрел на нее. Она стояла — высокая, сильная, спокойная. Волосы черной волной лились из-под золотой короны. Но он почувствовал, что она напряжена как струна, которая вот-вот лопнет.

Почему могущественнейшая волшебница боится его?

Он стоял и думал. Дул ветер. Спали друзья. Чернело небо. Да, в ее руках могучие силы, и эти силы брошены против него. Но и в нем живет мощь, неподвластная ей. И она удерживает его от рокового шага за круг. Вся магия в мире не имеет теперь власти над ним. И даже прелести Морганы — ничто рядом с серыми озерами глаз и с каштановой копной волос... Ни одно заклинание не может победить это волшебство.

— В том мире, — сказал он задумчиво, — ты только миф. Вот уж не думал, что буду сражаться с мифами.

— Там был не твой мир, — сказала она. — Там ты тоже легенда. Твое место здесь, рядом со мной.

Он покачал головой:

— Оба эти мира — мои. И там и тут я на своем месте.

Ему стало не по себе. Ну конечно! Почему он не понял этой очевиднейшей вещи раньше? Он сам — персонаж каролингско-артуровского круга. Значит, ребенком он читал в книгах двадцатого века о своих собственных древних подвигах!

Но если даже и так, его прошлое спрятано от него. Он мог быть легендарным героем, мог быть кумиром собственного детства, но заклятие Морганы стерло его память...

— Мне кажется, ты сам давно понял, что находишься сейчас в том мире, который больше тебе подходит, — сказала Морганна. — И тебе не хочется возвращаться в тот. — Она шагнула к самой границе круга и дотронулась до него. — Да, это правда, что оба мира идут к кульминации, а ты помещен в их центры и тут и там. Однако, если ты вмешаешься в борьбу сил, о которых даже ничего не знаешь, ты скорее всего потерпишь поражение. Ты погибнешь. А если победишь, то станешь потом горько жалеть об этом. Сбрось с плеч эту ношу, Ольгер, и пребудь со мной, только со мной — в счастье. Еще не поздно!

Он усмехнулся.

— Ты слишком настойчиво уговариваешь меня. Значит, мои шансы на победу достаточно велики, — сказал он. — Ты сделала все от тебя зависящее, чтобы обмануть или пленить меня. Вероятно, следующим твоим шагом станет моя смерть. Но я выбрал свой путь и не сверну с него.

«Что за высокопарный слог! — разозлился он. — Разве таковы в самом деле мои убеждения?»

Он устал. По-настоящему хочется только покоя. Где конец этому блужданию во мраке? Где то место, в котором он мог бы укрыться с Алианорой от жестокости того или этого мира? Нет, он не может позволить себе даже минутного отдыха. На карту поставлено слишком многое. Сколько людей погибнет, если он откажется от борьбы?

Моргана смотрела на него и молчала. В скалах завывал ветер.

— Все предопределено, — наконец нарушила она молчание. — Даже Карау нашел тебя. Великий Ткач плетет твой узор. Но ты зря так уверен, что никто не сможет порвать его нити.

В ее глазах блеснули слезы. Она приблизилась и поцеловала его — поцелуем легким, нежным и полным любви.

— Прощай, Ольгер, — сказала она. Повернулась и растаяла в темноте.

Он стоял как столб и дрожал от холода. Может, все-таки разбудить остальных? Нет, пусть поспят. Им не обязательно знать о том, что произошло. Их это не касается.

Он взглянул на небо, пытаясь определить по положению луны, не подошло ли его дежурство к концу. Небо было затянуто сплошной пеленой туч. Что ж, он может бодрствовать и до утра. Все равно ему не заснуть...

Ветер крепчал. Сквозь его вой послышался грохот камней и звон металла...

— Хей!

Вождь каннибалов прыгнул в круг, освещенный пламенем костра. За его спиной блеснули наконечники копий. Сколько их там — сотня? Две? Они прятались в засаде и ждали, когда фея Моргана покинет его!

— Подъем! — закричал он. — У нас гости!

Хуги, Алианора и Карау вскочили. Сарацин выхватил саблю и бросился к лошади, сломав ногой колышек, к которому были привязаны поводья. Алианора взвилась на своего коня. Двое дикарей с истощенным воем помчались к ней. Один замахнулся копьем. Хуги — коричневый смерч — бросился ему в ноги. Оба упали. Хольгер обрушился на другого. Меч поднялся и опустился — и череп врага лопнул, как орех.

Тело упало на него, но он отшвырнул его с такой силой, что сбил с ног следующего нападающего. Кольчуга спасла его от мощного удара копьем в грудь. Он увидел перед собой вождя и попытался достать его мечом. Тот увернулся. Чьи-то руки сомкнулись на его шее. Он вспомнил о шпорах на сапогах и сильно пнул ногой назад. Дикарь взвыл и отлетел в сторону.

Хольгер попытился, стараясь держаться спиной к истукану. Здоровенный воин с татуировкой, изображающей дракона, ринулся на него. Хольгер рубанул — и голова дикаря покатилась с плеч. Кольцо врагов сжималось. Поверх их рогов и перьев Хольгер видел, как Карау гарцует на лошади и сыплет ударами своей кривой сабли.

Папиллон уягал дикарей, топтал и кусал, его грива и хвост развевались, как черные флаги.

Кто-то нырнул Хольгеру под руку и замахнулся ножом. Он отбил удар рукой. Хуги выкатились из темноты, дернул людоеда за ноги и свалил. Рыча, они покатались по земле.

Перед Хольгером вырос вождь. Его топор взлетел в воздух и обрушился на шлем Хольгера. «Великий Боже и Святой Георгий!» — услышал он собственный стон. Каким-то образом Хольгер отбил удар. Рядом с вождем встали два его воина. На шлем и кольчугу Хольгера обрушился град ударов. Он пошатнулся.

Вдруг за спиной вождя появился Карау. Его клинок запел в воздухе. Один из врагов с воплем схватился за плечо, глядя расширенными от ужаса глазами, как оно отваливается от тела. Хольгер ударил ногой — и другой враг отлетел в сторону. Вождь развернулся и атаковал сарацина. Они закружились в смертельном танце, обмениваясь ударами и проклятиями.

Лошадь Алианоры жалобно заржала и повалилась на землю. Белый лебедь взмыл в воздух и через миг молнией упал вниз, целясь клювом в глаза врагов. Хольгер перевел дыхание. Кто-то пролаял приказ, и в рыцаря полетели копья. Его меч летал, как коса. Папиллон вставал на дыбы во весь свой исполинский рост и крушил передними копытами черепа людоедов. Человек и конь размели врагов и вернулись к камню.

Из-под безжизненного тела своего противника выкарабкался Хуги и встал рядом с ним. Алианора приземлилась и обратилась в девушку. Карау осадил рядом коня. Хольгер сунул ногу в стремя и взлетел в седло. Пинком в зубы отшвырнул дикаря, вцепившегося ему в сапог. Снял с седла щит и надел на левую руку. Протянул Алианоре руку с мечом. Она схватилась за нее и через миг сидела за спиной Хольгера. Карау поднял в седло Хуги. Рыцари обменялись взглядами, кивнули друг другу и ринулись в битву.

Они рубили, кололи, кромсали. Потом внезапно вокруг них образовалась пустота. Враг отступил. Карау и Хольгер, тяжело дыша, вернулись к каменному истукану. Мечи были залиты кровью. В дымящихся лужах крови отражался огонь костра. Земля была устлана трупами врагов... Людоеды молча стояли

поодаль, сливаясь в темную массу с проблесками стали. Хольгер увидел вождя: лишившись рогов и перьев, он тяжело ковылял к своим людям.

Карау сверкнул улыбкой.

— Славная, славная битва! — воскликнул он. — Клянусь дланью пророка... Пророка Иисуса... Раньше я думал, сэр Руперт, что только один человек на Земле способен биться так, как бился сегодня ты.

— И ты был сегодня на высоте, — ответил Хольгер. — Жаль только, что мы не прикончили вождя. Сейчас он снова пошлет их в бой.

— Будь в их головах хоть немного мозгов, они давно бы изрешетили нас стрелами, — заметил Хуги.

Хольгер повернулся в седле, чтобы взглянуть на Алианору. Ее левая рука была в крови.

— Ты ранена? — ужаснулся он.

— Ничего страшного. — Она попыталась улыбнуться. — Стрела задела крыло.

Он осмотрел рану. В обычных условиях он назвал бы ее скверной, однако, принимая во внимание все обстоятельства, пожалуй, ничего страшного действительно не было. Он с облегчением вздохнул.

— Построю часовню святому Себастьяну... в благодарность.

Алианора прижалась к нему.

— Есть еще более приятные способы вознести хвалу Богу, — шепнула она ему на ухо.

— Никто никогда уже ничего не построит, — вмешался Карау, — если мы сейчас же не уберемся отсюда. А если сейчас повернуть назад, сэр Руперт, я думаю, мы сумеем уйти от погони.

— Нет, — решительно сказал Хольгер. — Здесь путь к святому Гриммину. Других дорог нет, а если есть, то, возможно, под еще более сильной охраной. Мы пойдем вперед.

— К ним в лапы? — воскликнул сарацин. — Карабкаться на эту насыпь в темноте, отбиваясь от сотни воинов? Уж не сошел ли ты с ума, рыцарь?

— Ты волен выбирать, — ледяным тоном ответил Хольгер. — А я еще этой ночью должен добраться до церкви.

Хуги остановил на Хольгере тоскливый взгляд. Ему стало не по себе.

— Что ты уставился? — буркнул Хольгер. — Да, мы можем здесь умереть, я знаю это не хуже тебя. Беги вместе с ним. Я пойду один.

— Ну уж нет.

Повисла пауза. Хольгер отчетливо услышал звук своего сердца. Наконец гном заговорил — хрипло и медленно:

— Уж коли зашел у тебя ум за разум и ты отступиться не хочешь, то я хоть немного твоей глупости своим умом послужу. Самому тебе ведомо, что через этот проход нам не пробиться. Есть, однако, другой путь наверх, и никто на нем мешать нам не будет. Я могу вход в берлогу тролля вынюхать, а мой нос говорит, что это где-то рядом. Наверняка много ходов идет к ней через скалу, и нам может повезти. Может, тролль вылез куда-то, или спит, или забрался в далекий угол и нас не учует. Может, конечно, и не повезет — однако другого выхода у нас нет. Ну так что?

Алианора за спиной Хольгера тяжело вздохнула.

— Карау, — сказал он, — забери Алианору и постарайся доставить ее в безопасное место. Хуги и я пойдем через пещеру тролля...

Девушка крепко обхватила его за пояс.

— Нет! — гневно сказала она. — Так легко тебе от меня не избавиться. Я иду с тобой!

— И я, — добавил Карау и сглотнул слюну. — Никогда еще не бегал я от опасности.

— Дурни! — фыркнул Хуги. — Кости ваши в этой норе белеть будут. Впрочем, не первые вы из тех рыцарей, которые сгнули потому, что гордыни в головах у них было много, а ума мало. Жаль одну только деву. Ну, поехали.

Глава 22

Хуги взялся быть проводником, поэтому они с Карау двинулись первыми. Перед глазами Хольгера болтался из стороны в сторону хвост лошади Карау с вплетенными в него голубыми и красными лентами. Внезапно Папиллон вздрогнул.

Они двигались на восток, вдоль темного склона, на котором прятались людоеды. Из темноты донесся пронзительный вой. Хольгер вовремя заметил летящее в него копьё, поднял щит и отразил его. В ту же минуту в щит вонзилось три стрелы.

Хольгер пришпорил коня. Белая лошадь Карау и его просторные белые одежды маячили впереди мутным пятном. Папиллон оступился. Из-под копыт брызнули искры. Вокруг царил непроницаемый мрак. Какое-то шестое чувство подсказывало Хольгеру, что он движется вдоль мощной скалы. Тяжесть камня, нависающего над головой, ощущалась почти физически.

Он оглянулся. Вождь людоедов размахивал выхваченным из костра поленом. Полено ярко вспыхнуло, и, подняв над головой

топор, вождь что-то крикнул окружающим его воинам и бросился в погоню.

Очень скоро он нагнал осторожно ступающих лошадей. Хольгер заметил, что каннибалы, послушные приказу, бегут сзади, но без особого, как ему показалось, энтузиазма. С левой стороны была скала, и вождь забегал слева. Меч тут был бесполезен. Он подбежал к Папиллону и замахнулся топором, целя в бабку. Жеребец отпрыгнул, едва не сбросив седоков. Хольгер развернул его мордой к врагу.

Через минуту людоеды придут на помощь вождю, и все будет кончено.

— Алианора, держись! — крикнул Хольгер.

Он привстал в седле и резко наклонился вперед, пытаясь достать противника мечом. Тот отбил удар топором. Более проворный, чем человек на коне, людоед отпрыгнул. Размалеванное лицо с бородой, заплетенной в косички, скривилось в издевательской ухмылке.

Однако факел, который вождь держал в левой руке, оказался слишком близко к Хольгеру. И тот ударил. Факел упал горящим концом на голую грудь людоеда. Дикарь завопил от боли. И прежде чем он опомнился, Хольгер был уже рядом. На этот раз он не промахнулся. Сталь вошла в плоть, вождь пошатнулся и рухнул.

«Бедный сукин сын», — пожалел его Хольгер. Он вновь развернул Папиллона и направил его вслед за Карау. Бой занял всего несколько секунд.

Они продвигались в полной темноте. Людоеды, подгоняя себя криками, бежали следом, но не отваживались атаковать. В воздухе то и дело свистели стрелы.

— Сейчас они соберутся с духом и набросятся на нас, — крикнул Карау через плечо.

— Я не думаю, — возразила Алианора. — Вы чувствуете запах?

Хольгер потянул носом воздух. Холодный ветер дул в лицо. Он всхлипывал и подвывал, развевая его епанчу, и трепал оперение шлема. Какой еще запах?

— Ух! — воскликнул Карау. — Вот это вонь!

Диかり дружно завывли. Хольгер, чье обоняние было испорчено табаком, был последним, кто почувствовал вонь. Диかり отказались от погони и остановились, не смея пересечь невидимую границу. Но уходить не собирались. Они будут ждать в засаде до утра, дабы убедиться, что враг не выбрался из западни.

Если холод имеет запах, то тролль пах именно так. Когда они оказались у входа в пещеру, Хольгеру захотелось заткнуть нос.

Они остановились, и Алианора соскользнула на землю.

— Надо сделать факел, — сказала она. — Тут по земле разбросаны сухие ветки, наверно, тролль растерял их здесь, когда устраивал свое логово.

Она собрала пучок хвороста. Хуги высек огонь. Вспыхнуло пламя, и Хольгер увидел в скале дыру, диаметром метра три, ведущую в полный мрак.

Все спешили. Алианора взяла поводья, а рыцари вышли вперед. Хуги поднял факел.

— Тронулись, — сказал Хольгер и облизал пересохшие губы.

— Надеюсь, мы когда-нибудь снова увидим звезды? — прошептала Алианора. Хуги взял ее за руку.

— Даже если мы встретимся с троллем, — сказал Карау, — наши мечи превратят его в крошево. По-моему, мы испугались бабушкиных сказок, друзья.

Он решительно двинулся к пещере и первым вошел в темноту.

Хольгер поспешил за ним. Его щит и меч стали громоздкими и тяжелыми. Рубашка липла к мокрой от пота спине, тело чесалось и ныло, словно вспомнив наконец о том, сколько оно сегодня получило ударов. Воздух в пещере был спертый, густым от запаха тролля и смрада гниющего мяса. Факел горел неровно, то почти затухая, то ярко вспыхивая. Уродливые тени плясали по горбатым стенам. Хольгер мог поклясться, что отчетливо видел высеченные в стенах лица, кривляющиеся в жутких гримасах. Пол пещеры был усыпан острыми каменными обломками и обглоданными костями животных. Алианора то и дело нагибалась, предусмотрительно подбирая с земли куски дерева и сухие ветки. Тишину нарушало только звонкое цоканье лошадиных подков, отзывающееся дробным эхом. Естественная пещера кончилась, дальше в скалу вел вырытый троллем туннель — по размерам почти такой же. Хольгер с содроганием подумал, что если тролль вырыл такой туннель голыми руками...

Туннель был настоящим лабиринтом, и они кружили то вправо, то влево. Хольгер полностью потерял ориентацию: ему стало казаться, что они спускаются все ниже и ниже и будут идти бесконечно — до центра земли. «Только без паники», — командовал он себе.

Туннель кончился, и путешественники оказались в огромном зале. Из него вело целых три выхода — все неизвестно куда. Хуги жестом остановил их. В свете факела его лицо выглядело нелепой карикатурой, а огромная тень карлика плясала, как мрачное чудовище, готовое броситься на него.

Он внимательно наблюдал за грязным желтым пламенем, потом послунывил палец и стал водить им по воздуху, затем опустился на колени и обнюхал пол. В конце концов он показал на левый туннель.

— Сюда, — буркнул он.

— Нет, — сказал Хольгер. — Разве ты не видишь, что он ведет вниз?

— Ничего не ведет. И не надо так громко.

— Ты с ума сошел! — возмутился Хольгер. — Любому дураку ясно...

Хуги зыркнул на него из-под кустистых бровей.

— Дураку, может, и ясно. Тут такое дело, что, может быть, ты и прав. Я-то голову на отсечение не дам. Только я думаю, что хорошая дорога через этот туннель ведет, а мне о подземельях ведомо побольше твоего. Так что решай, куда нам идти.

Хольгер кашлянул.

— Ладно, — сказал он. — Извини. Веди нас.

Хуги улыбнулся:

— Я всегда говорил, что ты не дурак.

Он нырнул в туннель. Остальные потянулись за ним.

Вскоре туннель стал забирать вверх. Хольгер не произнес ни слова, когда Хуги прошел мимо нескольких боковых пещер, даже не удостоив их взглядом. Однако вскоре они опять оказались перед такой же тройной развилкой, и карлик заколебался.

Проделав те же, что и в первый раз, манипуляции, он озабоченно заявил:

— Все о том говорит, что можем мы идти только средним путем. Но и смрад оттуда самый сильный несется.

— Как тебе удастся уловить эту разницу? — с брезгливой гримасой спросил Карау.

— Видно, там его логово, — шепнула Алианора. Лошадь Карау фыркнула. В каменном мешке это прозвучало как выстрел. — Нет ли другой дороги в обход?

— Может, и есть, — неуверенно ответил Хуги. — Только на поиски ее времени много уйдет.

— А нам надо торопиться, — добавил Хольгер.

— Зачем? — спросил Карау.

— Есть причины, — ответил Хольгер. — Сейчас поверь мне на слово, ладно?

Сарацин, конечно, заслуживал полного доверия, но здесь было не место для долгих рассказов. Хольгер уже не сомневался, что меч Кортана имеет решающее для этого мира значение. Если бы дело касалось пустяка, враги не прилагали бы столько усилий, чтобы воспрепятствовать ему.

Моргана без всякого труда могла добраться до церкви гораздо раньше его. Однако ей не под силу перенести меч куда-то в другое место — он слишком тяжел для нее, а ее чары не действуют на столь священный предмет. Она могла прибегнуть к помощи других людей, как она это и сделала, когда похитила меч, но дикари испытывали ужас перед зачатой церковью и ни за что не осмелились бы приблизиться к ней, даже получив приказ от королевы фей. А личные воины Морганы были заняты подготовкой войны с Империей в других странах мира.

Другое дело, если бы у нее было время. Она успела бы вызвать кого-то или... что более вероятно... бросила бы против Хольгера силу, которой он не смог бы противостоять. До сего времени ему везло больше, чем он того заслуживал. Но он отдавал себе отчет в том, что из лап самых сильных ее союзников он бы, конечно, не выбрался. Только святой мог совладать с силами Тьмы, а до святости ему было ох как далеко.

Поэтому он должен спешить.

Карау помолчал и сказал:

— Как пожелаешь, друг.

Хуги пожал плечами и двинулся вперед. Туннель, изгибаясь, пошел вверх, потом вниз и снова вверх, ход отчаянно петлял и становился то шире, то уже. Их осторожные шаги гремели, как колокол: «Мы здесь, тролль, мы здесь, тролль!»

Коридор стал таким узким, что они едва протискивались между каменными стенами. Впереди шел Хуги, за ним — Хольгер. Здесь царил непроницаемый мрак, который нарушало только красное пламя факела. За спиной Хольгера Карау тихо сказал:

— Тягчайшим грехом ляжет на меня то, что позволил такой прекрасной деве оказаться в этом зловещем месте. Бог мне этого не простит.

— Но я прощу, — отозвалась Алианора.

Сарацин засмеялся:

— О! Этого достаточно! И правда, моя госпожа, зачем нужны солнце, или звезды, или луна, если рядом находишься ты?

— Прошу тебя, молчи. Мы слишком шумим.

— Что ж, я буду восклицать мысленно. Я буду славить красоту, прелесть, нежность и доброту, славить Алианору!

— О Карау...

Хольгер до боли закусил губу.

— Тихо там, сзади, — прошипел Хуги. — К самому логову приближаемся.

— Лаз оборвался. Они очутились в огромном зале, таком огромном, что его потолок и противоположная сторона терялись во

тьме. Пол устилал толстый слой веток, листвы, полусгнившей соломы и костей. Над всем этим витал сладковатый запах смерти.

— Теперь тихо! — приказал Хуги. — Мне тут не нравится. Мы должны пройти это место тихо, на цыпочках. Выход, наверное, с той стороны.

Мусор трещал под ногами. Хольгер, спотыкаясь, брел по рыхлому коврику. Он ушиб ногу о пень. Ветка царапнула его щеку и едва не попала в глаз. Под подошвами рассыпался человеческий позвоночник с остатками ребер. Лошади проваливались и негодуяще фыркали.

Факел ярко вспыхнул. И в этот самый миг Хольгер почувствовал ледяное дуновение.

— Мы не так далеко от выхода, — прошептал Хуги и вскрикнул: — Ай!

— Ай... — ответило эхо. — Ай!

Из-под кучи сухой листвы выбрался тролль.

Алианора взвизгнула. Хольгер успел подумать, что впервые услышал в ее голосе настоящий страх.

— Боже, храни нас! — пробормотал Карау.

Хуги согнулся и зарычал. Хольгер уронил меч, наклонился, поднял его и вновь уронил: ладони стали скользкими от пота.

Тролль, волоча ноги, брел к ним. Он был ростом метра два с половиной, если не больше: он сильно сутулился, его руки свисали до земли. Безволосая зеленая кожа висела складками, как будто была ему велика. Узкая трещина рта, висящий, как хобот, нос, черные дыры глаз.

— Хо-о-о!.. — Тролль улыбнулся улыбкой идиота и протянул руки к Карау.

Тот вскрикнул и ударил саблей. Из раны вырвался дым, но дебильная усмешка не покинула лица тролля. Он потянулся к сарацину другой рукой. Хольгер поднял меч и бросился в атаку.

Тролль размахнулся и ударил. Удар пришелся по щиту, он треснул, а датчанин полетел в груды сухой листвы. Несколько секунд он лежал без движения, переводя дыхание. Лошадь Карау обезумела от ужаса и с диким ржанием взвилась на дыбы. Алианора повисла на ней. Он увидел это прежде, чем вскочил на ноги. Потом он перевел взгляд на Карау.

Сарацин буквально танцевал на груди веток, служивших троллю постелью. Каким-то невероятным образом он умудрился сохранять равновесие, и при этом его сабля не знала отдыха. Он нырял, отскакивал, уклонялся от неуклюжих ударов чудовища. Свистела сталь, и улыбка сверкала на темном лице. Каждый его удар оставлял на теле тролля ужасную рану. Но тролль только

хрюкал в ответ. Карау целил по правой руке повыше запястья. В конце концов ему удалось отсечь кисть.

Он радостно рассмеялся:

— Одна есть! Посвети нам немного, Хуги!

Карлик воткнул факел в какую-то рогатку и бросился на помощь Алианоре. Папиллон кружил вокруг, выжидая удобный для нападения момент.

И дождался. Троль замахнулся на Карау левой рукой, и жеребец напал на него сзади. Копыта ударили в широкую спину, как в бубен. Троль упал ничком, а Папиллон, не теряя времени, поднялся во весь свой устрашающий рост и обрушился вниз.

Череп тролля разлетелся вдребезги.

— О небо! — Карау перекрестился и, повернувшись к Хольгеру, весело сказал: — Все было не так уж плохо, а?

Хольгер взглянул на свой треснувший щит.

— Великолепно, — ответил он уныло. — Только я не особенно отличился.

Кобылу продолжала бить крупная дрожь, но она уже успокоилась настолько, что позволила Алианоре обнять себя за шею.

— Ну вот! А теперь поскорее уберемся отсюда, — подал голос Хуги. — А то у меня нос прямо отваливается от этого смрада.

Хольгер кивнул:

— Выход где-то... О Боже!..

Отрубленная кисть тролля бежала по полу, как огромный зеленый паук. Сначала по листьям, потом по пню, цепляясь за кору ногтями, а потом по ветке — прямо к перерубленному запястью. Достигнув его, она мгновенно приросла на место. Осколки черепа тролля покатались по земле и соединились в целое. Чудовище поднялось на ноги и вновь оскалило рот в жуткой усмешке. Пламя красными бликами заиграло на ужасных клыках.

Троль пошел на Хольгера. Больше всего датчанину хотелось повернуться и пуститься наутек. Но бежать было некуда. Он в сердцах плюнул и поднял меч. Когда троль потянулся к нему, он ударил, вложив в удар всю свою силу.

Стальное лезвие вонзилось в твердую, как дуб, руку. Удар. Еще удар! Фонтаном била зеленая дымящаяся кровь. Казалось, меч раскалился и светится в темноте. Еще удар — и рука тролля была перерублена. Она отлетела в сторону, покатила по ковру из листьев и тяжело поползла обратно.

Карау атаковал тролля справа. Его сабля ударила чудовище по груди и срезала целый пласт кожи. Кожа шмякнулась на

землю и тут же с хлопающим звуком стала перемещаться к хозяину. Папиллон опять встал на дыбы и ударом передних копыт снес троллю половину лица. Челюсти упали ему под ноги и, подпрыгнув, сомкнулись на бабке. Жеребец громко заржал и стал кататься по земле, пытаясь избавиться от кошмарного врага. Карау не удалось уйти от очередного удара уцелевшей руки тролля — он пришелся по панцирю на животе. Сарацин отлетел на несколько метров, упал и не встал больше.

«Его действительно невозможно убить! — подумал Хольгер. — Ничего не скажешь, славное место, чтобы попрощаться с жизнью».

— Беги, Алианора! — крикнул он.

— Нет! — Она схватила факел и подбежала к обезумевшему Папиллону. — Спокойно! — крикнула она. — Я тебе помогу!

Троль сгреб с земли свою левую руку и приставил ее на место. Казалось, он ухмылялся уцелевшей половиной лица. Хольгер рубил мечом снова и снова, но самые глубокие раны затягивались мгновенно. Он отступил. Оглянулся на Алианору. Она опустилась на колени возле ноги Папиллона, пытаясь разжать мертвую хватку челюстей.

Случайно она приблизила факел к этому живому капкану. Челюсти разжались и упали на землю. Она испуганно вскочила.

— Хо-о-о, — произнес тролль. Он отвернулся от Хольгера, подошел к лежащим в мусоре челюстям и приставил их к лицу. Повернувшись, чтобы атаковать датчанина, он громко щелкнул зубами.

Алианора, закричав, ударила тролля факелом по спине. Монстр взревел и упал на четвереньки. На спине дымилась черная незаживающая полоса.

Хольгер понял, что надо делать.

— Огня! — крикнул он. — Разожги огонь! Мы сожжем его!

Алианора бросила факел на кучу соломы. Миг — и столб пламени поднялся к потолку. Едкий дым разъедал глаза, свербило в носу... «Но это чистый дым, — подумал Хольгер, — и чистый огонь, выжигающий смрад из могилы».

Он почувствовал прилив сил. Отрубленная кисть тролля пролетела почти полпещеры. Алианора схватила ее с пола. Кисть корчилась, пальцы извивались, как зеленые черви, пытаясь освободиться. Алианора швырнула ее в огонь. Кисть забилась в пламени. Ей удалось выкатиться из огня. Но, обугленная, она сжалась и замерла. Язык пламени лизнул ее — и все было кончено.

Троль плаксиво завыл и замолотил руками, как дубинками. Один из ударов выбил меч из руки Хольгера. Датчанин наклонился, чтобы подобрать его, и тут троль обрушился на него всем телом, ребра Хольгера затрещали. Полураздавленный, он не в силах был даже вдохнуть. Но, атакованный Папиллоном, троль вынужден был оставить Хольгера. Тяжело дыша, поднялся на ноги Карау и без промедления бросился в бой. Папиллону удалось сбить чудовище с ног. Кривая сабля ударила монстра по ноге — еще, еще и еще раз, пока не отсекла ее напроочь. Огонь перебрался уже на сухие ветки, его треск перешел в ровный гул, в пещере стало совсем светло. Алианора отчаянно боролась с отрубленной ногой троля, пока наконец не сумела засунуть ее между пылающими бревнами.

Хольгер снова бросился в битву. Рука схватила его за щиколотку... кисть руки троля, отрубленная Карау. Он оторвал ее и бросил в сторону костра. Каким-то образом она упала на безопасное место и быстро отползла, ища спасения под корявым пнем. Хуги нырнул за ней. Они покатались по полу — рука и гном.

Наконец у троля была отсечена голова. Она щелкала зубами и брызгала слюной, когда Хольгер насаживал ее на острие меча, чтобы бросить в огонь. Но она выкатилась из костра и, пылая, покатила к Алианоре. Хольгер снова вонзил в нее меч и, невзирая на то что сталь могла потерять закалку, держал голову над огнем, пока она не обуглилась.

Оставалось туловище. Справиться с ним оказалось труднее всего. Сражаясь с оплетающими их, как змеи, склизкими кишками, Хольгер и Карау поволокли тяжелое, как будто налитое свинцом, тело к пылающему сердцу пещеры. Позже Хольгер уже не мог вспомнить, как они это сделали. Но им будто удалось сжечь и его.

У него в памяти запечатлелась последняя сцена этой безумной битвы. Окровавленный и оборванный Хуги бросил руку троля в огонь, медленно опустился на землю и замер.

Алианора бросилась к нему.

— Он тяжело ранен! — крикнула она. Ее голос был едва слышен за ревом огня. Дым и жар мутили сознание. — Хуги! — кричала она. — Хуги!

— Надо быстрее выбираться отсюда, пока все это не стало сплошным адским пеклом! — прокричал Карау прямо в ухо Хольгеру. — Смотри, дым уходит в этот туннель! Там должен быть выход! Пусть Алианора несет карлика, а ты поможешь мне справиться с моей взбесившейся кобылой!

Общими усилиями им удалось успокоить насмерть перепуганное животное. Потом они из последних сил бежали по коридору, где каждый вздох сопровождался кашлем и болью в груди. Но в конце концов они оказались на поверхности.

Глава 23

«Мы выбрались», — тупо бормотал про себя Хольгер. Сколько времени они провели под землей? Луна уже катилась по небосклону на запад.

Небо немного очистилось. Ветер разогнал тучи и теперь метался по плоскогорью, поросшему жесткой травой, гнул к земле голые кусты и трепал кривые ветви низкорослых деревьев. Потусторонний свет луны и колючие искры звезд. Серый, как пепел, пейзаж.

Совсем рядом плоскогорье обрывалось в бездонную пропасть, налитую чернотой. Вдалеке на севере мерещились снежные вершины — или только мерещились? Холод пронизывал до костей.

Прихрамывая, подошел Карау. Взглянув на него, Хольгер подумал, что и сам выглядит, конечно, не лучше: оборванный, испачканный кровью, черный от дыма, с погнутым шлемом на голове и закопченным мечом в руке. В свете луны сарацин казался призраком. Но тут луна нырнула в тучу, и упала тьма.

— Все живы? — прохрипел Хольгер.

Шелестела трава. Карау тихо ответил:

— Боюсь, что для Хуги эта переделка кончилась плохо.

— Ну уж нет! — раздался голос, в котором звучали знакомые басовитые нотки. — Я сколько получил, столько и заплатил.

Луна опять вынырнула из-за туч. Хольгер опустился на колени рядом с Алианорой, склонившейся над лесовиком. Из его левого бока сочилась кровь.

— Хуги, — прошептала Алианора, — ты не можешь умереть. Я не верю.

— Не огорчайся, дева, — пробормотал гном. — Этот рыцарь за меня расквитается.

В нереальном свете луны лицо карлика казалось вырезанным из старого темного дерева. Ветер лохматил его бороду. На губах пузырилась кровь.

Хуги приподнял голову и погладил Алианору по руке.

— Ну-ну, не хнычь, — выдохнул он. — Пусть плачут женщины моей расы, у них для этого больше причин. Но тебя я любил... — Он судорожно вздохнул. — Дал бы я тебе пару

добрых советов, да поздно... В моей голове слишком сильный шум стоит...

Его голова поникла.

Хольгер снял шлем.

— Аве, Мария... — начал он. Здесь, под пронзительным горным ветром, он не мог сделать для карлика большего. И он просил в молитве о милости и покое для души гнома, и закрыл ему глаза, и начертал над ним знак креста.

Потом вместе с Карау они выкопали мечами неглубокую могилу. Уложили в нее тело, и засыпали землей, и воздвигли пирамиду из камней. На верхушке надгробия Хольгер укрепил рукояткой вверх кинжал Хуги. Где-то поодаль завывли волки. Теперь они не смогут разрыть могилу.

Потом они перевязали раны друг другу.

— Мы понесли тяжелые потери, — подытожил Карау. От его привычной веселости не осталось и следа. — Мы потеряли друга, а также коня и мула с пожитками. Наши мечи зазубрены, а доспехи разбиты. Кроме того, Алианора не может взлететь, пока ее крыло... ее рука не заживет.

Хольгер смотрел на серый, угрюмый ландшафт. Ветер дул ему прямо в лицо.

— Это был мой обет, — сказал он. — И только я виноват в том, что принес вам столько страданий.

Сарацин ответил ему дружелюбным взглядом.

— Думаю, это был обет всех людей чести, — сказал он после минутного молчания.

— Я должен сказать тебе, сэр Карау. Борьба наша — борьба против самой королевы фей Морганы. Она уже знает, что мы здесь. И, я уверен, уже призвала на помощь те силы Срединного Мира, против которых нам не устоять.

— Что ж, — ответил Карау. — Те, из Срединного Мира, умеют путешествовать быстро. Поэтому нам лучше не задерживаться. Только что нас там ждет, в церкви святого Гриммина?

— Там конец моим поискам... кажется... и конец всем опасностям. Но может быть, и нет...

Хольгер был готов объяснить Карау все до конца, но тот уже шел к своей лошади. Нельзя было терять ни секунды.

Алианора села на Папиллона позади Хольгера и крепко обвила руками его талию. Когда они трогались, она оглянулась и помахала рукой тому, кто остался здесь навсегда.

Папиллон устал. Что было говорить о белой кобыле? Но они несли всадников, подковы звякали по камням, с сухим шепотом расступались травы. Луна, как прожектор, била в глаза Хольгеру.

Через какое-то время Алианора спросила:

— Скажи, там, у прохода, на нас напали случайно?
— Нет. — Он взглянул на Карау. Тот, казалось, дремал в седле. — Сначала пришла Моргана. И после нашего с ней разговора прислала туземцев.

— После разговора? И что она говорила? О чем?

— Так, ничего особенного... Хотела, чтобы я сдался.

— Я уверена, что не только этого. Когда-то она была твоей возлюбленной, правда?

— Да, — равнодушно ответил Хольгер.

— Она могла одарить тебя всем на свете.

— Я сказал ей, что хочу быть с тобой.

— О мой любимый! — шепнула она. — Я... Я...

Она всхлипнула.

— Что случилось? — спросил он.

— Ах, я сама не знаю. Я не имею права быть счастливой сейчас, после этого... но что я могу поделать?.. — Она вытерла слезы рукой.

— Но... — Хольгер запнулся. — Мне показалось, что ты и Карау...

— Ну что ты! Он очень милый, конечно. Но неужели ты мог подумать, мог поверить, что у меня в мыслях могло быть что-то другое, кроме одного — отвлечь его от твоей тайны? Но я рада, что смогла выдать из тебя капельку ревности. Какая дура может променять тебя на кого-то другого?

Хольгер неотрывно глядел на Полярную звезду. Алианора глубоко вздохнула и обняла его за шею.

— Мы никогда не договаривались об этом, — сказала она твердо. — Но знай, если я когда-нибудь увижу, что ты ухаживаешь за дамой, рыцарь, тебе не поздоровится. Разумеется, если этой дамой буду не я.

Хольгер резко натянул поводья.

— Карау! — крикнул он. — Проснись!

— Что такое? — Сарацин схватился за рукоять меча.

— Наши лошади, — ляпнул Хольгер совсем не то, что было у него на уме. — Они еле волочат ноги. Если мы дадим им часок отдохнуть, то потом сможем ехать много быстрее.

Сарацин подумал и ответил:

— Не знаю. Если к нам на хвост сядет погоня, наши кони еще покажут себя. Но, с другой стороны... — Он пожал плечами. — Пусть будет по-твоему.

Они спешили. Алианора обняла Хольгера за талию. Хольгер подарил сарацину улыбку, стараясь, чтобы она не показала слишком самодовольной. Карау изумленно поднял брови, а потом широко улыбнулся в ответ.

— Желаю тебе успеха, дружище, — сказал он. Потом вытянулся на траве и, подложив руки под голову, стал насвистывать какой-то мотивчик.

Хольгер и Алианора взяли за руки и побрели прочь. Боли и усталости как не бывало. Он слышал, как бьется сердце — не неистово и напряженно, а ровно и сильно, разгоняя кровь по всему телу. Они остановились и замерли, глядя друг другу в глаза.

Вокруг лежала каменная пустыня. Яркий свет луны и черные тени в камнях. Тучи со светлыми краями на небе. Россыпи звезд. Несмолкаемый плач ветра. Но он видел только Алианору — ее серебряный силуэт на фоне мировой ночи. Капли росы сверкали в ее волосах. Луны мерцали в зрачках...

— У нас может больше никогда не оказаться случая для разговора, — тихо сказала она.

— Да, может, — ответил он.

— Поэтому я скажу тебе: я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя.

— Мой любимый... — Она шагнула к нему, и он крепко прижал ее к груди.

— Каким я был глупцом. Сам не знал, чего хочу. Я думал, что, когда все это кончится, я смогу уйти и покинуть тебя. Глупец... прости...

Она подарила его прощение — губами, руками, глазами.

— Если нам удастся выкарабкаться, — продолжал он, — мы уже не расстанемся. Мое место здесь. Рядом с тобой.

По ее щекам текли слезы, а в смехе журчало счастье.

— Не говори, не говори ничего...

И вновь поцелуй — как вознесение...

Крик сарацина оттолкнул их друг от друга. Его голос, порванный ветром, был едва слышен, но они различили:

— Сюда! Скорей! Охотники приближаются!..

Глава 24

Где-то вдали трубили рога. В их зловещем пении слышался голос ветра и моря, и биение огромных крыльев, и клекот орлов, и карканье воронов. Хольгер знал: это идут Дикие охотники, и зверь, которого они травят, — он сам.

Он взвился на Папиллона, на скаку подхватил Алианору и посадил позади себя. Карау уже умчался вперед. Белый конь и белый всадник летели в лунном свете, как бесплотные призраки. Звенели подковы. Они пригнулись к седлам. Скачка обещала быть долгой.

Луна мчалась по небу следом за ними. Камни стреляли из-под копыт, и сухие ветки трещали, как в пламени. Хольгер сросся с конем, и ритм мощных мышц Папиллона был его ритмом. Он слился с девушкой, обнимающей его за талию, и память лебеда, уже летевшего здесь однажды, была его памятью. Звенело железо, скрипела кожа, ветер шумел в ушах.

Звезды текли по небу. Лебедь короной стоял в центре неба. Млечный Путь клубился, как дым. Большая Медведица гналась за Полярной звездой. Холодные звезды. На севере острым клинком пронзал небо пик, облитый лунным сиянием.

Галоп! Галоп! Пение рогов приближалось: и стонало, и плакало. Никогда Хольгер не слышал такой скорби в звуке рога, в который дули те, кто был проклят.

Сквозь свист ветра слышал он топот копыт и лай бессмертных псов. Еще ниже пригнулся он в седле. Тело качалось в ритме скачки.

Быстрее, быстрее! По серой, как пепел, равнине, под тающими облаками и падающей луной — галоп, галоп! Скорбь охотников лилась ему в сердце. Он потрянул головой и напряг зрение, пытаясь различить желанную цель. Но перед ним была только пустыня, а за ней — ледяная гора.

Карау стал отставать. Его кобыла споткнулась, но он не дал ей упасть и пришил ее. Хольгеру казалось, что топот адской своры уже за спиной. Он услышал протяжный неистовый вой.

Он оглянулся, но летящие по ветру волосы Алианоры не дали ему ничего рассмотреть. Ему послышался звон металла. Или это гремят подковы? Или это грохочут кости скелетов?

— Быстрее, быстрее, лучший из коней! Мчись, друг, мчись так, как до сих пор не мчался ни один конь, потому что вместе с тобой преследуют всех людей! Быстрее, родной, потому что это гонки со временем, потому что это состязание с ордами Хаоса! Пусть Бог поможет тебе и даст тебе силы для бега!

Череп трещал от рева рогов. Стук копыт, и лай, и грохот костей настигали его. Папиллон дрожал. Алианора из последних сил цеплялась за него слабеющими руками. Но они мчались, мчались, мчались...

Что за шпиль вырос перед ним — острая игла на фоне звездного неба? Церковь святого Гриммина! Дикие охотники с воем рванулись вперед. Забили огромные крылья, в глазах потемнело...

Великий Боже, даруй мне, недостойному, милость и прощение!

Стена выросла на пути. Папиллон подобрался и прыгнул.

Жеребец приземлился, и сильный толчок едва не выбросил всадников из седла. Карау мчался следом, но белая кобыла испугалась стены и остановилась, встав на дыбы и пронзительно заржав. Ее всадник, не раздумывая, скатился с нее, ухватился за край стены и одним прыжком перемахнул на другую сторону. Хольгер услышал предсмертный крик кобылы — короткий и страшный, а затем ее голос захлебнулся и смолк. Они стояли на церковном дворе. И вдруг все утихло. Даже ветер. Тишина ударила в уши, как крик.

Рука Алианоры покоилась в руке Хольгера. Он огляделся.

Мраморные надгробия, заросшие кустарником, кольцом окружали полуразрушенную глыбу церкви. Меж могилами под лунным светом стелился туман. Тянуло сыростью и запахом тления.

Чьи-то неровные шаги нарушили тишину. Шаги коня — старого и хромого, бредущего между кладбищенскими плитами. Шаги приближались: конь искал его, Хольгера. Язык прилип у него к гортани от страха: это брел к нему Адский аргмак. Всякий, кто увидит его, — умрет.

От него нельзя ускользнуть на Папиллоне: надгробия торчали из земли, как зубы в акульей пасти. Карау взял повод и осторожно повел Папиллона между ними. Шаги старого хромого коня стали громче — неуверенные и нетвердые, они упорно преследовали их.

Чем ближе они подходили к церкви, тем, казалось, плотнее становился туман. Он словно хотел спрятать храм от неожиданных гостей. Колокольня давно рухнула, в крыше зияли дыры, пустые глазницы окон враждебно взирали на них.

Копыта Адского аргмака цокали по гравию совсем рядом. Но они были уже у входа. Датчанин спешился и снял с седла Алианору. Взяв ее на руки, он взобрался на полуразрушенное крыльцо.

— Пойдем с нами, — сказал Карау Папиллону и ввел его в храм.

Они вошли и остановились. Луна посылала свой последний луч на алтарь. Высоко над алтарем висело распятие. Лик Христа в терновой звездной короне... Хольгер опустился на колени. Карау и Алианора последовали его примеру.

И они слышали, что Адский аргмак удаляется. И когда его усталые неровные шаги утихли вдалеке, подул легкий ветер и развеял туман. «Нет, церковь нельзя разрушить, — подумал Хольгер. — Ее крыша — небо, а ее стены — свет. И она всегда стоит в центре мира».

Они поднялись с колен. Хольгер обнял Алианору. Он нашел то, что искал, но ему было больно и тяжело. Он смотрел в ее глаза и падал в них, как в бездонную пропасть... как в небо...

Мягкий голос Карау вернул его на землю.

— Так что же на самом деле ты хотел здесь найти?

Он ответил не сразу. Приблизившись к алтарю, он увидел под ногами большую каменную плиту с железным кольцом.

— Это, — сказал он.

Он вытащил свой, уже ни на что не годный меч и продел его в кольцо, как рычаг. Плита была чудовищно тяжела. Клинок выгнулся и готов был сломаться.

— Помогите мне, — попросил Хольгер.

Сарацин сунул свой меч в образовавшуюся щель. В тот же момент клинок Хольгера не выдержал и с треском сломался. Общими усилиями они приподняли плиту и перевернули ее. С глухим стуком плита рухнула и раскололась на три куска.

Алианора схватила Хольгера за руку.

— Что это? — воскликнула она.

Он поднял голову и услышал тяжелый рокот: шагали армии, трубили трубы, бряцало оружие.

— Это орды Хаоса двинулись на людей, — ответил он.

Он взглянул вниз, в открытый тайник. Бледный свет играл на лезвии огромного меча, ожидающего своего часа.

— Нам нечего бояться теперь, — сказал он. — Теперь им не сносить головы. А когда падут демоны, которых варвары чтут за богов, их армии отступят и рассеются.

— Скажи, кто ты? — прошептала Алианора.

— Еще не знаю, — сказал он. — Но скоро буду знать.

Он медлил. В нем оживала Великая Мощь, но Меч, который ждал его, требовал Великого Духа и Великой Надежды. И ему не хватало смелости взяться за тяжелую рукоять.

Он поднял лицо к Тому, кто был распят на кресте. Потом опустился на колени, а когда поднялся, то уже держал Меч.

— Это Кортана, — одними губами сказал Карау.

Хольгер чувствовал, как перерождается, переплавляется в тигле Небесного Огня все его существо. Память возвращалась к нему, и знание воскресало в нем.

Его друзья стояли рядом. Алианора прижималась к его плечу. Карау касался его руки. Папиллон шумно вздохнул у щеки.

— Что бы ни случилось со мной, друзья мои, вы должны жить, а любовь моя будет с вами всегда.

— Я нашел тебя, — сказал Карау. — Я нашел тебя, Ожье.

— Я люблю тебя, Хольгер, — сказала Алианора.

Ожье Датчанин, Хольгер Датский, которого старые хроники называют именем Ожье де Данэ, вскочил в седло. Датский герцог, которого еще в колыбели благосклонные к людям маги ода-рили силой, любовью и счастьем. Тот, кто был рядом с Великим Карлом и верой и правдой служил Христу и людям. Тот, кто одолел когда-то в бою короля Мавритании Карау, а потом стал его другом и странствовал с ним долгие годы плечом к плечу. Тот, кого любила королева Фей и кого, когда он состарился, забрала она на Авалон, чтобы вернуть ему молодость. Сотни лет он провел с ней там, пока язычники не посягнули на любимую Францию, и он вернулся, чтобы разгромить их. Тот, кто в час своего триумфа был похищен из мира и перенесен в неизвестность.

Одни говорили, что он вновь удалился на Авалон, где не имеет власти время, и ждет только своего часа, когда Франция окажется в опасности. Другие — что спит он под замком Крон-борг и проснется, когда будет нужен Дании. Но никто и подумать не мог, что был он всего лишь человеком Земли с земными страстями и слабостями. Для всех он был только Защитником.

Он вышел из церкви на простор плоскогорья. И вместе с ним вышел в поход весь мир.

Эпилог

Сразу после окончания войны я получил письмо от Хольгера Карлсена, из которого узнал обо всем, что ему пришлось пережить во время войны. Потом долгое время я не имел от него никаких известий, до того самого дня, когда он вдруг два года назад появился в моем бюро.

Он сильно изменился, стал гораздо мужественнее и выглядел много старше. Впрочем, меня это не удивило: ведь он сражался в подполье. Он сообщил, что снова нашел работу в Америке.

— Работа так себе, — сказал он. — Просто чтобы заработать на жизнь. Главное для меня сейчас — старинные книги. Я уже нашел несколько интересных для меня фолиантов в Лондоне, Париже и Риме, но этого пока недостаточно.

— Это что-то новенькое! — удивился я. — Ты стал библио-филом?

Он усмехнулся:

— Не совсем. При случае расскажу тебе поподробнее.

И, сменив тему, он стал расспрашивать меня о наших общих знакомых. Жизнь в Лондоне заметно изменила его акцент.

Случай представился довольно скоро. Думаю, он просто давно нуждался в ком-нибудь, кто готов был его доброжелательно выслушать. Он обратился в католическую веру (принимая во

внимание его прежние отношения с церковью, я считаю этот факт веским доказательством достоверности его повествования). но исповедальня — не лучшее место для откровений такого рода.

— Хочешь верь, хочешь не верь, — сказал он в один прекрасный день, когда мы у меня дома коротали время за пивом и бутербродами, — но выслушай меня до конца, ладно?

Я кивнул. Он стал говорить и закончил свой рассказ только под утро. Я подошел к окну. Улицы были пустынные, фонари едва тлели, на небе виднелось несколько звезд. Он налил себе пива и долго смотрел на стакан. Потом выпил.

— А как тебе удалось вернуться? — спросил я тихо.

Он посмотрел на меня, как лунатик.

— Как во сне... Меня что-то выбросило из того мира, и я оказался в этом. Я скакал на Папиллоне, сломив сопротивление орд Хаоса и гоня их прочь. И вдруг увидел себя на пляже, в другом мире и в другое время. При этом я был совершенно наг. Мои рыцарские одежды остались в том мире, но прежние, из которых меня вытряхнуло в первый раз, лежали рядом. Меня немного поцарапало, но совсем немного. Я лежал за тем же камнем. И вдруг мои движения приобрели невероятную быстроту и ловкость. Человеческое тело не может вырабатывать столько энергии. Врачи, правда, утверждают, что может — в условиях стресса. Какие-то адреналиновые фокусы. Во всяком случае, я вскочил и ворвался в толпу немцев прежде, чем они успели опомниться, вырвал у одного из них карабин и стал орудовать им, как дубиной. И вскоре все было кончено. — Он поморщился, видимо, вновь переживая эту варварскую сцену, но тут же опять заговорил: — Эти два мира — а может быть, есть и еще — в сущности, одно целое. Или вообще один раздвоенный мир. В обоих велась одинаковая война. Здесь — с наци, там — со Срединным Миром, но и там и здесь это была война Порядка с Хаосом — древней и ужасной силой, стремящейся уничтожить человека и его творения. Я оказался нужен одновременно в обоих мирах и одновременно Франции и Дании. Поэтому Ожье и появился в обоих: так было предначертано. Здесь, в этом мире, его действия не были, конечно, столь колоритны: какой-то пляж и какой-то человек в лодке. Но бегство этого человека имело решающее значение. В свете того, что он потом совершил, легко догадаться почему. В том мире я пробыл... несколько недель. А сюда вернулся в ту самую секунду, из которой был взят. Забавная штука — время.

— А что было потом? — спросил я.

Он усмехнулся:

— Потом я изрядно помучился, пытаюсь объяснить товарищам, зачем разделся. К счастью, тогда было не до разговоров. А потом я был только Хольгером Карлсеном. И просто жил. — Он пожал плечами. — Я разогнал силы Хаоса там. Потом закончил свое дело здесь. Кризис в обоих мирах миновал, задание было выполнено и равновесие восстановлено... И силы, которые бросили меня через пространство и время, уснули. И вот я живу здесь. — Он устало вздохнул. — Я знаю, что ты сейчас думаешь. У Хольгера сдвиг по фазе. У Хольгера галлюцинации, нервное истощение и так далее. Не буду спорить. Спасибо и на том, что меня ты выслушал.

— Я не знаю, что и подумать, — ответил я. — Но скажи, зачем тебе книги?

— Не просто книги. Трактаты по магии. Моргана выслала меня в этот мир, так? — Его кулак вдруг с силой опустился на крышку стола. — И я найду способ, чтобы вернуться!

С тех пор я не видел его и не имел от него никаких вестей. Быть может, ему удалось перенестись в мир, о котором он говорил, — если он говорил правду. Я искренне надеюсь, что ему это удалось.

Но сейчас, похоже, над миром собирается новая буря. И, может статься, скоро придет время, когда нам снова понадобится Ожье Датчанин.

БУРЯ В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Глава 1

ГРОМ И МОЛНИЯ. ВЕРЕСК В ОГНЕ

День был унылым и мрачным; противостоящие друг другу армии время от времени обменивались пушечными выстрелами. Но в остальном было тихо, словно и не шла война. Сначала принц Руперт ждал йоркширцев; потом он ждал наступления утра, чувствуя усиливающийся голод и мучаясь воспоминаниями о поражении.

К вечеру небо затянули иссиня-черные облака. Холодный ветер завывал и хихикал в кустах. Сумерки прорезали вспышки огня. «Теперь Господь пустил в ход собственную артиллерию», — мелькнуло в мыслях Руперта. Но вот сквозь вой ветра донесся другой звук — более глубокий и резкий. «Круглоголовые начали артиллерийский огонь. Похоже, решили, что шторм — добрый знак для них».

Принц прищепил коня и поскакал вдоль рядов своих кавалеристов и мушкетеров в поисках нужного ему человека.

— Ветерок пахнет дракой! Эй, капеллан! — окликнул Руперт. — Пора прочесть молитву. — Ветер заглушал его слова. Развернув коня, чтобы отправиться обратно, принц сухо добавил: — Мы должны сделать все, что в наших силах.

Когда Руперт вернулся на командный пункт, его пес выбежал навстречу и, обнюхав башмаки принца, с жалобным видом завил хвостом. Принц наклонился и погладил большую белую голову.

— Ну-ну, Бой, — пробормотал он, — ну-ну, успокойся, старина. За три года нас все-таки не разбили.

Но тут же душу Руперта пронзила боль. «Однако под Эйлсбери я не решился атаковать и при отступлении потерял четыре сотни человек — в снегу и на переправе... да, тогда была скверная погода — и сейчас тоже».

Началась служба. Принц, сняв шлем, положил его на седло. Белый плюмаж, эмблема Руперта, смутно виднелся в полумраке, вспыхивая лишь при свете молний. Принц едва слышал слова короткой молитвы: «...Великий Создатель, он знает, и Израиль

будет знать; и Он убережет нас от бунта и от нарушения Божеских законов, ныне и присно...» Мысли Руперта постоянно возвращались к полю битвы.

Принц возглавлял Спасателей, расположенных слева, его отряд скрывался среди рвов и густых живых изгородей. Всадники Горинга находились на правом фланге. При свете вспышек там поблескивали кирасы, смутно виднелись светлые гривы коней, замершие в неподвижности копыта и мушкеты. А за ними, как живые, притаились длинные стволы пушек; запальные шнуры, словно факелы, трепетали в руках солдат. Дальше белесой массой толпились Йоркширские Овечки. Всадников Бирона и ирландцев, стоявших в арьергарде, почти не было видно.

Руперт посмотрел в ту сторону, где располагались враги. Они занимали плавно вздымающийся склон холма, спрятавшись среди ржаных полей, почти уже готовых к жатве в тот момент, когда англичане, восставшие против англичан, принялись топтать их. Бунтовщиков поддерживали союзники — шотландцы; Руперт со своим отрядом стоял как раз напротив кавалерии пресвитериан. Левее, у подножия Фэрфакса, находились конники конгрегационалистов. Разведчики сообщали, что главной надеждой пуритан был отряд, возглавляемый самим Оливером Кромвелем... В сумерках Руперт мог разглядеть не слишком много. Возможно, бунтовщики и были вооружены хуже, чем королевские части, но зато их было слишком много.

Принц вздрогнул.

— Похоже, Круглоголовым ожидание на руку, — пробормотал он, не сознавая, что говорит вслух. — Холодная игра холодных душ...

— Ну, вы их переиграете, — послышался рядом голос, произносивший слова протяжно, на южный манер.

Обернувшись, Руперт увидел оборванного тощего всадника на таком же тощем коне.

— Потихе, Уилл, служба идет, — сказал он, но тут же спохватился. — Впрочем, она уже кончилась.

Драгун хихикнул:

— Ну, мой лорд, теперь-то вы сможете пострелять вволю... ну, я хочу сказать, эти лысые башки теперь почуют, что такое Огненный Руперт, принц драгунов, да, сэр, я слышал, их писаки так вас называют в своих подметных письмах.

На обеих сторонах полыхнули огни, грохнули пушечные выстрелы. Завывающий холодный ветер донес острый запах дыма, выкрики офицеров, ругательства солдат, визг раненого животного.

— Ты слишком много болтаешь, — сказал Руперт. — Не понимаю, почему я терплю тебя, разве что из-за того, что ты умеешь обращаться с животными.

Солдат передернул плечами:

— Что-то стрелять стали гуще и громче, мой лорд. Словно бы ружья спорят, и логика у них грубовата! Хорошо бы, если бы все эти ружья-пушки друг в друга целили, так ведь нет, норовят пристукнуть кого-нибудь вроде старины Уилла, и сдается мне, нашему брату здорово достанется. — Он снял с пояса кожаную фляжку. — Может, хотите согреться, ваше высочество, и вот что, не забудьте запастись подкрепляющим, когда мы будем реквизи́ровать кое-что у пуритан. Тут можно не бояться — напитки у них адской крепости, но хороши. Кто первым успеет, тому и спиртягишки чистого достанется, лишь бы фляжек хватило.

— Ну довольно, — сказал Руперт. — Отправляйся на свой пост, шут.

Мгновение-другое солдат, наклонившись вперед, вглядывался в своего генерала, словно пытаясь как следует запомнить его черты.

Несмотря на его высокий рост, драгуну все же приходилось смотреть снизу вверх, потому что в Руперте было шесть футов и три дюйма; к тому же он обладал широкими плечами и атлетически сложенным телом. Черные локоны падали на обветренное лицо и на плечи. Он не следовал моде Рыцарей носить бороду и был гладко выбрит. Из-за этого казался старше своих лет, поскольку суровость черт его лица слишком бросалась в глаза. Но принц был красив: ровные брови над карими глазами, прямой нос с высокой переносицей, полные губы и слегка раздвоенный подбородок. В речи Руперта слышался тяжеловатый датский акцент.

Принц нетерпеливо схватил шлем, надел его и застегнул ремешок. Солдат отступил в сумерки. Принц глянул вниз, на собаку.

— Присматривай за Малышом как следует! — крикнул он.

Небеса начали обстрел. Дождь хлынул водопадом, град колотил по железу и прыгал по земле, в свете молний окружающее на мгновения становилось похожим на гравюру, а гром сыпал проклятия на промокшие ружья.

Но вот шквал пронесся, а вслед за ним умчались и облака. Станный зеленоватый полусвет сочился с неба и из-за горизонта. И тогда армии пришли в движение.

Сабля Руперта взлетела в воздух. Из уст принца вырвалось: «За Бога и короля!» — и клич этот повторили сотни глоток. Крики и топот копыт слились в сплошной гул; Руперт и его Спасатели бросились в атаку.

Как бешеный поток, они промчались сквозь ржаное поле, вверх по склону холма. На скаку принц мимоходом глянул вправо. Он заметил отряд, скакавший параллельно его всадникам, и тяжело вооруженный отряд врага, несущийся навстречу. Мгновенный страх охватил принца: «Бирон, этот дурак, оставил свои позиции и решил влезть в драку прямо сейчас...» Руперт задохнулся от возмущения глупостью шотландцев.

Рявкнули пистолеты. Ни Руперт, ни его отряд не обратили на них внимания. Мечи ударили по латам, рассекая вражескую плоть. На принца навалилась масса тел, окружив его; приподнявшись в стременах, Руперт врезался в них. Громыхала сталь, кричали люди, храпели и ржали кони, время от времени слышался звук трубы. Над кровавым побоищем развевались флаги короля и Парламента.

Руперт не мог видеть ход сражения в целом. Но в гуще шлемов и безумных лиц он видел знаки, которые ему нетрудно было прочесть. «Справа люди Горинга напирают, как и мой отряд. В такие мгновения этот хромой и хвастливый мерзавец становится отчаянным бойцом, и я готов любить его, как родного брата... О брат мой, Маврикий, неужели и ты сражаешься этой ночью?»

Снова и снова парламентаристы бросали новые силы на сторонников короля. На мгновение роялисты, столкнувшись с очередным резервным отрядом, пришли в замешательство.

Внезапно слева от Руперта с громким лаем выскочил из тьмы большой белый пес.

— Малыш! — вскрикнул принц. — Ты сбежал от груга? Иди сюда, Малыш, сюда!

В плотном строю вражеских солдат сверкнула вспышка, злобно рявкнул выстрел. Пес подскочил, взвизгнул и упал в грязь. Атакующие промчались над его неподвижным телом.

По щеке Руперта сползла слезинка. Сабля принца бешено врубилась в неприятеля. Шотландцы-парламентаристы дрогнули; Спасатели погнали их с холма и дальше через торфяник; сотня врагов полегла рядом с белым псом.

Руперт направил коня на гребень холма, чтобы взглянуть, как идет сражение на других участках.

Он оглядел поле боя.

Злобные волны людского моря бушевали вокруг, озаряемые вспышками выстрелов. Грохотали пушки, сухо щелкали мушкеты; ни на секунду не умолкали барабаны пуритан; гремел боевой клич Спасателей... Конь Руперта вздрагивал и тяжело дышал от усталости, а принц вглядывался в сумерки, пытаясь понять, что происходит.

«Круглоголовые разбили правый фланг роялистов, — решил наконец Руперт. — Они прижали нашу артиллерию и напирают в центре, и отряд Овечек истекает кровью на алтаре преданности...»

— Нам здорово досталось там, впереди, мы задыхаемся, — слышался рядом хриплый от усталости голос.

Руперт резко обернулся.

— Тебе бы помолчать, — резко бросил он. — Ты не способен уследить даже за собакой!

Уилл тронул поводья, заставив лошадь отойти в сторону, но не слишком далеко.

— Ну, я не стану болтать по-пустому, ваше высочество, — сказал он. — Лучше просто исчезну.

Руперт тут же забыл о нем, яростно пытаясь собрать остатки своего отряда. Люди медленно подтягивались к принцу. Немалая часть отряда рассыпалась на протяжении многих миль, преследуемая пуританами. А те, кого Руперту удалось найти, были до глубины души потрясены тем, что им довелось увидеть в свете встающей луны.

Воины принца были привычны к кровавой резне. Но даже их поразило то, как действовали парламентаристы. Командир пуритан приказал не тратить время на стрельбу из пистолетов. Они просто врвались в гущу врагов, и их предводитель всегда мчался впереди.

И нынешней ночью он оказался в выигрыше. Одетый в камзол из буйволовой кожи, он упорно продвигался — не галопом, а неторопливой рысью, и его всадники плотным клином следовали за ним в гробовом молчании, похожие не на боевой отряд, а на мертвую машину, изобретенную Кромвелем.

— За Бога и короля! — крикнул Руперт. Голос его потонул в громе пушек. Лишь несколько голосов подхватили призыв принца, лишь малая кучка всадников последовала за ним.

Парламентаристы разбили их ряды, их мечи и топоры взлетали в воздух, разя Рыцарей.

Руперт вышиб из седла одного противника, другого... Он увидел, что его окружают, и попытался вырваться. В ледяном лунном свете он видел степь и гибель своего эскадрона. Латы Рыцарей сверкали, словно капли ртути. На принца со всех сторон напирала враги. Но принц избежал их, чтобы вновь собрать свой отряд и вновь бросить его в бой...

И это повторялось, и повторялось... но наконец силы иссякли.

В густом грязном месиве валялись разбитые лафеты, изломанные ружья, растянулись убитые... раненые молили пуритан о милосердии. Королевские силы были разбиты, север принадлежал парламентаристам.

Луна неторопливо плыла в серо-голубом небе, прячась иной раз за редкими облаками. На землю легли косые тени. Руперт и Уилл сидели на своих конях среди павших во время последней схватки. В сотне ярдах от них стояли кругом, направив на них оружие, всадники Круглоголовых.

— Сдается мне, куда умнее было бы, если бы мы вовремя унесли отсюда ноги, — едва дыша, пробормотал драгун. — Конечно, если бы мы сумели.

— И если бы мне удалось собрать достаточно людей, чтобы прикрыть отступление большинства... и мое бегство, — сказал Руперт.

Неподалеку от них находилась высокая деревянная изгородь. Сквозь дыры в ней виднелось бесконечное унылое поле бобов. Вдали можно было разглядеть отступавших с боем роялистов; Рыцари приближались к путанице изгородей и узких проулков, где им поневоле пришлось бы спешиться и схватиться с преследователями врукопашную... Принц повернул коня и дал ему шпоры.

— Ну, попробуй в последний раз, мой храбрец! Как бы мне хотелось, чтобы у тебя были крылья!

Измученное животное рванулось вперед. Но силы коня были на исходе. Изгородь смутно вырисовывалась в полутьме. Руперт вонзил шпоры в бока коня, и тот взвился в воздух. Но не смог перескочить на другую сторону.

Руперт, падая, высвободил ноги из стремян. Ударившись о землю, он покатился среди бобовых стеблей. Вскочил на ноги — и увидел, что его конь бьется в грязи. Одна из его ног была сломана.

Конь Уилла просто остановился перед барьером. Пуритане стремительно приближались. Возможно, они узнали белый плюмаж? Земля гудела под копытами их лошадей. Металл доспехов бросал ледяные отсветы.

Уилл соскочил на землю. Облако, укрывшее луну, на какое-то мгновение сделало драгуна невидимым. И даже стоя рядом с ним, невозможно было разглядеть, как он сорвал с себя знаки различия королевских войск и скользнул сквозь изгородь.

Руперт, слышавший его шаги, воскликнул:

— И ты бьешь меня ножом в спину! Я-то думал, что хоть ты предан как пес, хотя и не так умен, как Малыш, которому ты позволил погибнуть! Фарвелл, Уилл Фарвелл... прощай, бывший друг!..

Принц, вынув из ножен кинжал, склонился к своему боевому коню и оказал ему последнюю услугу. А потом выхватил меч.

Круглоголовые окружили принца. Он переводил взгляд с сабли на саблю, с пистолета на пистолет. Один из пуритан взгляделся в Руперта.

— Да это и в самом деле принц Руперт с Рейна! — выдохнул он.

И тут же он выпрямился и отдал честь.

— Ваше высочество, вы, наверное, не помните меня, — сказал он. — Я был одним из смиренных рыцарей при дворе в те времена, когда вы, совсем еще мальчиком, приезжали навещать короля, вашего дядюшку... он и теперь наш король, а мы — его любящие подданные, мы сражаемся лишь с его злобными и порочными советниками...

— Таким потоком слов можно сбить с ног, — заметил Руперт.

— Умоляю, ваше высочество, сдайтесь! Вам будут оказаны все подобающие почести.

Руперт скривил губы:

— И меня не повезут, как труп, или как свинью, связанную для убоя? — На лицах пуритан, окружавших его, отразилось сдержанное веселье. Принц опустил меч, помедлил мгновение, а потом протянул оружие капитану пуритан. — Что ж, возьмите его, сэр Как-Вас-Там, до лучших времен. — Руперт резко вскинул голову. — В конце концов, нет бесчестия в том, чтобы проиграть такому, как Кромвель. Под буйволово́й кожей ваших кафтанов скрываются воистину железные бока!

Глава 2

ЗАМОК, В ТРЕХ МИЛЯХ ОТ ЛИДСА, ВЫШЕ ПО РЕКЕ

Хотя замок был построен не слишком давно, о чем ясно говорили современные кирпичи и черепица, он все же казался принадлежащим минувшим векам. Две сторожевые башни усиливали мрачное впечатление; рядом с мостом, перекинутым через крепостной ров, стояла пушка. Очевидно, владелец замка предвидел, что в Англию вернутся беспокойные времена. Совсем неподалеку от замка, справа, потемневшее от времени и заросшее плющом, стояло заброшенное ныне аббатство Киркстолл, мирное и печальное.

И замок, и аббатство окружал однообразный пейзаж. Газоны, беседки и цветочные клумбы красовались вокруг замка, спускаясь к реке, в которую смотрелись тисы и ивы. За главным

строением тянулись сарай, конюшни, клетки для охотничьих птиц и небольшие коттеджи. А дальше простирались поля, на которых виднелись батраки, усердно работавшие вместе с женами и детьми. Однако лошади и ослы принадлежали хозяину замка. Одна из ферм выглядела заброшенной — видимо, прогоревший йомен был изгнан из этого хозяйства, а нового арендатора пока не нашлось. Далеко на севере вздымались к самому небу горы, и голубая дымка окутывала дикий лес.

Но на всем окружении лежала скорее печать будущего, чем прошлого. Из самого дальнего сарая к каменному мосту, перекинутому через реку, тянулись рельсы, убегающие на юг. Семафоры, похожие на скелеты, стояли в зоне видимости друг друга, словно охраняя железную дорогу. Слева можно было разглядеть шпили и колокольни Лидса, его стены, крыши, а почти вплотную к городу — дымы дюжины доменных печей, коптящих городок. Серые стены фабрик и многоквартирных домов расползались в разные стороны, окружая старый Лидс. Ветер доносил запахи горячего железа и дыма и шум работающих машин. С западной стороны, почти на горизонте, тянулись в небо дым и копоть, отмечавшие местоположение Брэдфорда.

Но здесь, возле замка, стояло прозрачное июньское утро. Солнечные лучи освещали легкие облачка, играли тысячами оттенков в бриллиантовой зелени травы и листьев, превращали в золото ржаные поля. Воздух насыщали ароматы цветов, земли и молодой зелени. С каждого дерева доносились птичьи трели.

Как только распахнулась парадная дверь замка, два мастифа, сидящие на цепях рядом с оружейной пирамидой, разразились яростным лаем. Когда сэр Мэлэчи шагнул вперед, они умолкли, но продолжали скалить зубы и тихо рычать на незнакомого им Руперта. Позади него шагали четыре алебардщика, в шлемах и латах, с двуручными мечами и пистолетами у поясов. Висячий мост гудел под их ногами.

Пленник был разоружен и без лат. Одежда, которую он носил под кольчугой — рубаха из грубой ткани, лосины из сыромятной кожи, сапоги до колен, с ярким верхом, — была наскоро вычищена, так что почти незаметными стали пятна, оставленные травой, землей, потом и кровью. Волосы принца причесал и немного подстриг парикмахер.

Человеку среднего роста, шедшему рядом с принцем, приходилось поднимать голову, чтобы взглянуть в глаза Руперту. Он напряженно улыбнулся и четко произнес:

— Мне очень жаль, что ваше высочество прибывает в замок таким образом, как простая деревенщина. Но мы не ждали подобного гостя. И в этом доме нет ничего, что хотя бы отдаленно соответствовало вашему сану и званию.

— Неважно, — безразлично бросил Руперт.

— Нет, это важно, хотя бы для меня. Честь сэра Мэлчи Шелгрейва требует, чтобы вам было оказано должное гостеприимство, достойное... — он перевел дыхание, — Руперта, принца и племянника нашего короля, урожденного графа Рейнского курфюршества, герцога Баварии и Кумберланда, графа Холдернесса, кавалера Ордена Подвязки, генерала королевских войск.

На какое-то мгновение благодущие оставило Руперта. Он сжал кулак, скривил губы, нахмурил брови, бешено уставясь на собеседника. Стражи торопливо схватились за оружие.

Шелгрейв остановился, всплеснул руками и воскликнул:

— О, прошу прощения, я сказал это совсем не в насмешку! Я лишь хотел показать, как тщательно я изучал личность нашего сильнейшего противника.

Пальцы Руперта разжались, руки бессильно упали. И снова ничего нельзя было прочесть на его лице. Круглоголовый вздохнул с облегчением.

— Сегодня из Лидса приедет отличный портной, — торопливо сказал Шелгрейв. — Он снимет с вас мерки, бросит всю другую работу и будет трудиться без сна и отдыха, пока вы не будете одеты, как подобает принцу, в бархат и шелк.

— Этого не нужно, — отозвался Руперт. — Я солдат, а не попугай.

Руперт повернулся к собеседнику; Шелгрейв встретил его взгляд, и на мгновение они замерли, глядя друг на друга.

Хозяину замка было под пятьдесят, однако он выглядел бодрым и подтянутым. Волосы давно покинули его куполообразный череп, оставив лишь небольшую бахрому над ушами; серые глаза постоянно моргали; кожа слегка обвисла под подбородком, но в остальном его желтоватое лицо выглядело неплохо, и никаких других следов время не оставило на нем. Одежда его отличалась пуританской строгостью и простотой покроя, хотя и была сшита из дорогих тканей. На поясе у него висели шпага и кожаная сумка.

— Ну, по крайней мере, ваше высочество нуждается в нескольких переменах одежды, — сказал он. — Я думаю, вы окажете любезность этому дому, оставшись в нем... предположим, на месяц.

Руперт не сдержал удивления:

— Так долго?

— Умоляю, лорд, рассудите сами, — проговорил Шелгрейв, направляясь дальше. Руперт старался идти не слишком быстро, хотя длинные ноги невольно уносили его вперед. Парламентарист, бросив на принца косой взгляд, продолжил: — Говорят,

вы человек крайне прямолинейный. Могу ли и я говорить откровенно?

— А, можете. Я сыт по горло двуязыкими придворными, — огрызнулся Руперт.

Шелгрейв понимающе кивнул.

— Ну что ж, — начал он. — Ваше высочество и Маврикий, ваш брат... ну, в первую очередь речь о вас, конечно... в последние три года вы возглавляли наших врагов. Ваше имя пугало всех в Лондоне так же, как имя Люцифера. Без вас, живой молнии, армия нечестивцев — прошу прощения, — оставив короля, разбежится, как улетают при порывах освежающего ветра грозные облака.

— С точки зрения короля, — резко бросил Руперт, — вы — не что иное, как мрачная и уродливая зима.

— Короля вводят в заблуждение.

— Ладно, продолжайте...

— Извините ли вы мое любопытство? — (Руперт коротко кивнул.) — Хотя я и не родился солдатом, подобно вам, в молодости я служил под началом Бекингема и был удостоен рыцарского звания. Среди многого другого я изучал и искусство ведения войны и прочел не только труды Цезаря и древних полководцев, но и хроники более поздних времен. У меня достаточно знаний, чтобы оценить ваше умение. Вас называют опрометчивым — однако почти всегда, принц, вы выигрываете битвы. И вы еще так молоды, и вам сопутствует удача! — Шелгрейв, моргая, взглянул на своего пленника. Того явно не тронула лесть. — И вот — битва при Марстон Муре... она поразила меня. Когда вы направились на север, чтобы начать осаду Йорка, вы обнаружили, что ваш противник имеет плохое снабжение, пребывает в унынии, расколот на секты и фракции и отнюдь не пользуется поддержкой жителей северных земель. Вы могли погнать врага, как волк гонит корову — пока он не свалится замертво. И я как раз и боялся, что вы поступите именно так. Но вместо того вы начали битву на местности, где все было против вас. Мне хотелось бы знать — почему?

— Я выполнял приказ, — хрипло ответил Руперт. — Больше мне нечего сказать.

— Это к чести вашего высочества, но... но бессмысленно, ведь нет секрета в том, что зависть и интриги кипят вокруг молодого иностранца, явившегося к королю, когда началась война. Кто из ваших противников придумал этот приказ, принц? Ни один из пуритан не сумел бы...

— Довольно! — Руперт снова остановился, словно при виде опасности.

Шелгрейв поклонился.

— Разумеется... Я лишь хотел объяснить, почему мне доставляет удовольствие ваше общество. Видите ли, вы бесценны для наших врагов и, следовательно, для нас тоже. То, что вы взяты в плен, — это милость Божья, позволяющая нам увидеть конец войны. Конечно, у роялистов есть еще силы... Двор сейчас в Оксфорде, недалеко от Лондона. И если, скажем, Маврикий организует налет, он может отбить вас. Но этого не должно случиться. Файрфакс это прекрасно понял. И он распорядился, чтобы вас доставили сюда в глубочайшей тайне, и здесь вы должны оставаться до тех пор, пока восточные районы не будут полностью очищены. А потом, без всякого волнения и риска, вы можете быть доставлены в Лондон.

— Для чего?

— Это решит Парламент.

Глубокие морщины легли возле губ Руперта.

— Воображаю себе...

Шелгрейв осторожно взял принца под локоть и повел по тропинке. Высокие кусты роз стояли по обеим сторонам, а под ними скромно синели анютины глазки; легкий ветерок был насыщен их ароматом. Солнечные лучи, пробравшись сквозь листву, золотыми пятнами падали вниз. Под ногами тихо поскрипывал гравий.

— Ваше высочество, оставьте грусть, — сказал Шелгрейв. — Вы здесь найдете немало удовольствий и забудете о борьбе. Конечно, вся домашняя прислуга и все, кого вы здесь можете встретить, дали клятву ни словом не упоминать о вашем присутствии, а моим людям можно доверять... Но хотя и под охраной, вы будете достаточно свободны в моих землях. — Он с виноватым видом вздохнул. — Я не осмелюсь позволить вам ездить верхом. Мне бы хотелось, но... Я страстный охотник, и вам понравятся мои лошади и борзые.

Кулаки Руперта снова на мгновение сжались.

— Но вы можете ловить рыбу, играть в мяч, делать, что вам вздумается, — пообещал Шелгрейв. — Я слышал, у вас есть склонность к философии. Ну, я тоже ею интересуюсь. Вы найдете много интересных книг в моей библиотеке. Вы играете в шахматы? Я недурной игрок. По ночам, правда, боюсь, вам придется сидеть взаперти в ваших апартаментах, вон в той башне, довольно высоко. Но в вашем распоряжении будут инструменты... мне говорили, что вы отлично гравируете; и вы сможете выходить на крышу. Я часто провожу там бессонные ночи, наблюдая движение луны и звезд в небе. Приходите и вы! Я покажу вам тайны небес... — Голос Шелгрейва дрогнул, в глазах его мелькнул фанатизм. — И, может быть, небеса помогут вам встать на истинный путь!

Руперт энергично встряхнул головой:

— Истина не имеет отношения к вашей кислой и лицемерной вере.

Шелгрейв вспыхнул, но сумел взять себя в руки.

— Разве вы не воспитаны кальвинистом, мой лорд?

— Я старался быть настоящим протестантом, но я не способен отбросить все то хорошее, что было в прежние времена. Я охотнее слушаю службу, чем напыщенную проповедь; и я не думаю, что мои римские друзья прокляты, и не думаю, что преследовать иудеев — правильно. И я не стану вешать беспомощную старуху за колдовство. — И он добавил горько: — В тот день, когда мы взяли Личфилд, я был рад позволить его преданным защитникам сохранить свою честь. Но потом мы вошли в собор и увидели оскверняющие надписи на древних святынях... — Принц рубанул воздух ладонью. — Довольно об этом!

— Однако когда над миром встает солнце, — сказал Шелгрейв, — мы перестаем видеть милые маленькие звездочки... Но, впрочем, есть звезды, которые бесчестно светят в палатах тиранов! И как жаль, что вы сражаетесь за уходящую ночь!

— Я допускаю, что Якоб был не лучшим из королей...

— Он был наихудшим... Ужасные налоги, чтобы содержать роскошный двор, давление на купцов, в которых заложено семя будущего величия Англии, поддержка отсталых деревенских сквайров... таково наследство, от которого не захотел отказаться Карл. Хуже того, королева — католичка; паписты с легкостью проникли в Англию, а английская церковь погрязла в грехах. И те небольшие изменения, которых ждут свободнорожденные, давно ожидаемые реформы может дать только Парламент.

— Тут я не судья, — сказал Руперт. — Я просто предан королю. И еще... ваши люди так много болтают о свободе... — Он широким жестом показал на батраков, работающих на полях. — Насколько свободны вот они? О них не заботится их лорд. Зато вы свободны обречь их на нищету, выбросив на дымную фабрику.

Какое-то время они шли в молчании, и каждый старался совладать с собой. Наконец Шелгрейв заговорил прежним мягким тоном:

— Я думал, ваше высочество из тех философов, которые разбираются в искусстве механики.

— Да, — согласился Руперт. — Я люблю хорошие машины.

— А как вы относитесь к недавно изобретенным экипажам, которые движутся силой пара и тянут за собой поезд?

— У меня было слишком мало возможностей увидеть их, разве что издали, да и строители железных дорог в основном — пуритане. Мы как-то захватили один... э-э... локомотив, правильно?.. неподалеку от Шресбери, на той единственной линии, что ведет на запад. Я пришел в восхищение, но у меня не было времени как следует ознакомиться с ним. — Взгляд Руперта, словно невольно, то и дело возвращался к самому большому из сараев, куда уходили рельсы. Из трубы на крыше сарая поднимался дымок.

— Я люблю эти машины так же, как моих охотничьих лошадей, — сказал Шелгрейв. — Вскоре они смогут перевозить настоящие грузы. Пока они слишком малы и движутся едва ли быстрее лошадей, хотя и не знают усталости. Сейчас они в основном подвозят уголь для вечно голодных машин на фабриках и мануфактурах, где производятся ткани и скобяные изделия, и люди вроде меня стремятся построить все больше и больше таких фабрик... — И, чуть не задохнувшись от прилива энтузиазма, он продолжил: — Возможно, вы не понимаете, что мы делаем, ведь вы лишь мельком видели нашу страну. Но вы... но те, кто живет сегодня, увидят день, когда весь остров будет покрыт паутиной железных дорог, и локомотивы будут перевозить огромные партии товаров, да еще и пассажиров, и войска, оружие во время войн... день, когда главным станет не благородство предков, а количество фабрик и доменных печей!

— Возможно, — коротко произнес Руперт, рассеянно глядя на сарай.

Шелгрейв, заметив это, слегка улыбнулся, снова дотронулся до локтя принца и сказал:

— Это подъездная ветка для моего личного пользования. Я приказал постоянно поддерживать огонь, как вы, без сомнения, уже догадались, потому что надеялся, что зрелище поезда поднимет настроение вашего высочества, а может быть, вам даже захочется самому повести локомотив.

— Вы слишком добры, сэр Мэлэчи. — Голос Руперта потеплел.

— Тогда пойдемте, — предложил Шелгрейв.

Рабочий распахнул дверь сарая, и принц, вместе с Шелгрейвом и стражниками, вошел в его полутьму.

Мгновением позже паровоз, тянувший за собой пассажирский вагон, повернул с Брэдфордской линии к замку сэра Мэлэчи. Когда он остановился, лакей в строгой ливрее соскочил с задней площадки вагона, чтобы открыть дверь купе и подать руку пассажирке. Но Дженифер Элайн не обратила на лакея внимания. Она выпрыгнула на платформу, огляделась вокруг и восторженно закричала:

— Наконец-то я дома!

Лакей поклонился. И он, и машинист искренне радовались, глядя на девушку.

— Добро пожаловать, мистрис Дженифер! — сказал лакей.

— Спасибо! — Она ласково сжала плечо слуги, но тот вежливо отступил на шаг. Девушка побежала на лужайку, окруженную кустами сирени, все еще влажными от утренней росы. Она притянула к себе цветущие ветки, вдыхая их нежный аромат.

Ее горничная, покинувшая вагон куда более степенным образом, поспешила следом.

— Мистрис Дженифер! — воскликнула она. — Осторожнее! Вы промочите платье... — Горничная остановилась. — Ох, милая, да вы уже промокли!

— Как хорошо, что это тебя зовут Пруденс*, а не меня! — Рассмеявшись, девушка взглянула на мокрое платье и подбежала к горничной. — Прости свою ветреную птичку, пожалуйста, и тогда я постараюсь никогда не быть упрямой ослицей!

Пруденс в ответ лишь поджала губы.

Несмотря на одинаково строгие, чопорные черные платья с белой отделкой, молодая женщина и ее старшая костлявая подруга, казалось, принадлежали к разным расам. Дженифер была высокой, тонкой, как тростинка — но с пышной грудью, с быстрыми, энергичными движениями. Капюшон ее дорожного плаща упал на спину, открыв янтарного цвета косы. Большие зеленые глаза окружали густые ресницы, темные брови выгибались дугами; нос девушки был чуть вздернут, а полные мягкие губы контрастировали с четко очерченным подбородком и скулами.

— Я лишь ваша смиренная прислуга и компаньонка, — сказала Пруденс, склоняя голову, — и я давно служу сэру Мэлэчи и его супруге, которые ожидают, что я буду присматривать за вами должным образом. Моя обязанность — научить вас достойно вести себя.

— Я тебе весьма признательна, — сообщила Дженифер и торопливо добавила: — Теперь я действительно чувствую, что здесь — мой дом. Ты знаешь, как мне не хватало всего этого там, в Лондоне — и моря, и холмов... те долгие недели в Брэдфорде... — Она заторопилась, слова запрыгали, как горошины. — Эти годы, эта вечность среди пыли и копоти, дымного воздуха и грохочущих машин, и эти рабочие, шаркающие

* Пруденс (англ.) — благоразумие, осмотрительность. (Здесь и далее примеч. пер.)

ногами, и невеселые дети со сморщенными личиками, стоящие у ткацких станков... и богатеи, такие самодовольные...

— Поосторожнее, дитя, — перебила ее Пруденс. — Не говори ничего дурного о прогрессе.

— Извини. Я забыла. Да ведь и в Лидсе я видела то же самое. — Грустное выражение исчезло с лица Дженифер. Девушка повернулась так стремительно, что ее юбка обернулась вокруг ног, раскинула руки и воскликнула: — Здесь все так чудесно! Каждый лепесток светится, словно фонарик, паук ловит бриллианты в свою паутину, малиновка проносится, как метеор... — Она, пританцовывая, помчалась от кустов к деревьям, потом к цветочным клумбам, распевая на ходу:

*Усталый век,
И гневный век,
Дождями исхлестан он.
Но мрак уйдет,
И солнце взойдет,
Станет мир, как зеленый газон.

Динь-дон, динь-дон, колокольчик звенит.
Нас с подругой лес зеленый манит.*

— Потихе, мистрис! Это уж слишком большая вольность! — предостерегла ее Пруденс. Но Дженифер не слышала слов компаньонки.

*Пчелки, деревья,
Табор цыган —
Все веселятся с нами.
Птицы поют,
Ручьи бегут,
Мир они хором славят.

Динь-дон, динь-дон, колокольчик звенит.
Нас с подругой лес зеленый манит.*

— Ей ведь всего семнадцать, — пояснила Пруденс, обращаясь к небу, и попыталась догнать девушку, не сбиваясь при этом на бег. — И старшие должны следить за тем, чтобы сатана не подсунул ей аппетитную приманку.

*Ветерок принес
Ароматы роз,
В небе жаворонок парит.
Позвольте ж девице
Гулять без опаски,
Ведь в мире любовь царит.
Динь-дон, динь-дон..*

Резкое пыхтение заглушило голос девушки. Дженифер умолкла и остановилась. Пруденс настигла ее. Вместе они устали на сарай. Из его дверей вырвался и тут же растаял густой клуб дыма.

Рабочий в замасленной одежде вышел из дверей и распахнул их пошире. Из сарая, звякая и фыркая, выкатился локомотив.

Его черный паровой котел, почти десяти футов в длину, возвышался над огромными красными колесами. Из трубы валил дым, летели искры и пепел. Отчаянно звонил бронзовый колокольчик. На открытой платформе стояли четверо. Дженифер узнала сэра Мэлэчи Шелгрейва, машиниста и кочегара, бросавшего уголь в топку, — но четвертого человека она не знала: смуглого, необычайно высокого роста юношу, чей орлиный взгляд был сосредоточен на действиях машиниста; и еще Дженифер увидела сидящих на тендере паровоза четверых солдат. Локомотив тащил за собой дубовый вагон с высокой крышей. Сквозь свинцовые стекла можно было рассмотреть внутренность вагона, обставленного, как контора.

— Ох, дядя, ты собираешься на прогулку? — Дженифер снова пустилась бегом. — Можно и мне с тобой?

Шелгрейв похлопал машиниста по спине:

— Притормози-ка.

Паровоз пыхнул дымом и остановился. Кочегар сел и провел рукой по лбу, оставив светлый след на закопченной коже. Руперт по-прежнему смотрел на машиниста и задавал вопросы. Шелгрейв наклонился через поручни, окружавшие платформу.

— Привет, Дженифер, — сказал он. — Как дела в Брэдфорде?

— Просто ужасно, — ответила она. — Я так рада, что вернулась!

Шелгрейв погрозил ей пальцем.

— Ты не должна искать удовольствий, — назидательно произнес он. — Но ты должна на коленях благодарить Господа, победа которого дала тебе возможность вернуться сюда.

Руперт, услышав это, нахмурился и шагнул к Шелгрейву. Но тут он заметил девушку и поклонился.

— Ваше высочество, — сказал Шелгрейв, — позвольте представить вам мою племянницу и подопечную, высокочтимую Дженифер Элайн.

Дженифер залилась краской и присела в реверансе. Шелгрейв обратился к ней:

— Благодарю за честь, ведь ты стоишь перед его высочеством Рупертом, племянником нашего короля, принцем Рейнским, герцогом...

Дженифер судорожно вздохнула и прижала ладонь к губам. Глаза ее стали огромными.

— Храни нас Господь, это Руперт! — взвизгнула Пруденс и упала без чувств.

Дженифер опустилась рядом с ней на колени.

— Она в обмороке, бедная старушка! — сказала девушка, положила седую голову к себе на колени и принялась обмахивать ее краем плаща. — Ну, ну, не надо бояться, — приговаривала она.

Ресницы Пруденс затрепетали, женщина издала негромкий стон. Мужчины расхохотались. Дженифер бешено уставилась на них.

— Нечего тут смеяться! — резко бросила она. — У нее есть причины для страха!

Руперт прыгнул на землю, подошел к женщинам, присел рядом с ними на корточки и принялся растирать руки Пруденс.

— Увы, на самом-то деле никаких причин нет, — сказал он, язвительно скривив губы. — Я знаю, конечно, что в памфлетах меня называют Принцем-грабителем, князем разбойников, и так далее; и, без сомнения, вы были встревожены, когда до вас дошел слух, что я продвигаюсь к Йорку... — Он весело взглянул на девушку. — Но мне лишь однажды пришлось воевать с женщиной...

Дженифер изумленно уставилась на него.

— Я не знал, с кем сражаюсь, — пояснил принц. — В самом начале войны, с небольшим отрядом, я пытался захватить один повстанческий дом, но его защитники сражались отчаянно и сопротивлялись нам до тех пор, пока у них не иссяк порох. И лишь тогда я выяснил, что защитников было всего несколько человек, а командовала ими хозяйка поместья! Я предложил ее мужу присоединиться к нам, но он отказался. И я оставил их в покое, не тронув их имущества. Она заслужила это право. — Принц вздохнул. — Но вообще... да, мне часто приходилось реквизировать разное, как это принято во время войн на континенте, но — это было необходимо, для поддержки нашего дела. Когда мы победим, мы возместим стоимость реквизированного. — Он едва заметно улыбнулся. — А пока что я пленник, и совершенно безопасен.

— Вы говорите с таким благородством, лорд, — прошептала девушка. Краска отхлынула с ее щек, она побледнела.

Пруденс, пришедшая в себя, села и, расхрабрившись, принялась браниться.

— Безопасен, он?! Да он страшной Сатаны!

Руперт усмехнулся:

— Ну, позвольте дьяволу помочь вам встать на ноги.

Пруденс ничего не оставалось, как подчиниться. Но, встав, она тут же покачнулась.

— Ей нужна поддержка, — решила Дженифер. — Прощу прощения, сэр.

И она обняла горничную за плечи.

— Пусть она идет в дом, и ты с ней, — решил Шелтрейв. — Ваше высочество, не продолжить ли нам прогулку?

— До вечера, Дженифер Элайн, — сказал Руперт. Он взял руку девушки и поцеловал ее. Там, откуда принц прибыл, это было обычным проявлением вежливости; но у Дженифер подогнулись колени. И без того перепуганная Пруденс теснее прижалась к девушке, и обе женщины застыли, не сводя глаз с принца.

Руперт, не обратив внимания на подвесную лесенку, одним прыжком очутился на платформе паровоза. Поезд тронулся с места и, пыхтя, направился через мост и дальше на юг.

— Нам бы следовало уйти в дом, милая Дженифер, — едва слышно пробормотала Пруденс.

Девушка не отводила взгляда от удаляющегося паровозного дымка.

Пруденс насторожилась.

— Дженифер! — громко окликнула она.

Девушка вздрогнула.

— Ох! — Она повернулась к компаньонке. — Да. Действительно. Я иду.

У перекидного моста она задержалась, чтобы приласкать сторожевых псов. Собаки отчаянно завияли хвостами и принялись тыкаться влажными носами в ее юбку и облизывать ей руки.

— Вы слишком уж нежничаете с этими гадкими псами, — сердито заметила Пруденс. — Они опасны!

— Ну, только не для меня, — рассмеялась Дженифер, к которой уже вернулась вся ее живость. — Кто еще любит их? — Она почесала собак за ушами, погладила их. — Привет, Скулл! Ах ты, хороший Бонс!

— Это глупо — любить животных, — сказала Пруденс. Ее взгляд вернулся к рельсам и к удалявшемуся поезду. — А он — зверь из Апокалипсиса...

Дженифер направилась к дому. Горничная последовала за ней. Дворецкий закрыл за ними двери.

БАШНЯ-ОБСЕРВАТОРИЯ. НОЧЬ

Руперт оторвался наконец от телескопа.

— Я и вправду видел луны Юпитера и горы на нашей собственной луне, — пробормотал он. — Как это странно...

— Вы не знали этого до сих пор? — спросил Шелгрейв.

— Я слышал об этом, конечно, — ответил Руперт. — Но у меня редко выпадало время подумать о подобных вещах, если не считать трех лет в Лидсе, когда я был в плену; да и тогда я слишком был занят другим. Да я и не видел телескопов такой силы. Я многое могу вам простить, сэр Мэлэчи, за то, что вы открыли передо мной небеса.

Он окинул взглядом небо и землю. Луна была уже в последней четверти, ее свет приглушал звезды, но планеты были неплохо видны. Серебристые лучи ложились на лужайки, далекие поля и холмы, подчеркивали черные купы деревьев; река в их свете казалась лентой живого серебра. Зато фонарь, висевший над входом в большой сарай, потускнел.

На крыше башни и на парапете находилось множество разнообразных инструментов. А неподалеку от телескопа, в тени, смутно поблескивали каски и кирасы стражей, той четверки, что охраняла пленника в ночное время. Можно было не сомневаться — солдаты весьма не одобряют астрономические забавы.

Тихая, теплая ночь пахла зеленью. Внизу стрекотали цикады.

Руперт, положив руки на влажные от росы камни парапета, взглянул вверх и медленно продолжил:

— Теперь я и в самом деле могу представить, как мы поднимемся на борт корабля, способного долететь до Солнца.

Шелгрейв нахмурился, хотя этого и нельзя было увидеть, поскольку широкие поля шляпы закрывали его лицо.

— Поосторожнее, — резко бросил он. — Хотя Господь и милостив к нам и позволяет нам услаждать наши измученные заботами и бессонницей души — что мне слишком хорошо известно, — наблюдая небесные явления, но и Сатана не дремлет, стараясь увлечь нас... Утверждение о движении Земли прямо противоречит Священному Писанию.

Руперт вздернул брови:

— Я не богослов, но я знавал вполне благочестивых людей, которые утверждали прямо противоположное. — Глаза принца нечаянно скользнули по стражникам, и Руперт невольно передернул плечами. — Не сомневаюсь, вы станете отрицать даже то, что Земля круглая.

— О нет, не стану! Это было известно уже в древние времена. Даже в языческой Британии, до прихода римлян, этот факт был признан.

Руперт откровенно заинтересовался:

— Как это?

— Но разве разгневанный Лир не воскликнул: «Разящий гром, расплющи шар земной!»?* Я бы не осмелился утверждать, что великий историк говорит неправду.

— Мне давно хотелось в этом разобраться, — сказал принц. — На континенте так много записей и хроник сторело во время нашествия римлян, что Шекспир остался чуть ли не единственным нашим источником... да есть немного о более давних временах, о греках, первом королевстве Богемии, имевшей тогда выход к морю, или о прежней России... Но что записывал великий историк — факты или всего лишь легенды? Да и может ли подлинная правда пройти через испытания веками?

— Может, если она предназначена для избранного Богом народа, — торжественно произнес Шелгрейв. — Этот народ — англичане, а он — их историк.

В глазах Руперта сверкнула насмешка:

— Ну, я наполовину англичанин. Продолжайте.

Шелгрейв прошелся взад-вперед, сложив руки за спиной, и заговорил торопливо:

— Но разве вы не согласны с тем, что англичане избранный народ, ведь это видно из их национального характера, из языка, возвышенной речи благородных людей и простолюдинов... он существовал еще до того, как воздвигнуты были стены Трои, до Афин Тезея... А когда мы тщательно изучаем нашу английскую Библию, нетрудно увидеть, кем были наши предки: не кто иной, как одно из десяти племен Израиля! Их потомки в других местах смешались с местными племенами и почти утратили свою первоначальную природу, однако тут, в удаленной Британии, они остались сами собой, не смешиваясь с римлянами, саксонцами, датчанами — хотя все они родственной нам крови. И хотя их много раз обманывали, как израильтян во времена Абрахама, они всегда хранили зерно истины, расцветшее в душе Великого Историка.

Руперт потер подбородок:

— Да, это может быть... Я однажды ночевал в его доме.

Шелгрейв резко выпрямился:

— Вы?!

* Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник.

— Да, около года назад. Королева незадолго до того вернулась в Англию с войском и деньгами. Я сопровождал ее до Оксфорда, где находился ее супруг-король. И так уж случилось, что я провел одну ночь в Стратфорде. Его внучка с мужем по-прежнему живут в том доме, и они оказали нам гостеприимство. На следующий день я помолился на его могиле.

Руперт снова посмотрел через парапет вниз. Перед ним лежали развалины аббатства. Принц указал на них.

— Если вы так уважаете старину, — сказал он, — почему вы стремитесь уничтожить былую славу подобных мест?

Шелгрейв подошел ближе. Голос пуританина прозвучал резко и хрипло:

— Мы восстановим истинную древность — вернем времена Иеговы-Громовержца и его Сына, изгнавшего меня из храма... и лишь Он один останется в душах людей. О мой лорд, я думал, вы были протестантом.

— Прежде всего я просто христианин, — заметил Руперт, стараясь говорить спокойно. — И вопреки всем ошибкам, те стены были оплотом правды.

— Когда закончится эта братоубийственная война, я разрушу их, сровняю с землей и поставлю там железные моторы.

— Варварство! Зачем?

— Чтобы изгнать тех духов, что время от времени являются туда и которых видят преданные им люди, бродящие в развалинах и вон в том лесу, — Шелгрейв указал вдаль. — Да, верно, римская церковь сначала была непорочна — в те времена, когда блаженный Августин проповедовал в Саксонии. Но явился Змий, вместе с ересью и язычеством — и сильнее всего его влияние сказалось в западных землях, где так называемые христиане кельты творили свои обряды в Ирландии, Уэльсе и в самом Гластонбери...

— Говорят, Гластонбери был Авалоном короля Артура.

— Если и так, то после Артура там все разложилось. И здесь произошло то же самое, и вскоре католики примирились с язычеством. Святые являлись весной, чтобы благословить поля — какая им была разница, кого считали святым? Танцы Мая и Морриса стали в конце концов просто непристойными, а вместо Рождества праздновали зимнее солнцестояние. Местные жители продолжали подносить молоко и зерно эльфам, а священники закрывали на это глаза... ох, да ведь они требовали уже, чтобы Пака произвели в христианские святые! — Шелгрейв впился в рукав Руперта. — Но не ошибитесь, — прошипел он, — все эти твари и вправду существуют, и ведьмы, и дьяволы, и Люцифер, они насмеются над Творцом и строят ловушки ада... У меня есть одна немецкая книга, которую вам следует

прочсть, — Malleus Maleficarum, в ней объясняется все, и рассказывается, с какими муками добывается правда, и лишь огонь и вода могут уничтожить зло, лишь веревка и перекладина — задушить его!

Руперт некоторое время молча разглядывал Шелгрейва, потом сказал:

— И вы еще изучаете астрономию! Думаю, мне лучше вернуться вниз, в мою камеру!

Глава 4

КОМНАТА В БАШНЕ

За стенами стоял серый день, солнце пряталось за низкими облаками, время от времени начинал моросить дождь. Коровы, пасшиеся на ближайшем выгоне, казались невероятно красными на фоне мокрой зеленой травы. Сквозь открытое окно в комнату проникала промозглая сырость, которой храбро противостоял стреляющий искрами огонь в очаге.

Конечно, назвав свою комнату камерой, Руперт был слишком энергичен в выражении. Это была широкая палата, удобно обставленная, устланная коврами. Но принц отодвинул в стороны большую часть обстановки, чтобы освободить место для рабочего стола. И теперь Руперт стоял возле него, осторожно ведя резцом по воску, наложенному на медную пластинку. Время от времени он брал кусок хлеба или мяса или делал глоток эля из стоящего рядом кубка.

Раздался стук в дверь, едва слышный сквозь ее дубово-металлическую толщу. Руперт раздраженно откликнулся. Но его раздражение растаяло, когда он увидел Дженифер. Один из стражей, стоявших на площадке лестницы, тут же занял пост в дверях.

— О, добро пожаловать, леди! Какой приятный сюрприз! — принц поклонился.

Хотя Руперт был одет в запятнанные кислотой рабочую блузу, бриджи и домашние туфли, а на девушке был хотя и темный и строгий, но очень дорогой наряд, принц выглядел более изысканным. Девушка вспыхнула, сжала руки и опустила глаза.

— Чем обязан вашему визиту? — спросил Руперт. И добавил с усмешкой: — И где ваша дуэнья?

— Я... я от нее сбежала, — прошептала Дженифер. — Она бы ни за что сюда не пошла.

— А, боится испачкать свои крахмальные юбки и свою непорочность в моей пропитанной серой берлоге? Бедная Пру-

денс! — Руперт громко расхохотался. — Но ведь и вы пришли сюда впервые с тех пор, как я заключен в этой башне, а прошло уже четыре недели! — Веселость принца угасла. Шагнув ближе к девушке, он осторожно сказал: — Вашему дядюшке это не слишком понравится, даже если он и ничего не скажет... ему давно не по душе то, что мы с вами слишком много гуляем вместе, играем в шашки и шахматы — и все это на глазах у всех. — Тут принц вспомнил о Круглоголовом, стоявшем в дверном проеме, и одарил его язвительным взглядом, добавив: — А впрочем, вас все равно охраняют.

— Но в том нет необходимости. — Дженифер говорила, уставясь на собственные пальцы. — Ваше высочество — человек чести. Я пришла... потому что вы давно не выходили... я боялась, что вы заболели. — Зеленые глаза внимательноглянули на Руперта. — Но у вас здоровый вид.

— Я здоров.

— Слава Богу... — Она произнесла эти слова так, словно молилась.

— Как мило с вашей стороны, что вы обо мне беспокоились. С того дня как зарядил дождь, за дверью просто нечего делать, и я занялся искусством, как я это делал когда-то в Лидсе, и я настолько увлекся делом, что мне не хотелось отрываться от него. — Руперт внимательно посмотрел на девушку. — Я только теперь понял, как мне не хватало вас.

— Ох... — Она нервно слотнула. — Можно мне взглянуть, что вы делаете, ваше высочество?

— Это гравюра, изображающая святого Георгия и дракона, но это еще не победа, это сама схватка. — Дженифер следом за принцем подошла к столу. Ее нетренированный взгляд не мог разобраться в линиях на медной пластинке, и она посмотрела на рисунок, с которого делалась гравюра.

— Как это прекрасно, все как живое! — вздохнула она.

— И весьма современно, — сказал Руперт, усмехнувшись. — Ну, спасибо вам, Дженифер. — Он встряхнул головой, пытаясь сбросить уныние. — Может быть, посидите немного со мной, поболтаем?

Он придвинул к очагу два кресла. Девушка подождала, пока не сел принц, и лишь после того опустилась в кресло. Руперт улыбнулся, глядя на нее, и улыбка смягчила обычную суровость его черт.

— Во многом это место напоминает мне Лидс, — заметил он. — Включая и присутствие прекрасной дамы.

Дженифер застыла. Огонь бросал отблески на ее лицо; голос девушки прозвучал едва ли громче треска искр в очаге:

— Кто это был? — И, помедлив немного, Дженифер смущенно добавила: — Простите мою бесцеремонность, лорд.

— Вам не за что просить прощения, моя леди. Хотя это странно... разве я не рассказывал вам о дочери графа Куфстейна? Вы так горячо расспрашивали меня о прошлом — а это лестно любому мужчине, — что я думал, вы знаете все подробности моей биографии.

— Нет, вы ничего не говорили о тех трех годах, когда вы были в плену в Австрии, — сказала девушка и наклонилась к принцу: — Я это понимаю. Сходство ситуаций... — Голос ее чуть дрогнул. — Так что не нужно мне рассказывать об этом, принц Руперт.

— Думаю, я бы с удовольствием рассказал, если вы не возражаете, — медленно произнес он.

— Тогда говорите.

Их глаза встретились. Но тут же Руперт перевел взгляд на огонь в очаге.

— Такое сердечное тепло, — задумчиво проговорил он, — для сына Ледяного короля...

— Ледяной король?..

— Вы не знали о его прозвище? — Руперт с легким удивлением посмотрел на Дженифер. — Да, моего отца звали именно так в то время, когда он правил в Богемии. Уверен, вы знаете, как Англию раздражала политика пфальцграфства.

— Я не слишком образованна, ваше высочество, — смущенно откликнулась Дженифер. — Вы же знаете, я выросла на диком и пустынном побережье в Корнуэлле. До четырнадцати лет я не училась в школе, а после того жила в монастыре, а в этой тюрьме немногому меня научили. — Она весело глянула на принца и хихикнула. — Только, пожалуйста, не повторите это при моем дядюшке Мэлэчи.

Руперт тоже рассмеялся и глянул в сторону стражников. Они находились достаточно далеко, чтобы можно было говорить без опаски, хотя и не слишком громко.

— Вы почти ничего не рассказывали о себе, — заметил Руперт.

Девушка глубоко вздохнула:

— Да ведь и рассказывать-то нечего, ваше высочество.

Принц очень серьезно посмотрел на нее.

— Дженифер, — сказал он, — вы так веселы и очаровательны, и... так заботливы, вы словно звезда, путеводная звезда. Сегодня я понял, что до сих пор принимал все это как нечто само собой разумеющееся. Я не думал, что задержусь здесь... — Заметив, как она поражена его словами, он кивнул: — Да. Из донесений ясно, что Рыцари повсюду проигрывают Круглоголо-

вым. Вскоре дороги на Лондон будут свободны, и меня увезут... Ну, моя леди, если я для вас и вправду рыцарь, хотя и нахожусь на стороне ваших врагов — дайте мне что-нибудь на память, как это делалось в старые добрые времена... что-нибудь, маленький сувенир. И расскажите о себе, обо всей вашей жизни, с самого раннего детства. Неважно, если что-нибудь я уже знаю. — Он чуть скривил губы. — И напомним, в каком родстве вы состоите с Шелгрейвом?

То ли она покраснела, то ли это был ответ огня из очага... Довольно долго Дженифер смотрела на пылающие поленья, потом вдруг резко повернулась к Руперту и сказала:

— Только если в ответ вы расскажете все о себе, принц.

— Справедливое условие, — ответил он, заставив себя улыбнуться; потом наклонился к девушке и положил руку на ее пальцы. Дженифер судорожно вздохнула и вцепилась в руку принца; слезы выступили у нее на глазах. Пуританин, стоявший у входа и не сводивший с нее глаз, обернулся назад и что-то негромко сказал своим товарищам.

Руперт отпустил руку Дженифер и откинулся на спинку кресла.

— Впрочем, вы проиграете, — сказал он. — Ведь я услышу нечто совершенно новое для меня, а вы... вам придется выслушать старую избитую историю.

— Но разве может состариться история подвигов?

Руперт поморщился.

— Начинайте! Леди — первая.

Дженифер неуверенно заговорила:

— Вы уже знаете — моя мать и тетушка были дочерьми Горацио Бинстока, йоркширского купца; он был конгрегационистом, но веселым и добрым человеком, а не упрямым реформатором. Моя тетушка вышла замуж за сэра Мэлчи, но у них не было детей. Моя мать была моложе, не отличалась послушанием, и сбежала с Фрэнком Элайном, наполовину французом, наполовину корнуэльцем, капитаном корабля... и католиком. Ее отец умер, и сэр Мэлчи отомстил ей за ее неблагоразумный поступок, устроив так, что капитан лишился работы. После этого мои родители вернулись на родину отца, в маленькую деревушку на скалистом, поросшем диким лесом берегу, где он стал совладельцем рыболовного суденышка; иной раз он перевозил какие-то грузы, иной раз занимался контрабандой, похоже... — Дженифер робко взглянула на принца, но, увидев, что тот пристально смотрит на нее, тут же снова опустила глаза. — Я тем временем подросла... я была старшей из четверых детей. Я научилась лишь французскому языку — от отца и его друзей с той стороны канала. Когда мама умерла, мне — в десять лет —

пришлось стать хозяйкой дома, присматривать за младшими и за отцом, а он стал много пить... Он утонул четыре года спустя, осенью. Боюсь, наша семья редко бывала в церкви; но все же священник был настолько добр, что написал в Лондон, моим дяде и тете. И они, будучи бездетными, взяли нас под опеку.

— И как вам с ними жилось?

— О, они были вполне добры — по крайней мере, с нами; но их слуги пребывали в вечном страхе. А мы... до того мы и не слыхали о такой пище, такой одежде, таких домах. И мы учились писать, читать, и... нас учили истинной вере. Да, в Лондоне просто сказочная жизнь... ну, насколько я могла видеть...

— А где сейчас остальные дети?

— Остались в Лондоне, с миссис Шелгрейв, а сэр Мэлэчи в прошлом году отправился на север, у него там дела. Он, как и многие, боялся, что ужасный принц Руперт... вскоре доберется до Лондона... начнутся грабежи... Ну, он ошибался, теперь я вижу. Моя сестра еще совсем маленькая, братья — тоже; но мне, решил дядя, лучше перебраться сюда... из осторожности.

— Но, похоже, безопасность жены его не слишком беспокоит, — сухо заметил Руперт.

Круглоголовые у двери собрались в кружок, о чем-то посоветовались, а потом один из них отправился вниз. Но принц и Дженифер не заметили этого.

— Вот и вся моя короткая жизнь, ваше высочество, — сказала девушка.

— Нет, это лишь голый скелет.

Она подняла голову. Огонь бросил алые блики на ее золотые волосы.

— Ваша очередь, мой лорд, — с вызовом сказала она. — Пока хватит и голого скелета, о плоти — позже... — Она умолкла, покраснела и закрыла лицо руками.

Руперт поспешил заговорить, чтобы помочь ей справиться со смущением:

— Ну, тогда я брошу свои кости, и посмотрим, что нам выпадет. Вы наверняка часто слышали их стук и гадали на судьбу... Итак, моя матушка была дочерью короля Якоба и Анны Денмаркской. Она вышла замуж за Фредерика, курфюрста Рейнского пфальцграфства. Они были любящей парой... и родили тринадцать детей, несмотря на все невзгоды. Я — четвертый. Ну, когда протестанты в Праге выбросили императорского посланника из дворцового окна и предложили моему отцу занять трон Богемии, он согласился. Там я и родился. Потом имперская армия лишила его короны, и мои родители стали беглецами, пока не нашли приюта в Нидерландах, благодаря тому, что в венах моего отца текла кровь Вильяма Тихого. Его вдова и от-

прыски тоже знавали невеселые времена. Я, вместе с моим братом Маврикием, довольно рано начал воевать, сначала за Фредерика-Генри, принца Оранского, потом, с помощью шведов, мы пытались восстановить курфюршество нашего старшего брата. Но там мне не повезло, и я провел три года в плену в Линсе, у фон Куфстейна, пока мои друзья прилагали все усилия, чтобы освободить меня. — И, увидя, что девушка уже успокоилась, он добавил: — Но вам все это хорошо известно.

Собравшись с духом, Дженифер сказала:

— Нет, я ничего не знаю о той девушке.

— О, это была дочь Куфстейна, высокородная Сюзанна. Граф был добрым стариком, он любил меня и надеялся, что я присоединюсь к Римской церкви. В общем, пока он властвовал, мои цепи были не слишком тяжкими... если не считать того, что это были все-таки цепи — почти такими же, как здесь, и там тоже я встречался с прелестной девицей, о которой всегда буду вспоминать с любовью и уважением.

— Я не осмелюсь надеяться стать... новой Сюзанной.

— Вы будете жить в моей памяти, пока моя голова держится на плечах.

Дженифер резко выпрямилась:

— Что вы имеете в виду?

— Ничего, — смущенно ответил Руперт. — Это просто фраза.

— Фраза... ох, нет... вы такой серьезный человек... — Она встала. — Вы боитесь Парламента... но вы ошибаетесь!

Он тоже поднялся на ноги.

— Я не боюсь этих трусливых дворяшек, чем бы они там ни занимались, — сказал принц. — Но, будучи дворянками, они рады укусь, когда уверены в своей безнаказанности, а я вполне заслужил их ненависть.

— Но вы — королевской крови, — дрожащим голосом произнесла Дженифер.

Руперт презрительно скривил губы:

— Однако эта банда послала на виселицу лорда Страффорда под совершенно надуманным предлогом и держит в тюрьме своего собственного лондонского архиепископа... нет, моя леди, я не совершу им на радость королевского самоубийства.

Девушка едва сдержала крик ужаса. Слезы хлынули из ее глаз. Она бросилась к принцу.

— Они не могут... вы... они не должны... Господь им не позволит...

Он осторожно, с непривычной для него нежностью обнял девушку.

— Нет, нет, — утешающе заговорил он. — Не тревожьтесь, малышка. Возможно, я слишком мрачно рассуждаю. — Он ласково погладил ее волосы. Дженифер крепче прижалась к нему.

Солдат у входа стукнул алебардой об пол. В комнату торопливо вошел сэр Мэлэчи.

— Что тут происходит? — прошипел он. — Что это за бесстыдство? — Он грубо схватил девушку за плечо. — Вавилонская блудница!

Руперт отшвырнул руку Шелгрейва с такой силой, что затрещала ткань рукава сэра Мэлэчи.

— Оставьте, сэр! — произнес принц сквозь сжатые зубы. — Если тут и есть чья-то вина, то лишь моя. Я говорил о вещах, которые слишком расстроили девушку.

Дженифер опустила на пол, закрыв лицо руками. Руперт и Шелгрейв на какое-то время замерли, яростно глядя друг на друга. Наконец пуританин заявил:

— Я вынужден поверить вам, мой лорд, но должен также потребовать, чтобы она больше не виделась с вами, и надеюсь, что скоро вас здесь не будет.

— Я тоже, — рыкнул в ответ Руперт.

Дженифер вздрогнула, подняла голову, с трудом поднялась на ноги и теперь стояла, сжав кулачки и задыхаясь от рыданий.

— Идем! — приказал ей Шелгрейв. Он развернулся и направился к двери.

Дженифер взглянула на Руперта невидящими глазами.

— Прощайте... — прошептала она.

Немногим довелось слышать, чтобы принц говорил с такой нежностью:

— Удачи вам, прекрасная леди...

Оставшись один, принц подошел к окну и долго стоял там, глядя на дождь. Мысленно он обращался к Дженифер...

«Милая, добрая девушка... но — ох, как же она молода и незащищена! Я едва ли на семь лет старше ее, но я так много сражался и странствовал, что нынче чувствую себя рядом с ней глубоким стариком, которого собираются обезглавить... Надеюсь, она найдет новую любовь, которая принесет ей безопасность, и родит много детей, похожих на нее саму, и лишь изредка будет вспоминать обо мне, и всегда — с улыбкой...

Возможно, и Мэри Вилльерс вспоминает обо мне в Оксфорде?

О герцогиня Ричмонд, я был твоим слугой... всего лишь слугой великолепной бабочки... и твой муж всегда был моим твердым сторонником... я не стыжусь этой дружбы, и неважно, что я ощущал страшную пустоту, находясь рядом с тобой...»

Принц выпрямился и негромко сказал:

— Настанет день, моя милая, когда мы попытаемся изобразить на воске небеса — о, они вовсе не оплакивают нас, как нам это кажется, они просто хнычут без причины... А колесо фортуны катится и катится, и где оно остановится — известно одному лишь Творцу...

Глава 5

АББАТСТВО КИРСТОЛЛ. УТРО

Почти все старые стены аббатства сохранились. По ним вилась плющ, сквозь плиты двора и пола пробивалась трава, грачи и летучие мыши были единственными прихожанами церкви. За небольшой группой строений возле церкви можно было укрыться от наблюдателей из замка.

Дженифер проскользнула в крытую аркаду. Листва и вьюнки вокруг нее поблескивали каплями росы, лужи отсвечивали металлическим блеском. Показались первые лучи солнца. Радостно пели птицы. Но ветерок, заставлявший кивать головки одуванчиков, был прохладным и сырым. Девушка вздрогнула и поспешила завернуть за угол трансепта, надеясь, что там будет теплее.

Она была очень бледна, под глазами вырисовывались темные круги. Взгляд ее блуждал от пустой колокольни к осыпающимся стенам келий. Она сказала вслух:

— Коноплянка и жаворонок говорят, что мы увидим, как растает мрак. Цветы раскрывают лепестки, радуясь свежести, но в моем сердце — дождь. Когда вчера я услышала, как велика грозящая тебе беда, передо мной словно сверкнула молния ада... и загрохотал гром, и задул штормовой ветер, и все это длилось целую вечность... — Она вздохнула. — Но день должен настать, а буря утихнуть, а солнце прогнать облака за море. И все же душа человеческая одинока, а горе, как и любовь, может жить без конца. — Она грустно опустила голову. — Не будет края моей боли, и я должна всегда стоять и ждать под дождем. — Помолчав немного, она добавила: — Но даже смерть не заставит меня забыть любимого! Да, ты умеешь скрывать свои чувства! Я и не знала, как ты страдаешь от своих оков...

Шорох, раздавшийся позади, заставил ее резко обернуться.

— О! Кто здесь?

Человек, выскользнувший из-за стены, остановился достаточно далеко, чтобы не испугать девушку. Он был длинным и тощим, словно умирал от голода; глядя на девушку, он согнулся, пытаясь изобразить поклон.

— Уилл Фарвелл меня зовут, добрая мисс. — В скрипучем голосе слышался сильный южный акцент. — И вот сегодня наконец-то я могу с вами поговорить... Вы меня не бойтесь, мисс, я человек безвредный, и я уж очень надеюсь, вы послушаете, что я скажу.

Он потер свой огромный нос. Лоб и подбородок Уилла, словно напуганные размером этого носа, убегали назад. При улыбке открывались кривые зубы, крошечные светлые глазки постоянно моргали. Грязные светло-рыжие волосы торчали во все стороны. Кафтан был явно коротковат; бриджи сидели немного лучше; ботинки износились до дыр.

— Ты бродяга? — осторожно спросила девушка.

— Не совсем так, мисс. Я тут по делу... по важному делу. Это... вы ведь Дженифер Элайн, из дома Шелгрейва, верно?

— О! Но мне казалось, я знаю уже всех, кто живет по соседству...

— А, ну да, а меня не знаете, а? Да уж, надеюсь, меня тут мало кто видал. Но я хочу спросить, вы уж простите мою дерзость, мисс... — В его голосе внезапно послышалось напряжение. — Вы ведь друзья с принцем Рупертом, а?

Дженифер прислонилась к стене, и плющ зашуршал и осыпал девушку каплями воды. Дженифер закрыла глаза, снова их открыла и глубоко вздохнула.

— Ага, — кивнул Уилл Фарвелл. — Ну, я так и думал. Ладно, хорошо, я ему тоже друг, мисс. Ох, если бы вы знали, как я ждал этого... Я тут уж не один месяц шатаюсь в кустах. Вы часто с ним гуляете, а следом компания Круглоголовых... ух, как мне хотелось дать им хорошего пинка! Или с вами таскалась жердина с пучком на макушке...

— Пруденс! — Дженифер, не удержавшись, рассмеялась.

— Сейчас ее что-то не видно.

— Я сбежала от нее, чтобы побыть одной.

— Ну, мисс, нам сейчас не до всяких там Пруденс, нас время поджигает. Говорят, в восточных землях Рыцарей совсем разгромили, отогнали на юг, и дорога на Лондон свободна. Думаю, так оно и есть. Местные жители все замечают и знают обо всем прежде, чем всякие там господа разберутся в деле, местных ведь интересуется, сколько еще полей вытопчут и скольких женщин... пощупают. Примите мое почтение, мисс, но ведь и вам не хочется, чтобы принца Руперта увезли в Тауэр, а уж я никак не думаю, чтобы этот пар-па-ламент стал медлить с решением...

— Нет!..

Дженифер вздрогнула, выпрямилась и бросилась к Уиллу. Схватив его за руки, она воскликнула:

— Ты можешь помочь ему?

Уилл усмехнулся:

— *Мы* можем, леди.

— Кто ты такой? Что ты тут делаешь? Боже милостивый...

— Ну, Бог у каждого свой. Я-то ведь был простым фермером-арендатором, а вот записался в драгуны, когда король поднял свое знамя, и я служил при принце Руперте, следил за его животными. Там их хватало — белый пес, обезьянка, всякое другое — пуритане-то болтали все время, что он не иначе как колдун и его приятели тоже чародеи, а он просто любит зверюшек... они ему настоящие друзья... ну, я, кажется, слишком много болтаю, а?

Дженифер оглянулась по сторонам:

— Да, меня могут хватиться в любую минуту и начать искать. Так что... не задерживай меня.

Уилл присел на корточки, вытер рукавом подходящий камень.

— Вы присядьте, мисс, и послушайте еще минутку, ради тех, кого мы любим — ради принца и короля.

«Короля? — удивленно подумала Дженифер. — Нет, король тут ни при чем, какое мне дело до этого шотландца и до свободы Англии... но Руперт...»

Она села, обхватив руками колени, и уставилась на Фарвелла. Он неуклюже прошелся взад-вперед и заговорил:

— Я ведь от отчаяния обратился к вам, добрая леди. У меня нету выбора... да и у вас никого нет, кроме меня, если вы и вправду хотите ему добра... Но мне уж приходилось слышать, какая вы добрая, веселая, просто не сравнить с той замороженной треской, что вас охраняет. Ну, и я сам следил за вами издали, когда вы гуляли с моим генералом, и... Да, на таком поле боя принцу всегда не хватало храбрости. — Уилл покачал головой и прищелкнул языком. — Добродетельные женщины всегда его смущали. А я все-таки замечал в вас кое-что... и подумал... — Он вдруг умолк, а потом воскликнул: — Эй, да я заставил вас покраснеть!

— Продолжай или уходи, — отрезала Дженифер.

— Вы уж меня простите, я ведь человек деревенский. Просто зная, как вы относитесь к Руперту... Ну, честно говоря, я-то пошел на войну, чтобы немножко отдохнуть от жены и ребятишек, у меня их десять, понимаете... нет, я их люблю, конечно, только многовато их... ну, и надо было подумать о том, как им расти, а им лучше расти при нашем короле и не забывать Старый Путь. Ну а потом я узнал Руперта... при Марстон Муре, он меня заметил.

Обида, прозвучавшая в голосе Уилла, заставила Дженифер выпрямиться и пристально взглянуть на собеседника.

— Он упоминал как-то о человеке, — осторожно сказала она, — который позволил его псу сбежать и погибнуть... а потом этот человек удрал.

Уилл взмахнул кулаком.

— Я тут не виноват! — хрипло выкрикнул он. — Это болван грум!.. Ну, я просто не успел объяснить все принцу, нас уже прижали здорово. А когда я увидел, что он попался в ловушку, я подумал, что лучше мне остаться на свободе и отправиться следом за ним. Как бы я ему помог, если бы и меня тоже схватили?

— Но как ты сумел проследить за ним? — удивленно спросила Дженифер.

Уилл пожал плечами:

— Мисс, я всю жизнь был браконьером и охотником, бродил от Мендишпских холмов до канала, от реки Эйвон до Эксмур — и окрестности Гластонбери я тоже знаю... ну, черт бы меня побрал, если бы я не сумел пройти следом за Круглоголовыми, от меня ни один их вздох не укрылся, мне что за зайцем гоняться, что за его высочеством... Ну, поначалу-то я просто шел с отрядом Круглоголовых, пока... — Он уныло склонил голову. — Пока они не убили одну женщину, бессмысленно так, жестоко...

Дженифер испуганно глянула на него:

— Какую женщину?

— Ну, за войском их много шло, хотя в основном там были честные солдатские жены. Ну а если даже женщина была и блудницей или ирландкой, она что, заслужила смерть? А у пуритан так — если кого обвинили в блуде, то они не тратят времени на разбирательство. — Уилл щелкнул пальцами. — Думаю, милорд Иисус им это попомнит в Судный День. Ну, и надеюсь, что принц Руперт освободится и задаст жару этим хитрым лицемерам.

Девушка, глядя прямо перед собой, тихо сказала:

— Не знаю, верить ли тебе... — Но тут же потребовала: — Ну, и что было дальше? Говори!

— Я держался все время поближе к палатке командиров, и как раз после того увидел, наутро, как они снаряжают карету под сильной охраной. Я и побежал за ней, по обочинам, чтобы меня никто не заметил.

— И ты сумел не отстать?

— Э, человек-налегке может бежать как лошадь или как олень, если он к тому привык и у него хватает терпения. Я же не тащил за собой карету, и вообще ничего, кроме одежды да ору-

жия, ну, и еще у меня было несколько пенни, хотя, конечно, Круглоголовые этих денежек не признают. И я видел, как принца доставили в этот замок, и подумал, что какое-то время они его здесь подержат. Так что мне надо было окопаться где-то поблизости и наблюдать, как пойдут дела. И вести себя тихо, как мышка.

— И где же ты жил?

— Да где попало. Имена называть не стану, однако в этих местах сторонники Стюарта множатся, как чертополох. Так что мне удавалось то переночевать на сеновале, то получить у задней двери тарелку бобов с беконом, а то и вовсе приласкать шуструю бабенку, у которой муж на войне... Конечно, мне приходилось быть настороже, не то что бродячим ремесленникам, они-то ходят открыто... И я слушал внимательно, знал все местные сплетни, обо всех!

— И о Руперте тоже! — Дженифер встала. — У тебя есть план? Что мы можем сделать, чтобы спасти его?

Уилл потоптался на месте, вглядываясь в девушку.

— Ну, это зависит от вас, мисс Элайн.

— Каким образом?!

— Ну, сначала разберемся, верно ли я все понимаю, — со вновь вспыхнувшим сомнением произнес Фарвелл. — Он, значит, заперт все время в своих комнатах, очень высоко, в астор... астро-но-мической башне, и под дверью у него всегда стражники... каждую ночь. Так? — (Дженифер кивнула.) — Днем он может гулять, не слишком далеко, но солдаты не выпускают его из виду. В такое время ничего мы сделать не сможем, а вот ночью нам пособят...

— Кто? Он так одинок!

— Ну, я сторонник Старого Пути, и иной раз мне приходилось встречаться с существами, совсем не похожими на меня, — многозначительно произнес Уилл. — Но сначала нам надо освободить его из-под запоров, так? У меня тут вот, под одеждой, хорошая веревка. Ее очень даже можно спрятать под вашей юбкой. Если вы сможете пробраться к Руперту и передать ее, он выберется через окно прямо сегодня ночью.

— О милосердный Христос! Мне запрещено видеть принца!

— Ну, я уверен, вы наберетесь нахальства и что-нибудь придумаете, вроде как вы там у него что-то потеряли, и сумеете заморочить головы стражникам, и передадите ему веревку. Ведь сумеете? Тут... кое-кто... говорил мне, что у вас хватит порошу на любое дело, да и вообще, что тут такого? Не страшнее школьной шалости!

— Ну... нет, это не так просто, Уилл. Да и собаки могут поднять шум...

— Не поднимут, если вы их успокоите. Так мне говорили.

На этот раз она очень долго смотрела на него — внимательно, настороженно. С листьев на камни падали со звоном капли. Облако закрыло солнце, и на несколько мгновений стало холодно.

— Кто говорил тебе? — спросила наконец Дженифер.

Он спокойно встретил ее взгляд.

— Я мог бы сказать, что это был крестьянин, который знает, что вы дружите с четвероногими слугами; но я не стану лгать. Я просто вижу вас, мисс, и этого довольно, и я знаю, что вы найдете способ помочь ему, и будете ждать его внизу, и проводите его через мост, чтобы собаки молчали. Я-то не осмелюсь слишком близко подойти к замку. Так что вам придется проводить его до одного местечка в лесу. А уж там буду ждать я, с оружием, которое я раздобыл в Марстон Муре, и с парочкой реквизированных лошадок. И... наши друзья — мои, Руперта и ваши, если вы позволите им быть вашими друзьями... они тоже будут там. Больше я не могу ничего сказать, кроме того, что домой вы вернетесь спокойно, никто не причинит вам вреда по дороге.

Девушка жалобно взглянула на Фарвелла:

— Но моя честь...

— Никто не коснется вас иначе, чем по-братски. — Уилл хихикнул. — Да и не до того нам будет!

— Я имела в виду мой долг перед опекуном... и перед моей верой...

— У Руперта своя вера.

— А мне нужен Руперт, если даже я не нужна ему... — Дженифер расправила плечи и вскинула голову. Луч солнца сверкнул в ее волосах. — Что ж, пусть будет так, Уилл Фарвелл, и благослови тебя Господь! Побystрее, расскажи мне в точности, что я должна сделать.

— Давайте-ка уйдем вон туда, в церковь... там нас наверняка никто не заметит, — предложил Фарвелл. — Мы ступаем на опасную дорожку — опасную для Англии, для Руперта и для нас с вами...

Дженифер кивнула и следом за Уиллом направилась к арке входа.

Глава 6

ВОЗЛЕ ЗАМКА. НОЧЬ

Лучи полной луны серебрили темный замок и развалины. Блестела река, влажная трава; вдали вырисовывались поля и лес, взбирающийся на северные склоны холмов. Купол серовато-

синего неба по краям украшали робкие звезды. Воздух был холодным, дул легкий ветерок, стояла глубокая тишина, нарушаемая лишь журчанием воды.

Дженифер стояла, положив руки на головы собак, и видела, как с крыши левой башни, словно змей, метнулась веревка, на мгновение вырисовалась на фоне созвездия Андромеды, а затем исчезла во тьме. Собаки почуяли страх девушки. Один из псов тихонько заскулил, второй громыхнул цепью. «Тише, тише, — неистово зашипела она. — Пожалейте меня, не шумите...»

На краю крыши показалась тень. Руперт скользнул на землю. Потом осторожно потянул веревку, свободно наброшенную на зубец башни, свернул ее и осторожно направился в сторону Дженифер, стараясь зря не тревожить собак. Вербка висела на его плече, как патронташ. Принц снова был одет в грубую одежду и высокие солдатские башмаки.

Дженифер бросилась в его объятия. Один из псов зарычал. Девушка торопливо высвободилась из рук Руперта, успев лишь погладить его волосы, и склонилась к собакам, успокаивая их. Руперт молча стоял рядом. Подняв лицо к небу, он усмехнулся, сверкнув зубами, и негромко произнес:

— Свободен, снова свободен! Замки сорваны! Черт меня побери, если я еще раз попаду в клетку!

Дженифер выпрямилась, взяла принца за руку и повела через мост. Никто не позаботился поставить тут стражу на ночь, ведь Рыцари уже были далеко. Под мостом зиял черный провал крепостного рва.

Они отошли от замка на несколько сот ярдов, и Руперт решил, что здесь уже можно говорить.

— Я сделал все точно так, как... ты... написала, — медленно сказал он. — Но дальше тебе идти не нужно, не стоит рисковать. Возвращайся. Я отправлюсь вперед и ни в одной из своих молитв не забуду упомянуть твое имя.

Под капюшоном, скрывавшим лицо Дженифер, едва можно было разглядеть, что она отрицательно качнула головой.

— Ты не должен идти один, пешком, без оружия. Я провожу тебя до нужного места, я знаю, где это, я бывала в этом лесу. Там ты найдешь помощника, ожидающего тебя.

— Что за помощник?

— Я ничего не знаю о нем, кроме того, что написала тебе в записке... и боюсь думать... Ох, ведь речь идет о твоей жизни! — И умоляюще добавила: — Руперт, если ты и вправду хочешь поблагодарить меня, позволь мне провести с тобой эти последние часы!

В холодном лунном свете нельзя было с уверенностью определить, вправду ли принц покраснел; он уставился в землю и сказал:

— Но ты очень рискуешь, Дженифер. Многим рискуешь.

Ответ Дженифер прозвучал твердо и уверенно.

— Нет, мой самый дорогой. Ты рискнул не только жизнью, но, возможно, и спасением души, а моя жизнь ничего не стоит рядом с твоим делом. — Она глубоко вздохнула. — Нам идти несколько миль. Вперед!

В ЛЕСУ

Лунный свет безмолвно плескался в листве, стекал по белым стволам берез, пробирался в таинственный мрак под дубами, круглыми пятнами ложился на землю. Грибы и анемоны выглядывали сквозь толстое одеяло прошлогодней листвы. Светились голубым поваленные стволы. Теплый воздух был пропитан ароматами земли и травы.

Оберон шагнул вперед. С его плеч свисал плащ, сотканный пауками; на тунике сверкали кристаллы... но, возможно, это были капли росы? Он поднес к губам рог и затрубил. Низкий призывный звук пронесся над лесом.

Оберон протрубил еще раз, еще... В ветвях замелькали светлячки, играя всеми цветами радуги. Когда они приблизились, стало видно, что это крошечные человечки — невероятно прекрасные, летящие на комариных крыльях.

Оберон опустил рог.

— Привет, жители Страны фей! — сказал он. — Где королева Титания?

Рой эльфов трепетал вокруг короля, взмахивая крылышками. Чуть спустя нежный голос ответил Оберону:

— Я недавно пролетала мимо нее, лорд Оберон, и слышала, как королева говорила Паку, что она охотно отправилась бы на юг, если он составит ей компанию и оседлает пару ночных ветерков, что ей хочется умчаться от отравленных городов, унести, как пушинка чертополоха — искать покоя в нашей любимой, покинутой Греции; она хотела бы знать, не найдем ли мы там покоя... чтобы не возвращаться больше в негодные северные края.

— Ох, мой лепесток! — вздохнул Оберон. — Если я позволю тебе отправиться в этот путь, то уже к рассвету ты узнаешь то, что и без того всем нам известно... — Его голос изменился. — Мне немедленно нужна королева Титания. Быстро, мчитесь во все стороны, догоните ее и верните, пусть встретится

со мной у древнего стоячего камня. — И он мрачно добавил: — Ни в Греции, ни в каком-либо другом месте не осталось для нас надежды, и, если мы покинем этот пораженный мучительной болезнью остров, тоска загрызет нас, куда бы мы ни умчались. Нет, мы должны постараться остановить болезнь, пока она не слишком сильна. Да, у нас мало шансов на победу — но мне известны некие предзнаменования, и я ворожил, и чувствую, что наша судьба — в руках двух человек, которых я заманил сюда... Ну же, летите!

Он громко выкрикнул последние слова и взмахнул своим посохом. Звезда на конце посоха сверкнула. Внезапно подул ветер, застонал среди ветвей — и унес эльфов.

БАШНЯ-ОБСЕРВАТОРИЯ

Крышка люка распахнулась, и сэр Мэлчи выбрался на крышу. Луна светила ярко, и в фонаре не было нужды. Но его желтый свет смягчал ледяное сияние, заливавшее все вокруг.

Поставив фонарь возле закутка, где хранились инструменты, Шелгрейв один за другим извлек телескоп, квадрант, астролябию, небесную сферу из бронзы и хрусталя, маленький рабочий столик, кронциркули, книги, звездные карты, тетрадь, чернильницу, перья... Последними были часы с маятником. Прежде чем подтянуть их гири, Шелгрейв водрузил на носочки и проверил время по часам, которые извлек из кармана жилета.

«Почти полночь. Час ведьм, — подумал он и вздрогнул. — Я почти завидую суеверным папистам с их распятием. Но — нет. Никакие символы и идолы не могут служить защитой. Лишь милость Божия, дарованная избранным, может отогнать демонов, крадущихся в ночи».

Он опустился на колени, воздел руки и заговорил дрожащим голосом, обращаясь к небу:

— О Бог моих отцов, я, спотыкающийся грешник, умоляю Тебя о милости. Ты, Единый Всемогуший, видишь, как дьявол терзает мою душу. Он грязно хихикает в моих снах, он мучает меня бессонными ночами, и... он преследует меня!.. — Шелгрейв уронил голову, стукнул кулаками о каменную кровлю. — Почему я не могу забыть о тех давних годах, когда блуждал в адском мраке, в зловонных притонах, пьянствовал, играл в карты, богохульствовал, лодырничал — до той ночи, когда мой умирающий отец проклял меня, и тогда словно в одно мгновение унесло всю паутину с моих глаз? И почему этот давний покойник в последние годы так часто покидает свою могилу и

пачкает своими сгнившими пальцами мои мысли... да, особенно с тех пор, как моя племянница попала под влияние?..

Какое-то время Шелгрейв молчал, потом снова поднял лицо вверх и заговорил более уверенно:

— Все предопределено Тобой, и каждое Твое решение — благо. Ты погрузил меня в это озеро огня, чтобы выгорела окалина, чтобы тверже стала моя сталь, дабы душа моя уподобилась мечу в Твоей войне... в священной войне, к которой Ты призвал нас, дабы покорить надменного короля, склонить его перед Твоей волей, сбросить идолов в пыль и завоевать весь мир — весь мир для избранных Тобой: возрожденных английских израильтян. — Он вскочил на ноги. — Я слышу Твой глас, Иегова-Громовержец! В моих руках есть сила для удара! — Он поднял вверх руки, скрючив пальцы, словно пытаясь схватить что-то. — Это Твоя воля, что я не сражаюсь сейчас, но ращу железные мускулы для будущей схватки... да, я это делаю, Всевышний! И я обещаю работать с двойным усердием, и я уничижительно низкую похоть!

Постояв несколько минут молча и немного успокоившись, Шелгрейв добавил:

— Этой ночью я потушу сжигающий меня огонь и смажу раны прохладным огнем целомудрия, изучая Твои звезды — пока не вернется сон или не придет рассвет.

И он принялся снимать чехол с треноги телескопа.

Глава 7

ПОЛЯНА В ЛЕСУ

Темные деревья с серебряными верхушками стеной стояли вокруг прогалины. Лунный свет падал на траву, маргаритки, первоцветы и примулы; роса превращала улиток в бриллианты. Почти в самой середине поляны возвышался каменный монолит в два человеческих роста высотой. Хотя за многие-многое годы ветры и лишайники оставили на нем свои следы, он все же не утратил строгого, сурового вида.

На краю поляны стояли две лошади. Это были обычные фермерские коняги, не нуждавшиеся в привязи. Они спокойно похрустывали травой.

Уилл Фарвелл сидел, прислонясь к камню, и подрезал ногти столовым ножом. Он был в потрепанной драгунской форме, хотя и без знаков отличия. На поясе у него висел кавалерийский меч. Он напевал себе под нос, отчаянно фальшивя:

*Когда влюблен я был в тебя,
Дни напролет я распевал,
Смеялась ты, меня дразня,
И пряталась на сеновал.
Звезде нахально подмигнув,
Ночь напролет тебя искал,
Ни на минутку не заснув,
Тебя поцупать я мечтал.
Но вот однажды...*

Тут он умолк. Сквозь подлесок, с громким шумом, на поляну выбрались Руперт и Дженифер. Одежда их была порвана сучьями, промокла от росы, но оба они выглядели бодро. И все же Дженифер тут же опустилась на траву. Руперт подошел к камню.

— Уилл! — крикнул он. — Ах ты, старый мошенник!

Он схватил Фарвелла и сжал его в объятиях с такой силой, что у того затрещали ребра.

— Ух! Ваше высочество совсем меня задавили. Да уж, за эти месяцы у Круглоголовых вы ничуть не ослабели. Уж, пожалуйста, поосторожнее, а то вы из меня лепешку сделаете. — Отдышавшись, он отступил на шаг, задрал голову, взгляделся в принца и спросил: — А что, Джен... мисс Дженифер объяснила вам все, да, в записке?

— О! — Руперт восхищенно взглянул на девушку. — Хотелось бы мне, чтобы все мои офицеры умели составлять такие краткие и точные донесения. Нашему делу это принесло бы немалую пользу. Она упомянула даже о том, что ты не виноват в смерти Малыша. Ну, я и так верю, что ты совсем не хотел этого... и не могу на тебя сердиться после того, что ты сделал для меня.

— Не сделал еще, только начал. До конца еще далеко, мой лорд. Поглядите-ка, я раздобыл для вас оружие, это с поля сражения. И еще я присмотрел двух лошадок, и сегодня прихватил их с собой, они, конечно, совсем не Пегасы, но кое-как нас повезут, а уж уздечки придется смастерить из той веревки, что вы принесли с собой. Я и хлеба прихватил, и сыра, правда, он черствоват немного, это мне дала одна симпатичная женщина... жаль только, что колбасу она держит под замком. А сколько денег принесла для нас леди?

— Эй, я и не думал... — Руперт повернулся к девушке.

Она сняла с пояса кожаный кошелек.

— Увы, всего несколько флоринов. Дядя считает, что деньги мне не слишком нужны.

— Ну, мы раздобудем фураж по пути, — успокоил ее Руперт.

— Но нам придется пройти через половину Англии, и как раз по тем местам, где кишмя кишат наши неприятели! — возразил Фарвелл. — А уж весть о вашем побеге разнесется галопом, а то и побыстрее, да еще эти чертовы семафоры вдоль железных дорог, сейчас же начнут болтать... Можно не сомневаться, за вашу голову назначат хорошую цену. А человеку вашего роста скрыться нелегко!

— Мы должны попытаться... будем ехать по ночам...

— Да ведь если мы и доберемся до Рыцарей, что в том толку? Если слухи верны, так Кромвель со своими бандитами уже слишком сильно нас потрепал. Конечно, можно не сомневаться, вы снова соберете войско, мой лорд... только боюсь, теперь уже поздно, вы сможете только немножко отсрочить конец, вот и все.

Руперт помрачнел.

— Но что еще можно сделать? Честь требует защищать короля, служить ему!

— Ну, есть способы помочь ему по-настоящему, мой лорд. — Уилл взял принца за рукав. — Давайте-ка присядем рядышком с мисс Дженифер. Ей это тоже нужно слышать, мне так объяснили.

— Объяснили? — резко переспросил Руперт. — Кто?

— Вот об этом-то я и хочу рассказать вам и леди, если вы станете слушать.

Руперт некоторое время молча всматривался в Уилла, потом пожал плечами и направился к Дженифер. Когда он уселся на траву рядом с девушкой, та взяла его за руку. Он молча сжал ее пальцы. Уилл Фарвелл, волоча ноги, подошел и опустил голову на них.

Склонившись вперед и неловко размахивая руками, Фарвелл заговорил с неожиданным пылом:

— Мой лорд и леди, я, конечно, христианин. Уж в это вы должны верить, это так и есть. Ну конечно, я немало грешил, и пьянствовал, и воровал, и браконьерствовал, и даже не думал, что когда-нибудь исправлюсь... ну, если я когда и каялся, то лишь с похмелья, когда уж очень голова болела. Только я верю, что Иисус Христос — наш Спаситель, и он простит даже такого, как я. — Фарвелл глубоко вздохнул, прежде чем продолжить. — Но разве милость Божья не лежит на всем живущем? Ну, если уж плоть человеческая становится травой, то почему бы и траву не любить Господу? Он, я думаю, любит и рыб, и птиц, и всех тварей — все, что Он создал. Я-то думаю, что Он и дьяволов ада тоже любит, только они слишком гордые, чтобы откликнуться на Его любовь. — (Руперт вздрогнул и нахмурился.) — Ох да, мой лорд, это ересь, я знаю. Ну, я просто

веду к тому, что много есть разных тварей, — он выразительно поднял палец, — разных, которые не совсем как бы люди... Я не об ангелах говорю, поймите, а о тех, которые живут с нами, на земле, хотя и не стареют, и у них есть сила, какой нет у нас. Ну конечно, у них нет бессмертной души, как у нас. Хотя тупицы вроде меня судить об этом не могут. Я только знаю про них, что многие, если не все они, желают нам добра, хотя иной раз и любят напраказывать. Они хоть и некрещенные, но и не животные, и никогда не восстанут против Небес, понимаете? И если нет греха в том, чтобы заботиться о лошади или собаке, то почему грешно иметь друзей среди наших старых соседей, среди древних духов земли?

Дженифер сжалась и отшатнулась от Уилла. Принц отнесся к его словам более спокойно.

— Но они язычники! — воскликнула Дженифер, объятая страхом. — Они уведут твою душу в ад!

— Ну, кое-кто из них мог бы, не сомневаюсь; да ведь и среди людей такие найдутся. Только не думаю, что так уж плохо с ними дружить, может, и они плыли в Ноевом ковчеге вместе с людьми и прочими зверями? Если не грешно поставить блюдце молока для кошки, которая ловит для вас мышей, то отчего не проявить сердечность и к гоблину, который тоже кое в чем вам помогает? Ну конечно, все они живут в стороне от людей...

Руперт шевельнулся.

— Так тебе приходилось с ними встречаться?

— Ну, изредка, лорд. Но моя семья всегда оказывала им должное уважение. И мы никогда не срубили дерево и не забивали скотину, не помолившись сначала и не попросив у них прощения...

Дженифер в ужасе уставилась на Уилла. Он виновато улыбнулся:

— Ну, мисс, ведь мы делим с ними нашу землю... — И обратился к Руперту: — Может, я и лишнего наболтал тут... Но когда мне приходилось видеть, как они танцуют и как звенит их музыка, это меня брало за сердце. Конечно, я никогда с ними не грешил... они мне нравятся, да только я не гожусь для фей. Неужто я так уж не прав, мой лорд, что считаю их друзьями?

— Продолжай, — тихо произнес Руперт.

— Ну, когда я пробирался сюда, я не слишком-то надеялся, что и вправду смогу помочь вам или королю, и больше всего мне хотелось отправиться домой, запереться там, чтобы не видеть этих мрачных чучел, Круглоголовых... а они еще проповедуют, подражают самому Христу!.. Ну, по дороге я забрел в лес, чтобы поймать кролика. И вот там-то кое-кто меня отыскал, и говорили со мной, говорили — пока не рассвело, а потом и на другую

ночь... Ваше высочество, вот тогда-то я и набрался храбрости, чтобы попробовать спасти вас, и так я узнал, что мисс Дженифер может помочь нашему побегу. — (Дженифер закрыла лицо руками.) — А, короче говоря, вместе с ними я и придумал весь план. — Уилл встал. — В общем, мой лорд, я им пообещал, что вы придете сюда и выслушаете их. Это, конечно, было мое слово, не ваше, вы можете и отказаться, но, честно говоря, я не вижу причин, почему бы нам отказываться от их помощи. Очень вас прошу, выслушайте тех, кто хочет стать вашими друзьями!

Руперт тоже поднялся. Дженифер, держась за его руку, с трудом выпрямилась. Лицо принца было совершенно бесстрастным, когда он произнес:

— Я их выслушаю.

— Ох нет! — со слезами в голосе воскликнула девушка. — Ты рискуешь нашими душами!

Руперт взял ее за плечи, заглянул в глаза и мягко сказал:

— Это не так. Пуритане солгали тебе. Я читал труды Великого Историка. Не только в древности странные существа творили добро, лишь иной раз позволяя себе шалости, без которых феи просто не могут жить. Но и в более поздние времена... это признают и наиболее мудрые из христианских ученых. Даже искусство магии вполне законно, если используется в добрых целях. Припомни своих соседей в Корнуэлле. Разве они, как и Уилл, не следовали Старому Пути? — (Дженифер молча кивнула.) — А разве ты думала тогда, что они будут за это прокляты навек? — (Девушка медленно покачала головой.) — Значит, и нам ничто не грозит.

Дженифер, глядя на принца, улыбнулась сквозь слезы.

Руперт повернулся к Фарвеллу:

— Ну, если не передумал, являй свое чудо!

— Твоя добрая воля уже привела нас сюда...

Эти слова, произнесенные нежным музыкальным голосом, заставили принца резко развернуться. Возле камня стояли двое. Они были высоки, сверхъестественно прекрасны, с лицами цвета слоновой кости. Глаза их светились внутренним светом. Высокие короны необычных очертаний отбрасывали лучи, в одеждах вспыхивали искры. Вокруг царственной пары кружили в воздухе крошечные крылатые существа.

У королевских ног сидел на корточках некто более крупный и крепкий, нежели парящие эльфы — это было мускулистое существо; впрочем, встань оно на ноги, оно едва бы достало макушкой до пояса Руперта. Круглая голова с растрепанными волосами; нос вздернут, уши оттопырены; глаза светятся веселой зеленью; одет в кожу и листья.

Уилл громко вскрикнул и отступил назад. Дженифер следом за ним скрылась в тени. Она крепко сжала руки, губы ее безмолвно шевелились. Руперт шагнул вперед. Встретившись взглядом с нечеловеческим существом, принц склонил голову и хрипло произнес:

— Я думаю, я говорю с королем Обероном?

— Это так, — ответил мужчина.

Принц поклонился женщине.

— И с королевой Титанией?

— Добро пожаловать в наше подмирное королевство, принц, — мелодичным голосом ответила она.

— Благодарю ваши величества. — Руперт с сомнением в голосе спросил: — Это правильный титул? Вам известно, что в последнее время я служил королю Карлу, и лишь он может освободить меня от данной ему клятвы, но в остальном я свободен... сохраняя лишь верность Господу.

Королевская пара не дрогнула и не растаяла при Святом имени. Дженифер слегка успокоилась. Уилл заметил это и улыбнулся девушке. Оба они не сводили глаз с поляны, где только Руперт и кони казались реальными существами.

— Ты видишь, мы прошли испытание, — прогудел карлик. — Хочешь ли еще раз нас проверить? Ну, могу перечислить для тебя святых и ангелов. Так, наскоро, кого вспомню... Вальбурга, Кнут, Кутберт, Канегонда, Матильда, Иеронимус, Мефодий, Клавдий...

— Помолчи, Пак, — приказал ему Оберон. — Будь по-серьезней. — И, обращаясь к Руперту, произнес: — Извините его, принц. Нестареющие жители Страны фей живут, как перекаати-поле, не укореняясь нигде, и потому не могут набраться мудрости, подобно смертным.

— Вы слишком льстите человечеству, ваше величество, — ответил Руперт.

Титания взмахнула белой рукой.

— Довольно! — попросила она. — Рассвет придет быстро, и мы станем бессильны, а тебя начнут преследовать. Поспешим же!

Оберон кивнул; корона его сверкнула.

— Верно. Но сначала я объясню тебе, принц Руперт, почему мы предлагаем тебе помощь. Это касается нас самих. Мы, эльфы, являемся духами живого мира, мы стражи, помощники, лекари природы, которая питает нас.

— Но вы иной раз плутоваты, иной раз страшны, — заметил человек.

— Да, но разве не таковы же земля и море, небо и огонь? Если бы в лесу не было лисиц и волков, кролики и олени просто

сгрызли бы деревья... — Оберон помолчал и печально добавил: — Но человек травит их ядами, стреляет из ружей, ставит капканы... Это может привести к порядку, похожему на порядок кладбища, и вместо ароматов пастбищ к небу поднимутся зловоние и копоть. Это ли мечты Матери-Земли? Но Старый Путь может удержать человека от разрушения, и такой человек заслужил бы благословение эльфов.

— Если только это не будет возвратом к язычеству.

— В том нет необходимости. Мы видели народы и веры — их много было в прошлом, они являлись и уходили. От охотников на северных оленей в далеком прошлом — до бойцов на бронзовых колесницах, все мы родня, все мы произошли от семени Адама. Когда появилось холодное железо, наша жизнь стала труднее, ведь жадные железные клыки впились в дикие леса, противопоставляя нам грубую, мрачную силу, убивающую нас. Но после тревожных лет всегда приходит спокойствие. Крестьяне желают, чтобы их поля были тучными, чтобы любовь жила в их домах, чтобы росли дети и внуки и чтобы кто-то охранял их от демонов и злых духов... и они оказывают нам почтение за то, что мы выполняем свой долг.

Титания мягко заметила:

— В любви девушек и в смехе младенцев рождаются чудеса, изумительные, как тайная весна.

— Христианская вера, несмотря на то что теперь она очень изменилась, совсем не противоречит гармонии природы, — продолжил Оберон. — И если нам не поклоняются, как богам — чего мы никогда не хотели, — священники не отрицают нашего права на существование и позволяют людям жить в мире с нами и с землей. И сладок тогда людям колокольный звон...

— Вот только они изменяют имена... — пробормотал Пак.

Оберон и Руперт взглянули на него; Оберон нахмурился и торопливо продолжил:

— Когда Генрих Восьмой отказался от правил Римской церкви, для нас это была всего лишь политика смертных. Английская церковь не преследовала нас, не стремилась уничтожить приверженцев Старого Пути. Но потом...

— Потом появились пуритане, — сказал Руперт, потому что Оберон надолго умолк.

— Да, верно. — Король взмахнул кулаком. Несмотря на высокий рост и внушительный вид, он казался до странности хрупким, почти прозрачным в лунных лучах. — Эта ледяная вера не знает ничего теплого; ей не по душе утешающие безобидные обряды, и она принялась их уничтожать; пуритане ненавидят все живое, они запрещают старые обычаи, праздники... простое веселье осуждается как вредная глупость; любовь

мужчины и женщины объявлена непристойностью... а феи и Старый Путь названы врагами!

Дженифер нервно вздохнула, сжала кулачки и со слезами в голосе робко произнесла:

— О нет, сир, это не совсем так...

Похоже, ее слов просто никто не услышал. Руперт и Оберон задумались, застыв в неподвижности; Титания переводила сверкающий взгляд с одного на другого; зеленые, пурпурные, синие, рубиновые огоньки плясали в воздухе, освещая испуганные личики эльфов.

Уилл Фарвелл сжал локоть девушки. Пак бочком обошел поляну и подобрался к ним.

Наконец Руперт заговорил, обращаясь к королевской чете:

— Ваши величества не принадлежат к человеческой расе. Так какое же вам дело до богословских учений?

Оберон плотнее завернулся в прозрачный плащ, похожий на белую паутину, и по поляне вдруг промчался прохладный ветерок. Король заговорил так тихо, что его едва можно было расслышать.

— Вера, которая не терпит любви к Матери-Земле, а смотрит на Землю как на врага, которого можно топтать, насиловать, калечить, вспарывать ему чрево, сдирать с него кожу, а потом хоронить под мостовыми, засыпать шлаком и мусором... вера, которая позволяет железным машинам рыскать среди могил... такая вера принесет гибель всем.

Он опустил голову и долго молчал. Потом заговорил снова.

— И настанет время, когда мы, вместе с чудесами, деревьями и водой, умрем. Уже и теперь копать и железо сократили наши владения. Если каждый елейный священник ненавидит нас и старается изгнать... недолго мы сохраним свою силу. Нам не устоять перед их анафемой. Сначала Англия, потом весь мир... — В голосе Оберона внезапно послышалась решимость. — А дело вашего короля, знает он о том или нет, служит на пользу и в поддержку Старого Пути. Неважно, что было много ошибок... и несмотря на надменность короля и епископов, грязную алчность знати, неповоротливость йоменов и бюргеров, и на то, что множатся крупные и мелкие тираны... ведь это случается в любой стране... несмотря на все это, король нужен Старому Пути. А ты можешь помочь удержать чуму пуританизма, не дать ей расползтись по всему земному шару и сохранить Страну фей. — Он поднял руку. — Мои чары, мое волшебство, мои тайные источники показали мне слабое, неясное желание, родившееся в вас троих, хотя вы сами еще не осознали его. И потому мы помогли тебе сбежать, принц Руперт. И мы окажем тебе дальнейшую помощь и дадим совет,

если ты его примешь. А потом мы исчезнем и будем ждать, удастся ли наш замысел.

Принц едва шевельнулся, но казалось — он отвесил королю глубокий поклон.

— Так было всегда, — прошептал принц. — Когда бросают подобный вызов, он потрясает до глубины души... Но король Артур в свое время принял его. Осмелюсь ли я отказаться?

— Но я, я боюсь! — почти прорыдала Дженифер. — Что это за ужасный сон? О Пресвятая Богородица, помоги мне проснуться!

Уилл осторожно обнял ее за плечи.

— Запугали вас до смерти, бедняжка, — пробормотал он хрипло. — Ну да ничего, вы скоро к этому привыкнете.

— Зачем они так много говорят? — пробурчал Пак. — Зачем тратить время на болтовню? Нас пытаются ткнуть мордой в землю! А Круглоголовые бреются, так что мы даже не можем схватить их за бороду в ответ или хорошенько щелкнуть по носу. Так что, — помолчав, добавил он, — будь поосторожнее, Руперт, принимая вызов, потому что у пуритан нос пронырливый. — Он поднял голову и взглянул на Дженифер. — Чую, тебе на самом деле нравится это приключенье. — И он внезапно хлопнул ее по груди. — Ну что за дивные подушки!

Девушка отскочила в сторону, ахнула и вlepила Паку пощечину. Он бешено уставился на нее. Но негодование избавило Дженифер от страха, и она снова посмотрела на Руперта. Принц не заметил маленького происшествия. Он говорил Оберону:

— Настолько, насколько это не противоречит вере и морали, сир... и здравому смыслу... я с благодарностью приму ваш совет.

Улыбка скользнула по губам Оберона.

— Без сомнения, ты вправе уточнить... — Но тут же король вновь стал серьезным. — Видишь ли, боюсь, что я предложу тебе отправиться на поиски, но где и что ты должен искать, я представляю лишь смутно. Король, королевское дело, ты — не сможете победить, если Земля не будет сражаться за вас. Но как может земля, ее простые почва, камни и вода, воздух и сама жизнь сопротивляться Железной Смерти?

Когда-то существовали слова и символы, полные мощи. Они были способны объединить первичные элементы при опасности, грозившей детям Матери-Земли. Но величайшие маги Севера давно обратились в прах, и никого не осталось, кроме слабых деревенских колдуний да тех жалких сил, которые сохранились в нашей Стране фей. — Оберон покачал головой, печально

вздыхнул. — Оракулы, которых мне удалось найти, невнятно говорили о некоем острове далеко на юге, в тех краях, куда я не могу заглянуть... они лежат к западу от Греции, в которой мы когда-то жили... об острове, где много лет назад поселился могучий смертный чародей...

— Великий Просперо? — вырвалось у Руперта.

— А, так ты читал древние хроники. — Оберон заколебался в лунном свете, как озеро под вздохом ветерка. — Да, думаю, речь шла о нем. Я не мог узнать точнее. Моим посыльным все равно туда не добраться. Вероятно, Просперо сделал свой остров невидимым, чтобы никто не смог отыскать его и использовать книги и инструменты мага для дурных целей; но он не предвидел, что его магия может понадобиться для добрых дел. Духи — друзья мага — ничего не знали о наших бедах. Вот если бы ты отыскал спрятанное чародеем...

— Если вы потерпели в том неудачу, — возразил Руперт, — могу ли я надеяться найти его книги?

Королева Титания выплыла вперед. Руперт опустил на одно колено.

— Я склоняюсь перед красотой! — воскликнул он.

Королева улыбнулась и коснулась головы принца.

— Не поддавайся слабости, принц, — мягко сказала она. — Ты должен был читать в старых книгах, как я заставляю людей поглупеть. — И она весело глянула на Оберона. — Ну, впрочем, почему бы и нет...

Пак тихо заржал. Королева жестом приказала принцу встать. И вновь стала серьезной, как и король.

— У вас, смертных, есть силы, и вы знаете такое, что неведомо в Стране фей, — сказала она. — Например, у вас есть сила земной любви. — Печаль окрасила слова королевы. — Мы, бессмертные и переменчивые, тоже знаем нечто вроде любви... но это лишь удовольствие, как песня птицы или сладость цветка. Истинная человеческая любовь — не игра; временами она становится высокой трагедией. Она порождает штормы и сияние, неведомые нам, в ней — высшее благоговение и бессмертие.

Королева подняла руки. Внезапно на каждой из них вспыхнуло по кольцу. Одно было чуть побольше другого, но в остальном они выглядели одинаково: это были свернувшиеся серебряные змеи, кусавшие себя за хвост. Голову каждой змеи украшал драгоценный камень.

— Кольца, которые ты видишь, выкованы в Египте много веков назад последним колдуном древней земли, чтобы помочь знатной любящей паре. До тех пор пока каждый из любящих оставался верен своему обету, сияние колец вело их туда, где

ждала удача: чем ближе была цель, тем ярче сверкали камни. — Королева вздохнула. — И сияние гаснет, если кто-то изменит или умрет. Ну, потом разными извилистыми путями кольца попали к нам, а мы не обладаем такими сильными чувствами, чтобы снова зажечь огонь... — И резко, быстро Титания продолжила: — Но ты смертен, принц! И с таким компасом ты можешь отыскать остров Просперо, а по пути кольцо укажет тебе, где искать помощь и укрытие. Правая рука нужна тебе для меча. Надень кольцо на левую.

Дженифер прижала руки к груди. Руперт заколебался. Он отступил на шаг и пробормотал:

— Но у меня нет...

Титания наклонилась вперед. Волосы, облаком окружившие лицо королевы, пахли тимьяном и розами.

— Это не Мэри Вилльерс? — прошептала она.

— Мэри никогда не была моей возлюбленной.

Дженифер оттолкнула Фарвелла и бросилась вперед, путаясь ногами в мокрой траве.

— Не смей колдовать над ним, ведьма! — закричала девушка.

Титания улыбнулась и повернулась к Оберону.

— Вот та девушка, с которой принц может обмениваться клятвой, — сказала она.

Руперт схватил Дженифер за руку.

— Успокойся, они желают нам добра, — заговорил он, однако Дженифер, не слушая его, шагнула ближе к королеве и требовательно спросила:

— Что вы имеете в виду?

— Ты же слышала, о чем мы говорили, дитя, — ласково ответила Титания. — Возьмите каждый по кольцу, обменяйтесь ими, дайте обет верности, и тогда у принца будет факел, освещающий его путь.

Дженифер замерла, глядя на королеву, потом перевела взгляд на Руперта... потом уставилась на тени под деревьями. Луна уже спускалась, и воздух похолодел. Наконец девушка сказала:

— Я не могу дать ему то, что давно принадлежит ему.

Пак, сидящий под дубом рядышком с Фарвеллом, сообщил:

— Если он откажется обмениваться кольцами с такой девушкой, он просто дурак, у него размягчение мозгов.

— Да, девушка отличная, — согласился человек. — И готова рискнуть.

Руперт, полуобернувшись, долго смотрел на Дженифер, а потом подошел к ней, взял за руку и заговорил нежно и осторожно:

— Милая, я не заслужил счастья обручиться с тобой. Да и клятва эта не была бы одобрена святой церковью...

Дженифер ответила коротко:

— Зато это будет навсегда.

— Не знаю... и ты не знаешь. Позволь напомнить тебе, что мы сразу же расстанемся... да и не нравится мне эта языческая церемония.

— Но... ты думаешь, если мы совершим обряд... это может помочь тебе?

Он кивнул:

— Я солдат, и, когда я решаюсь на атаку, я не упускаю ни одного шанса. Если ты и вправду хочешь ждать, пока я вернусь или когда погибну, и готова поклясться в верности — я сделаю то же самое для тебя. Ну а потом, если даст судьба, поговорим об остальном.

Она сказала сквозь слезы:

— Я буду жить надеждой...

— Встаньте на колени, дети, вот здесь, перед священным камнем, — приказал Оберон.

Они послушались, держа друг друга за руки. Король встал перед ними, и эльфы образовали светящееся кольцо вокруг его короны. Оберон положил руки на головы молодой пары.

— Именем дуба и пепла, и цветущего весной терна, именем ушедших и грядущих веков, именем земли и неба, именем звенящей воды и живого огня, именем жизни и смерти, клянись, что ваша клятва будет истинной клятвой.

Они оба произнесли, как во сне:

— Мы клянемся...

Титания подошла к королю.

— Наденьте кольца друг другу, — сказала она, и молодые повиновались. — Этим знаком связаны навсегда юноша и девушка, муж и жена, и свет колец будет помогать вам всю вашу жизнь.

Потом Оберон и Титания вместе воскликнули:

— Прощайте, удачи вам! И какими бы трудными ни были ваши пути, храните любовь, и вам будет сопутствовать удача.

Королевская чета и эльфы исчезли. Темнота нахлынула на поляну.

— Где ты, дорогой? — воскликнула Дженифер. — Я словно ослепла!

— Просто луна спряталась за деревья, — ответил принц. — Подожди немного, глаза привыкнут, и ты увидишь звезды.

Пак толкнул Уилла Фарвелла.

— Я, пожалуй, пойду, у меня дела, — сказал он. — Сдается мне, этой ночью еще кое-что произойдет.

— Нам с принцем тоже пора в путь, — заметил человек. — Как только хозяин замка обнаружит, что жилец смылся, не заплатив за постой... ну, к тому времени нам лучше быть как можно дальше отсюда. — В голосе Уилла зазвучало сомнение. — Что-то не слишком я доверяю этому колдовству. Девушка-то клялась от всего сердца, а вот он — не знаю... Да и не знаем мы, в какую сторону идти поначалу!

— Я бы сказал — на запад, там вы найдете корабль, — посоветовал Пак. И, помолчав, добавил: — А что касается гостиниц и прочего... Приятель, если вас уж очень прижмет и вам понадобится убежище, подумай вот о чем... Есть таверна под названием «Старый Феникс», ее никто не может увидеть, и никто не может в нее войти, если он не причастен как-то к магии. Она бродит с места на место, но, может, кольцо сумеет отыскать ее для вас... Ну, мне пора. Меня зовут. Пока! — И он исчез.

Глаза Уилла уже привыкли к темноте, и он нашел Руперта и Дженифер возле камня.

— Мне страшно думать о том, что тебе придется возвращаться одной, ты так устала. — В голосе принца звучала искренняя боль.

— Но ведь ничего другого не остается, — сказала девушка. — Я буду ждать тебя, молиться за тебя и всегда тебя любить, Руперт.

Они поцеловались. Дженифер исчезла в темноте под деревьями. Принц долго смотрел ей вслед, наконец встряхнулся и безжизненным тоном произнес:

— Что ж, друг, будем готовы к морскому путешествию и поспешим, пока не нагрянул шторм.

Глава 8

БУФЕТНАЯ В ЗАМКЕ

Стены красного кирпича ничем не были прикрыты, пол имел небольшой наклон к желобу, уходящему в ров. Над открытым очагом с вытяжным колпаком висел на мощном крюке большой котел, в котором грелась вода. Рядом с очагом лежала куча дров. Неподалеку располагался длинный кухонный стол. Вокруг виднелись кадки, бадьи; посуда загромождала высокие полки. Блеск меди, пестрота фаянса делали эту комнату самой веселой в замке.

Поздней ночью здесь было так холодно, что пар вырывался изо рта сэра Мэлэчи при дыхании. Сэр Мэлэчи Шелгрейв оста-

новился, и стук его подошв умолк — но зато скрипнула открываемая дверь. Шелгрейв поднял фонарь, и вокруг заплясали чудовищные тени.

В буфетную с улицы вошла Дженифер. Увидя Шелгрейва, девушка судорожно вздохнула и отступила назад.

— Стой, грязнуля! — проревел Шелгрейв. — Стой на месте, или тебе не поздоровится!

Дженифер не то чтобы повиновалась — она просто замялась, переступая с ноги на ногу. Юбка девушки была промокшей, грязной и изорванной. Локоны, растрепанные и перепутанные, падали на лицо. Дженифер едва сдерживала рыдания.

Шелгрейв подался вперед, вглядываясь в нее.

— Я вижу, Господь не зря не позволил мне уснуть этой ночью, — прохрипел Шелгрейв. — Это было сделано для того, чтобы с вершины башни я мог увидеть, как ты крадешься через мост к заднему входу — уж наверное, ты нарочно оставила его открытым... давно ли? — И бешено выкрикнул: — Отвечай, блудница!

Дженифер дышала с трудом и не могла выговорить ни слова. Шелгрейв поставил фонарь на кухонный стол. Подойдя к девушке, он схватил ее за волосы, заставил поднять голову и другой рукой принялся хлестать ее по щекам. Голова Дженифер беспомощно моталась под ударами.

— Какого грязного свинопаса ты ходила искать? Ты валялась с ним в хлеву? Неблагодарная Изабель, тебе не знать покоя, пока я не выбью из тебя правду!

— Я не сделала ничего плохого, — наконец сумела произнести Дженифер. — Я... клянусь Богом...

Он отпустил ее и выпрямился, широко расставив ноги и уперев руки в бедра. Поля шляпы бросали тень на его лицо, и можно было различить лишь сверкающие белки глаз.

— Ну, так в чем дело?

— Я тоже не могла уснуть... — отрывисто заговорила Дженифер. — Подумала, что прогулка поможет... я задумалась, не видела, куда иду... заблудилась...

— Девушка отправилась гулять — одна, в темноте?! Продолжай!

Она умоляюще протянула к нему руки:

— Прошу вас, дядя, ради нашего родства...

На среднем пальце ее левой руки блеснул огонек. Шелгрейв вцепился в руку девушки. Он содрал кольцо с такой силой, что ободрал кожу племяннице. Дженифер, вскрикнув от боли, прижала палец к губам и затравленно взглянула на Шелгрейва.

— Кто дал тебе это? — прошипел наконец Шелгрейв. Он так и эдак поворачивал кольцо, разглядывая его. Камень

переливался цветными огнями. Шелгрейв сорвался на визг: — Я не потерплю больше лжи!

Дженифер молча сжалась. Шелгрейв поднял ногу, словно собираясь пнуть племянницу. Она прижалась к стене, выставила руки, защищаясь, и ждала.

Сэр Мэлэчи взял себя в руки.

— Королевская вещица, — пробормотал он. — Это от принца Лжецов? — Он потрясенно охнул. — Принц! Принц Руперт!.. — Шелгрейв резко развернулся и заорал: — Наффертон, проснись! Какой ты дворецкий, если дрыхнешь в постели, когда вокруг разверзается ад?! Наффертон, ко мне!

Эхо гулко разнеслось вокруг. Издали слышался лай проснувшихся собак.

Дворецкий, в ночной рубаше, торопливо вбежал через кухню.

— Немедленно беги к стражникам, что возле комнат принца Руперта, — приказал Шелгрейв. — Проверь, на месте ли он. Быстрее, пес!

— Да, сэр... — запинаясь, ответил дворецкий. — Но позвольте мне зажечь свечу от вашего фонаря. Там же смертная тьма!

— Пошевеливайся, иначе и в самом деле узнаешь, что такое смертная тьма, — рявкнул Шелгрейв, хватая с полки кухонный нож.

Отведя взгляд от Дженифер, Наффертон схватил тонкую свечу, зажег ее и исчез.

Шелгрейв уставился на девушку. Она, не отрываясь, смотрела, как он снова и снова пробует пальцем острие ножа. Губы Шелгрейва кривила злобная улыбка.

— Конечно, что же еще могло выгнать тебя ночью за дверь? — сказал он. — Ясно как день, что ты влюбилась в этого венценосного дьявола. И сегодня, вопреки моему приказу, ты ходила к нему!

— Но в том не было ничего плохого, дядя, нет! — В горле девушки пересохло, она говорила едва слышно. — Да и как могло что-то случиться? Я ведь не скрывала... Я честно объяснила стражникам, что потеряла где-то вещицу, оставшуюся на память о моей матушке. Я показывала ее принцу, давно, и подумала, что могла забыть ее в его комнате. Они впустили меня. Мы разговаривали с принцем на глазах у солдат, он помог мне осмотреть все вокруг, но мы ничего не нашли... и я тут же распрощалась с ним.

— А где-то в дальнем конце комнаты, за занавесями его кровати или просто за его широкой спиной, ты скрылась от взглядов солдат... он что, опустил колечко прямо в твой лиф? —

Шелгрейв постучал по кольцу ножом. Нежный звон отчетливо послышался сквозь лай собак и шум за дверьми.

Дженифер едва держалась на ногах, дыхание с шумом вырывалось из ее груди. Но все же девушка вскинула голову и заговорила куда более уверенно, чем до сих пор:

— Да, вы угадали. Это на память... о его любви. Я хотела спрятать кольцо... но этой ночью не удержалась и оставила его на руке...

— Так вот как, предательница, — в бешенстве перебил ее Шелгрейв, — ты осквернила дом, давший тебе приют! Но тебе не удастся вынудить здесь отродье дьявола! Блудница!

— Нет, нет! Боже спаси и сохрани! — Дженифер подавила крик, готовый сорваться с ее губ, но глаза ее вдруг сверкнули рысиной зеленью. — Я не грешила! И у меня есть законные права, — огрызнулась она. — Если хотите, поставьте меня перед судом. И не болтайте чепуху.

Шелгрейв отшвырнул нож, и тот со звоном запрыгал по кирпичам пола.

— У меня есть право опекуна, и, если ты впала в безумие, я могу раздеть тебя догола, связать и выпороть, дабы выбить из тебя внушенное дьяволом неповиновение.

За дверями послышался нарастающий шум, и Шелгрейв отвел взгляд от племянницы. В буфетную ворвался алебарщик. Факел, прихваченный им из башни, бросал алые отсветы на шлем, кирасу и на лицо, перекошенное ужасом. Позади него виднелся Наффертон, а дальше — другие слуги, разбуженные шумом. Они не осмелились войти в буфетную, лишь столпились снаружи.

— Сэр Мэлэчи, ваш пленник исчез! — выпалил солдат.

Шелгрейва пробрало холодом.

— Ты уверен? — спросил он.

— Мы обшарили там каждый дюйм, как только услышали ваш приказ о проверке, — простонал солдат. — Другие продолжают поиски... но мы не видели никаких следов... Как он мог сбежать?! Мы не слышали ни звука! Должно быть, он и в самом деле черный маг! Не иначе как летучие мыши унесли его!

— Прекрати вить, — оборвал его Шелгрейв. — Никакие дьяволы не устоят перед силой Господа!

— Но я... я грешен.

— Как любой человек. Иди разбуди всех, пусть будут готовы к погоне, подними и дневную стражу, и псаря. Мы отправимся через час.

— В темноте?

— Рассвет недалек. А для нас дорого каждое мгновение, пока не остыли следы. — Шелгрейв повернулся к Дженифер и прошептал: — Собаки понюхают твою вонь... или Руперта, если они смешались воедино. У нас достаточно вещей, которых касались вы оба. — И добавил громко: — Поспешите, вы там! Зажгите свет в доме, уложите еду, собирайтесь, как на волчью охоту. А ты, Наффертон, пришли сюда Пруденс Уиткомб... — Он задумался на мгновение. — И Сима, помощника конюха. — Слуги зашумели и засуетились, и Шелгрейв поднял руку, чтобы заставить их умолкнуть; потом грозно произнес: — Поосторожнее, вы все! Вы держали в секрете то, что дьявольский драгун был в этом замке. А теперь я вам велю, под страхом казни, молчать о том, что он сбежал. Весть о его побеге может ободрить бунтовщиков. Так что молчите, пока он не будет скован и увезен в Лондон.

Он хлопнул в ладоши, и слуги разбежались в разные стороны. Отовсюду послышался шум, дом осветился; Шелгрейв и Дженифер остались одни.

Он заговорил с ней почти грустным тоном:

— Не растравляй раны, которые ты нанесла мне, не пытайся утверждать, что ты не имеешь отношения к его побегу.

Она ответила так же печально:

— Что ж, это правда. Я применила военную хитрость. Я надеялась, что, спрятав кольцо и порванное платье, я сумею отсрочить открытие, и побег принца никак не свяжут со мной... Разве не сказал наш Господь, что мужчина и его жена должны помогать друг другу?

Шелгрейв вздрогнул:

— Что было между вами?

— Куда меньше, чем мне хотелось бы.

— Но как ты помогла ему? Ты совершила непростительный грех!

— Я просто спрятала под юбкой веревку и принесла ему, и еще передала записку, в которой объяснила, что успокою собак и провожу его в лес. Ничего больше.

— Думаю, это кольцо заставляет тебя лгать. Наверняка было что-то еще. И если ты откажешься поклясться на Библии...

Дженифер отчаянно затрясла головой.

— Нет?! Ну, тогда я должен предположить нечто куда более серьезное, нежели фантазия влюбленной сучки... тут пахнет колдовством. Это змеиное кольцо должно быть знаком Сатаны, а Руперт освободился не благодаря хитрости, а в результате черной магии. — Шелгрейв поднес руку к горлу девушки. —

Если ты зашла слишком далеко по дороге, ведущей к аду, припомни, что говорится в Священном Писании: «*Ведьме не позволяй жить*».

Дженифер крепко зажмурила глаза, сжала кулаки... потом твердо взглянула на Шелгрейва и сказала:

— Я клянусь тебе именем Христа, я не ведьма. И больше я ничего говорить не стану.

— Ну, тебе придется передумать, — заявил Шелгрейв, оглядываясь. В дверях появился уродливый неопрятный парень, от которого несло навозом.

— Вы меня звали? — спросил он.

— А, Сим, — заметил Шелгрейв. — Я замечал, что ты неплохо справляешься с норовистыми лошадьми. Тут для тебя есть дело, которое тебе понравится. Подожди немного.

Ждать пришлось недолго, потому что вскоре появилась Пруденс. Несмотря на спешку, она была одета должным образом, и лишь непричесанные волосы выглядели явным нарушением правил приличия.

— Что случилось, сэр Мэлэчи? — спросила она уже у входа; потом, заметив Дженифер, торопливо подошла к ней, протягивая руки. — О бедная маленькая овечка! Что случилось с вами? И синяки на щеках...

— Помолчи, — перебил ее Шелгрейв. — Это не овечка, это зловредная коза, помогшая волку ускользнуть из клетки.

Пруденс зажала рот ладонью и вытаращила глаза. Сим хихикнул.

— Ну, вернуть его под замок — это мое дело, — сказал Шелгрейв. — А вы двое тем временем посторожите ее. Не смейте плохо с ней обращаться, но не выпускайте ее из спальни, чтобы она ни с кем не могла встретиться. Еду подавать как обычно, но спать она не должна ни минуты!

— Я не смогу этого сделать, пусть мне даже грозит ад! — протестующе воскликнула Пруденс.

— Ну, зато я смогу, — злобно произнес Сим.

— Ты слышал, что я сказал? Не причинять ей никакого вреда... пока. Но когда она начнет дремать — кричи, тряси ее, коли булавкой, лей воду ей на голову... — Тут он обратился к девушке: — Это наипышнее из известных мне наказаний. И мне бы хотелось, чтобы ты — если осмелишься, конечно, — благодарила Господа за то, что я так милосерден. — И резко закончил: — Вы оба, уведите ее. Я отправляюсь в погоню.

ПОЛЯНА В ЛЕСУ

Над плотной густой массой деревьев небо начинало светлеть, понемногу гася звезды. Трава, покрытая росой, отсвечивала сердиной; стоячий камень казался отлитым из свинца. По поляне стался легкий туман.

Но вдруг тишину нарушили далекий лай собак, крики людей, ржание лошадей. С треском и топотом приближалась погоня.

— Эгей, стоп! — закричал Шелгрейв, вырываясь на поляну. В лесу он потерял шляпу; его круглая лысина белела в темноте, как надгробный камень. — Собаки что-то совсем взбесились!

Гончие и вправду яростно рычали, прыгали и лаяли. Псарь, соскочив с лошади, принялся хлестать их кнутом. «Хей, хей!» — кричал он в общем шуме. Шелгрейв подскакал ближе. Псарь, посмотрев на него, сообщил:

— Они тут учуяли какой-то запах, который довел их до безумия.

— Демон! — донесся голос из толпы солдат. — Хоть бы небеса пожалели нас этой ночью!

— К дьяволам этого демона! — рывкнул Шелгрейв. — Здесь останавливался Руперт! — Конь Шелгрейва заржал и попятился. Шелгрейв натянул поводья и вонзил шпоры в конские бока, заставив того остановиться.

Псарь справился наконец со сворой. В ней была дюжина собак, в основном это были чистокровные гончие, и среди них — три шотландские борзые, с которыми непросто было обращаться. Такими же свирепыми были и лошади Круглоголовых, но в конце концов солдаты утихомирили их. Лишь один конь, без всадника в седле, продолжал бить копытами и ржать, пока чья-то рука в рукавице не схватила его за узду.

Солдаты едва видны были во тьме, лишь иной раз слабо поблескивали латы или оружие.

— Сэр Мэлэчи, — рискнул заговорить один из солдат, — уж слишком тяжело пробираться наугад сквозь темный лес...

— Там есть тропинка, — возразил Шелгрейв.

— Не везде. Да все равно, мы устали. Не лучше ли было бы дожждаться восхода?

— Наша добыча не станет его ждать. — Внезапно Шелгрейв насторожился. — Что это за звук?

Зловещее громкое ржание раздалось над поляной. Туман сгустился, превратясь в чудовищные фигуры. Собаки завывали и сбились в кучу. Лошади снова заволновались. Резкий запах их пота смешался с кислой вонью солдатской амуниции.

— Боюсь, мы вторглись на запретную землю, — прошептал псарь. — Поглядите-ка туда! — Он ткнул пальцем вверх.

Над деревьями, тянущими ветви к Млечному Пути, мерцал тусклый голубой свет.

— Это огни святого Эльма, вестники смерти! Слышите? Со-вы ухают, вороны каркают — они голодны!

— Сэр Мэлэчи, вернемся домой! — взмолился кто-то из солдат. — Если еще не поздно...

Шелгрейв выхватил меч.

— Кто запретил посещать это место? — воскликнул он. — Какие-нибудь паршивые привидения? И чего вы боитесь больше — их мелких пакостей или гнева Господня, который падет на вас, если вы не исполните свой долг?! Вперед, трусливые дворняжки! След ведет отсюда!

Послышался быстро приближающийся звук охотничьего рога. Сырой воздух оставался неподвижным, но словно бы загудел ветер, в небе застучали копыта...

Хлыстом и шпорами Шелгрейв заставил коня подойти к краю поляны и ударил мечом по ветвям и кустам.

— Вот так я обойдусь со всякой поганью! — заорал он, перебивая шум. — Вот так! Если Господь даст мне силы, я добуюсь своего!

Собаки, глядя на него, расхрабрились. Псарь взял двух псов на поводки и повел вокруг поляны в поисках следа. Но сам он то и дело опасливо поглядывал вверх, как и солдаты.

Шум в небе превратился в отчаянный грохот. В ушах у всех гудело и звенело от невидимого шторма, топота копыт и воя. И вот над вершинами деревьев появился всадник. Ясно видны были олени рога на его голове. Всадник загудел в рог, и звук этот проник в мозг и кровь солдат.

— Это Дикий Охотник! — взвизгнул один из солдат. Он вцепился в поводья, развернул присевшего коня и рванул в сторону дома.

Но Шелгрейв мгновенно очутился рядом с ним. Пришпорив свою лошадь, он схватил солдата за плечи и дернул. Круглоголовый вылетел из седла, грохнулся на землю, прокатился и тут же сел, изумленно вытаращив глаза.

Тем временем призрачный охотник исчез. Солдаты слышали удаляющийся шум охоты, но наконец до их ушей дошли и громкие насмешливые слова Шелгрейва:

— Ну, может, это и вправду был он — старое пугало для баб, старух и младенцев. Только не видно что-то, чтобы он мог причинить вред здоровым парням. Эй, вы меня слышите? Можно теперь не сомневаться, что Руперт вступил в сговор с силами ада, и его прислужники попытались сейчас встать нам поперек

дороги. Но после того как мы разбили его при Марстон Муре и заставили разбежаться его бандитов... разве не ясно, что ад на самом деле бессилен? И все эти языческие духи слишком ничтожны, они могут лишь насылать бестолковые привидения. Не обращайтесь на них внимания, или прокляните их, если думаете, что они могут причинить вам неприятности. Но не смейте бояться их! — Он тронул коня с места, взмахнул мечом. — Собаки лают! Железнобокие, вперед! Еще до рассвета мы должны найти нашу добычу!

Солдаты слегка взбодрились и становились все храбрее по мере того, как затихал шум дикой охоты. Собаки взяли след и помчались по лесной тропе. Псарь и упавший на землю солдат вскочили в седла. Шелгрейв запел гимн войны. И вскоре хриплые голоса солдат поддержали его.

Глава 9

ГОРА НАД ДОЛИНОЙ

Когда Руперт и Уилл добрались до гребня горы, левый склон уже осветили солнечные лучи. Внизу пестрели солнечные пятна, тени и остатки утреннего тумана. Яркие зеленые пастбища украшались островками желтых и белых цветов. В нескольких милях от всадников виднелись два небольших коттеджа, полускрытые купами деревьев; неподалеку пастушонок, опершись на посох, вытаращил глаза на путешественников.

Позади, на севере, у самого горизонта, новые фабрики уже начинали пачкать небо дымами.

Руперт ударил пятками по ребрам лошади.

— Ну, вперед, дохлый иноходец! — сказал он, однако конь и не подумал трогаться с места.

— Мне, конечно, не нравятся лошадиные бунты, — заметил Фарвелл. — Но, хотя мое сердце рвется вперед, моя задница радуется отдыху. Королевство за седло!

Руперт расхохотался:

— Ну, если твоя задница хочет начать призыв к мятежу, держись от меня с подветренной стороны. И где то королевство, которое ты готов отдать?

— Ну, это то самое, которое мы едем завоевывать, может, оно и в Америке, но я бы туда доехал, будь у меня седло. А пока, мой лорд, приходится довольствоваться песенками жаворонков да сладкими запахами... хотя, что касается птичек, я бы предпочел их подстрелить, будь у меня ружье поменьше калибром... и мне бы куда больше нравилось путешествовать не с такими

предосторожностями, как сейчас. Но вообще-то, сдается мне, самое время перекусить. Может, остановимся? — Уилл открыл засаленный кожаный мешок, висевший у него на поясе, и внимательно посмотрел на хлеб и сыр, лежавшие в нем.

Руперт кивнул с отсутствующим видом, занятый какими-то размышлениями.

— Если припомнить карту местности... — пробормотал он. — Вон там, прямо — Честер, примерно в сотне милях, или чуть меньше. Можно надеяться, что там остались еще наши друзья. А если нет — то все равно через него мы доберемся до Северного Уэльса, где народ хранит верность королю...

— Мой лорд! — воскликнул Уилл. — Внимание!

Руперт резко обернулся, схватившись за рукоятку меча.

— Что такое?

Фарвелл, откинув назад соломенные волосы, приложил ладонь к уху.

— Погоня. Борзые. Вы их слышите?

Сквозь шорох травы, шелест деревьев, песенку жаворонка едва слышались другие звуки.

— Возможно, какой-то сквайр охотится на лисицу, — сказал Руперт. В его голосе не слышалось ни малейшего волнения. — Или даже на оленя... ведь в наши дни любой шут может грабить короля.

— Может быть, — скептически откликнулся Уилл. — Вот только слишком уж они быстро приближаются. — Он ударил по шее лошади грубыми веревочными поводьями. — Лучше нам поискать какой-нибудь уютный уголок... Может, вон там?

— Разве мы спрячемся от собак? — возразил Руперт. — Ну, по крайней мере, они вынудят нас остановиться. Хэй! — И он пустил лошадь в галоп; Фарвелл последовал за принцем.

Вскоре охотники показались на гребне горы, в поле зрения принца и его спутника. В солнечных лучах вспыхнул металлический блеск.

— Это блесит оружие, — сказал Руперт.

Уилл стиснул руки. Его небритая физиономия перекосилась.

— Ох, Бог ты мой, генерал! Похоже, они хватились вас не позже чем через час после бегства!

— Да, похоже на то. Хотелось бы знать, как... — В глазах принца мелькнула боль. — Бедная Дженифер...

Через мгновение он встряхнулся и сказал негромко:

— Нет. Я должен надеяться на лучшее. Я ведь видел, с какой любовью всегда смотрел на нее ее дядя... лишь в этом он не лицемерил... Если он и накажет ее, он не будет слишком суров, я уверен.

— Зато не поцеремонится с нами, — заявил Фарвелл. — Что будем делать, сэр?

В Руперте мгновенно проснулся боец.

— Двинемся вперед, — сказал он. — Поищем такое место, где они не смогут взять нас живыми и где им придется немало заплатить за нас...

— Особенно за мой нос.

— ...если нам не повезет. — Руперт, прищурившись от солнца, огляделся по сторонам, потом обратил внимание на долину внизу. Туман уже рассеялся, и стали ясно видны семафоры и железнодорожная ветка. — Вопреки твоему желанию, Уилл, я предпочитаю вот это направление, потому что там, возможно... Отправляемся вниз. Там больше возможностей укрыться, или...

Он пустил лошадь вниз по склону.

На какое-то время их преследователи скрылись из виду. Когда же они вновь появились, то очутились уже настолько близко, что можно было различить детали: отряд состоял из восьми человек в шлемах и латах, одного в темной пуританской одежде и одного в красном кафтане; человек в красном управлял сворой собак. Завидев впереди двоих всадников, он затрубил в охотничий рог.

— Да, это и вправду Шелгрейв, — проворчал Руперт. — Он догонит нас через несколько минут. Э-гей! — Выхватив меч, принц вонзил шпоры в тощие бока лошади, заставляя ее перейти в галоп. От всадника требовалось немалое умение, чтобы удержаться на неоседланной кляче. Уилл скакал позади, вцепившись в гриву своей коняги и колотя ее пятками что было сил. Склон закончился, они почти добрались до железной дороги. Но Круглоголовые не слишком отставали, они громко вопили, а псы заливались яростным лаем.

Внезапно послышалось странное уханье. Из-за поворота, скрытого откосом, милях в двух к югу от всадников, показался поезд.

Кольцо Руперта вспыхнуло ярким светом. Но принц не заметил этого.

Локомотив пыхал дымом, гудел, рассыпал искры — он выглядел мрачным черным чудищем в этом мирном ландшафте; но принцу показалось, что ничего более прекрасного он в жизни не видывал. За локомотивом громыал тендер, а следом тащились полдюжины пустых открытых платформ. Должно быть, этот поезд подвозил уголь к фабрикам.

Конь Руперта захрапел и попятился.

— Ну-ну, безобразник! — похлопал его по холке принц. Ему удалось успокоить и подбодрить животное. — Ну, от-

лично, мой храбрец, отчаянный коняшка... — Оглянувшись через плечо, он увидел, что более темпераментная лошадь Уилла взбрыкивает и норовит встать на дыбы. Принц весело крикнул: — Спасибо, приятель, что нашел для нас таких спокойных лошадок!

Уилл выругался, едва справившись с конем. И они помчались вперед. Принц, на глаз прикинув расстояние до рельсов, словно слился воедино с конем и достиг дороги за несколько ярдов до приближающегося поезда. Гравий скрежетал под копытами. Машинист что-то прокричал негодуя, но его слова нельзя было расслышать сквозь грохот и металлическое лязганье. Машинист потянул за шнур; раздался визгливый свисток. В этот момент лошадь Руперта споткнулась, но принц успел соскользнуть с нее. Жара, пар, вонь машинной смазки хлынули на Руперта. Он ухватился за поручень и одним прыжком вскочил на платформу локомотива.

Перепахканное сажей лицо машиниста исказилось гримасой ужаса. Кочегар оказался похрабрее и замахнулся на Руперта лопатой. Принц левой рукой выхватил ее. Он был почти на фут выше обоих противников. Его меч взлетел в воздух. Принц прокричал команду. Паровозная бригада тут же забралась в тендер и замерла там на куче угля. Съежившись и что-то бормоча, машинист и кочегар наблюдали, как принц управляется с рычагами, как регулирует давление и нажимает на тормоза.

Поезд замедлил ход. Уилл Фарвелл свалился с лошади и, спотыкаясь и путаясь ногами в траве, добрался до поезда. Когда он уже взбирался наверх, на него бросились гончие. Он выхватил саблю... кровь брызнула алым фонтаном, несколько собак упали на траву, остальные бросились в стороны, визжа и завывая. Круглоголовые тем временем пытались справиться с лошадьми, напуганными локомотивом.

— Быстрее, Уилл! — крикнул Руперт.

Драгун поднажал. На удивление скоро, несмотря на всю свою неуклюжесть, он догнал локомотив. Руперт махнул рукой машинисту и кочегару, и те, поняв его намерение, отскочили в сторону. Руперт перегнулся через поручень, схватил Фарвелла за руку и втащил его на платформу.

— Вот здесь топка, — сказал принц. — Хватай лопату и швыряй в нее уголь, словно за тобой гонится сам дьявол... если, конечно, хочешь остаться в живых.

Принц дернул за шнур, дав свисток, и зазвонил в колокол, чтобы еще сильнее напугать лошадей Круглоголовых. А потом взялся за рычаги, и локомотив начал набирать скорость. Уилл, прежде чем взяться за работу, показал «нос» преследователям.

Поезд был уже далеко, когда отряду Шелгрейва удалось восстановить порядок. Какое-то время солдаты молча глядели вслед локомотиву, и тишину нарушало лишь тяжелое дыхание лошадей. Собаки устало разлеглись в траве.

— Ну, сэр Мэлчи, — сказал наконец псарь, — что мы теперь будем делать?

Шелгрейв выпрямился. Несмотря на бледность и моргающие глазки, он в этот момент выглядел куда более Железнобоким, чем его солдаты.

— Разумеется, мы передадим вперед сообщение! — рявкнул он. — А если это не работает... Я потом решу. — Он прищипнул коня. Но тот был способен лишь идти неровным шагом.

У СЕМАФОРА

У второй семафорной станции Руперт остановил поезд. Семафор представлял собой высокий деревянный каркас, на котором крепились два крыла, выкрашенные в яркую полоску, с наколочниками из полированной меди. Крылья при помощи системы блоков и веревок соединялись с двумя лебедками, находящимися снизу, — они приводили в движение весь аппарат. Лебедки располагались под дощатым навесом, откуда сейчас и выбежал торопливо оператор. На семафорах служили обычно либо мальчишки, либо старики, получавшие нищенскую плату. Работа не требовала острого зрения, хотя семафоры и располагались довольно далеко друг от друга. Просто операторов снабжали подзорными трубами.

— Что-то не в порядке? — дрожащим голосом спросил старик. (Руперт с шумом спрыгнул на землю — огромный, окруженный облаком пыли и пара.) Оператор всмотрелся в него. — Нет, вы не машинист, на вас нет формы... у вас волосы до плеч... Боже, спаси и сохрани, да вы Рыцарь!

— Я не причиню тебе вреда, старик, если ты не будешь шуметь... — сказал Руперт. Он подошел к лебедкам, выхватил меч и рассек все веревки, а потом связал их в тугой запутанный узел. — Нам нужно, чтобы какое-то время связь не работала. Так что... да, и еще я заберу эту отличную подзорную трубу.

— Э, и еще шифровальную книгу! — добавил Уилл, стоявший на платформе локомотива и с опаской поглядывавший на пульт управления. — Она нам пригодится, ее можно бросить в топку. Держу пари, книжица будет поважнее веревок и даже подзорной трубы. Интересно, какие подачки кидают постномордые пуритане тем, кому охота тратить время на их литании?

Руперт усмехнулся:

— Видит Бог, у тебя есть голова на плечах!

— Это нарочно для того, чтобы помочь вашему делу, мой лорд. Но если мой кадык перестанет держать такую тяжелую башку, меня в момент повесят!

— И все-таки жечь книгу мы не станем, — решил Руперт. — Попозже, когда мы разрушим еще несколько звеньев связи, мы сможем отправить наше собственное сообщение. Я об этом подумаю.

Нанеся еще несколько ударов по блокам и веревкам и убедившись, что восстановить оборудование теперь невозможно — нужна полная его замена, Руперт вошел в кабинку оператора, взял толстую книгу и едва заметно улыбнулся, взглянув на титульный лист, где было указано, что печатник, выпустивший шифры, получил свое свидетельство несколько лет назад как «придворный книгоиздатель и торговец канцелярскими принадлежностями». Выйдя из кабинки, принц сказал:

— Будь добр, старик, дай трубу. Не бойся гнева твоих нанимателей. Ты же ничего не можешь поделать против нас.

— Это верно. И слава Богу, сэр. — Старик протянул принцу инструмент.

Руперт вздернул брови и внимательно посмотрел на маленькую сторбленную фигурку в поношенной одежде.

— Так ты предан королю?

— Умоляю, не говорите так громко! — испуганно ответил оператор. — Ведь тогда меня выкинут отсюда, чтобы я умер с голоду... ну, это бы и неважно, мне все равно с тех пор, как моя Сара докашлялась до смерти... как я умолял, чтобы мне дали немножко угля, и я мог бы согреть ту конуру, в которой мы жили... но после выплаты налогов, да когда еще купишь немножко бобов — что остается?.. Нет, сэр, я боюсь не за себя. Наш с Сарой сын, наш единственный сын остался в живых, и его жена, и наши внучата... все они работают на фабрике да на путях в Брэдфорде, и что станет с ними? Они и так вечно голодны... — Старик попытался выпрямиться, чтобы встретить взгляд Руперта, но он слишком долго ходил согбенным... — Во времена моего детства все было по-другому, — продолжил он. — Я-то застал лучшие времена, и теперь проклиная этот прогресс... Ну конечно, не скажешь, что наш сквайр был ангелом, нет, сэр. И не таким уж это было удовольствием — махать серпом от восхода до заката, пока коленки не задрожат, и нет сил удержать сынишку на руках... Но, сэр, мы принадлежали сквайру, и у нас были не только обязанности, но и права, восходящие еще ко временам графа Сиварда. Да, сквайр заставлял нас вертеть его жернова, загонять для него дичь,

а уж если мы попадались на ловле его зайцев, нам задавали трепку или на целый день запирали в чулан... Но, сэр, клянусь Богом, сквайр никогда не огораживал выгоны для скота и никогда никого не лишал дома, а его леди не оставляла без помощи больных и старых... да, сэр, храни Господь короля!

Уилл затоптался на месте.

— Ваше высочество, мы ведь не слишком еще далеко уехали, — напомнил он.

— Да. Разжигай огонь для нашего железного слона. — Руперт похлопал старика по тощему плечу, повернулся и вскочил на платформу локомотива. Застучала лопата Уилла, загудело пламя в топке, дернулись рычаги колес, и локомотив тронулся с места.

Старик-оператор, стоя под громадиной семафора, махал рукой, пока поезд не скрылся из глаз.

ДАЛЬШЕ К ЮГУ

Окрестности оставались холмистыми, но пастбища постепенно уступали место полям. Пшеница волновалась под легким ветерком; зелень лугов отливала изумрудом. Местами виднелись ряды косцов, за которыми шли женщины с граблями. Среди больших поместий здесь еще сохранились свободные фермы, с домами наполовину деревянными, наполовину кирпичными, и яблоневыми садами. На запад плыли огромные голубоватобелые облака.

Поезд с грохотом мчался вперед. Руперт внимательно следил за показаниями приборов и за рельсами. Его радовало ощущение скорости, биение мотора... Жар и дым казались веселым дыханием свободы. Ни земные, ни небесные силы не могли остановить движение. Принц громко рассмеялся и запел кавалерийскую песню, которую слышал во время войны на континенте, время от времени дергая шнур свистка.

*Morgenrot,
Morgenrot,
Leuchtest mir zum frühen Tod?
Bald wird die Trompete blasen.
Dann muss ich mein Leben lassen,
Ich und mancher Kamerad!*

Уилл Фарвелл, набросав полную топку угля, тяжело вздохнул и отставил в сторону лопату. Потом дотронулся до руки принца.

— Послушайте, мой лорд... — Когда принц оглянулся, он продолжил, стараясь перекрыть шум локомотива: — Может, я и нехстати об этом, раз уж Господь послал нам этот кипящий чайник для спасения, только вот где мы возьмем для него огоньку, когда он все сожрет? Пожалуй, впереди нас ничего хорошего не ждет, одно гнездо бунтовщиков едва ли лучше другого...

— Верно. Ну, придумаем что-нибудь, я знаю местные дороги. Уилл вытаращил глаза.

— Знаете? Ну, я никогда не верил рассказам о том, что ваше высочество умеет разговаривать со зверьми, но сейчас... вам что, о дорогах местные мышки рассказали?

Руперт, поглядывая на пульт управления, объяснил:

— Видишь ли, я всегда интересовался искусством механики не меньше, чем искусством гравировки и алхимии. В этом мы с сэром Мэлэчи оказались похожи. И он был просто счастлив поговорить о том, что он уже сделал и что планирует. Без сомнения, он-то думал, что это может помочь обращению меня в его веру... — Взгляд принца стал темнее саж, покрывшей его лицо.

— Ну да, — заметил Уилл, — а потом бы они во имя Духа Святого умили вас голодом.

Руперт кивнул.

— Все может быть... Ну, — продолжил он, — среди многого другого Шелгрейв дал мне множество сведений о железных дорогах для его личных поездок и позволял водить паровоз, когда мне того хотелось — ну конечно, солдаты постоянно держали меня под прицелом. И мы много говорили о том, что делает сам Шелгрейв и его друзья-магнаты и на что надеются в будущем. Не могу отрицать, замыслы у них грандиозные. Я видел карты, расписания, счета за доставку грузов; и, естественно, я знакомился с подобными вещами раньше, когда готовил нашу военную кампанию. Железных дорог в Англии не так уж много, а полководец обязан иметь хорошую память. Короче говоря, я знаю всю эту паутину, как никто другой. Ну а если учесть, что лишь мне известно, какие участки путей взорвали Рыцари... даже Шелгрейву это неизвестно.

— Так, значит, у генерала уже есть план? — Уилл поскреб щетинистый подбородок. — Глупый вопрос, да. У генералов всегда есть планы. Или наготове хитрость, или заговор, или еще что-нибудь в этом роде.

— Может быть, Господь посодействует нам... Я верю, он хочет нам помочь, ведь позволил же он строителям проложить эти дороги — как раз перед тем, как началась война... и мы можем обойти стороной такие опасные для нас большие города, как Манчестер или Шеффилд. Мы можем пополнить запасы

угля и воды в Бакстоне, он уже недалеко. Вряд ли в это тревожное время тут ходит много поездов, так что я полагаю — на станции будет немного служилого люда, и мы вполне сможем с ним управиться. И нам необходимо еще передать вперед сообщение, а ему поверят только в том случае, если оно пойдет с крупного узла.

— Сообщение, сэр?..

— Ну да, мы просемафорим в Сток-Трент, там нам снова понадобится утолить голод и жажду этой железной скотины. Я передам, что мы едем со специальным заданием и что нам обязаны оказывать всяческую помощь, несмотря на нашу внешность. В Сток-Тренте мы свернем на линию, ведущую на запад. Та ветка, что идет к Честеру, разрушена, а даже если ее и восстановили — она в руках неприятеля. Но та, о которой я упомянул, заканчивается в Лланголене. Оттуда я рассчитываю отправиться на юг — там планировали провести дорогу, связывающую Уэльс, точнее, его угольные шахты, с мидлэндскими мануфактурами. Война остановила это строительство, и Лланголен остался маленькой станцией, мало кого интересующей... а Уэльс остался для короля.

— Мудро задумано, ваше высочество, — просиял Уилл. — Достоинно завоевателя Повик-Бриджа, Эдж-хилла, Брентфорда, Бирмингема, Уайтбриджа — где вы разгромили неприятеля еще до завтрака, а потом спокойно вернулись к себе, чтобы закончить бритье... и еще Бристоль, Ньюмарк... — Внезапно у него перехватило в горле. — Ох, мой лорд, простите меня, я бы не хотел... ну, в общем... Ох, смотрите!!!

— В чем дело? — резко спросил Руперт.

Уилл ткнул пальцем сквозь летящую вокруг золу. Далеко впереди виднелся плюмаж белого дыма; он быстро приближался.

Руперт схватился за подозрную трубу.

— Ого, другой поезд на нашей линии! — проворчал он. Мускулы его напряглись, вздув рукава истрепанной, почерневшей рубахи. — Да, я боялся чего-то в этом роде... Но странно, что это случилось именно здесь. Впрочем, мы ведь идем вне расписания — хотя эта ветка сейчас почти не эксплуатируется...

Уилл плюнул на лопату.

— Ну, по крайней мере, мне не придется пока что махать тобой! — И тут же обратился к принцу. — Ваше высочество, я ведь... э-э... старый лесничий... если это можно так назвать... а вон там, сразу за ржаным полем, неплохой лесок, и, если мы туда быстренько отправимся, вряд ли мы кого-то встретим по пути.

— Э нет, ты не покинешь нашего преданного железного коня, верно ведь? А с тем, что наступает на нас, я сам разберусь. — Руперт расхохотался. — Кидай уголек! — И он вернулся к пульту управления.

Уилл, хотя и выглядел изрядно напуганным, принялся за работу.

— Ну, — пробурчал он, — если мы собираемся поиграть в Робина Гуда на мосту, то вам впору назваться Малюткой Джоном.

Машинист встречного поезда дал отчаянный свисток и резко затормозил. Паровоз, громыкая и скрежеща, остановился. Руперт остановил машину более плавно, и так, что скотосбрасыватели обоих поездов почти соприкоснулись.

— Ты кто такой, наглый бродяга, негодяй! — заорал машинист встречного поезда. — Какой ненормальный диспетчер отправил тебя сюда? Назад, осаждай назад!

Руперт ответил так же громко, но куда более спокойно:

— Мы ведь уже совсем рядом с Бакстоном. И будет куда лучше для нас обоих, если ты уступишь дорогу.

Дородный рыжеволосый машинист взмахнул кулаком; похожий на медведя кочегар повторил его жест.

— Болван! — закричал машинист. — Прочти надпись на моем котле: «Вестминстер, Бирмингем — Манчестер»! А ты, местная шушера, имеешь наглость просить, чтобы я вышел из расписания?!

— Ну, война оставила от вашей важной линии одни обломки. Веди себя разумно, дай задний ход. У меня дело куда более важное, чем доставка тканей или даже пива, если оно есть в твоих вагонах.

Машинист схватил гаечный ключ.

— Я тебе покажу важное дело!

— Ох, да неужели, приятель? — И Руперт взмахнул мечом. Он бросился вперед, как тигр, в мгновение ока перепрыгнул на встречный локомотив и встал, возвышаясь над машинистом и кочегаром, неторопливо размахивая грозным лезвием.

— Мне казалось, это было бы по-христиански, если бы ты сделал мне одолжение, — промурлыкал принц. Гаечный ключ и лопата кочегара с грохотом упали на пол. Паровозная бригада с разинутыми ртами уставилась на гиганта с мечом в руке. — Ну, если вам так уж противно оказывать мне любезность, что ж, я сам это сделаю, и даже позволю вам прокатиться в одном из ваших вагонов, правда, хорошенько запру дверь. Ну, спускайтесь вниз, да не пытайтесь удрать. У меня ноги подлиннее ваших, это нетрудно заметить.

Уилл снял запор с двери одного из багажных вагонов, открыл его и заглянул внутрь. После этого Руперт загнал пленников в вагон.

— Я так понял, мой лорд, что вы решили сменить поезд. — (Руперт кивнул.) — Прошу вас, одну минутку. Я хочу тут посмотреть... — Он заглянул в следующий вагон и издал радостный вопль. — Э, тут и в самом деле пиво, полные бочонки, настоящий темный эль! Пожалуй, мы не помрем от жажды, хотя, конечно, вполне можем уписаться!

— У нас пока что полные резервуар и тендер, — сказал Руперт. — До Стока, и даже дальше, мы могли бы и не останавливаться, но нам нужно послать сообщение. — Он погладил рукоять меча и ножны. — Итак, пока что удача с нами!

Через несколько минут пустой северный локомотив одиноко стоял на рельсах, глядя, как его южный собрат уверенно движется задом наперед.

Глава 10

БАКСТОН

Как и предполагал Руперт, маленький городок теперь был безлюден, в отличие от старых времен, когда туда приезжали люди ради его минеральных источников. Казалось, он дремлет среди высоких холмов, окружающих его, под небом, наполовину закрытым белоснежными облаками: одна центральная широкая улица, застроенная роскошными старыми особняками, рыночная площадь с прелестным древним распятием в центре... Редкие дома стояли вдоль извилистых боковых переулков, и на востоке среди них красовался роскошный дворец, воздвигнутый в елизаветинские времена.

Железнодорожная станция располагалась на берегу реки Вай; там можно было качать воду прямо из реки и постоянно держать полными запасные резервуары. Здесь были и обычные бункеры для угля, маневровый парк, семафор, депо — все запущенное и посеревшее от пыли. Подведя локомотив к станции, Руперт скривился.

— Такое уродство, как здесь, сродни богохульству, — сказал он. — Неужели нельзя было разбить сад, как в других местах?

— Тут был прежде садик, мой лорд, — Уилл показал на заросшие сорняками грядки. — Только можно не сомневаться, что сюда прислали нового начальника — пуританина, а его мозги заняты вещами куда более высокими, чем цветочки и ка-

пуста. — Он присмотрелся к бочке, привязанной к скамье на платформе. — Не пора ли нам немножко заняться этой штукой? Это же просто стыд, мы просто употели, пока пристроили тут эту бочечку, и теперь просто смотрим на нее, а пиво внутри так и плещется!

— Лучше нам поискать что-нибудь съестное, — напомнил ему принц. — Или же продолжать путь, у нас слишком важное дело.

Он прикинул взглядом, как им выбраться через путаницу станционных путей к южной ветке. Его опыт машиниста был не слишком велик, а за локомотивом тащились шесть вагонов... Очень осторожно принц тронул поезд с места.

Из здания станции выбежал начальник, высокий костлявый человек с коротко подстриженными седыми волосами, в темной, мрачной одежде. Его лоб пересекал шрам. Начальник станции сильно хромал, но выглядел при этом весьма свирепым.

— Ветеран-Круглоголовый, вместо пенсии получил это местечко, — пробормотал Руперт, повернувшись к Уиллу. — Обращайся с ним, как с горящей петардой, если хочешь благополучно выбраться отсюда.

— Стоять! — закричал пуританин. — Что все это значит?

Руперт повиновался, локомотив выпустил струю пара и замер. Принц склонился через поручень и сказал:

— Ситуация ужасная. Бандиты.

— А... но у тебя папистские космы на голове!

— Нет, сэр, погодите... Да, я сражался за короля, но попал в плен и понял, что его дело — неправое, и я стал человеком сэра Мэлчи Шелгрейва... вы слышали это имя? Мы с товарищем ехали в вагоне, тайно — как стражи, но на нас напали грабители, к северу отсюда. Мы не ожидали их там встретить и слишком поздно заметили, что пути забаррикадированы. Прежде чем мы успели что-то предпринять, машинист и кочегар были убиты. Потом мы погнались за бандитами и расправились с ними, но вперед двигаться не могли, так что нам пришлось вернуться.

Пуританин не шелохнулся, слушая гладкую историю Руперта.

— В самом деле? — произнес он наконец. — Дурная новость. Позвольте мне взять книгу кодов и передать сообщение, немедленно. — И он, хромая, скрылся в станционном здании.

— Наблюдай отсюда, — шепнул принц Уиллу. — А я по слежу за ним. — Он спрыгнул на вымощенную камнем дорожку вдоль путей и быстро направился к дому.

В дверях неожиданно показался начальник станции. На его поясе висел пистолет, а у плеча он держал короткоствольное ружье, целясь в принца.

— А ну, брось меч! — завизжал он. — Руки вверх, пока я не разнес вдребезги твои предательские мозги!

Руперт замер. Он видел, что палец пуританина напрягся на курке.

— Я это сделаю с большим удовольствием, Рыцарь! — сказал пуританин.

Руперт медленно поднял руки.

— Вы сильно ошибаетесь, сэр, — заговорил он, подумав: «Как бы это ружьишко не разнесло вдребезги все мои надежды...»

— Ну, это мы посмотрим, — последовал ответ. — Если соответствующие власти подтвердят, что ты честный человек, ты получишь свободу, но предосторожность никому еще не мешала. Но нынче чертовски много вокруг всяких бродяг, и хуже того — дезертиров-Рыцарей. И я думаю, вы двое как раз таковы. Но лучше быть повешенным завтра, чем застреленным сегодня, верно? — И он громко закричал: — Ты, на локомотиве! Дерни свисток, мне нужна помощь!

Уилл наклонился вперед, поднеся ладонь к уху.

— А? — сказал он. — Что?

— Дерни шнур свистка, ты, дохлятик! Или получишь очень горькую пилюлю после того, как я расправлюсь с твоим приятелем!

— Сэр, я совсем ничего не слышу, — сообщил Фарвелл неживым голосом, свойственным глухим. — Я вижу, вы чем-то изволнованы... Может, вы нас в чем-то подозреваете? Ну, я не могу вас винить, нет, не могу. Только мы-то шерифа не боимся. А я рад буду вам помочь, вы только скажите, чего вы хотите, ну, подойдите поближе, чтобы я мог расслышать.

Пуританин настороженно взглянул на Руперта.

— Стой на месте! — приказал он. И боком, не отводя дула ружья от принца, подобрался к локомотиву.

Уилл глупо ухмылялся, глядя на начальника станции.

— Вот, видите — я бросаю саблю, я вам верю, — сказал Уилл. Его сабля упала на камни, а Фарвелл еще сильнее склонился через поручень. — Пожалуйста, сэр, ближе и громче!

«Он что-то задумал, — сообразил Руперт. — Когда Круглоголовый подойдет совсем близко, я должен отвлечь его внимание».

— Эй, остерегись! — рявкнул принц во всю силу своих легких.

Пуританин вздрогнул и оглянулся, а Фарвелл в то же мгновение перескочил через поручень. Его башмаки ударили пури-

танина, и Уилл вместе с начальником станции покатались по камням. Ружье выстрелило.

Руперт метнулся к ним. Фарвелл и пуританин пытались задушить друг друга. Руперт, схватив Круглоголового за ухо, повернул его голову и ударил кулаком в подбородок. Пуританин свалился без чувств.

Уилл поднялся на ноги.

— Вот это ударчик! — выдохнул он. — Меня и то встряхнуло. Вы что, убили эту деревенщину?

— Нет, очнется... Но ты... — Руперт сжал тощие плечи Уилла. — Ох, Уилл, он ведь мог убить тебя!

— Да мне только малость усы подпалило, сэр, и все. — Он вздрогнул. — Вот дурак-то этот парень! Не понял, что ли, что мне-то лучше быть пристреленным прямо тут, чем потом качаться на веревке? — И усмехнулся. — Да уж, доставили мы ему хлопот!

Руперт оставался серьезным; все еще держа Уилла за плечи, он медленно произнес:

— Мой доблестный друг, не называй меня больше лордом. С этого дня и впредь будем на «ты».

— Чего? Ну... Что-то я не понимаю ваше высочество.

— Но разве это не по-английски? В Германии тоже так — если два человека крепко подружатся, они говорят друг другу «du» — «ты», а не «вы». Мне бы хотелось, чтобы между нами было так.

Драгун покраснел и переступил с ноги на ногу.

— Ну, вообще-то, сэр, это правильно... Мне вечно приходится ломать язык, говоря с вашим высочеством. Вот только...

Руперт нахмурился:

— Я этого хочу.

Фарвелл вытянулся по стойке «смирно».

— Да, сэр! Если вы... ты этого хочешь, так и будет. Ну, только я думаю, можно не выполнять приказ, если мы вдруг очутимся среди важных лордов вроде вашего... твоего высочества? — Он яростно потер нос. — Сэр, у нас ведь нет времени на болтовню. Выстрел кто-нибудь да услышал, могут солдаты появиться.

Руперт кивнул:

— Ты прав. Забери свою саблю. Перезаряди ружье... наверняка там, на станции, есть и пули, и порох... а хозяина свяжем и втащим внутрь; если же сейчас кто-нибудь явится, скажем, что у нас срочное и секретное официальное дело. Но сомневаюсь, что тут есть большой отряд. И все же мы должны поспешить. Я отцеплю вагоны, разверну локомотив, передам по телеграфу сигнал о нашей специальной миссии... чтобы для нас был

свободен путь, наготове припасы для людей и машины... а потом сломаю семафор. С Божьей помощью, за час управимся.

— Надеюсь, у нас найдется время промочить глотку, — сказал Уилл. — После такого-то часа мои кишки вовсе сохнут, а тут у нас отличный напиток. Немцы такого и не видали!

ГРАНИЦА ЧЕШИРА И ШРОПШИРА

Восточные области затянуло облаками, шел дождь. День был голубовато-серым; изредка сквозь плотные тучи прорывался солнечный луч, заставляя зелень лугов и листву вспыхивать, словно они вдруг освещались внутренним светом. Между холмами, становившимися все выше и круче, виднелись фермы да изредка — маленькие деревушки возле железной дороги. Завывание холодного ветра не могло заглушить даже пыхтение и лязг локомотива.

Уилл съезжился, держа руки над огнем топки.

— Бр-р-р! — вырвалось у него. — Почему тут не устроены стены и крыша?

— Что, вроде кабины рулевого на корабле? — спросил Руперт.

— Ну а почему и нет?

— Деревянная кабина легко может загореться от искр из топки.

— А, ну да, а железная слишком дорого стоит. Куда дешевле сменить кочегара, когда он схватит лихорадку. Хотя пуритане-то наверняка говорят, что это сделано потому, что на открытом воздухе и характер укрепляется, и мораль!

Руперт прикрутил вентиль, регулирующий давление.

— Веселее, друг! До ночи мы должны добраться до Лланголена.

— Неужели нельзя подождать до завтра, а на ночь подыскать какую-нибудь сухую нору? А то, похоже, принц-курфюрст может заслужить прозвание мокрой крысы, если, конечно, не считать того, что у крыс куда больше здравого смысла.

Руперт покачал головой:

— В Бакстоне мы уже столкнулись с неожиданностью, и это чуть не кончилось плохо для нас. И не забывай, как подозрительно отнеслись к нам в Стоке...

— Ну, все-таки они нас неплохо загрузили. Один окорок чего стоит!

— ...а ведь они получили наше сообщение. Если бы по всей округе не бродили захватчики Кромвеля, и просто трудно представить, что кто-то может проскочить мимо них, в Стоке нас,

пожалуй, задержали бы для расследования обстоятельств. Так что... да ведь ты и сам видел сожженные дома. Знать бы, как далеко продвинулись Круглоголовые! Нас могут остановить где угодно, даже у самого Уэльса.

Уилл закрыл дверцу топки и встал.

— А разве вы не можете поспросить свое кольцо?

Руперт недоуменно посмотрел на него:

— Ты о чем?

Драгун ткнул пальцем в серебряного змея. Камень на его голове казался тусклым.

— Да кольцо, что дала вам королева Титания. Направьте его на любой дом, мимо которого мы проезжаем. Если там могут нам помочь, оно засветится. — Уилл поежился и чихнул. — Правда, а вдруг найдется для нас сухой приют на ночь, а то и хороший ужин с чарочкой доброго вина... Ну все равно вреда не будет, если попробовать, а? — Он отчаянно зевнул, едва не вывихнув челюсть. — Мы же со вчерашнего утра не отдыхали. Твое-то высочество молод и закален, как сталь, да неужто тебе не жаль старичка, который жуть как хочет вздремнуть и у которого глаза просто сами собой закрываются, а?

Руперт нахмурился, глядя на грани камня, и потер небритую щеку.

— Н-да... чем дальше мы от той лунной поляны, тем менее реальным мне все это кажется. *Что* на самом деле произошло там? *И почему?*

— Ну, зато колечко вполне реально светилось утром, и сбоботало, как маяк, когда мы увидели поезд, который нас выручил.

— В самом деле? Я не заметил.

— Зато я заметил, мой лорд. Может, это потому, что я-то спрятал бы такую штучку подальше, а ты — нет, вот я за ней и присматриваю...

— Ну что ж... увидим, кто из нас прав. Но насколько я могу повиноваться этой безделушке?

— Э, тоже увидим! Но вы же не станете его выбрасывать, верно?

Плечи Руперта чуть ссутулились от усталости, голос звучал хрипло:

— Я по-настоящему тебе благодарен, верный Уилл, тебе и... Дженифер... и, наверное, тем, другим... Не знаю, насколько можно им доверять. Они могут оказаться яркой приманкой, под которой — бездонная яма... Или же они — обманщики, заставившие нас броситься сломя голову неведомо куда... они ведь не люди. Да если у них и добрые намерения — все равно

глуп тот, кто играет с огнем. И, может быть, еще большая глупость — ради мирской славы рисковать будущей жизнью...

Фарвелл в ужасе уставился на него:

— Твое высочество, Руперт! Неужто вы позволили пуританам заморочить вам голову?

— Не в этом дело. — В голосе принца послышалось страдание. — Просто я не знаю, пойми... — Внезапно принц выпрямился. — Нет, знаю! Понимай, как знаешь, но это так: мы не можем сбиться с истинного пути, если мы помним Слово Божье и долг солдата.

— Очень прямой путь, лишь бы он не привел прямиком к поражению.

— Не бойся ловушек и трясин. Господь вознаградит за верное дело, если не лаврами на земле, так венцом на небе. Ну а пока — я дал клятву служить моему королю, и нечего гоняться за лунным лучом, когда король нуждается во мне. Мы должны отыскать его двор.

— Ну, скорее его нищенский лагерь... — буркнул Уилл.

Руперт не слышал его слов. Уилл пожал плечами и присел возле бочки с элем, чтобы открыть кран.

Ритмично постукивали колеса. Путь впереди лежал прямой, и не было необходимости в особом внимании. Руперт вертел кольцо, не сводя с него глаз. «Не следует ли мне отшвырнуть эту вещичку, словно кусочек адского огня? — размышлял он. — Нет... Это было бы трусостью, тем более что я ничего пока не знаю о нем. Недостойно рыцаря отвергнуть смиренный дар любви, протянутый той, которая не осмелилась ничего попросить в ответ... — Легкая улыбка тронула губы принца. — Она простая девушка, добрая и веселая... хотя и не дворянка, но... о, настоящая английская девушка! Я помню, как я, совсем юношей, впервые приехал на этот остров, желая остаться здесь навсегда. Пшеничные поля Англии, золотые под солнцем, как ее волосы, колосья, тяжелые, как ее косы... и душа Англии, как душа Дженифер, похожа не на яркого сверкающего мотылька, а скорее на юного ястреба, одиноко парящего на ветру... — Принц встряхнулся. — Ладно, довольно! Скорее всего я никогда больше ее не увижу. А если мы и встретимся, через много лет, мы будем очень вежливы друг с другом, и нам придется говорить в присутствии ее восьми или девяти пухленьких детишек... Надеюсь, ее супруг не станет искать благосклонности короля... если, конечно, король победит. Если король победит. Если...

Рельсы впереди круто поворачивали. Руперт вернулся к управлению.

Над склонами гор виднелись последние отблески солнечных лучей. В миле над городком, на склоне холма, громоздились развалины крепости. Высокие крыши и шпили города вырисовывались в сумерках над рекой Ди. Ниже по реке располагалась железнодорожная станция, с которой открывался вид на древний арочный мост. Холодный ветерок доносил звон колоколов.

Въезд на окруженную стеной станцию освещали два огромных фонаря. Когда локомотив подъехал ближе, Уилл поинтересовался:

— Зачем это тут лампы, если вся западная линия вообще не используется?

— Наверное, все-таки используется, — ответил Руперт. — Если тут где-нибудь неподалеку появятся королевские отряды, они могут послать поезд за помощью в ближайшие пункты. Нам бы загрузить припасы, а потом свалиться в постель...

— Я согласен и на соломенный тюфяк в хлеву, ей-ей! — Уилл нагнулся, вглядываясь в полутьму. — Что-то незаметно, чтобы твое колечко светило.

— А разве оно должно? Я думаю, оно должно реагировать лишь в случае сильной вражды или помощи при крайнем случае, а не при обычном спокойном отношении к нам. — Руперт на мгновение замер, прислушиваясь. — Ох нет, немыслимо, чтобы враг проник так далеко. Ну, на всякий случай — держи ружье наготове; тут еще у меня пистолет... Мы не сойдем с локомотива, если не будем полностью уверены... При необходимости я могу дать задний ход, и мы удерем прежде, чем они смогут организовать погоню.

Внимательно глядя по сторонам, принц остановил локомотив. На боковом пути стояли несколько темных вагонов. На платформе перед станционным зданием находились обычные ящики и бочки, стояла пара конных повозок для грузов. Людей видно не было. В окнах станции не светило ни огонька.

— Э-гей! — окликнул Руперт. — Есть тут кто-нибудь?

Внезапно из дверей высыпало с полдюжины мушкетеров; они бросились в разные стороны, их шлемы и мечи сверкнули коротко в свете фонарей. Их капитан самоуверенно встал на виду.

— Стоять! — крикнул он. — Доложите, кто вы такие!

— Они нас издали заметили и были наготове, — пробормотал Фарвелл.

— А вы кто таков? — резко спросил Руперт.

— Конгрегационист генерала Кромвеля! — рявкнул капитан. — Ну, отвечай!

— Чтоб его дьявол забрал, с ним не договоришься, — прошипел Уилл.

— Встань между ним и мной, чтобы он не видел, что я делаю, — прошептал в ответ Руперт. — Я должен снова запустить мотор, а пока нужно говорить... А, хорошо, — произнес он вслух. — Мы не враги, это главное.

— И ты это утверждаешь, имея на башке такую прическу? — насмешливо бросил капитан.

Руперт, уловив в речи капитана датский акцент, тут же заговорил на сходный манер.

— Это уж так вышло, сэр. Мы приехали из Дании, чтобы изучить английские поезда. Мы испытывали эту вот машину, выехали из Сток-Трента, да вдруг увидели банду — и решили, что нужно поскорее удрать куда-нибудь. Так что мы очень рады, что попали к таким же людям, как в Сток-Тренте.

Тон капитана стал более любезным.

— Они там просто ничего не знали. Мы сюда пришли только сегодня. Семафоры не работают, а поезда не ходили, пока поблизости шли сражения. — Но все же настороженность не покинула капитана. — Ладно, спускайтесь. Я обязан задать вам кое-какие вопросы. Если вы честные люди, вам нечего бояться. Не сомневаюсь, сам генерал Кромвель захочет с вами поговорить.

— Один момент, пожалуйста, надо заглушить машину... А!

Руперт резко дал полный задний ход. Локомотив, лязгнув, тронулся с места.

Капитан заорал во всю глотку. Рывкнули мушкеты — из-за здания станции и из-за стоящих на боковом пути вагонов. Пули ударились о паровой котел и со свистом отлетели.

Два солдата выскочили из-за груды упакованных корзин. Они метнулись к повозкам и спрятались за ними. Уилл понял их намерение. Его ружье выбросило сноп рыжего пламени, клуб черного дыма и свинцовый привет. Но повозки защитили солдат. Они вытолкнули повозки на рельсы и победоносно замахали кулаками.

— Вот так вам, еретики! — заорал один из них.

— Ну, с этим мне ничего не поделать, — зло бросил Уилл, сжимая разряженное ружье. — И все же...

Тендер ударил по повозке. Деревянная рама треснула под железными колесами и застряла в них, мешая работе машины.

— Вперед, вперед, солдаты! — кричал капитан. — Окружайте их! Если не сдадутся — убейте!

Бесстрашные в своей вере — а может быть, просто не ожидая серьезного сопротивления, — Круглоголовые с обеих сто-

рон полезли на локомотив. Руперт выхватил меч и одним ударом рассек веревки, удерживающие бочку с элем. Вторым ударом он снес верхушку бочки. Рукава рубахи вздулись над его напряженными мышцами. Принц поднял бочку и обрушил ее на пуритан.

Принц не был большим любителем пива. А Уилл в одиночку ненамного облегчил тридцатистигаллонный бочонок. Так что вместе с весом самих дубовых досок вниз грохнулось около четырех сотен фунтов.

Клепки разлетелись, и на волю вырвался вулкан пива и пены. За грохотом последовали вопли, бульканье и приглушенные ругательства.

Меч был в руках Руперта еще до того, как бочонок разбился. Взмахнув клинком и крикнув: «En avant!», он врезался в пуритан — промокших, наполовину захлебнувшихся.

Большинство из них поспешило укрыться за локомотивом и тендером. Трое, более проворные, бросились к станционному зданию. Один, не использовавший свой мушкет при общем залпе, вскинул оружие — но Руперт выхватил пистолет и выстрелил в солдата. Он не нанес ему смертельной раны, однако солдат опустился на колени, схватившись за плечо.

— Уилл, ты — направо, я — налево, — скомандовал принц. И мгновенно бросился в новую атаку. Меч сверкнул, выбив оружие у одного из Круглоголовых. Второй был тут же ранен в бедро. Уилл тем временем швырнул бесполезное ружье в физиономию своему противнику, так разбив тому нос, что солдат залился кровью.

Принц и Фарвелл бежали здание станции и скрылись в сумерках.

— Они соберутся с силами и погонятся за нами, — на бегу сказал Руперт. — Вызовут подкрепление, собак, если сумеют их достать, и отыщут проводников, вольных или невольных, но хорошо знающих эти места. Там, на холмах впереди, лес. Веди, Уилл.

— Тут нам одним знанием леса не обойтись, мой лорд, — ответил Фарвелл.

НА СКЛОНЕ ГОРЫ. НОЧЬ

Где-то в глубине густого мокрого леса звенел ручей. Но гораздо слышнее был треск и шум, с которым Руперт неуклюже ломился сквозь кусты, которые его товарищ миновал без единого шороха. Вдалеке слабо, но отчетливо разносился лай гончих.

— Dood ok ondergang! — тяжело дыша, пробормотал Руперт. — Я бы охотнее встретился с шеренгой шведских копьеносцев, чем с этими клыкастыми бестиями. Как ты отыскиваешь дорогу? Темно же, как в кишках у эфиопа!

— Найдешь, когда приспичит, — донесся из тьмы насмешливый ответ. В небе громыхнул гром. — Даже если сейчас пойдет дождь и смое наши следы, все равно уже слишком поздно. Они недалеко, а мы слишком шумим, им и носы-то не понадобятся.

— Да, тут я виноват, — признал Руперт. Но тут же в нем разыграла гордость. — Я все-таки охотник, а не браконьер!

— Э, — фыркнул Уилл, — да ты не сможешь подкрасться к оленю и свалить его одним выстрелом. Нет, ты будешь гнаться за ним верхом на коне, пока он просто не свалится от усталости. Да еще будешь называть по-французски каждый его шаг, разве не правильно? Ладно, принц, припомни французский для своих шагов, нынче ночью это будет кстати!

Гнев, прозвучавший в голосе Фарвелла, заставил принца опомниться.

— Прости меня, — сказал он. — Я не хотел тебя обидеть... я просто хотел оправдать собственную неловкость.

— А-а... — Негодование Уилла угасло. — Ну, как я могу ругать человека такого большого и такого благородного? Я, сэр, испугался, только и всего — не за свою шкуру, нет, а за моих десятирех детишек в Сомерсете... ну, и за их матушку.

— Ты не можешь уйти от погони?

— Это ты не можешь уйти! Пошевеливайся! Нам надо вернуть вон туда, перейти ручей вброд, чтобы наш след оборвался... ну, и будем надеяться, что найдется белка, которая предложит нам свое гостеприимство... лишь бы это случилось вовремя. Эй! Всемогущий Боже! Смотрите-ка!

На левой руке Руперта вспыхнул огонь. Алые, золотые, изумрудные, синие и фиолетовые лучи брызнули с граней камня, осветив худые небритые лица, спутанные волосы — яркий живой свет в ночи, слепящий глаза.

— Кольцо эльфов, — вырвалось из глотки Уилла. — Помощь рядом!..

— Или проклятие... — пробормотал Руперт. — Твой план и без того может спасти нас. А это... это совсем другое дело.

Вновь загремел гром. Ветер громче зашумел в листве, затрещали ветви деревьев.

— А, будет! — сказал Уилл. — Кавалеристы вроде нас с тобой душу держат в заднице, чего там терять? Но разве дьявол смог бы завербовать к себе в сержанты мисс Дженифер?

Руперт на мгновение замер, вглядываясь в светящийся камень, а потом ответил куда более спокойно:

— Да, ты прав. Мы пойдем туда, куда поведет кольцо.

Им пришлось почти повернуть назад, по диагонали спускаясь по горному склону. При любом другом направлении свет кольца тускнел, так что ошибиться было невозможно. И все же сквозь гул надвигающегося шторма все слышнее и слышнее был лай приближающихся гончих.

«Но я верю Дженифер и полагаюсь на нее», — подумал Руперт и тут же сказал вслух:

— Наверное, кольцо просто показывает нам ту дорогу, которую мы сами пытались отыскать... если бы нам это удалось немного раньше!

— Похоже, удача и так уж неподалеку, — сказал Уилл. — Но магия явно тянет нас на запад. Да, Робин-Домовой говаривал мне, что такое случается... э, да вот и дождик начался!

Впереди сквозь листву просочился свет. И тут же полыхнула молния, гром разразился канонадой, и с неба хлынули потоки воды. Капли дождя были такими холодными, что обжигали кожу.

Деревья расступились, образовав широкую поляну. На ней стоял крытый дранкой дом, самый обычный дом в два этажа...

Руперт потрясенно остановился.

— Откуда взялось дому в такой глуши? — воскликнул он.

— Ниоткуда, сэр. Да он тут и не задержится, — отозвался Уилл, увлекая принца вперед. Дождь хлестал водопадом. Перед массивной, обитой бронзой дверью они остановились. Над дверью был прикреплен живой куст; над ним качалась на ветру вывеска.

— Таверна, — крикнул Уилл, перекрывая рев грозы. — Э, погодите. Это что? Цветущий шиповник, в середине-то лета?

Руперт вгляделся в вывеску. При вспышках молний он увидел изображенную там птицу редкой красоты с пышным хохолком на голове; в клюве птица держала ветку гвоздичного дерева.

— Это феникс, накануне смерти и возрождения, — сказал принц. — Я никогда не слышал такого названия...

— «Старый Феникс»! — выдохнул Уилл. — Да это та гостиница, о которой Пак говорил мне... неужели только вчера? Или уже целая жизнь прошла?

— Хэй-хэй! — послышалось позади. На поляну вырвался отряд людей с собаками.

— Круглоголовые! — Руперт выхватил меч.

Уилл дернул его за рванный рукав.

— Погоди-ка, мой лорд, — благоговейным тоном произнес он.

— Вперед, вперед! — Командир пуритан размахивал своим мечом. — За ними, пока эта колдовская буря не смыла их след!

Преследователи проскакали через поляну и исчезли в темноте леса.

— Они нас не видели, — запинаясь, произнес Руперт. — И не заметили этот дом...

— Это работа кольца мисс Дженифер, — сообщил Фарвелл. — Ну, давай попробуем войти и посмотрим, не найдется ли там чего-нибудь выпить!

Он взялся за ручку двери, изображавшую собой слоновью голову. Дверь мягко, бесшумно открылась. Руперт вошел первым. Едва он переступил порог, как кольцо перестало пылать огнем, превратившись в обычную драгоценность. На этот раз его работа была закончена.

Глава 11

ПИВНАЯ В «СТАРОМ ФЕНИКСЕ»

Уилл плотно закрыл за собой дверь, и шум грозы сразу утих. Фарвелл, держа руку на рукоятке сабли, настороженно огляделся; принц тоже не спешил делать следующий шаг.

Но комната, в которой они очутились, выглядела вполне мирно. Она была немного больше, чем обычные пивные при гостиницах, но не слишком велика. Массивные потолочные балки, тонкого рисунка дубовые доски пола и панелей, длинный стол в центре и маленькие столики вокруг, стулья с высокими спинками... все это было знакомым. В большом камине весело гудел и потрескивал огонь, брызгая искрами и испуская сосновый аромат. По обеим сторонам камина стояли несколько кресел, чьи спинки были украшены затейливой резьбой и инкрустацией из слоновой кости и чьи подушки несли на себе явные следы отдыха немалого числа людей.

Однако было здесь и много необычного для деревенской гостиницы — словно моряки всего мира оставляли тут свои сувениры. На каминной полке красовались огромные песочные часы и два семисвечника витого стекла. На стенах висели изящные канделябры. В их свете можно было рассмотреть многочисленные картины самых разнообразных стилей. Справа тянулась стойка бара из красного дерева, с медной подставкой для ног и на удивление современными насосами для пива; за стойкой красовались ряды полок, уставленных бутылками, бокалами и кружками. Дверь возле бара явно вела в кухню, откуда тяну-

лись аппетитные запахи. Через открытую дверь в стене напротив входа нетрудно было рассмотреть коридор и лестницу, ведущую наверх. И вдоль этой же стены стояли высокие книжные полки, битком набитые книгами, возле них — письменный стол, на котором лежали бумага и перья и стояли два глобуса.

Руперт одним взглядом окинул комнату и обратил свое внимание на присутствующих. Их было не слишком много: барменша, мужчина и женщина в креслах у камина, еще пара — за одним из маленьких столиков. Их беседа прервалась, когда появились кавалеристы. Но никто не проявил тревоги или беспокойства; во взглядах, обращенных на Рыцаря, светился простой интерес.

Мужчина, сидевший у огня, вскочил и поспешил навстречу новым гостям.

— Добрый вечер, добрые сэры. Рад видеть вас, — приветствовал он их. В его глубоком и сочном голосе слышался легкий западный акцент.

Руперт испытующе взглянул на него.

— Вы... владелец «Старого Феникса»? — спросил он.

Мужчина кивнул.

— Чего вы можете хотеть? — вопросительно произнес он и, подняв руку, улыбнулся. — Молчите, позвольте мне угадать. Вы прорывались сквозь дождь и шторм, вы умираете от голода и жажды, вы устали. Ванна, чистая сухая одежда, горячая еда, кружка пива, постель — а потом завтрак, прежде чем вы покинете нас.

Руперт все это время рассматривал его. Хозяин гостиницы был коренаст и немного полноват, но тем не менее подвижен и энергичен. Круглое, розовощекое лицо, курносый нос, глаза — ярко-карие. Чисто выбрит. В целом его внешность была бы совершенно неприметной, если бы не обширная лысина. Одежда его, хотя и явно дорогая, тоже не бросалась в глаза. Но все же что-то в нем заставляло вспомнить о Паке.

— Наши кошельки не слишком туго набиты, — предупредил его Руперт.

Хозяин протестующе воздел руки.

— Мы здесь не берем денег! — воскликнул он и, увидев изумление принца, рассмеялся. — Если золото фей превращается в осенние листья, попав в кошельки смертных, что может значить ваше золото для нас?

Руперт насторожился.

— Похоже, мы забрели в странное местечко, — шепнул он, обернувшись к Уиллу.

— Но здесь нет врагов, — ответил драгун, явно успокоенный всем увиденным.

— Нет для тех, кто ищет у нас спасения, — сказал хозяин. — И не бойтесь, что с вас потребуют какой-либо непристойной оплаты, как это случается в Венусберге. Моя единственная награда — встречи с разными людьми, меня интересуют миры и судьбы. И мне нравится видеть, как гости встречаются здесь, и слушать их рассказы. — Он серьезно добавил: — Я на самом деле не могу вмешиваться в чью-либо жизнь. Но... Вы, как я вижу, ускользнули от серьезной опасности. Если бы у вас был какой-то другой выход, вы не нашли бы этого убежища.

— Да, нам оставались ручей или верхушка дерева, — кивнул Уилл. — Ну, я предпочитаю постель в вашем доме. — Он повернулся к Руперту: — Не бойся. Ведь это *ее* рука привела нас сюда.

Принц встряхнулся.

— Ладно, — сказал он с напряженной улыбкой. — Может, скоро я привыкну иметь дело с троллями. — Он обратился к хозяину: — Я благодарен вам, и позвольте представиться. Я принц Руперт, изгнанный с Рейна, а это мой товарищ Уилл Фарвелл.

Хозяин поклонился.

— У меня много имен, — сказал он в ответ. — Называйте меня Трактирщиком. Идемте наверх. Вас ждут горячая вода, мыло, полотенца, щетки для волос и сухая одежда. Но вы должны будете оставить ее, когда отправитесь в путь утром; ваши собственные вещи к тому времени приведут в порядок. Мы обычно едим здесь, внизу, но вам принесут наверх ростбифы, чтобы вы могли поужинать вдвоем — вам ведь хочется именно этого. Но я надеюсь, что после ужина вы не уляжетесь сразу в постель.

— Нет, мы вернемся сюда... — Руперт вежливо раскланялся, глядя на присутствующих. — Чтобы познакомиться с другими вашими гостями.

Когда Трактирщик вел их мимо бара к лестнице, Уилл вдруг судорожно вздохнул, а Руперт чуть не споткнулся. Но совсем не из-за барменши — пухлой, коренастой, с седыми волосами, заколотыми в пучок, и очень похожей на хозяина трактира. Нет, просто они поймали взгляд женщины, сидевшей у камина.

— Ну и дамочка! — всхлипнул Уилл. — О-хо-хо!

— Кем бы она ни была, она не для таких, как ты, — предостерег его Руперт.

Должно быть, Трактирщик услышал их, потому что заметил, полубернувшись:

— Вы познакомитесь со всеми чуть позже, вечером. К нам забредают иной раз мрачные личности, но такое случается редко. К нам приходят люди из разных миров, и каждый может

уйти лишь в ту дверь, через которую вошел, и здесь он получит лишь отдых. Но, в общем — то, что происходит здесь, как бы и не происходит здесь, как бы и не происходит вовсе. И при том здесь царит свобода, от которой не слишком много выгоды. Прощу, входите.

Человек, сидевший за маленьким столом и державший в руке высокую пивную кружку, поглядел вслед новым гостям, а потом сделал основательный глоток.

— Э-хе — произнес он. — *Det gaar godt.* — Он обратился к молодой женщине, сидевшей напротив него. — Кто это могут быть такие?

— Не знаю. — Как и мужчина, она говорила на английском, но со странным акцентом. — Они похожи на... на людей Ренессанса? Только я не думала, что в те дни люди были такими высокими. Тот, что посмуглее, почти вашего роста и сложения.

Ее и в самом деле огромный собеседник был бы чрезвычайно красивым, если бы его не портил слегка сплюснутый нос: коротко подстриженные золотые волосы, гладко выбритый подбородок, брюки и рубаша с открытым воротом из плотной коричневой ткани, много раз чиненные башмаки.

— Ну, — сказал он, — в разных мирах все может быть по-разному. Хотя в моей временной линии — я имею в виду ту, из которой начал свое путешествие, — гиганты существовали в разные эпохи, даже в средние века. Такие, как норвежский король Харольд Хаардрааде, который погиб в 1066 году, пытаясь завоевать Англию чуть раньше норманнов. Он был семи футов ростом.

— Да, в этом моя история сходна с вашей, — ответила девушка. — Наши миры вообще очень похожи, возможно, даже идентичны до... ну, примерно до 1990 года?

— Я уже объяснял вам, я не принадлежу к тому миру, из которого пришел.

Она похлопала его по руке.

— Я знаю. Не заводитесь из-за этого, Хольгер. Я же пытаюсь помочь вам.

Девушка была очень хорошенькой, высокой и гибкой, с подвижными чертами лица и голубыми глазами. Каштановые волосы с красноватым отливом едва прикрывали уши. Она была одета в зеленый брючный костюм, слева на груди — приколотая брошка, изображающая сову.

— Если бы у нас было больше времени! — сказал он. — Чему я могу научиться за одну ночь?

— Ну, времени нет, верно. Однако я попытаюсь впихнуть в вашу голову как можно больше, прежде чем министр Бонифаций вежливо, но твердо отправит нас каждого своей дорогой.

— Но *почему* здесь можно провести лишь одну ночь?

— Разве это не очевидно? Чуть дольше — и возникнет опасность необратимых изменений. А так — это нейтральная земля. — Девушка глубоко вздохнула. — Предположите, всего лишь предположите, что я встретила бы здесь Авраама Линкольна... уверена, он вполне может явиться сюда... ну, мог бы... и если бы нам дали достаточно времени, я бы просто не удержалась и предупредила его, чтобы он не посещал театр Форда. Бог знает, как бы это изменило его мир. Возможно, возник бы новый континуум? Я не уверена, что это невозможно. И подозреваю, что даже сейчас мы с вами нарушаем правила.

— Вы очень добрая, — заметил он.

— Это все так забавно! — Она отхлебнула вина из своего бокала. — Но послушайте, когда те двое вернутся сюда, я хочу поговорить с ними. В конце концов, я исследователь. Так что пока давайте займемся делом. — Она встала. Он хотел сделать то же, но она жестом остановила его. — Сидите! Я взгляну, нет ли чего полезного на тех книжных полках.

Она отправилась через комнату. Хольгер тем временем вернулся к пиву. Женщина, сидевшая у камина, наклонилась вперед. Их взгляды встретились.

Женщина, щеголевато причесанная и увешанная драгоценностями, была одета в нечто вроде столы * из полупрозрачной ткани, сквозь которую просвечивало роскошное тело. Она подняла руку к черным, как смоль, волосам, и одарила Хольгера огненной улыбкой.

— Ч-черт, — жалобно пробормотал он. — Хотелось бы мне поговорить с вами...

Она тихо промурлыкала:

— *Da mi basia mille.*

— *Det var som Fanden!* Я забыл почти всю латынь, какую знал когда-то, кроме церковных выражений. — И медленно добавил: — Но разве тут нужен язык?

Он приподнялся. Его прежняя собеседница, отошедшая к книжным полкам, заметила это и окликнула его:

— Эй, поосторожнее, милый мальчик! Секс и математика несовместимы. Разве вы не слыхали об этом?

— Ох, ладно, Валерия, уж вы... я просто хотел быть вежливым...

— Ха, знаю я такую вежливость! Да вы ведь и сами говорили мне, что везде ищите свою истинную возлюбленную. Но вы хотите или вы не хотите кое-что узнать от меня?

* Стола (*лат.*) — женское платье в Древней Греции и Древнем Риме.

— Конечно, хочу! — Хольгер шлепнулся обратно на стул. Отведя взгляд от женщины у камина, он принялся набивать трубку.

Валерия пробежала взглядом по книжным рядам. Здесь было огромное множество названий на переплетах всех цветов и форматов. Пальцы девушки мимоходом погладили звездный глобус, стоящий рядом, на письменном столе. Второй глобус представлял собой земную сферу.

Вернулся хозяин гостиницы. Подойдя к Хольгеру, он спросил:

— Vil Herren ikke gerne hal et Krus til?

— Jo, Tak, — ответил большой человек и поинтересовался: — А почему по-датски? Да, спасибо, я не откажусь от пива, герр Кроманд. В жизни не пробовал лучшего!

— Изрядный комплимент от человека вашей национальности, — улыбнулся Трактирщик и крикнул барменше: — Милая, джентльмену нужна еще пинта темного!

— Несу, несу! — откликнулась барменша. Она бодро потопала к Хольгеру, подала ему кружку с пивом и забрала пустую.

— А сами вы не хотите выпить? — спросил супругов датчанин.

— О, спасибо, сэр, но я должна присматривать за гостями, — ответила барменша. — Хотя, может, и глотну немножко попозже.

— Ну, и у меня немало обязанностей, — сказал хозяин. — Вот той леди сегодня совсем не с кем поговорить. Кроме того, мне кажется, вы заняты. Но когда сможете — присоединитесь к нам, а?

Он направился к женщине, сидевшей у камина, придвинул свое кресло поближе, поднял бокал в честь дамы и продолжил свой разговор с ней.

— Эге! — бормотала тем временем Валерия. — Ну и ну! Да тут все есть... Сокольников, «Введение в паратемпоральную математику»... — Она взяла одну из книг. — И «Руководство по алхимии и метафизике», мне даже не придется подниматься наверх за своим экземпляром... — Она прихватила еще два тома и взяла со стола бумагу и карандаши.

Вернувшись к Хольгеру, она опустила на стул, бросив перед собеседником книги.

— Ну, слушайте, — потребовала девушка. — Я не могу научить вас всему, что знают в моем мире. Да вряд ли я и сама знаю так уж много. Впрочем, даже специалисты все еще не слишком разбираются в некоторых областях... Но теоремы, известные мне, позволяют мне путешествовать от континуума к континууму и даже попадать именно туда, куда и мне хочется.

Я считаю, что существуют некие межпространственные связи... ну, именно так я отыскала «Старого Феникса». А вы очутились здесь совершенно случайно, верно?

— Ну, — неуверенно ответил он, — по крайней мере, я тоже путешествовал...

— Ха! — насмешливо бросила она. — Но вы использовали чары средневековья — да еще разве что молитвенник. Вы можете так блуждать по линиям времени, пока не состаритесь. Впрочем, нет, не так долго — лишь до тех пор, пока вы встретитесь с чем-нибудь особо невероятным, или сложным, или подлым. Вам ведь уже случалось попадать в трудные ситуации, так? — Она постучала по книге. — Хорошо. Вы когда-то обучались техническим наукам. Вы разберетесь... Могли бы и сами догадаться, как сделать заклинание переноса, чтобы не блуждать наугад, а попадать в нужное место. — Она вздохнула. — Надеюсь, для начала, у вас хватит ума, чтобы схватить фундаментальные основы трансцендентального исчисления, поскольку без них не доказать нужных нам теорем, а если у вас не будет понимания, то и пользы они вам не принесут.

Хольгер потянулся к книге.

— Что ж, объясняйте, — покорно произнес он. — Но стоит ли тратить столько усилий ради постороннего человека?

— А, к черту, мы с вами похожи!

Валерия начала говорить и чертить диаграммы. Женщина у камина болтала с Трактирщиком-Бонифацием-Кромандом, хотя ее внимание постоянно отвлекалось. Барменша с неизбывным терпением ждала, когда кому-то еще захочется пива.

Глава 12

ПОЗЖЕ ВЕЧЕРОМ

Руперт и Уилл вошли в пивной зал — отмытые, посвежевшие; принц выступал с истинно царским величием, Фарвелл неуклюже тащился следом. На обоих — костюмы, покроя которых нельзя отнести ни к одному веку. Задержавшись у входа, Руперт окинул взглядом всех находящихся в зале.

Трактирщик кивнул ему, приглашая к камину.

— Добро пожаловать, гости! — воскликнул он. — Посидите с нами, отдохните, выпейте. Чего бы вам хотелось?

— Пива! — ответили оба в один голос.

Хозяин хохотнул:

— Так я и думал.

Руперт подошел к камину.

— Вы очень добры, мастер Трактирщик, — сказал он.

— Нет, ваше высочество, я просто жирный и хитрый паук, плетущий тонкую паутину и скрывающий ее под каплями эля, вина и крепкой воды, и таким образом ловящий стаи живых существ — чтобы они кормили меня сказками и небылицами. — Хозяин сделал приглашающий жест, указывая на пустые кресла. — Присоединяйтесь к нам. О, но сначала я должен вас представить... — Он обратился к женщине: — *Rupertus, filius comitis palatini Rheni, et Guillelmus, miles et famulus suus.* — Он повернулся к мужчинам. — Это Клодия Пулчер, из Рима.

Уилл во все глаза уставился на женщину. Руперт выглядел ошарашенным.

— Клодия... муза Катулла? — запинаясь, произнес он. (Трактирщик кивнул.) — Но она умерла шестнадцать веков назад!

— Не в ее собственном мире, мой лорд. А сюда можно явиться из любого времени и страны, из любой складки реальности. Сюда может прийти тот, кто нашел дверь и принес с собой необычный рассказ, чтобы расплатиться. — Трактирщик подмигнул. — Она у нас частый гость, наша Клодия; сегодня она все хмурилась, пока не появились вы. Прошу, сэры, садитесь.

Руперт справился с удивлением, склонился над рукой женщины и поцеловал ее; сказав:

— *Salve, domina; ad servitium tuum.*

Она просияла улыбкой и промурлыкала в ответ:

— *Oh! Loqueris latine?*

Руперт пожал плечами.

— *Aliquantulum, domina.* — Слишком озадаченный, чтобы и дальше продираться сквозь латынь, тем более что его произношение и, без сомнения, грамматика слишком отличались от ее, он опустился в кресло рядом с Трактирщиком.

Подошла барменша с двумя полными до краев кружками. Подавая кружку Руперту, она присела в реверансе, говоря:

— Это для вас, ваше высочество.

Протянув же пиво Фарвеллу, она добавила куда более обыденным тоном:

— И вам тоже. Надеюсь, оно вам придется по вкусу.

— Спасибо, милая, — рассеянно произнес Руперт.

Уилл придвинул кресло поближе к Клодии, хотя все внимание женщины было обращено на принца. Уилл, тараща глаза на даму, едва замечал, что за королевский напиток он глотает.

Валерия толкнула Хольгера.

— Давайте-ка ненадолго присоединимся к ним, — предложила девушка.

— Да, перерыв не помешает, — согласился Хольгер. — Знаете, я в колледже чуть не завалил зачет по дифференциальным уравнениям, а тут вдруг вы на меня свалили все это...

Она внимательно посмотрела на него.

— Послушайте, приятель, — сказала она. — Учитывая ваше прошлое, вы должны бы знать, что Бог не счел нужным сделать нам одолжение, сотворив понятную Вселенную.

— А может, ее нужно понимать не так, как мы, — вздохнул он. — Ладно, идем. — Он сунул в рот трубку, прихватил свою кружку с пивом и не спеша направился к камину.

Клодия, так и не добившаяся ответа от Руперта, не обращая ни малейшего внимания на Валерию, огонь всех своих батарей направила на Хольгера. Он нервно сглотнул.

— Дюжина ресниц и влажный взгляд, — пробормотала Валерия и обратилась к Руперту и Уиллу: — Добрый вечер, джентльмены.

Принц встал и поклонился; но Уилл был слишком занят.

— Если позволите представиться... леди... — Голос принца замер.

Валерия улыбнулась:

— Что, никогда не видели женщин в брюках? Ну, извините. Я Валерия Матучек, из Соединенных Штатов Америки, если для вас это название что-нибудь значит. — Она протянула руку. Принц на мгновение заколебался, но решил, что нет беды в том, чтобы проявить обычную вежливость, хотя, возможно, дама ее и не заслужила... Он склонился и поцеловал руку Валерии. — Эй! — воскликнула девушка. — Знаете, вы первый человек в моей жизни, у которого это получается совершенно естественно!

Руперт выпрямился, поглядел на нее сверху вниз и сказал:

— Я не понимаю вас, очаровательная леди.

— Мы оба говорим с сильным акцентом, верно? Только ваш акцент похож на хольгеровский — да, это Хольгер Карлсен, из Денмарка, хотя он провел немало времени в моей стране, на разных гиперуровнях.

Два огромных мужчины пожали друг другу руки.

— Я Руперт, из Рейнского курфюршества, — сказал Рыцарь, стараясь быть любезным. — Моя бабушка датская принцесса Анна, супруга короля Шотландии и Англии, Якоба. Обе эти страны были в тесных дружеских отношениях с Денмарком, до времен Гамлета, если не дольше.

Хольгер вздернул брови.

— Гамлет?..

Валерия дернула его за рукав, заставив сесть, и сама заняла место напротив Руперта.

— Почему бы нам не обменяться информацией? — сказала она. — У нас для этого не так уж много времени, так что лучше поспешить, чем долго раздумывать. Вы сказали, вы из Рейн-ланда, Руперт?

— Лишь по происхождению, по крови... а кровь — не водица, как говорит пословица, и все же эти связи слишком слабы, чтобы я мог претендовать на что-либо, — сухо ответил принц. — В настоящее время я лишь племянник короля Карла и сражаюсь на его стороне против бунтовщиков. Я и мои друзья были разбиты в Уэльсе, нас преследовали пуритане и другие псы, но я получил помощь... проводника, приведшего меня сюда.

Валерия резко выпрямилась.

— Погодите-ка! Король Карл... пуритане... вы имеете в виду Круглоголовых? — (Он кивнул.) — Из какого вы *времени*? То есть... какой у вас там год, день, месяц?

— Ну-у... не могу сказать точно... август, а какое число... август тысячи шестьсот сорок четвертого...

— Ах! — торжествующе воскликнула девушка, стукнув кулачками по подлокотникам кресла. — Вы что-нибудь знаете о параллельных вселенных? Ничего, да? Ну ладно, послушайте, Руперт, я из Америки. Америку-то вы знаете? Та Америка, из которой я прибыла, — независимая страна. И... когда я оставила дом, там был 1974 год. Хольгер явился из 1950-го — но это не тот пятидесятый, в который родилась я.

Руперт смотрел на нее молча.

— Ну, для меня это слишком сложно, — заметил Фэрвелл и повернулся к Клодии, явно бесившейся от того, что ни Руперт, ни Хольгер не обращали на нее ни малейшего внимания, и застенчиво спросил: — А для вас тоже? — Ее взгляд повернулся к Уиллу...

Трактирщик откинулся на спинку кресла, скрестил ноги, сплел пальцы, явно довольный. Огонь стал угасать. Из двери кухни шмыгнул гном и подбросил в камин несколько поленьев. Барменша подошла к сидящим, чтобы заменить пустые кружки на полные.

— Значит, вы из будущего, — сказал наконец Руперт, — а Клодия из давнего прошлого... и из разных стран?

— Не совсем так, — возразила Валерия. — Не уверена, что смогу изложить все достаточно четко, но попробую. Видите ли, тот мир, в котором родились вы, имеет определенные качества и свойства — нации, общественное устройство, прошлое и настоящее, свою географию и астрономию... и ваше будущее обусловлено всеми этими факторами. Верно? — (Руперт кивнул.) — Ну а теперь вообразите, что некое важное событие в

прошлом закончилось не так, как в вашей истории. Какая-то битва проиграна, а не выиграна... ну, что-то в этом роде. Придумайте сами пример.

Замешательство Руперта сменилось любопытством. Он потер подбородок, глядя на Хольгера, и наконец сказал:

— Ну, скажем, принц Гамлет не погиб в результате мести, и Фортинбрас не стал датским королем, а на престол взошел сам Гамлет. Эта династия имела много родственных связей с Англией. И он мог бы прийти на помощь, когда нужно было низвергнуть Макбета, шотландского узурпатора. А укрепившись на острове, датчане могли потом и припомнить короля Канута... и справиться с Вильямом Норманом, когда он явился. Но поскольку в северных землях лишь Денмарк имел пушки, хотя и очень примитивные...

— *Nvad for Pokker?* — вырвалось у Хольгера.

— Спокойнее, — сказала Валерия. — Он же из другой пространственно-временной линии... хотелось бы мне знать... — Загоревшись энтузиазмом, она наклонилась вперед. — Давайте-ка поговорим о теории, прежде чем двинемся дальше, а, Руперт?

Уилл, наблюдая за тем, как его генерал напрягает мозги, продираясь сквозь новые понятия и представления, заметил, обращаясь к Клодии:

— Благодарю Бога за то, что я родился не для того, чтобы думать, — и коснулся своей кружкой бокала Клодии. Женщина взглянула на Уилла в упор и улыбнулась. Он задохнулся. — Вот не знал, что можно зашататься, сидя в кресле!

Валерия тем временем продолжала:

— Если вы можете представить историю, свернувшую в другую сторону в одной из ключевых точек, вы можете сделать и следующий шаг. Предположите, что обе возможности реализовались. В одном мире Гамлет умер молодым, в другом — он занял датский престол и остановил нашествие норманнов. Случилось и то и другое. Как, воспринимаете?

— Я не смею гадать о том, какие ограничения Творец мог наложить на свое творение, — выдохнул Руперт. — Но как это могло бы произойти?

— Две полноценные вселенные... два времени и пространства, со звездами, галактиками, бесчисленными планетами — и они различаются лишь в мелких деталях и, конечно, в том, что следует из тех или иных событий... Ну, не совсем так. Эти вселенные всегда имели различия, с самого начала. Кроме того, вселенных ведь не две... В моем мире никто не смог доказать, что их число ограничено... Вы можете представить вселенные, лежащие параллельно друг другу, как листы в книге. Это, ко-

нечно, не очень точный образ, но все же... Они занимают одно и то же пространство-время, разделяясь лишь измерениями...

— Погодите-ка, Валерия, — сказал Хольгер. — Имейте жалость. Похоже, вы скоро оставите меня за бортом, да и бедняга Руперт выглядит так, словно ему пора передохнуть.

Девушка рассмеялась:

— Извините. Вы правы. Но, Руперт, подумайте об этом. Множество различных миров. Какие-то из них очень похожи на ваш собственный, другие совершенно отличны. Даже законы природы могут быть разными. То, что возможно в одном мире, невозможно в другом, и наоборот. Вы следите за моей мыслью?

Руперт натянуто улыбнулся:

— Это похоже на марш через зыбучие пески, заросли ежевики — ночью, под дождем.

— Но если человек знает, как это сделать, он может путешествовать по этим мирам, — продолжила Валерия. — Соображаете?

Руперт сделал основательный глоток.

— Ну, хотя бы пиво здесь успокаивает и напоминает о доме, — сказал он, обращаясь к Трактирщику. — Хоть оно сладкое, как забытые мечты.

— Ну, я-то знаю кое-что еще слаще, моя сахарная, — прошептал Уилл, сжимая руку Клодии. Женщина, бросив взгляд на Руперта и Хольгера и убедившись, что им не до нее, пожала плечами и прикрыла глаза.

— А вы... кто по происхождению, мистрис... Матучек? — спросил Руперт. — Имя божеское, вроде моего.

— Я отовсюду сразу, — сказала она. — Хотя в данном случае это лишь слова. Но я не из вашего будущего. Сомневаюсь, чтобы ваш мир хоть отдаленно напоминал мой к тому времени, которое мне известно, — к 1974 году. И наверняка не похож на мир Хольгера.

Руперт взглянул на датчанина; Хольгер несколько раз пыхнул трубкой, прежде чем заговорил.

— Ну, видите ли, я — особый случай. Я принадлежу... я родился в мире, где миф о Каролингах — истинная правда. Ну, знаете, Роланд и Оливер, и все прочее.

— Вы слишком скромны, — заметила Валерия.

— Нет, просто мне не хочется пускаться в рассуждения, чтобы не запутать дело еще сильнее, — ответил Хольгер и снова обратился к Руперту: — Неважно, как именно, но я очутился на совершенно другой временной линии — такой, где не работает магия, кроме некоторых узких областей... ну, это тоже неважно. Я пытаюсь отыскать путь домой. Я знаю лишь

заклинания, которые переносят меня сквозь пространственно-временные барьеры, но я не могу придать точного направления своим передвижениям. Ну, и после многих ошибок — в последний раз меня занесло прямо в лапы ацтекских богов, и я едва унес ноги — я поразмыслил над разными намеками и нащупал дорогу в эту гостиницу. На мое счастье, здесь оказалась мисс Матучек.

— Ну, я не верю, что это простое совпадение, — сказала Валерия. — Однако оставим это пока. Главное в том, Руперт, что Хольгер из двадцатого века, как и я — из века рационализма и индустрии, и у них западные страны демократичны, как и у нас. Только они разные... Например, в наших мирах США и Германия были по разные стороны во время первой мировой войны, а вот вторая мировая... а он потерялся именно во время этой войны... Они вели ее тоже против Германии, и еще Японии и Италии, но мои родители сражались с сарацинским Калифатом. Думаю, разница обусловлена параестественными силами. Либо они просто слишком слабы в мире Хольгера, как он сам думает, либо просто никто не додумался до того, как снять эффект воздействия холодного железа, как это произошло в моем мире около 1900 года.

— Ну, в любом случае, — сказал Хольгер, — в ее мире развивается наука и техника магии...

— Парафизики, — поправила Валерия. — Или искусства, если вам так больше нравится.

— Мне все равно. Но Валерия была так добра, что дала мне очень ценные подсказки. Возможно, она сумеет сделать это и для вас, мистер... герр... э-э... принц Руперт.

— Возможно, — с сомнением произнесла Валерия. — Но тут очень многое зависит от вашего прошлого и от вашей подготовки. Склонны ли вы к науке? Насколько вы знаете математику? Ну, многое тут важно... — Она подкрепилась глотком вина и добавила: — И, честно говоря, мне бы хотелось побольше узнать о вас. Я не имею в виду сознательные преступления, но вы можете служить делу, которому просто нельзя помогать.

— Да еще захочу ли я принять вашу помощь? — гневно ответил Руперт. — Чем вы тут занимаетесь, переодетая мужчиной?

Валерия улыбнулась:

— Воистину вы из другого мира! Впрочем, я не возражаю против объяснений, если вы в них нуждаетесь. У меня дома никого не удивит женщина в подобной одежде. И я путешествую по измерениям с научной целью, собираю материал для диссертации. В моем мире люди не так уж давно научились таким передвижениям, и мы все еще продолжаем собирать данные...

— Насколько законно у вас искусство чернокнижия? — резко спросил Руперт, и Валерия сдержанно ответила:

— Оно полностью в рамках закона.

— Погодите-ка, я, кажется, понял, что его беспокоит, — вмешался Хольгер. — Вспомните, Валерия, я говорил вам: в мире Каролингов эльфы в основном были врагами людей. Возможно, и в мире Руперта дело обстоит сходным образом?

Девушка задумалась ненадолго, потом кивнула принцу:

— Хорошо. Слушайте. Там, откуда я пришла, Искусству изначально не было присуще ни добро, ни зло. Это просто некие силы... Мы можем их использовать в любых целях, с умом или глупо, как всякий другой вид энергии. Мой отец — оборотень, моя мать — ведьма, и лучше их я не встречала людей в мире.

Руперту тоже понадобилось некоторое время на размышления.

— Что ж, прошу прощения, мистрис Матучек, — произнес наконец он. — Признаюсь, я кое-чем обязан королю Оберону. — (Валерия уставилась на него и замерла, вслушиваясь в каждое слово.) — Вот это кольцо я получил от него и его царственной супруги... и еще кое от кого... и кольцо привело меня сегодня в эту гостиницу. А до этого оно засияло, когда мы приблизились к поезду, который смогли захватить и который увез нас достаточно далеко от Йоркшира, к Уэльсу.

— Эй, погодите-ка! — запротестовал Хольгер. — Насчет Оберона мне кое-что известно, да, и об английской гражданской войне — тоже, и, припоминая, мне приходилось читать и о принце Руперте, участвовавшем в ней, но... но при чем тут поезд?!

Валерия откинулась на спинку кресла. Голос девушки слегка дрогнул.

— Стойте! Тут какой-то парадокс. Дайте мне минутку, хорошо?

Она легко вскочила и принялась расхаживать взад-вперед; звук ее шагов смешался с потрескиванием и гудением огня в камине. Руперт следил за Валерией с напряжением во взгляде, Хольгер — изумленно, Трактирщик был явно доволен происходящим.

Уилл слегка подтолкнул Клодию.

— Сдается мне, тут у них разговор будет серьезный, и тебе это может здорово надоесть, — пробормотал он. — Ну, да мы с тобой говорим на одном языке, мы друг друга понимаем. Так что не сбежать ли нам отсюда, не объяснить поподробнее?

Валерия резко обернулась. Ее палец уставился на Руперта.

— Вы говорили о Гамлете и Макбете — так, словно они оба существовали в реальности, — воскликнула девушка. —

Они были современниками... Вы сказали, что встретились с Обероном и... Титанией, конечно. Ну а Ромео и Джульетта жили в вашем мире? Король Лир? Фальстаф? Отелло? Вы упомянули о пушках во времена Гамлета. Бог ты мой, а что вы скажете о Виттенбергском университете? Существовали часы с маятником в дни Юлия Цезаря? Ричард Третий в самом деле был горбатым чудовищем? Богемия имела выход к морю? Колдовство действует в вашем мире?

В ответ на каждый стремительно заданный вопрос Руперт кивал.

— Ну хорошо, тогда... вам знакомо имя Вильяма Шекспира?

— Разумеется, — недоуменно сказал Руперт. — Он был Великим Историком.

— Вот оно! — Валерия повернулась к Хольгеру. — Если вы, вы начали путешествие из мира, где в песнях о Каролингах говорится чистая правда... почему бы не оказаться правдой тому, о чем рассказано в пьесах Шекспира? — Она запнулась. — Да, это можно представить, можно. Они, должно быть, в технологическом плане развились раньше, чем мой мир... их индустриальная революция начинается уже в семнадцатом столетии и, возможно, связана с пуританизмом... Ох, Руперт, нам о многом нужно поговорить!

Хольгер покачал головой.

— Думаю, мне лучше приняться за те книги, что вы мне дали, — сказал он.

— Разумеется. Бедняжка... чуть позже я помогу вам. — Она наклонилась и чмокнула его в лоб. — Но я просто *обязана* поговорить с Рупертом. Вы же понимаете? Мало того, что Шекспир всегда был моим богом, я еще и сочувствую Рыцарям. Может быть, это лишь школьная романтика, но в любом случае — результаты известных мне событий на родине Руперта должны быть иными. Я сомневаюсь, что он сумеет понять те инструкции, что я дала вам, но я подумаю, что можно предпринять исходя из его знаний. И я могу дать ему совет, как чуть-чуть повлиять на события, чтобы изменить исход к лучшему. Я чувствую, что просто обязана попытаться.

Уилл встал, Клодия тоже.

— Прошу прощения, лорд, — сказал драгун. — Я вам тут больше не нужен?

Руперту понадобилось не меньше секунды, чтобы сообразить, о чем речь. Потом он слегка усмехнулся, поднялся и поклонился.

— Я не вправе требовать твоего внимания, — весело сказал он. — Леди куда важнее принцев.

— Ну... только принцы командуют простыми людьми, — откликнулся Уилл недовольно, потому что Клодия тут же вытаращила глаза на Руперта.

Руперт хлопнул солдата по спине.

— А простой человек командует леди по ночам. Я буду занят беседой до самого утра. Усталость не остановит меня... и, надеюсь, не помешает тебе.

— Нет, сэр, мое решение твердое. — Уилл обнял женщину за талию. Она вздохнула, глядя на Руперта. Но Руперт уже отвернулся к Валерии и Хольгеру. Клодия прильнула к мужчине, который все-таки достался ей. И они ускользнули наверх.

Хольгер хихикнул и уткнулся в книгу. Валерия и Руперт вернулись к разговору. Трактирщик слушал...

Глава 13

В ЛЕСУ. УТРО

После дождя воздух в лесу бодрящий и чистый. Каждый листок повернулся навстречу солнцу. Проснулись птицы. Было тихо, безветренно.

Руперт и Уилл остановились у источника. Вода журчала и булькала в поросших травой берегах.

— Здесь достаточно сухо, чтобы можно было прилечь и не схватить насморка, — заметил Уилл. — Выспимся не хуже, чем в какой-нибудь летающей гостинице.

— Да? — Руперт улыбнулся, подавив зевок. — А ты там спал? Я разочарован — наверное, как и мистрис Пулчер.

— О, да нет же! Я и глаз не сомкнул ни на минутку, уж вы поверьте, — сонным голосом заявил Фарвелл. — Снова и снова... ох, и дивная кобыла! Жаль, что вам-то пришлось упражнять лишь язык. Вот я скажу...

Со внезапно вспыхнувшим раздражением Руперт рявкнул:

— Избавь меня от твоих пошлых историй! И будь доволен, что я провел время именно так, как я его провел. Это может помочь нам в дальнейшем.

— Извините, ваше высочество, — сказал Уилл. — Мне бы следовало помнить, что вы трудились всю ночь ради таких глупых баранов, как я. Ломали мозги, чтобы помочь шутам.

Руперт остыл.

— Неважно. И мне не следовало рычать на тебя. Но мы оба слишком устали. Два дня и ночь без отдыха! Наверняка в той гостинице действует какая-то магия, она придала нам сил. Но как только мы вышли оттуда... — Он сел на траву, и Уилл

последовал его примеру. — О-ох! Ну, до завтрашнего полудня вряд ли кому удастся меня разбудить.

— А потом что мы будем делать?

— Отправимся к побережью. Тут до него миль пятьдесят или шестьдесят, но нам, конечно, придется двигаться осторожно. Думаю, мы получим кров, пищу и помощь у простых людей, любящих короля. Потом нужно переправиться через канал. В Голландии я раздобуду денег у моих родственников, и мы отправимся дальше на юг.

Сонливость слетела с Фарвелла.

— Так вы решили выполнить... план Оберона, да? И вы не намерены прямо сейчас искать королевский лагерь?

Руперт кивнул:

— Да. Те двое, в гостинице, говорили мне о таких ужасах, что у меня горло сжималось, я слова не мог сказать. Особенно много сообщила женщина... Конечно, ее история не в точности совпадает с нашей, насколько мы разобрались... но и не слишком отличается. И я был бы просто предателем, если бы не попытался использовать шанс против тех, кто сдирает шкуру с нашей земли.

— А что она нам пророчила?

Руперт вздрогнул:

— Нечто куда худшее, чем разгром Рыцарей. У них обезглавили самого короля...

Уилл испуганно разинул рот.

— Не может быть, мой лорд! — выдохнул он. — Как... а... короля?!

— Стюарты проиграли... Вообще-то те двое сказали мне, что царевубийство будет... было оправданно в их мире, иначе не наступили бы новые времена. Ну а потом последовали обычные вещи — террор, тирания, а те, кто утверждал, что говорит от лица народа, попирали этот народ. Но в Англии в конце концов была восстановлена законная монархия... — Руперт помолчал немного. — Марк... я не хочу ничего плохого сказать о принце Уэльском, он милый и приятный юноша. Но те годы, что он провел в изгнании, испортили его. Его властвование было бы веселым, но губительным для страны. Возможна даже война с Данией... В их мире датчане разбили нас на море... — Руперт взмахнул кулаком. — Клянусь Божьим проклятием, ничего подобного не будет у нас, если я смогу этому помешать!

— И я, мой лорд, — тихо сказал Уилл. — А может быть, и Дженифер.

Руперт взглянул на свое кольцо.

— Как она там поживает? — грустно произнес он. — Надеюсь, неплохо. Конечно, ее могли наказать, но, уверен, это было не слишком строгое наказание, и теперь она отдыхает...

— И мы отдохнем, — заявил Фарвелл, растягиваясь на траве.

Руперт, погладив серебряного змея, обернувшегося вокруг его пальца, последовал примеру Уилла.

СПАЛЬНЯ ДЖЕНИФЕР

Эта комната была обставлена очень скромно. Несколько книг и наполовину законченных вышивок, ваза, в которую давно не ставили цветы, гравюра с изображением младенца Христа составляли все ее украшение; мебель самая простая, лишь комод, оставшийся тут со старых времен, украшала богатая резьба. Окна были открыты, и комната пылала августовской жарой.

Дженифер покачнулась. Пруденс подхватила ее, приговаривая дрожащим голосом:

— О, моя бедная овечка, бедная овечка, обопритесь на меня...

Девушка так вцепилась в руку Пруденс, что ногти оставили следы на коже компаньонки. Но при этом видно было, что сил у девушки осталось совсем немного. Волосы ее висели тусклыми прядями, кожа на лице натянулась; веки покраснели, и под глазами темнели круги; платье испачкалось и пропотело.

— Двигайся! — рявкнул солдат-Круглоголовый, стоявший позади женщин, и топнул ногой. — Пусть двигается! Если она остановится, то упадет!

— И уснет, — огрызнулась Пруденс через плечо. — Или потеряет сознание. А ты тогда начнешь орать и трясти ее, и обливать водой! И ты еще называешь себя мужчиной! — Она повернулась и плюнула ему под ноги.

— Ну, ты-то уж точно не женщина, старая карга, — возразил он. — Если бы не ты, эта ведьма давно бы сломалась!

Дженифер застонала и, пошатываясь, пошла вдоль стены, поддерживаемая компаньонкой.

— Ведьма? — яростно закричала Пруденс. — Да уж ты скоро и вправду встретишь ведьм, настоящих ведьм, — когда они уташат тебя в ад!

— Ну, сначала-то я посмотрю, как тебя вздернут, еще на этом свете, вместе с твоей хозяйкой, карга! Если бы сэр Мэлэчи не приказал, чтобы ты все время была здесь...

— Это потому, что ему известна твоя похотливость! И еще больше — его! — Пруденс ткнула пальцем в сторону кровати. — Ваше ханжество...

Дженифер запнулась, и Пруденс едва успела подхватить девушку.

— Ей просто *необходимо* сесть!

— Но не спать! — сказал стражник. — Когда нам удастся избавиться от тебя, старуха...

— Как жаль, что моя плоть все же требует иногда отдыха! Я бы справилась с твоей кислой злобой, Джерсон!

Одеяло на кровати зашевелилось, и из-под него высунулась встрепанная голова помощника конюха.

— Эй, вроде как мистрис желает занять мой матрас? — насмешливо поинтересовался он.

Пруденс фыркнула, повернулась к ним спиной и помогла Дженифер сесть. Сим выбрался из постели, зевая и потягиваясь. Потом подошел к Дженифер и встал прямо перед ней.

— Что, может, моя леди готова говорить? — с ухмылкой поинтересовался он.

— Нет. — Голос девушки был чуть слышен.

— Ах, умоляю, не спешите с ответом! Мне так нравится эта работенка! Легкая и приятная, только и дел, что будить вас! — Взгляд Сима скользнул по синякам, покрывавшим руки и шею Дженифер, по ее изодранному платью. — А ведь вы можете задремать, когда вам захочется... — Он потянулся и зевнул. — Ну, только пока вы не рассказали все хозяину, поспать вам не удастся, хотя, конечно, завтрак и питье вам принесут вовремя.

Второй сторож кивнул и направился к двери. Он был уже у выхода, когда Дженифер бессильно упала в кресло, уронив голову. Сим заржал и схватил ее за волосы. Пруденс бросилась на него, как дикая кошка. Сим, хрюкнув, отшвырнул женщину в сторону и принялся хлестать пленницу по щекам.

— Проснись, проснись, смотри, какой сегодня отличный день! — вопил он. — А вечером к тебе явится твой рогатый любовник, разве не так, ведьма? А ну-ка, говори, кто помог тебе наставить ему рога? Проснись, проснись!

— Не-ет, — простонала Дженифер.

Сим отпустил девушку. Она упала на пол.

— Я расскажу, — пробормотала она. — Боже, дай мне уснуть, я все расскажу, только оставьте меня!

Пруденс опустила рядом с ней на колени.

— Ну, побыстрее! — рывкнула она на Сима. — Зови твоего чертова хозяина!

Джерсон разинул рот, рывком распахнул дверь и затопал по коридору.

— Значит, сломалась наконец-то? — Сим прислонился к столбику полога у кровати и почесал нос.

— Ну а тебе придется теперь вернуться в ту кучу навоза, из которой ты вылез, — сказала Пруденс. — Христос милосердный, неужели может называться мужчиной тот, кто издевается над беспомощной девицей?

— Ну, помощники-то у нее есть, в аду! — заявил Сим.

Дженифер всхлипнула, хотя слез у нее давно уже не было.

В спальню торопливо вошел сэр Мэлчи.

— Неужто упрямство сломлено наконец? — воскликнул он, усаживаясь в кресло рядом с девушкой. — Ты в самом деле готова признаться в своих гнусностях?

— Муки заставляют произносить слова, — сказала Пруденс. — Просто слова.

— Муки! — Шелгрейв взмахнул руками. — О чем это ты бормочешь? Разве я мучаю свою подопечную? Я никогда не пролью ни капли крови, которая связывает ее с моей женой. Но ради ее исправления, ради спасения ее души я приказал, чтобы ей не позволяли спать — и она могла бы как следует подумать о своем грехе и раскаяться; ничего более не было в моих мыслях. — Он обратился к Дженифер: — Ну, рассказывай, что же случилось на самом деле?

Она подняла измученное лицо.

— Если я смогу поспать...

— Разумеется, разумеется! Ты получишь все, что требуется твоему телу, и оно излечится после очищения души, когда ты освободишься от яда, текущего в твоих венах. Эй, не засыпай прямо сейчас! Ну! Поклянись на Библии, что скажешь правду, не утая ничего! Ты понимаешь? Тебе дается надежда на спасение!

— Понимаю... я думаю... не знаю, что я думаю, — хрипло прошептала она. — О, принесите Библию, дядя, я поклянусь на ней хоть сто раз! Хоть сто раз, если после того я смогу лечь и уснуть!

КАБИНЕТ ШЕЛГРЕЙВА

Это была большая комната, уставленная тяжелой мрачной мебелью. Книги, отличные картины, бюст Катона Старшего, камин ничуть не смягчали ее суровости. Сквозь открытые окна виднелось темнеющее небо и доносилась песенка кузнечика.

Хозяин кабинета сидел у письменного стола и что-то писал новомодным стальным пером при свете лампы со стеклом. Стук в дверь заставил его оторваться от дела.

— Входите! — крикнул он.

Появился дворецкий и доложил:

— К вам преподобный Нобах Баркер, сэр, помощник пастора из нашей церкви в Лидсе.

— Я знаю, кто он такой, — сухо откликнулся Шелгрейв. — Нам с ним нужно будет поговорить... не позволяй никому мешать нам до ужина, будь то хоть сам генерал Кромвель!

Он встал навстречу гостю.

— Добро пожаловать, друг мой. Рад, что вы пришли.

— В вашей записке был намек на то, что дело весьма серьезное, — гнусаво ответил гость.

Хотя Баркер и был человеком достаточно молодым, он казался почти стариком благодаря сутулым плечам, круглой лысине, впалым щекам и шаркающей походке. Глаза его походили на серые ледышки. На фоне тускло-черного костюма белый шарф выглядел серым.

— Да, и я взываю к вам как к брату во Христе, — сказал Шелгрейв. — Конечно, я мог обратиться за помощью и к кому-нибудь другому, но вас я хорошо знаю и доверяю вам. Садитесь же, садитесь! Вот кофе, только что доставлен из Генуи... Вы предпочитаете с сахаром и сливками, насколько я помню.

— Давайте не будем тратить время на болтовню о мирских вещах, — ответил Баркер, устраиваясь на краешке кресла.

Шелгрейв поджал губы.

— Болтовня помогает мне забыть о Дьяволе. Он подкрался слишком близко, и я должен сражаться с ним, в то время как мои глупые соперники ищут возможности досадить мне. Как мало существует людей, на которых я могу положиться! Моя собственная родственница...

— Кто? Дженифер? Я не видел ее в церкви в субботу. Мне сказали, что она нездорова.

— Да, и это отвратительная болезнь, вроде опухоли, которую нельзя вырезать самой острой бритвой. Но мой долг — попытаться излечить... ради страны и нашего святого дела. Но вы не знаете сути дела, Нобах. Я объясню.

Разлив кофе по чашкам, Шелгрейв уселся напротив своего гостя.

— Вы постоянно оказывали мне покровительство и всячески помогали мне с тех пор, как я начал проповедовать, — сказал Баркер. — И я признателен Господу за то, что он именно вас избрал орудием помощи такому недостойному, как я.

— Ну, пока я сделал немного, лишь помог вам подняться на одну ступеньку... Но в дальнейшем я постараюсь сделать больше. Однако в данный момент я ужасно нуждаюсь в вашей помощи.

— Вы ее получите, сэр Мэлэчи. Вы ее получите.

Шелгрейв так стиснул кофейную чашку, что суставы его пальцев побелели. Взгляд его впился в собеседника.

— Позвольте мне говорить прямо и откровенно, — сказал он. — Когда человек испытывает сильную боль или находится в опасности, ему не до игры в слова, для него главное — достичь цели... а мне сейчас и больно, и страшно... Я уже рассказывал вам, что главарь бандитов, принц Руперт, попал в плен и находился в моем доме в ожидании того дня, когда его можно будет отправить в Лондон. — (Баркер резко кивнул.) — Это говорит о том, что я полностью доверяю вам, Баркер. Из тех, кто служит в этом доме, ни один не осмелился бы проболтаться о принце, ведь его сумасшедший братец мог организовать налет, чтобы спасти Руперта... Ну так вот: принц сбежал.

— Боже милостивый, порази врагов наших, ассириян! — воскликнул Баркер, взмахивая рукой. Жест мог бы выглядеть вполне драматичным, если бы Баркер не держал в руке чашку с кофе, который выплеснулся ему прямо в лицо.

Шелгрейв не заметил этого.

— Хуже всего, — простонал он, — что он обольстил мою подопечную... да, Дженифер Элэйн! Она помогла ему!

Баркер, доставший из рукава носовой платок, замер, не донеся его до лица.

— Вот как? О ужас!.. Но продолжайте же, бедняга. Расскажите все, все подробности, каждую деталь, чтобы я знал, как действовал Сатана, и мог дать вам совет. В чем тут состояла хитрость? Каким образом он одолел девицу? Как часто это случалось?

— О, если бы это было простое прелюбодеяние! Но — нет, она по-прежнему девица!

— А-ха! На итальянский манер? Продолжайте, продолжайте!

— Да нет же, говорю вам, это была не плотская похоть. Она поклялась на Библии, что они с Рупертом не касались друг друга, кроме одного-единственного поцелуя.

— О! — Баркер принялся вытираться.

— И я уверен — она говорит правду. Я хорошо знаю свою племянницу. Она благочестива, на свой полупапистский манер, и не стала бы лжесвидетельствовать... Ну конечно, ее долгое сопротивление было сломлено еще и тем, что ей не давали спать — это надежный метод, я уже испробовал его прежде. Если его правильно использовать, он надежнее пытки на колесе.

— И сохраняет здоровье, так что она испытает куда больше страха перед настоящим наказанием.

— Эй, стоп! — рыкнул Шелгрейв. — Ее они не повесят... Ладно. — Он взял себя в руки. — Я буду краток; позже, если

захотите, сможете услышать все в подробностях. Похоже на то, что один из людей Руперта выследил его и убедил Дженифер помочь освободить принца; и этот человек действовал при поддержке тех языческих духов, эльфов и фей, что до сих пор бродят в наших лесах и развалинах. — Видя потрясение Баркера, Шелгрейв кивнул и продолжил: — Да, она назвала не кого иного, как Оберона и Титанию. И это действительно так, потому что, когда я с моими людьми отправился в погоню, нам изрядно докучали всякие фантомы. И хотя я сумел вырвать у Дженифер правду, Руперт остается на свободе. О нем не слышно ни слова — ни о том, что он снова в плену, ни о том, что он присоединился к нашим врагам. Но было бы опрометчиво утверждать, что вороны давно клюют его кости.

— Тогда где же он и его дьявольские легионы? — спросил Баркер, преодолев дрожь. — Нет... тот, кто прав, не должен бояться... Можно мне еще кофе?

Шелгрейв наполнил его чашку, потом встал, подошел к письменному столу и открыл один из ящиков, продолжая говорить.

— Демоны посоветовали ему искать магической помощи в Средиземном море и на его берегах. Дженифер не могла припомнить детали, она ведь почти неграмотна... И все же я полагаю, он направился именно в ту сторону. Если принц преуспеет, нас ждет нечто худшее, чем просто война... В качестве проводника ему дали кольцо, камень на котором начинает ярко светиться там, где принца ожидает помощь... можно не сомневаться, это горит огонь ада. Племяннице тоже дали такое кольцо, для тех же целей. — Шелгрейв натынуто улыбнулся. — Забудьте, как Господь может иной раз использовать инструменты Сатаны! Ведь именно кольцо помогло мне понять вину племянницы. Вот оно.

И Шелгрейв, держа в руке кольцо, шагнул к Баркеру.

Баркер выронил чашку прямо себе на колени.

— О-о! — взвыл он. — Выбросьте эту страшную вещь, выбросьте ее!

— Мне казалось, вы храбрый человек, Нобах.

Богослов отчаянно покраснел.

— Извините. Но это был настолько неприятный и неожиданный сюрприз... Будто вы держали руку друга, а ее пальцы внезапно обратились в змей... — Он встал, и чашка грохнулась на пол. Уставясь на кольцо, Баркер пробормотал: — Оно выковано Вельзевулом, берегитесь его! Пусть поразит его молния Божьего гнева!

— Прошу вас, успокойтесь. — Шелгрейв отложил кольцо в сторону, взял гостя за плечи и заставил снова сесть в кресло.

Стоя рядом, он торопливо заговорил: — Послушайте... мы с вами люди практичные, равно как и благочестивые. И мы знаем, где искать награду в этом мире. И если уж Господь дал нам в руки этот предмет, чтобы открыть грех и хитрость, — разве это не знак свыше? Разве не имел Он намерения помочь нам?

Баркер искоса глянул на Шелгрейва и произнес:

— У вас есть какой-то план, сэр Мэлэчи.

— Верно, и вы в нем занимаете главное место. Слушайте. Если Дженифер наденет кольцо, оно будет светиться, стоит ей приблизиться к цели... ну, могло бы светиться, если бы она путешествовала по своей воле. Я изучал магию, это необходимо, чтобы знать, как противостоять ей. Магия — слепое, механическое искусство, она не страшнее обычной пушки... В общем, разве не разумно было бы предположить, что оба кольца нацелены на одну и ту же точку? Значит, едва Руперт и Дженифер окажутся у Средиземного моря, кольца повлекут их, как мошек на свечу, к некоему месту... И если девушка будет постоянно под присмотром достойного человека... не забывающего о том, что Руперт — опасный беглец, и если у этого человека будет в распоряжении команда отчаянных солдат...

— Но Руперт — королевской крови, — возразил Баркер. — И, конечно, прежде всего он отправится в Голландию и соберет там немало сторонников...

— Я думал об этом, и сомневаюсь, что он так поступит, — сказал Шелгрейв. — Конечно, он может заехать туда за деньгами, хотя двор его матушки давно доведен до нищеты, после многих лет изгнания... Он может даже потратить некоторое время, пытаясь тайно собрать войска. Но все же я уверен, что следует отправить за ним небольшой, но решительный отряд.

Баркер нервно вздохнул:

— Чувствую, вы намерены просить именно меня возглавить такой отряд, Мэлэчи.

— Вы не ошиблись. Меня слишком хорошо знают, да у меня и слишком много дел, мое отсутствие будет скоро замечено. И мне еще потому нельзя уезжать, что я должен скрывать побег Руперта. Если из Лондона пришлют за ним раньше, чем мы его вновь поймем, я смогу написать им, что принц болен и не в состоянии выехать. Ведь если в армию просочится весть о его побеге, это будет слишком сильным потрясением.

— А Парламент будет недоволен вами, — хитро заметил Баркер.

— Что ж, там действительно есть злопыхатели, которым страстно хочется свалить меня. Но им это не удастся; Господь поддержит меня. Кроме того, Дженифер... я хочу дать ей шанс искупить грех. Ведь если о ее злодеянии просочится слух в то

время, как Руперт еще на свободе, мне, боюсь, не спасти ее от повешения... И потому, Нобах, я подумал о вас. Для вас это неплохая возможность.

Шелгрейв вперил пылающий взор в собеседника и продолжил напряженным голосом:

— Вы благочестивы, и силам ада не сбить вас с пути, и вы разбираетесь в темных путях ведовства, вас не одурачить чарами. Более того, вы мне как сын — сын, которым не благословил меня Господь; или... впрочем, оставим это. Если вы победите, для вас откроются все пути. И не исключено, что ваши проповеди покорят Европу.

Баркер облизнул губы.

— Но путешествие через всю страну, с вашей племянницей, — он откашлялся, — чтобы в конце концов встретиться... не просто с дьяволом, а — *с ним*?

— Вы же отправитесь не один, вас будут сопровождать восемь надежных стражей, — пообещал Шелгрейв. — Вы их знаете, это преданные и смелые люди. Это Райтус Джерсон и его младший брат, Свардлард; это Джабилах Браун, Гофорвард Микер, Инкриз Ватерман, Урия Прикетт, Нехемия Скуддер, Зераб Трокмортон — все надежные люди. Они схватят принца Руперта и доставят его назад, или же привезут к воротам Лондона его злобную голову. — После этих слов тусклые глаза Баркера вспыхнули. А Шелгрейв выкрикнул: — И подумайте, Нобах, какая слава достанется вам!

Глава 14

РЫБОЛОВНОЕ СУДНО

И небо, и вода отливали стальной серостью. Над головой плыли тяжелые синевато-черные облака, грозящие дождем. Холод, туман, пронзительный ветер... Суденышко то взлетало на гребни волны, то падало вниз. Один человек стоял у румпеля, другой — у поручней, неподалеку от Уилла и Руперта, сидевших на скамье возле входа в каюту. Оба они были одеты в потрепанные шерстяные пуловеры, причем пуловер принца отчаянно натягивался на груди и на плечах; но они остались в своих кавалерийских башмаках, не сменив их на рыбацкие суконные ступни.

Лавируя, суденышко продвигалось вперед, сопровождаемое скрипом снастей, гулом ветра, глухими ударами хлопающего паруса. В какой-то момент Уилл чуть не свалился со скамьи, но удержался и выругался:

— Чтоб тебе затонуть, кривобокая кляча! Ты что, хочешь выбросить меня за борт?

— Эй, не говори так! — предостерег его Руперт. — Ты что, в самом деле утонуть захотел? Пора бы знать, что с морем следует быть осторожным!

— Чем меньше я знаю о море, тем лучше я себя чувствую. Оно плюется, как бешеный пес! Надоела мне эта соленая пена!

Крепкий рыжеволосый человек, стоявший поодаль, усмехнулся:

— Радуйся, что не свалился от морской болезни, сержант! От нее, конечно, не умирают, но и лучше себя не чувствуют.

— Ох, но я и без того болен, капитан Прис!

— Ап-Рис, с вашего позволения. Оуэн Ап-Рис.

— Извините... Я и забыл, какие вы придирчивые, уэльсцы. Долго нам еще тут болтаться?

— Ну, остров Скилл мы уже миновали, так что если ветер продержится и погода не испортится, то — еще денек.

Руперт нахмурился.

— А тем временем нас может догнать военный корабль, — сказал он. — А военный флот принадлежит Круглоголовым...

— Об этом не беспокойтесь, ваше высочество, — успокоил его Ап-Рис. — Мой народ занимался контрабандой уже в те времена, когда Ной едва нашел гавань. Даже если нас накроют — ну и что? У нас двойное дно, и там найдется комнатка для вас и вашего парня, и никто вас не найдет.

— Ага, и будем мы там лежать, как селедка в сети, — пробормотал Уилл. — А потом еще и вонять будем рыбой.

Руперт не обратил внимания на его слова.

— Хочу еще раз напомнить вам, шкипер, — сказал он, — что я весьма признателен и благодарен вам и вашему сыну за то, что вы рискуете из-за нас — хотя я и предупреждал, что у изгнанников нет ничего, кроме родословной.

— Но я делаю это для короля, сэр; я даже думаю, что, когда он вернется на трон, ваше высочество напомнит ему о честных рыбаках, которые так мало зарабатывают и которым совсем не будет лишним разрешение торговать с границей...

— Разумеется, я это сделаю. А вам бы хотелось, чтобы вам снизили налоги, а то и совсем избавили вас от них?

Ап-Рис испуганно уставился на принца:

— Охрани нас святой Давид, нет, сэр, нет! Что будет с торговлей без налогов? Нет, пусть нам назначат любые налоги, пусть даже очень высокие, пусть... эй, что там такое?

— Судно впереди по курсу! — ответил второй рыбак.

Это был небольшой трехмачтовый корабль, идущий под двумя парусами. Полированный корпус судна украшала резьба. Над кормой развевалось яркое знамя.

— Это не военное, — сказал Ап-Рис. — Двухпалубный катер, иностранный.

Руперт кивнул.

— Серебряный щит, лазурный лев, стоящий на задних лапах... — сказал он. — Это флаг Туниса.

Уилл нервно вздохнул и попытался схватить принца за рукав, но не успел, потому что суденышко сильно качнуло, и Уилл шлепнулся на палубу. С трудом поднявшись, он заорал:

— Твое кольцо, Руперт! Све-ветится!

— *Lieve hemel*, — прошептал принц, взглянув на огненную радугу. — Должно быть, ты... это на пользу нашему делу... наверное, тот корабль направляется в нужные нам воды... Поворачивай! — взревел он. — Перехвати его!

— С бешеными датчанами лучше не спорить, — в испуге пробормотал Ап-Рис. — Слушаюсь, сэр!

Его сын повернул румпель. Суденышко легло на борт. Уилл с грохотом покатился через палубу, и его накрыло волной.

— Неужели нас еще мало вымочило? — жалобно проскулил он. — Чертово море, как ты мне надоело!

НА БОРТУ ТУНИССКОГО СУДНА

По веревочной лестнице Руперт поднялся на борт и перевалялся через поручень. Уилл медленно полз следом, нагруженный ржавым оружием, ругаясь и проклиная все на свете. Рыбачья лодка, поймав ветер, рванулась на северо-запад. Руперт махнул вслед ей рукой и крикнул:

— Удачи, друзья! Доброго пути! Когда я вернусь, я сделаю все, чтобы у вас снова был король!

После этого он повернулся и огляделся. Матросы, бросив работу, столпились неподалеку и переговаривались на незнакомом языке. Это были смуглые бородатые люди, в свободных блузах до колен, подпоясанных кушаками, с засунутыми за них кривыми ножами. Европейцы-офицеры, одетые на сходный манер, носили длинные волосы, бороды и небольшие усы; у большинства на шее висели распятия. Среди них принц увидел и римского священника в черной рясе.

Руперт поклонился мужчине и женщине, стоявшим почти рядом с ним.

— Ваши милости оказали мне немалую любезность, — сказал он, — предоставив возможность добраться до ваших земель.

— Это самое малое, что мы могли сделать, и мы очень обрадовались, узнав ваше высочество, — ответила женщина, улыбаясь. Она была молода, и дорожный плащ не скрывал красоты ее фигуры и элегантности платья. На высокой прическе из эбеново-черных волос драгоценными булавками приколоты кружевная мантилья, глаза тоже черные и блестящие, кожа оливкового оттенка. Девушка, стоявшая чуть поодаль, была тоже хороша собой, но ее затмевала красавица хозяйка.

Мужчина, стоявший слева от дамы, являл немалый контраст с ней. Одет он был богато, маленького роста, седой; казалось, его тонкие ноги едва держат туловище. Лицо с крючковатым носом позеленело — мужчина явно чувствовал себя очень плохо.

— Да, это большой сюрприз, — сказал он. В его речи акцент ощущался куда сильнее, чем в речи дамы.

— К сожалению, ваша милость, сейчас я совсем не в том положении, в каком был, когда мы с вами встречались в Оксфорде, — грустно произнес принц.

— Ну, по крайней мере, скоро вас оденут в соответствии с вашим саном, — пообещала дама и указала на девушку: — Моя горничная, Нина, прекрасно владеет иглой... *Santa Maria! Que?*

Руперт оглянулся. Через поручень перебирался Уилл. Принц рассмеялся.

— Это Уилл Фарвелл; он, конечно, бывает порой похож на кентавра — но он отнюдь не водяной, — и добавил серьезно: — Это он руководил моим спасением и ни разу не отступил перед трудностями.

— Ага, пока мы не попали в ту мокрую качалку, — проворчал драгун. Увидя, что он стоит перед знатными людьми, он стащил с головы шлем и вытер лоб. — Извините...

— Нам повезло, Уилл, — сказал Руперт, бросая украдкой взгляд на свое кольцо — но оно имело уже обычный вид. — Этот корабль везет домой посла его величества в Тунисе — герцога Картаджа, дон Германа Фердинандо Селестиана дель Монте де Кавиланес у Паломас...

— Уф-ф-ф! — выдохнул Уилл.

— И его прекрасную супругу, дону Белинду, — закончил Руперт.

— Ваше высочество, это наш капитан, дон Алонсо Мена, — сказала герцогиня, указывая на дородного человека, тут же отдавшего принцу морской салют.

Герцог, все это время борющийся с тошнотой, прижал ладонь ко рту.

— Извините меня, — пробормотал он, — дела, неотложные дела, сэр... — и торопливо скрылся за дверью, ведущей в каюту.

Белинда вздохнула:

— Бедняга, он еще худший моряк, чем вы.

— Но почему вы пустились в плаванье в такую плохую погоду? — спросил Руперт.

Женщина вздернула брови.

— Да разве в северных морях бывает хорошая погода? — Но тут же она стала серьезной. — Дело в том, что нам просто пришлось поторопиться. Мой лорд, предвидя подобную ситуацию, обратился в министерство и попросил прислать корабль, чтобы тот стоял наготове в доке и был в нашем распоряжении. И очень хорошо, что он так сделал, — женщина передернула плечами. — О, я, конечно, не могу сказать, что нашим жизням всерьез что-то угрожало, но... После того как бунтовщики выгнали короля Карла из Оксфорда и принялись гоняться за остатками его армии по всем окрестным землям — ну, посольство такой далекой страны, да еще и католической, стало предметом ненависти этих прокисших еретиков... Нам лучше было уехать и доложить дома, что происходит... Ох! — Взглянув в лицо Руперта, она схватила принца за руки и тревожно спросила: — Что с вами, ваше высочество? Вы нездоровы? .

— Да... — хрипло ответил он. — Мой король... он разбит... неужели окончательно?

— Вы этого не знали?

— Я был в плену в последнее время, — напомнил он. — А сбежав, пробирался сквозь леса... туда не доходят новости.

— Думаю, это и есть настоящая причина, — горячо произнесла герцогиня. — Без руководства принца Руперта дело короля очутилось в слабых руках... Не следует ли нам повернуть назад? Мы можем доставить вас...

Он отрицательно покачал головой:

— Нет, благодарю, леди, но у меня есть очень важное дело, и мне просто необходимо оказаться в тех водах, куда вы направляетесь.

Герцогиня просяла.

— В таком случае — добро пожаловать на наш корабль, Руперт! — И тут же мягко добавила: — Могу ли я называть вас Рупертом, и не захотите ли вы звать меня просто Белиндой?

Принц никогда не отличался особой учтивостью. Покраснев, он ответил:

— Вы очень добры. Мне повезло.

— Нет, это мне повезло — ведь море принесло нам в дар такого замечательного спутника, о каком мы не смели и мечтать. Вы и не догадываетесь, наверное, как все мы, придворные дамы, завидовали Мэри Вилльерс, к которой вы были благосклонны... но так целомудренно благосклонны, ха! — Она укоряюще глянула на принца, затрепетав ресницами и томно улыбнувшись. — Но теперь вы принадлежите мне, на все время нашего путешествия! Идемте, я покажу вам вашу каюту. А позже... о, нам найдется о чем поговорить!

Ошеломленный принц отправился следом за герцогиней. Горничная шагнула было за ними, но донна Белинда едва заметно нахмурила брови и качнула головой. Девушка кивнула в ответ, отошла к поручням и встала там, глядя на воду.

Уилл Фарвелл бочком подобрался к ней. Капитан что-то скомандовал офицерам и матросам, и они разошлись.

Уилл откашлялся.

— Эгей! — начал он. — Знали бы вы, как мне надоел этот проклятый морской воздух, и одни только волны перед глазами... — Он окинул девушку восхищенным взглядом. Несмотря на скромное платье и темный плащ, пухленькая девушка производила очень приятное впечатление. — Ну, может, и не стоило бы плохо отзываться о море, пока плывешь по нему, да только куда приятнее смотреть на эдакую фигуристую фигурку, с которой можно прогуляться по палубе... Меня зовут...

— Я слышала ваше имя, сэр, — сказала она. — Вы — солдат, сопровождающий храброго принца.

— Ну, вы слышали только самое начало... а?

— Меня зовут Нина Вальдес, я прислуга герцогини.

Они искоса глянули друг на друга и обменялись улыбками.

— Вы испанка, верно? Ну, я человек без предрассудков. Мужчина — это мужчина, а женщина — это женщина, и слава Богу за это.

— Но я не испанка, сэр. Я туниска.

Уилл запустил пальцы в сивые космы.

— Вот как? Ну, мне-то все равно, только я слышал, будто в Тунисе живут мавры... А, ладно, чего там об этом думать? Лучше я вам расскажу кое-что о том, как мы с Рупертом... ну, я-то его зову просто Рупертом, конечно, не при посторонних, так вот, я вам расскажу, как мы стали почти что братьями... А что, в Тунисе все одеваются так вот, как ваша команда — не по-христиански?

— О сэр, ведь Тунис не так уж давно завоеван доном Хуаном из Австрии; он основал там королевство. Многие жители и до сих пор остаются язычниками-мусульманами, но у нас христианские законы, испанского происхождения. Это небольшое

королевство, но наша королева Кларибель — дочь короля Неаполя, сэр.

— Зачем ты говоришь мне «сэр»? — сказал Уилл, накрывая ладонью пухленькую ручку девушки, лежащую на поручне. — Вполне достаточно просто Уилла, а, Нина?

К ним подошел боцман и окликнул Фарвелла:

— Эй, мы подыскали тебе местечко, иди взгляни.

Уилл раскланялся с Ниной.

— Сдается мне, — сказал он, — они вспомнят и о том, что не худо бы меня еще и накормить. Ну а уж на сытый-то желудок мы поговорим...

Нина хихикнула и провожала Фарвелла взглядом, пока тот не скрылся из виду.

Глава 15

ПАКЕТБОТ НА КАНАЛЕ

Это было широкое судно с уродливыми надстройками и короткими, толстыми мачтами. Паруса были свернуты, зато шлепали по воде грузные колеса, пыхтел и гремел мотор, сотрясая корпус судна, а из трубы валил дым. Белые меловые утесы таяли вдали, за кормой.

Дженифер стояла у поручней, глядя назад. Под темным капюшоном плаща лицо девушки казалось очень бледным, хотя вообще она поздоровела и в глазах ее светилась жизнь. Неподалеку от Дженифер расположились восемь ее стражей в грубой пуританской одежде — кто-то из них сидел на скамьях, другие шагали взад-вперед по палубе. Место, где все они находились, было частично отгорожено от остальной палубы одной из надстроек и тюками с палубным грузом.

«Прощай, милый Дувр, — подумала Дженифер. — Милый, хотя мне лишь мельком приходилось видеть тебя — из окошка кареты или из окна моей кельи в монастыре... но я ощущала запах соли, любовалась вязаными колпаками рыбаков, слышала стук их башмаков по мостовым, слышала английские голоса... и мне вспоминался Корнуэлл. О Руперт, когда ты впервые приехал сюда, юный и смелый, что заставило тебя полюбить нашу страну? Блеск королевского двора — или простые английские пейзажи...»

Рядом с Дженифер послышался робкий голос:

— Моя леди, вы грустите?..

Обернувшись, она увидела юношу, почти мальчика — он был одним из ее стражей.

— Тебе-то что за дело, Свардлард Джерсон? — резко откликнулась она.

Он отчаянно покраснел.

— Я... мне больно, моя леди... вы словно в клетке... — заикаясь, выговорил юноша, прижав руку к сердцу. — Но все-таки радостно видеть, что здоровье вернулось к вам...

— Вот только лишил меня здоровья не кто иной, как твой брат Райтус, — и она снова повернулась к нему спиной.

— О, умоляю вас... у него были добрые намерения... хотя я сам никогда бы...

— Теперь меня насильно везут на юг, и я ничем не занята — только ем и сплю, так почему бы и не нарастить немножко мяса на костях? А тревога и душевный голод — они внутри...

— О моя леди, одумайтесь! — умоляюще воскликнул юноша. — Вы едете сейчас, чтобы исправить... нет, не грех, клянусь — я не верю, что на вашей чистоте есть хоть крохотное пятнышко, но простую ошибку, которую вы совершили по незнанию, вас ведь просто обманули... И скоро вы обретете свободу. А пока — перед нами Франция, чудесная страна, говорят... вы ведь не видели ее прежде? Но я слышал, что в вас есть французская кровь...

— Эй, ты! — прикрикнул на юношу его старший брат. — Ты здесь для того, чтобы стеречь ее, а не заниматься дурацкой болтовней!

— О, в первый раз я рада слышать слова Райтуса Джерсона! — холодно произнесла Дженифер.

Свардлард отошел в сторону под насмешливыми взглядами солдат, сел на палубу, прислонясь спиной к кнехту, и обхватил руками колени.

Из-за каюты вышел Нобах Баркер с каким-то человеком. Незнакомец вполне мог сойти за Рыцаря — у него были длинные волосы, борода и усы, на поясе висел меч, а в руке он держал шляпу с белым плюмажем. Но одет он был слишком ярко и явно не принадлежал к аристократии. На его лице явно читалась вежливая скука.

— Что ж, мсье д'Артаньян, — заунывно говорил Баркер, — то, что вы видели в Англии, когда ездили туда с поручением короля Луи, всего лишь начало, семя, которое прорастет через несколько лет, когда мы построим новый Иерусалим. Тогда и ваш народ, воодушевленный примером, впитает истину пуританизма; и недалеко то время, когда два наших великих королевства отвоюют Святую Землю и очистят ее от турецкой нечисти.

— Возможно, возможно, — скептически бросил д'Артаньян. Но тут он заметил Дженифер и взбодрился. Девушка

оглянулась и, поймав взгляд француза, слегка покраснела, но тут же снова уставилась на волны.

— И куда именно во Франции вы направляетесь? — спросил француз.

— В Марсель, — ответил Баркер и торопливо добавил: — Все наши бумаги в порядке.

— Но вы остановитесь в Париже? — Д'Артаньян не то чтобы поклонился в сторону девушки — она ведь не смотрела на него, но как бы вознамерился сделать это. — Я мог бы показать вашей... дочери... многие интересные места...

— О нет...

— Вполне respectable, и с нами будет пожилая дама!

— Она не моя дочь! Неужели я выгляжу таким старым? — (Д'Артаньян вопросительно вздернул брови.) — Она... лучше взгляните на наши документы. — Баркер наклонился поближе к французу и заговорил тихим доверительным тоном, не замечая, что Д'Артаньян, насколько мог, отворотил нос. — Ее дядюшка — мой близкий друг, знатный человек. Увы, девушка в последнее время страдает приступами безумия. За ней приходится постоянно присматривать, чтобы она не навредила сама себе, но в остальное время она вполне разумна — однако в любой момент может броситься бежать или начнет драться, обвиняя тех, кто ее любит, во всех смертных грехах... Вы понимаете? По совету врачей мы везем ее на юг, в надежде, что мягкий климат и морское путешествие послужат лекарством...

Француз осенил себя крестом.

— Mon Dieu! — В голосе его послышалось искреннее сочувствие. — Так молода и прекрасна! Как это печально... Adieu, monseigneur. Я буду молиться за нее.

Он торопливо скрылся за каютой. Баркер проводил его злобным взглядом.

— Папистские молитвы — бессмысленный шум! — проворчал он. — Жаль, что никак не избежать встречи с этими ниневиянами! Придется крепиться, помня об Ионе.

Подойдя к Дженифер, Баркер сообщил:

— Нас навестила очень важная лягушка!

— От такого кислого лимона, как ты, даже лягушку перекосит! — огрызнулась Дженифер, по-прежнему глядя в воду.

Он вспыхнул:

— Новая наглость? Раскайся, пока не поздно!

Она демонстративно оглядела его.

— О, я сказала, не подумав. Ведь лимон дает здоровье людям, надолго уходящим в море. А ты — цинга, тебя никаким лимоном не вылечишь!

— Ну, ты об этом пожалеешь! — зарычал Баркер. — Когда мы поймаем Руперта, тебе достанется за твое своеволие!

— А с чего это ты взял, что я буду помогать тебе выслеживать его? — процедила она сквозь зубы. — Да и мое кольцо ты забрал...

— Чтобы ты не бросила его в море.

— О, я бы сделала это с удовольствием, или вместе со своей рукой сунула бы его в огонь! — Дженифер с силой ударила по поручню. — Ты не заставишь меня надеть его, чтобы найти дорогу!

— Заставлю, — ответил он. — Как только окажемся на юге Франции. И ты не сумеешь его сбросить, потому что тебя будут крепко держать за руки. Нет ничего легче! И никого это не удивит... ведь ты же сумасшедшая, с тобой и должны обращаться соответственно... — Он взял ее за руку. Девушка вздрогнула и попыталась освободиться, но он крепко сжал пальцы на ее запястье и продолжил визгливым голосом: — Уж поверь мне, мистрис Дженифер, мне и самому жаль, что приходится причинять тебе боль. Но когда ты исцелишься, я возблагодарю Господа. Как мне хочется, чтобы ты поскорее вернулась на путь истинный! И надеюсь, что ты окажешься достойна чести... когда я попрошу сэра Мэлэчи обручить нас. О, молчи! Ты должна надеяться на прощение, и я тоже надеюсь. Я буду повторять свою проповедь, пока не сломаю стену, воздвигнутую дьяволом в твоём уме! — Он глубоко вздохнул. — Дай мне только начать мои проповеди! Я вспомнил, ты дочь моряка. Тебе известны нужда и лишения, тяжелый труд. Взгляни на эти воды, на эти корабли, — он сделал величественный жест, — эти люди и паруса тоже боролись с ветрами и течениями, но появился мотор, и благодаря Господу родился прогресс, и пришел новый век, век очищающего железа, и люди тоже станут железными инструментами, подчиненными воле... Что случилось?

Послышались грохот и скрежет, и пакетбот, вздрогнув, остановился. Гребные колеса, шлепнув по воде в последний раз, замерли.

— Черт бы побрал этот манометр! — послышался рев. — Все на палубу! Наверх, мерзавцы! Поднять паруса, пока мы не врезались в кого-нибудь!

Дженифер одарила Баркера долгой сладчайшей улыбкой.

— Век железных людей, — протяжно произнесла она, — и деревянных мозгов!

Хихикнув, она отправилась к каюте. Ее стражи затопали следом.

КАЮТА РУПЕРТА

В Тунисском королевстве мавританская пышность явно победила испанскую суровость. Койка в каюте Руперта (под которой располагались шкафчики) была покрыта толстым ярким ковром. Откидные стол и стул украшали богатая резьба и инкрустация эмалью и слоновой костью; стул имел мягкое сиденье.

Сквозь открытое окно доносился шум волн и врвался мягкий соленый ветерок. Большой фонарь, висевший над головой и бросавший мягкий свет, чуть заметно покачивался.

Руперт читал книгу. Он был одет в шелковую рубашку, камзол черного бархата, отороченный горностаем, модные бриджи до колен с белыми чулками и лайковые комнатные туфли, расшитые жемчугом. За дверью послышался стук, принц поднял голову и крикнул: «Входите!»

Дверь открылась, и появилась герцогиня Белинда. В ее волосах мерцали рубины; рубины же украшали шею и пальцы женщины. Лиф ее облегающего пурпурного платья был низко вырезан. Руперт вскочил.

— Моя леди! — воскликнул он. — Что привело вас сюда?

— Мне стало стыдно, что вы все вечера проводите в одиночестве, — весело ответила она.

— Но я каждый день обедаю и ужинаю с вами и с его милостью... если он чувствует себя достаточно хорошо... да к тому же слишком поздно. Я думал, вы давно отдыхаете.

— Нет, как видите. И вы как-то говорили, что засиживаетесь подолгу... почему вы не спите? — Голос герцогини звучал слаще меда. Она подошла к принцу, взяла его за руку, заглянула в глаза. — Ваша каюта достаточно удобна? Впрочем, на корабле просто нет койки, подходящей вам по длине...

— Моя леди, солдат может спать где угодно. Да я и нуждаюсь в сне меньше, чем другие люди. И мне неловко, что помощнику капитана пришлось отдать мне свою каюту.

— Ха! Он должен считать за честь, что в его каюте поселился принц Руперт с Рейна... Поставь все сюда, Нина.

Горничная, появившаяся следом за герцогиней, водрузила на стол принесенный ею поднос — на нем красовались графин, хрустальные бокалы и засахаренные фрукты в изысканной вазе.

— Хорошо, — кивнула Белинда. — Можешь идти. Сегодня ты мне больше не понадобишься.

Девушка, явно довольная, присела в глубоком реверансе и поспешила из каюты.

— Мне кажется, через минуту она уже будет в объятиях вашего Уилла, — рассмеялась Белинда. — И, похоже, спать они не собираются.

— Но, моя леди... — смущенно пробормотал Руперт, — это... ну...

— О, не тревожьтесь, если вас смущают правила приличия. Мой супруг знает, где я, да и пришла-то я с его одобрения... просто сам он плохо переносит путешествие, и ему лучше оставаться в постели. И, взгляните — мы оставим дверь широко открытой... — Она не спеша подошла к двери, распахнула ее и закрепила крюком. — И все же мы будем наедине.

— Но зачем, моя леди?

— Ах, я ведь уже предлагала вам называть меня по имени, не так ли? Разве мы не друзья? Надеюсь, друзья, и хорошие... а не просто пара титулов.

Она уселась на диванчик, и принцу ничего не оставалось, как тоже сесть.

— Не разольете ли шерри? — спросила она. — Почему бы нам не выпить немного?

Принц повиновался. Белинда подняла свой бокал.

— *A nuestra salud!* — предложила она. Улыбка скользнула по губам принца.

— Что вы читаете, Руперт? — спросила женщина после того, как они чокнулись и отпили по глотку.

— Португальский отчет об исследовании Северной Америки, мне одолжил его капитан Мена.

— Я не знала, что вы читаете по-португальски.

— Ну, он нетруден, если уже знаешь латынь, испанский, французский, итальянский... — (Белинда восхищенно округлила глаза.) Принц откашлялся. — Здесь так чудесно описываются земли возле залива Генри Гудзона... Автор отчета жил в фактории, торговал мехами; но самым важным тут мне кажется то, что он наблюдал северные сияния, значит, до Северного магнитного полюса оттуда не так уж далеко. А местные жители прекрасно существуют при тех холодах, они отлично приспособились, и у них очень интересная культура и верования.

Белинда приложила холеную руку к щеке.

— Ах, Руперт! — вздохнула она. — Ваш ум охватывает целый мир!

— Но, моя леди... Белинда, я простой солдат. — Он сделал основательный глоток из бокала, чтобы скрыть смущение. — Так какое же дело заставило вас прийти?

Она надула губки.

— Любой другой мужчина на вашем месте спросил бы, кому из богов он обязан таким счастьем! — (Руперт покраснел.) Белинда хихикнула и погладила его по руке. — Но мне не хотелось бы, чтобы вы стали похожим на других. — Потом она

продолжила уже серьезно: — Вы чуть-чуть рассказали нам о своей миссии... вы попали в плен под Марстон Муром, сбежали и теперь ищете нечто, способное помочь делу короля, и это нечто находится в водах между Европой и Африкой.

— Я не вправе сказать больше. — Принц посмотрел на кольцо и сжал кулак. — К тому же это все слишком фантастично, и надежда невелика.

— Ну, я не собираюсь принуждать вас к рассказу. Но вы не должны забывать, что у вас есть друзья... Мы с супругом рады помочь вам — ради победы короля и ради нашей собственной безопасности.

— Вы очень добры. Хотел бы я знать, случайно ли пересекались наши пути. Но у меня есть и другие союзники, тайные, хотя силы их невелики... Впрочем, продолжайте, прошу вас.

— Вы побывали в Голландии, просили помощи у своей матери. — Белинда наклонилась к принцу. Свет фонаря позолотил ее волосы и лицо; тень упала на глубокое декольте. — Вас не смогли снабдить большой суммой, и все же вы отправились в путь, торопясь к цели — с единственным помощником и едва ли с парой шиллингов в кармане.

Руперт пожал плечами:

— Это смелость от отчаяния.

— Ваша смелость волнует меня. Но я уверена, вы не станете отказываться от помощи. — Она глубоко вздохнула. — Если бы я могла снарядить хороший отряд воинов и фрегат! Но это невозможно — мой супруг слишком мирный человек... И все же я убедила его предложить вам вот этот кошелек. Золото поможет вам в пути.

— Белинда, я... я не могу, — испуганно забормotal Руперт. — Я не смею...

— О, можете! — сердито воскликнула она. — Я предпочла бы, чтобы это был дар, но если вам угодно — назовем **это** займом. Король Карл сможет рассчитаться с нами, когда **вы** поможете ему вернуть корону. Вы обязаны, Руперт. Вы *не можете* отказаться.

Она схватила принца за руку, вложила кошелек в его пальцы и сжала их. Руперт сначала сопротивлялся, но потом перестал. Белинда выпустила его руку и послала принцу воздушный поцелуй.

— Вы мудрый человек, вы понимаете все на свете!

— У меня не хватает слов, чтобы поблагодарить вас.

— О, у вас есть такие слова! Это слова о вас, Руперт! Расскажите мне о своих приключениях, о своих победах... да вы ведь еще и художник, так, может, нарисуете мой портрет?

— Мне бы это доставило удовольствие.

Женщина повернула голову в одну сторону, в другую — изгибая шею и поводя плечами.

— С этой стороны? — мурлыкала она. — Или вот так? Мы должны испробовать разные варианты... ох!

Последнее восклицание прозвучало совсем не радостно. Принц, обернувшись, увидел герцога Германа в ночной рубаше и халате, остановившегося в дверях каюты. Вид у герцога был совсем больной. Он опирался на трость, но все же пытался улыбаться.

— Ваша милость! — Руперт вскочил и помог гостю добраться до стула. — Какой приятный сюрприз! Вы чувствуете себя лучше?

— Лучше, да, лучше. — Усевшись рядом с женой и подождав, пока принц сядет напротив, дипломат продолжал: — Да, да, благослови Господь эту прохладу... Когда мы доберемся до Туниса, я обещаю поставить пятьдесят свечей святому Антонию, он, вы знаете, жил в пустыне, очень далеко от воды... — Герцог благодушно подмигнул принцу. — Ну, вы покончили с делом?

Белинда кивнула.

— Моя благодарность не имеет границ, ваша милость, — сказал Руперт. — Позвольте налить вам вина.

— Нет-нет, — слабым голосом ответил герцог. — Мой желудок после последнего шторма, знаете ли, не очень уверенно себя чувствует, хе-хе. Ах, если бы снова стать молодым! Но скоро, увы, и вы поймете, что молодость проходит так быстро! Помню, однажды в Барселоне... в шестьсот двадцать девятом или в двадцать восьмом?.. наверное, в двадцать девятом, помню, тогда я...

Руперт уселся поудобнее, приготовившись терпеливо слушать. Но Белинда прервала мужа, коснувшись его руки и мягко заметив:

— Дорогой, я так рада за тебя. Но ты должен беречься. Ты так легко простужаешься. Руперт, вы не закроете окно?

— Нет, не надо, — возразил герцог. — Пусть будет открыто. Прохладный воздух освежает, да. Хотя, конечно, теперь, когда моя леди напомнила мне, я как будто почувствовал небольшой озноб... и все же я старый вояка, хе-хе. Вы, конечно, совсем молодой кабальеро, и у вас было немало приключений, и еще будет, хе-хе, но позвольте, я расскажу...

— И ты, должно быть, проголодался, — сказала Белинда. — Возьми сливу в сахаре.

Она предложила ему самый приторный на вид фрукт. Герцог нервно сглотнул и отвел руку жены.

— Нет! Мой желудок... Пожалуй, стакан воды и сухой бисквит...

— Бисквитов почти не осталось, дорогой. И все же, Руперт, что бы он ни говорил — я должна настоять, чтобы вы закрыли окно, пусть будет жарко, но без сквозняка. Что же касается вашего питания, дорогой, я прослежу, чтобы тебя не пичкали бульоном и жидкой кашей, пожалуй, я велю повару приготовить... — Она очаровательно нахмурилась, задумавшись ненадолго, потом просияла улыбкой. — Да! Неплохо бы заказать баклажаны с луком, зажаренные в масле, под соусом из сыра и чеснока, и, конечно, побольше перца... Да, и полночь уже недалеко, ты поужинаешь свиной отбивной.

Герцог изменился в лице и схватился за живот.

— Нет... — едва слышно произнес он.

Белинда не обратила на это внимания.

— Ах, мой лорд, — продолжила она, — а разве не восхитительно — зажарить картофель с перцем... это к свиной отбивной. Но можно сделать и запеканку из яиц, только нужно добавить в нее...

Герцог, шатаясь, поднялся на ноги. Руперт поспешил ему на помощь.

— Между прочим, — сказала Белинда, — при морской болезни очень помогает жевательный табак. Мы могли бы...

— Я... мне снова нехорошо... — Герцог покачнулся.

Руперт поддержал его, взяв за локоть.

— Идемте, я помогу вам добраться до вашей каюты, — настойчиво сказал он.

— Нет-нет, оставьте... — Герцог попытался выпрямиться. — Мы... дель Монте де Кавиланес... старые вояки... — И он гордо удалился.

Руперт некоторое время стоял молча. Белинда прихлебывала вино.

— Боюсь, моя леди, вы были немного жестокосердны, — сказал наконец Руперт, не глядя на герцогиню.

— Намеренно, вы хотите сказать? Ох, я знаю, что делаю, — беззаботно призналась она. — Но не думайте обо мне слишком плохо. Когда меня выдали за герцога, он был старше моего отца... И все же — разве я не была ему хорошей подругой? Ну и разве вы не знаете, на какие хитрости пускаются старики, чтобы удержать жен, сохранить власть над ними, когда сами уже совсем бессильны?.. Впрочем, не так уж он бессилен, просто его утомило путешествие.

— Да, но...

— Прошу вас, сядьте. Вы обязаны немного развлечь меня, вы согласны? Допейте свой бокал, наполните его вновь и за-

будьте свою серьезность... я уверена, вы просто стараетесь выглядеть строгим, чтобы никто не угадал, что у вас доброе сердце.

Принц повиновался.

— Мне приходилось слышать, — сказала герцогиня, — что, когда вы получили свободу в Лидсе, вам посчастливилось отличиться перед самым императором и его егерями; вы простым дротиком убили дикого кабана... это правда?..

Глава 16

ВО ФРАНЦИИ

Под безоблачным небом пестрели крохотные сжатые поля, коричневатые стога сена, бледно-зеленые колонны тополей, фруктовые сады с красновато-желтой листвой, виноградники; далеко отстояли друг от друга домики фермеров, покрытые либо соломой, либо янтарного цвета черепицей. На полях работали крестьяне, одетые в блеклые синие блузы и сабо; их повозки и телеги, запряженные быками или ослами, были ярко раскрашены. Крепкие, коренастые крестьяне, на минутку опустив косы и серпы, поднимали головы, чтобы взглянуть на проезжающих.

Запахи горячей земли и лета почти заглушались пылью, поднятой копытами лошадей и колесами кареты, катящей на юг. На ее крыше громоздился багаж. Лошадьми правил человек в черной одежде и высокой шляпе; второй, одетый сходным образом, сидел на запятках кареты. Шестеро в штатском платье, но с мечами на поясах ехали верхом. Их выправка выдавала солдат.

Дженифер высунулась в окно кареты. Платье девушки пропылилось, лицо тоже было грязным.

— Что тебе там нужно? — резко спросил Нобах Баркер, сидевший напротив Дженифер. Он куда сильнее, чем девушка, страдал от жары и непрерывной тряски.

— Мне нужен глоток свежего воздуха, — огрызнулась она. — Что, и это тоже запрещено?

— Это неприлично, мистрис Элайн — когда девица представляет на всеобщее обозрение.

Она недобро усмехнулась:

— Именно поэтому вы сидите в карете, ваше преподобие? Ну уж позволь мне быть до конца бесстыдной! Дай мне лошадь, чтобы я могла ехать верхом, а не задыхаться здесь!

— Нет. Сколько раз повторять? Почему я должен постоянно бранить тебя, как ребенка?

— Не нравится? Могу говорить с тобой так, словно я — собака!

— Потихе! — взвизгнул он. — Ох, если бы я мог выпороть тебя вожжами, чтобы изгнать демона презрения, одолевшего тебя! Да, выпороть, чтобы ты рыдала и умоляла о прощении за свою наглость, которой нет прѣдела!

— Предлагаю сделку, — сказала Дженифер. — Исчезни с моих глаз, и ты не услышишь от меня ни одного дурного слова.

— Нет. Твой опекун настрого приказал мне постоянно печься о твоей душе и неослабно трудиться ради твоего исправления. Мне думается, он ошибся, запретив телесное наказание; оно бы ослабило боль, мучающую меня. И все же я исполняю приказ, я повинуюсь. Ради спасения своенравной овечки я насилиую себя. Убери голову из окна. Это приказ!

Дженифер не обратила на приказ никакого внимания. Высунувшись из кареты как можно дальше, она принялась махать рукой крестьянской девушке, пасущей гусей на обочине дороги.

— Привет, сестренка, привет! — закричала Дженифер. — Je suis ta soeur... Маленькая сестренка, свободная сестренка, помолись за меня, ведь я в тюрьме. *Prіe pour moi*.

— Распущенность! Папизм! А ну, уберишь из окна! — взорвался Баркер. Он схватил девушку за талию и потащил внутрь.

Дженифер развернулась и царапнула его ногтями по щеке. Баркер тут же выпустил ее и зацѣлся кровоточащими царапинами. Чуть погодя Дженифер произнесла ледяным тоном:

— Предупреждаю тебя в последний раз, Баркер. Еще раз дотронешься до меня — останешься без глаз.

— Я... это дикость... насилие... ты и в самом деле сумасшедшая! — Он взял себя в руки. — Твой дядя дал мне власть самому выбирать способы выполнить задачу. Полагаю, сюда входит и подчинение плоти...

Дженифер вздохнула:

— Уж лучше я буду вести себя тихонько, чем позволю, чтобы ты прикоснулся ко мне.

Баркер попытался изобразить улыбку:

— Дитя, мне жаль тебя. В самом деле, ведь те муки, которые я терплю из-за тебя, приведут меня в рай небесный. Да, ты прекрасна снаружи, но ты испорчена внутри — и все же, если счистить ту грязь, которой испачкал тебя чернокнижник Руперт, откроется душа чистая, как едва выпавший снег.

— Ну, снег — штука холодная, и слишком быстро тает.

— Холодная? Ну... — Он достал из корзины бутылку. — Смотри, я плачу добром за зло, и предлагаю тебе воды — ведь такая жара...

— Я не стану пить из бутылки, к которой прикасались *твои* губы.

— Ты издеваешься надо мной, Дженифер, ты ранишь меня! — Он приложил руку к груди.

— А у меня от твоего вида живот болит!

Это добило Баркера. Встряхнув бутылку, он заявил:

— Может, и к лучшему, что ты отказалась. Воды почти нет. Пусть жажда заставит тебя подумать.

Допив воду, Баркер глубоко вздохнул и заявил:

— Я продолжу беседу, которую ты так грубо прервала. Если ты еще помнишь, мы говорили о восемнадцатой главе книги Левит, где упоминается о грехе вожделения...

Дженифер демонстративно смотрела в окно.

— Итак, я разовью мысль... — Тут вдруг Баркер сунулся к другому окну и заорал: — Трокмортон! Там никаких заборов не видно впереди?

— Зеленая изгородь, в миле отсюда, — откликнулся возница.

— Подхлестни лошадей, а там остановишься. Дело Божье не может ждать. — Баркер снова сел на место. — Так на чем я остановился? Ах да... Мы — на земле развратных папистов, в стране, которая...

Дженифер перебила его:

— Хотя они и католики, они все-таки терпят протестантов.

— А! Католическая страна — лжива насквозь, тут нет свободы, а их праздники — просто позор... Трокмортон, нельзя ли поскорее, сколько раз повторять!

— Мы уже почти доехали, хозяин, — послышался ответ.

— Я тебя на каждой остановке предупреждала, — сказала Дженифер, — что французская еда — или напитки? — никак не сочетается с английской конституцией!

— Это происки Сатаны, он старается помешать мне, — заявил Баркер.

Карета остановилась. Лакей прыгнул с запяток и распахнул дверцу. Баркер помчался за зеленую изгородь.

Дженифер неторопливо вышла из кареты, разминая мышцы после утомительной тряски. Она почти с симпатией взглянула на лакея: он мог бы сойти за статую, если бы не чихал время от времени. Но, по крайней мере, он не приставал к Дженифер с разговорами. И все же он был врагом Руперта. Остановившись в тени кареты, Дженифер с наслаждением потянулась, оглядываясь вокруг.

По гравию проскрипели чьи-то башмаки. Это Свардлард Джерсон спешил и подошел к девушке. Ведя коня на поводу, он остановился в ярде от Дженифер, переминаясь с ноги на

ногу, и робко поклонился, когда девушка бросила на него взгляд. Его детские щеки пылали румянцем.

— Как вы себя чувствуете, мистрис Элайн? Могу я чем-нибудь вам помочь?

— Я устала до полусмерти, — ответила она. — И... дай-ка подумать... о, ты и вправду можешь оказать мне услугу.

— Все, что вам вздумается, моя леди!

— Эй, поосторожней! — рыкнул сидевший в седле Райтус Джерсон. — Ведьма может взять с тебя обещание предать!

— Ох нет, — сказала девушка. — Мне бы хотелось, чтобы кто-нибудь оказал благодеяние не только мне, но и всей вашей банде — выдернул бы язык Нобаха Баркера и затолкал ему поглубже в глотку.

Трое из Круглоголовых захохотали. Еще один хлопнул себя по ляжке и заметил:

— Славное намерение; но вот беда-то — язык у него до того скользкий, что за него и не удержишься!

Райтус Джерсон нахмурился.

— Эй, поуважительней! — прикрикнул он. — Это наш священник! Кто бы нам прочел святую службу в этой земле Велиала?

Дженифер отошла на обочину дороги, присела на корточки и запустила пальцы в траву, пестревшую мелкими цветами.

— Здравствуйте, цветы Франции, — сказала девушка. — Я принесла вам привет от ваших английских кузенов...

И снова Дженифер услышала робкие шаги — и поднялась навстречу Свардларду. Юноша пробормотал с несчастным видом:

— Не можете ли вы... позволить... ну хоть что-то сделать для вас? Мне так хочется видеть вас счастливой, мистрис.

Дженифер смягчилась.

— Ты очень добр, — негромко сказала она.

— Но кто бы сумел быть недобрым с вами? И я никогда не поверю, что вы одержимая. Демоны могут налетать на вашу душу, как мошки на огонь свечи — но они сгорят в вашем сиянии! И вы храбры, как лев, даже если и сбились с пути. Я так хочу помочь вам!

— Да, я чувствую, что ты желаешь мне добра, — ответила Дженифер. — Что ж, может быть... Ну, пока что мне хотелось бы выпить воды из твоей фляги.

— О, если бы это была не вода, а амброзия! — Он отстегнул от пояса кожаную флягу, дрожащей рукой открыл ее, обтер горлышко своим шейным платком и чуть не свалился с ног, когда с поклоном протягивал флягу девушке. Та сделала несколько жадных глотков.

Когда она вернула флягу Свардларду, юноша сначала уставился на кожаную бутылку, а потом, не удержавшись, поднес ее к губам и тоже сделал глоток. Вид у него при этом был такой, словно он причастился святых тайн.

Из-за живой изгороди показался Баркер. Теперь он шагал неторопливо, с достоинством.

— Ну, братья, не пора ли нам продолжить путь? — воззвал он. — Или лучше отдохнуть с полчаса? Наверное, лучше устроить передышку, чтобы все вы смогли послушать наставления, которые я прочту нашей заблудшей овечке.

— О Боже! — воскликнула Дженифер, обращаясь к небу. — Если Ты от меня отвернулся — я вполне Тебя понимаю!

Свардлард задохнулся от ужаса:

— Вы и вправду сходите с ума... как можете вы богохульствовать?!

Положив руку на рукоять меча, он четким шагом подошел к Баркеру.

— Перестаньте! — воскликнул юноша, обращаясь к священнику. — Разве вы не видите, что лишь причиняете вред? Довольно и того, что она лишена свободы и что ее заставляют делать то, что она считает предательством. Но заставлять ее еще и слушать ваши напыщенные речи!..

Его старший брат торопливо бросился к нему, крича:

— Ах ты, щенок, не смей нагличать!

Свардлард с отчаянным упрямством возразил:

— Это не наглость! Просто... ну, проповедовать можно по-разному. Те, кто с радостью прислушиваются к простым словам любви, что произносил Христос, — пугаются теологии... Ну, эта леди тверда, колотить ее именем Бога бессмысленно... так можно лишь вызвать в ней отвращение к святому имени.

— Какое красноречие! — насмешливо бросил Райтус. — Ты что, стал монахом?

Дженифер подошла и взяла юношу за руку.

— Он просто демонстрирует здравый смысл, — сказала она. — А вам и не догадаться? Вы его порицаете за то, что он смотрит на меня как на человека, а не как на вещь. Но с этих уст слетают слова, которые доходят до моих ушей.

Баркер закипел от негодования.

— Да как ты смеешь, нахальная девка... — начал было он, брызгая слюной.

— Эй, потише, сэр! — перебил его Райтус. — Я знаю своего брата... да и ее тоже. Может быть... Давайте-ка поговорим вон там, в сторонке.

Он спрыгнул на землю и увлек Баркера подальше от остальных. Они долго о чем-то шептались. Остальные Круглоголовые

тем временем таращили глаза на юношу и девушку. Свардлард погрузился в унылое молчание, сам напуганный своей храбростью. Но Дженифер что-то шепнула ему — и он воспрянул духом и наполнился решимостью, как Маккавей.

Нобах Баркер и Райтус Джерсон вернулись. Священник откашлялся и заговорил:

— Мы решили сделать новую попытку. — Он повернулся к Свардларду. — Мой мальчик, попробуем назначить воспитателем тебя. Возможно, твоя мягкость и доброта растопят лед там, где бессильна логика. И если тебе удастся склонить ее к раскаянию, я скажу, что Господь зовет тебя в лоно церкви своей, и сам буду учить тебя проповедовать. Но если ты потерпишь неудачу...

— Ну, хуже-то не будет! — вмешалась Дженифер. — О Боже! Ты все-таки не бросил меня!..

— В общем, дальше мы поедем так, — не слишком радостно продолжил Баркер. — Вы по очереди будете давать ей своих лошадей, а сами будете ехать со мной в карете... — Он вдруг просиял. — И мы уж поговорим! Райтус Джерсон, ты, пожалуй, будешь первым. Я прочту тебе свою новую проповедь.

Дженифер и Свардлард не обращали внимания на священника. Они радостно смотрели друг на друга.

ТУНИССКИЙ КОРАБЛЬ

Руперт шел с кормы. Принц задумался, низко склонив голову — так, что длинные кудри почти скрыли его лицо. Но в средней части палубы его внимание вдруг привлекло одно из орудий. Принц остановился. Опытной рукой он провел по стволу, потом взял одно из лежавших рядом ядер.

Глухой шум заставил его насторожиться. На палубу опрокинулась крышка люка.

«Кто может быть сейчас в пороховом погребе?» — удивленно подумал принц и притаился за лафетом, наблюдая.

Из люка высунулась голова Уилла Фарвелла, повертелась туда-сюда и расплылась в улыбке.

— Никого нет, — тихонько сказал драгун. — Как я и думал. Выбирайся!

Он поднялся на палубу и встал рядом с люком, поправляя пояс. Следом за драгуном появилась горничная Нина — с растрепанной прической, в криво застегнутом платье.

— Не забудь подпоясаться, детка, — напомнил Уилл. Нина хихикнула.

Руперт выпрямился и шагнул вперед.

— Buenas tardes, — сказал он.

Нина взвизгнула. Уилл подпрыгнул на месте, но тут же разразился хохотом.

— Ох, мой лорд! Вы не забыли, что такое разведка! Ну, вы, наверное, помните и о нуждах простого солдата. — Он повернулся к смущенной девушке. — Не бойся, моя голубка, лети к себе, почисти перышки, и не забывай о том, что скоро мы снова встретимся.

Он шлепнул ее по заду. Нина бросила на Руперта отчасти опасливый, отчасти плутовской взгляд и убежала. Уилл водворил крышку люка на место.

Принц вздохнул и покачал головой.

— Как ты этого добиваешься? — спросил он.

— Да очень просто, сэр, — ответил драгун. — Или вас удивляет, как это я их добиваюсь, с моей-то рожей... да ведь это выдумки, что женщины ищут красоты в мужчинах, как мужчины ищут красоты в женщинах. Нет, мой генерал, им нужно внимание, им нужно уважение... да, внимание, а не красота, или высокое положение... они даже выгоды не ищут, да, сэр...

— Довольно болтать, — оборвал его Руперт. — Давно ты туда забрался?

— Так давно, что другим такое и не снилось, так она мне сказала, сэр...

— Заткнись, болван! — Руперт вздохнул и безнадежно махнул рукой. — А, ладно. Но я был крайне удивлен, обнаружив, что мой солдат занимается распутством в пороховом погребе.

Уилл заржал.

— Думаете, мы могли взорвать его? Ну, кто знает, она ведь девушка горячая! Но должен заметить, сэр, что запах пороха очень возбуждает женщин.

Руперт решил прекратить этот бессмысленный разговор.

— Ладно, иди отсюда, — резко сказал он и, когда Уилл исчез, задумчиво встал у поручней, глядя на воду.

«Ох, я и сам не новичок в этом деле, — думал он. — Я и сам грешил... и едва помню милую Мэри... Белинда... Дженифер... это лишь поиск плоти, голод тела... Но Дженифер... преданная, целомудренная, помолвленная со мной в языческом святилище... одна из благородных девиц, вроде тех, что воспел Сервантес... Да еще это кольцо. Куда оно меня приведет? Попаду ли я в лапы дьявола, или найду золото фей, которое улетит из моих рук, обернувшись осенними листьями? Что такое это кольцо, и что представляет собой та, что дала его мне? Белинда —

вот истинно земная женщина. Но есть еще и Герман — давший мне убежище, доверяющий мне... ох! Я расчувствовался, как дитя. Неужели это такой уж тяжелый труд — соблюдать приличия? Впрочем, проживем — увидим...»

Глава 17

МАРСЕЛЬСКИЙ ПОРТ

Задыхаясь под полуденным солнцем, Дженифер шла между Нобахом Баркером и Свардлардом. Священник шагал слева. Он крепко держал девушку за запястье, так что кольцо, надетое на средний палец ее левой руки, было у него на виду. Свардлард поддерживал девушку с другой стороны. Он явно страдал даже сильнее, чем Дженифер — ее лицо просто застыло, не отражая ничего. Следом шагали эскорт в темной пуританской одежде и нанятый Баркером переводчик.

Матросы, грузчики, разносчики и прочая публика, мелькающая между портowymi строениями, таращили глаза на странную компанию.

Вдруг Баркер вскрикнул, и тут же эхом откликнулась Дженифер. Священник отшвырнул от себя руку девушки, словно его обожгло вспыхнувшим сиянием. Пуритане в ужасе уставились на кольцо.

Девушка бросилась бежать. Баркер, опомнившись, бессвязно крикнул что-то солдатам и помчался за ней. Солдаты, тяжело топая, пустились в погоню и через минуту схватили Дженифер.

Она царапалась, как дикая кошка, вырывалась изо всех сил, пинала Круглоголовых ногами, и немало пуританской крови пролилось, прежде чем девушку в изодранном платье удалось свалить на мостовую.

Вокруг собралась толпа негодующих французов. Свардлард опустился на колени возле девушки — она лежала, едва дыша, почти без сознания. Баркер тоже опустился рядом, пробормотал короткую молитву и взял Дженифер за левую руку. Камень слегка потускнел. Священник приподнял безвольно свисающую руку девушки — сияние усилилось. В этот момент неподалеку в порту находился лишь один корабль, стоявший на якоре. И, когда Баркер направил кольцо на это судно, камень засветился.

На лице Баркера отразилось торжество. Но он не забыл об осторожности и тут же прикрыл руку Дженифер складками ее юбки; потом поднялся и отдал распоряжение стражам.

КАЮТА НА ТУНИССКОМ КОРАБЛЕ

Эта каюта была гораздо больше и обставлена богаче, нежели та, что досталась принцу Руперту. По мягкому ковру нервно шагала взад-вперед герцогиня Белинда.

Открылась дверь, и герцогиня застыла на месте. Вошла Нина Вальдес.

— La señoга?.. — начала было горничная, но Белинда перебила ее:

— Нет, говори по-английски, и потише. Закрой дверь на щеколду, иди сюда... Мне нужно поговорить с тобой кое о чем, и я не хочу, чтобы нас подслушали матросы.

— El duque... А господин герцог...

— Спит. — Белинда кивком указала на закрытую дверь смежного помещения.

— Ах, нуда... — Девушка выжидающе глянула на хозяйку. Белинда снова принялась мерить шагами каюту.

— Как бы ни было велико различие между нами, Нина, все же мы обе — дочери Евы. Я всегда доверяла тебе, и надеюсь, ты находишь меня вполне достойной уважения.

— О, моя леди всегда так добра и щедра... — В голосе Нины слышалось явное предвкушение подарка.

— И в отличие от многих, я никогда не вмешиваюсь в личную жизнь моих слуг. Это дело их совести и их проповедника. Но все же я не слепая. Ты давно стала женщиной, хотя и очень еще молода... похоже, сказывается мавританская кровь, что течет в тебе. Ты бываешь в таких местах, куда я не осмелюсь заглянуть, ты находишь приключения, о каких я могу лишь мечтать, и... скажи, я ведь не ошибаюсь — ты знаешь способы привлечь мужчину?

Девушка заколебалась на мгновение, но потом ответила:

— Ну, торговцы с Востока продают разные вещи, ваша милость...

— Приворотные зелья? — вырвалось у герцогини.

Не слишком удивленная, Нина уклончиво произнесла:

— Я ничего об этом не знаю.

— Ох, оставь! — Белинда остановилась перед горничной и, собравшись с духом, продолжила: — Не подумай, что я хочу обидеть тебя, нет... Ты достаточно хороша собой, и, пожалуй, в большинстве случаев тебе нет нужды прибегать к хитростям, и все же... я еще в Англии замечала, что ты умудрялась выиграть у женщин стройных, светловолосых — хотя ты простая девушка, прислуга, иностранка, да еще и католичка... Но ты одерживала победу за победой. И ты сумела немало отложить на черный день, несмотря на то что англичане —

народ холодный и скупой. Только не пойми меня неправильно! Я вовсе не порицаю тебя. И я совсем не намекаю на колдовство или что-то в этом роде, нет... но ведь существуют, наверное, какие-то духи... безобидные средства, вроде пудры, губной помады, румян...

Нина улыбнулась и, проглотив наживку, осторожно заговорила:

— Виепо... о, но это просто невозможно, чтобы моя прекрасная леди нуждалась в чем-то таком, ведь природа одарила ее так щедро...

— Но герцог стар, — сказала Белинда.

— Я понимаю, ваша милость. И... и было бы христианским поступком помочь ему обрести сына, правда?

— О, обещаю, этот поступок будет должным образом оценен!

— Я знаю, как добра моя леди. Но — увы! У меня нет магических средств, которые я могла бы предложить ей. Если сила иссякла...

— Желание возвращает силу.

Горничная кивнула:

— Восточные старушки готовят некий мускус... конечно, он не волшебный, но он возбуждает... — Девушка опустила ресницы. — Ну, насколько уж сильно возбуждает, я не знаю. Вряд ли он превращает мужчину в быка. Но... если есть хоть небольшое желание... он его усилит. Хотя, конечно, его милость уж очень старый, усталый человек... Вот если бы на его месте был мужчина помоложе...

— Я все это понимаю, — сказала Белинда. — Но разве не долг жены — попытаться?

Нина чуть заметно усмехнулась:

— Разумеется, моя леди.

— Так у тебя есть такое зелье?

Девушка довольно долго молчала, но наконец решилась.

— Есть мускус, изготовленный из трав, цветов и соков разных деревьев. Наверное, когда его готовят, читают какие-то заклинания, не знаю. У него сильный аромат. — Она вздохнула. — Увы, он очень, очень дорогой. Мне как-то удалось купить капелку, и не знаю, смогу ли я найти его еще где-нибудь...

— О, цена пусть тебя не тревожит, — прошептала Белинда. — Особенно если он поможет мне...

— О моя леди, умоляю, дайте мне подумать... я не уверена, что должна это делать, хотя, конечно, ваши желания для меня — закон.

Белинда кивнула:

— Вот именно. И лучше нам не медлить с делом.

Горничная сделала реверанс и вышла. Когда дверь закрылась за ней, герцогиня сказала самой себе:

— Похоже, скоро мне удастся глотнуть капельку блаженства...

В ГОСТИНИЦЕ

Вечерело, и в крохотной комнатухе едва можно было что-либо рассмотреть. Впрочем, тут и рассматривать было нечего. Между покрытыми плесенью стенами располагались лишь кровать, стул и умывальник. Со двора доносился стук копыт, грохот колес, голоса людей.

Дверь открылась. Чья-то рука втолкнула внутрь Дженифер.

— Сиди здесь, ведьма! — слышался визгливый голос Нобаха Баркера. Девушка споткнулась и чуть не упала.

— Сэр, грубость тут ни к чему! — воскликнул Свардлард, вошедший следом за Дженифер. Он поддержал девушку.

— Вот как? — огрызнулся Баркер. — Ты и сам видел, что она устроила, когда засветилось ее кольцо... кольцо, подаренное дьяволом! Не давать ей ужина! Если даже демон ее не оставит, так хоть буйство утихомирится!

Вскинув голову, Дженифер повернулась к Баркеру спиной.

— Ох, сэр, умоляю, позвольте мне заступиться за нее, — сказал Свардлард. — Возможно, я сумею помочь ей еще раз...

— Ты уже хвастал, что приручил ее... не далее, как сегодня, — фыркнул Баркер. — Ну, попытайся еще раз, если тебе хочется. А мы все отправимся ужинать, а потом и отдохнуть не помешает.

— Урия, ты останешься в коридоре, у двери, — приказал Райтус Джерсон. — Когда мы поедим, Инкриз тебя сменит. И нужно поставить пост во дворе. Кто знает, какие силы могут явиться ей на помощь? Первым будет Джабилах, после — я... Будь уверен, братишка, мы всегда придем тебе на помощь, если понадобится.

Баркер согласно кивнул, Свардлард остался в комнате, а все остальные вышли, закрыв дверь.

Дженифер встала у окна. Юноша подошел к ней и жалобно произнес:

— О, неужели они причинили вам сильную боль, моя леди? Но зачем вы пытались убежать от них? Вы лишь разозлили их. Я пытался уговорить их быть мягче... но они так испугались, когда кольцо вдруг засветилось, там, в порту... это чуть не свело их с ума. Как вы себя чувствуете?

— Телом я в порядке. Но если ты можешь пролить немного бальзама на мои душевные раны — говори...

— Не знаю... — Юноша был почти в отчаянии. — Нобах Баркер торжествует. Он ведь именно на это и надеялся — что кольцо укажет путь к нашей жертве. Потому-то вас и водили в доки... Если то, что ищет Руперт, находится где-то в море, на юге... И Баркер рассудил, что то судно, на которое указало ваше кольцо, должно быть важным звеном в наших поисках... оно стояло на якоре в заливе, это почтовое судно... Когда мы объяснили французской полиции, что у вас был просто эпилептический припадок, и толпа разошлась, мы нашли капитана. А вы все лежали без чувств...

Искренняя боль, прозвучавшая в голосе Свардларда, заставила Дженифер признаться:

— Да я больше притворялась, чтобы меня не трогали. Ну, рассказывай дальше!

— Капитан оказался и владельцем судна. Он запросил не слишком большую сумму и не стал допытываться, с какой целью мы его нанимаем. Баркера это воодушевило, он решил, что это хорошее предзнаменование. Но Баркер также узнал от одного английского агента, связанного с сэром Мэлэчи, что о Руперте до сих пор ничего не слышно. Так что вряд ли ему удалось собрать войско, и у нас есть все шансы изловить его, — торопливо закончил он.

— Ну, меня это не слишком радует, — с горечью сказала Дженифер.

— Ох, моя леди, — простонал Свардлард, — разве вы не понимаете, что мы — простые люди, мы любим нашу страну и не хотим, чтобы она погибла!

— Ох, Свардлард, — грустно сказала девушка, отвернувшись к окну. — Может быть, ты и прав. Я слишком невежественна, я просто дочь рыбака, и не мне судить о замыслах Господа. Что я могу о них знать?

Она повернулась к юноше, всмотрелась в его лицо, едва видное в густеющих сумерках, и сокрушенным тоном закончила:

— И мне очень жаль, что мое сердце так далеко отсюда!

Она положила руки ему на плечи — и внезапно ее кольцо запылало.

Юноша с криком отпрянул и прикрыл глаза ладонью. Но разноцветные лучи не обжигали, не ранили взгляд. Они светились мягко, как радуга.

— Добрый знак... О Руперт, неужели ты где-то рядом? — прошептала Дженифер, пряча кольцо в складках платья. И тут же она испуганно выглянула в окно. Но если даже кто-то и

стоял там, вспышка была слишком короткой, и ее едва ли могли заметить. Дженифер поспешно отошла в дальний угол.

— Молчи, милый друг, прошу тебя, не зови на помощь!

Свардлард выхватил меч.

— Змей пробудился! — воскликнул он. — Что это значит?

— Ничего страшного. — По телу девушки внезапно пробежала дрожь. Она всмотрелась в Свардларда. — Подойди ко мне, Свардлард, — сказала она странным тоном. — Не бойся...

Он бросил меч в ножны и на негнувшихся ногах подошел к девушке. Она медленно подняла левую руку. Когда пальцы Дженифер коснулись юноши, кольцо вновь запылало.

— Ты — моя удача! — сказала она. — Камень указывает на тебя!

Она осторожно сняла кольцо и спрятала в лиф.

— Я — ваша удача? Но как... Да, я готов отдать мою ничтожную жизнь за один час счастья для Дженифер, но вы упорствуете в своем горе...

— Думаю, кольцо просто отражает свет твоей души, — сказала девушка и схватила Свардларда за руки. — И это твой последний шанс.

— Последний — для чего, моя леди?

— Освободить меня.

— Нет!.. — Он сделал слабую попытку выдернуть руки, но Дженифер лишь крепче сжала их. — Это невозможно! Моя клятва, мой долг...

Она отпустила его.

— Да, действительно, — с сочувствием произнесла она. — Мне следовало это понять. Как бы мне хотелось, чтобы между нами не было стены!.. Ладно, спокойной ночи, милый Свардлард. Не забывай меня.

— Что вы задумали? — испуганно спросил он.

— Ты преданный человек и должен понимать, что такое преданность, — сказала она так, словно что-то объясняла маленькому ребенку. — Стал бы ты делать то, что принесет беду дорогому тебе человеку? Нет, конечно. Вот и я не стану этого делать.

— Но что вы можете...

— Из этого мира ведет много дверей, и единственный ключ к ним — решительность. Например, я могу случайно упасть за борт и утонуть... или могу позаимствовать у кого-нибудь на одну минутку острый кинжал... да просто уморить себя голодом. — Дженифер улыбнулась. — Не удастся одно — найти сотню других способов.

Он застыл от ужаса. Девушка осторожно погладила его по щеке.

— Не думай обо мне плохо из-за этого, милый. Когда-нибудь, когда и ты покинешь эту землю, мы, возможно, встретимся в раю и посмеемся вместе, вспоминая юность.

— Самоубийцу ждет ад, а не рай! — вырвалось у Свардларда.

— Думаю, не в таком случае.

— Но вы ошибаетесь!

— Ну, куда бы ни вела эта дверь, я ее открою, — вздохнула Дженифер. — Конечно, ключ к ней холоден и тяжел... но... Ладно, спокойной ночи. Иди, я хочу помолиться.

— Помолиться, чтобы окрепнуть в грехе? И не подумаю уходить!

Она резко бросила:

— Ну, если ты намерен навязывать мне свое присутствие, то хотя бы помолчи!

Она отошла к узкой кровати и опустилась возле нее на колени.

Какое-то время он молчал, глядя на девушку, а потом воскликнул:

— Нет, прекратите это, не пугайте меня, Дженифер! Я помогу вам... ох, да, помогу, помогу!

Он бросился на колени рядом с ней, закрыл лицо руками и неумело зарыдал.

Дженифер привлекла голову юноши к своей груди, погладила его волосы, что-то утешающе бормоча. Он затих.

— Я знала, что ты мне поможешь, — сказала наконец Дженифер. — И кольцо тут ни при чем.

— Но... пусть лучше я буду грешен... но ваша душа спасется... — запинаясь, ответил он.

— Говори потише, — предостерегла она его.

— Но как мне провести вас мимо стражей?..

— Я уже думала об этом, как любимой пленник. Ты сейчас выйдешь и скажешь стражу, что я близка к раскаянию... это объяснит твои слезы... и что ты хочешь принести Библию, чтобы укрепить меня. Спрячь под своей одеждой костюм для меня — мы ведь с тобой почти одного роста. Я надену его... Потом — о, мы должны поспешить, пока не взошла луна! — я через окно выберусь во двор. Стражник стоит у входа, он меня не заметит. Темнота мне поможет. Ну, поспеши!

— Ради вас, моя леди! — немного напыщенно воскликнул он.

Дженифер проводила его взглядом.

— Ох, как мне тяжело из-за того, что приходится так бессердечно использовать его доброе сердце!

Где-то неподалеку зазвонили колокола.

«Это ангелы поют, — подумала девушка. — Дева Мария, здесь, в любимой Тобой Франции, услышишь ли ты мою исповедь?»

Она стиснула руки и склонила голову.

— Я выбрала его. Не знаю почему. Что знаю я о мужчинах? Сколько их я видела? Робкие сыновья рыбаков, подмастерья на улицах Лондона, во все глаза смотревшие на меня... Но разве я мечтала о принце? Теперь я сама себя боюсь. А кольцо говорит, что у меня есть шанс... Неужели помочь Руперту — смертный грех? Боюсь, это и вправду так. Но это мой грех, мой, а не его.

Она перекрестилась и замолчала.

Дверь открылась. Прежде чем Свардлард захлопнул ее вновь, Дженифер успела заметить стража, стоявшего в коридоре. Свардлард, запыхавшийся от спешки, поцеловал принесенную им книгу и положил ее на кровать.

— На мне два костюма, — сказал юноша. — Вы уж не пугайтесь, мне придется раздеться.

Она хихикнула.

Он достал из сумки, висевшей на поясе, башмаки для Дженифер и быстро принялся стягивать с себя куртку, рубашку, брюки... Потом он отвернулся и закрыл глаза ладонями, словно играя в прятки.

— Поверьте моей чести, леди, я не стану подглядывать, — смущенно произнес он.

Она рассмеялась и быстро чмокнула его прямо в губы, от чего Свардлард едва не свалился с ног.

— Ну, сейчас так темно, что ты все равно ничего не разглядишь.

Переодевшись, Дженифер сказала:

— Я придумала, как обезопасить тебя...

— Но разве я не пойду с вами? — испуганно спросил он.

— Лучше не надо. Нет, в самом деле. Кто знает, что меня ждет?.. Ну, и кроме того, твое отсутствие сразу заметят — ведь ты должен ночевать в одной комнате с другими солдатами, верно?.. Сразу возникнут подозрения, за нами бросятся в погоню. Нет, ты уйдешь и скажешь, что я тебя выгнала — и вела себя так, словно демон, обуявший меня, просто взбесился. Сразу ложись в постель, как будто ты в сильной печали. Конечно, утром тебя примутся допрашивать. Говори, что хочешь... но лучше всего будет сказать правду... но тверди, что я околдовала

тебя и ты не понимал, что делаешь. Это им понравится, они поверят. Они будут винить себя за то, что оставили невинного мальчика с ведьмой.

— Да я и сам почти уже верю в это... — пробормотал мальчик.

«И я тоже, — подумала Дженифер. — Ведь никогда прежде мне не случалось ощущать такой головокружительной решимости, меня словно несет звенящий поток... и я ничего не боюсь».

— Но я не могу отпустить вас одну! — воскликнул Свардлард. — Куда вы пойдете? Кто защитит вас?

— Я отправлюсь прямиком в английское консульство. Скорее всего там я найду роялистов, особенно тут, в Марселе. Я немного говорю по-французски, так что расспросить о дороге сумею... Проклятье, как мужчины управляют со своей одеждой?! Все пуговицы не с той стороны! Ты мне не поможешь? Да не дрожи ты так! А, разобралась... Ну, как я выгляжу?

Дженифер подошла к окну, откуда еще просачивались остатки дневного света, хотя на бледном небе уже поблескивали первые звездочки. Мужской костюм висел на девушке достаточно свободно, чтобы скрыть фигуру.

— Ваши волосы! — вдруг вскрикнул Свардлард. — Я забыл шляпу для вас!

— И не надо. Достань-ка свой кинжал. Не сомневаюсь, он достаточно острый.

— Что?! О нет, умоляю...

— Отрезай мои волосы, ну! Они отрастут снова. У живого человека волосы растут быстро. И вранье, что они растут на трупах... ну, режь, какая разница? Если меня поставят у позорного столба, они же все равно сгорят!

Юноша жалобно скривился, достал кинжал и принялся за дело.

Она встряхнула короткими, неровными локонами и усмехнулась.

— Ну вот, наконец-то и меня превратили в Круглоголового! Теперь мне нужно будет миновать стража во дворе... надеюсь, он не заговорит со мной. — Она подошла к окну, окинула взглядом крыши стоявших напротив домов — на них уже легли первые отблески серебра. — Надо спешить, луна вот-вот взойдет...

— И вы останетесь одна...

— Нет, со мной будет твоя любовь. Но не позволяй ей жить слишком долго. У тебя впереди целая жизнь. — Она крепко поцеловала его. — Прощай!

Свардлард помог ей взобраться на подоконник, потом, крепко держа за руки, опустил девушку вниз. Дженифер исчезла во тьме. Высунувшись из окна, Свардлард прислушался к стуку ее башмаков по камням двора. Не показалось ли ему, что Дженифер еще что-то шепнула на прощание?..

Глава 18

МАРСЕЛЬСКИЙ ПОРТ

Луна осветила восточные склоны холмов. Ее лучи посеребрили крыши и башни крепости, церкви, мачты и корабли; залив, раскинувшийся на западе, заискрился. Небо казалось не столько черным, сколько пурпурным. Между доками лежали густые тени. С севера дул ветерок, донося запахи смолы и рыбы; поскрипывали причальные тросы, волны тихо бились о корпуса судов.

Из-за складского строения с топотом вышел взвод стражников. Первый солдат нес фонарь, в неверном свете которого мерцали копыя и латы. Но вот луч фонаря выхватил из тьмы тонкую фигурку в черной мешковатой одежде.

— Halte-la! — рявкнул командир.

Фигурка замерла. Янтарные волосы, бледное лицо, белый воротник... Один из стражников шагнул вперед.

— Qui va là?

— Un anglais, — ответил ему высокий, чуть дрожащий голос, — du group qui a l'one aujourd'hui ce bateau là. — Палец вытянулся в сторону суденышка, лежащего на воде неподалеку; на борту его был выставлен фонарь.

— Ah, oui. Je m'en souviens. Les parpaillots. — И с презрением в голосе командир закончил: — Cava, pase, garçon!

Дженифер, не скрываясь больше, отвязала четырехвесельный ял и спрыгнула в него. Патруль принял ее за обычного мальчишку-посылного и больше не интересовался ею. Вскоре шаги солдат затихли вдаль. Дженифер потихоньку гребла, направляя ялик в залив.

Оказавшись достаточно далеко от берега, она бросила весла и заглянула в сумку, висевшую у нее на поясе. Оттуда брызнул свет.

«Кольцо продолжает сиять, — обрадованно подумала она. — Я так и думала... Эта лодка — моя удача... ветер несет меня на юг — туда, где Руперт! Эта ночь — самый прекрасный день для меня!»

Спрятав кольцо, Дженифер принялась за работу: ловко закрепила руль, установила мачту, подняла парус... Для нее это

не было сложной работой, суденышко не отличалось величиной. Мысли девушки то и дело возвращались к Свардларду.

«Бедный доверчивый Свардлард, мне действительно очень жаль, что я подставила тебя под удар и солгала о своих планах... но ты ни за что не отпустил бы меня в море... на поиски Руперта, моего Руперта... Ничего не могу поделать с собой, я счастлива!»

Парус хлопнул и наполнился ветром. Ялик рванулся вперед. Дженифер села у румпеля.

«Ни еды на борту, ни капли воды, — подумала она, — и все же мне не страшно. Кольцо не предаст меня. Может, и придется немножко пострадать, но это неважно, я куда сильнее страдала без свободы...»

Она достала кольцо и надела его на палец, улыбаясь огненным лучам.

ТУНИССКИЙ КОРАБЛЬ

Корабль встал на якорь. Справа виден был холмистый берег и город, похожий на сон. Минареты, залитые лунным светом, напоминали зимний лес... но воздух был теплым и пряным. Сияло гладкой поверхностью эбеново-черное море, через которое луна перебросила серебряные дорожки.

Руперт стоял у поручня. Он смотрел прямо перед собой, погружаясь в глубокое раздумье.

«Вот мы и добрались до Туниса и утром войдем в порт. А что потом? Оракул, ведущий меня, при подходе к этим берегам засиял так ярко, что мне пришлось снять его с руки и спрятать... не значит ли это, что где-то рядом я найду то, что ищу? Но как? У меня будет судно, мне даст его герцог, и я отправлюсь к неведомому острову... вправду ли кольцо приведет меня туда?..»

Шелест шелка заставил принца обернуться. Он увидел Белинду. Она была в платье с глубоким вырезом. От ее волос и кожи исходит аромат роз и чего-то еще — непонятный, тревожащий запах...

— Вы... э-э... добрый вечер, — с трудом произнес Руперт. — Я... я думал, вы давно спите. Вы так нарядно одеты...

— Это в честь окончания нашего путешествия. Ну, в некотором смысле. — Она взглянула ему прямо в глаза. — Я должна изображать радость по этому поводу... но теперь я буду уже не путешественницей, а помнящей свой долг герцогиней...

— Ну, я-то всегда был принцем лишь по названию.

Белинда взяла его за руку.

— Но вы, как никто, заслужили титул, Руперт. Вы должны бы стать императором!

Принц покраснел.

— Вы слишком любезны, — сказал он. — Вы всегда были добры ко мне. Мне было приятно путешествовать с вами...

— А я... что я могу сказать? — Она прижала его руку к своей груди. — Неужели вам так нужно снова искать опасности и трудности? Вы могли бы найти приют и убежище...

Он покачал головой:

— Мой король... и то, что я должен отыскать...

— Но что вы ищете, Руперт? — Она прильнула к принцу. — Нет, не говорите, если нельзя. — Она взяла руки Руперта и положила их себе на талию.

— Могу ли я довериться хоть одной душе? — хрипло прошептал он.

— Даже мне? — печально произнесла она. — Жаль, что вы мне не доверяете... если бы вы знали, как пусто в моем сердце и как бы мне хотелось заполнить эту пустоту...

Он попытался отодвинуться от нее, но ему это не удалось.

— Вы уже так помогли мне, Белинда...

— Лишь скажите, и я сделаю все, что в моих силах...

Она крепче прижалась к нему. Он, глядя поверх ее головы, сказал:

— Забывший о чести...

— Не мучьте, о, не мучьте меня больше, умоляю! — почти простонала она, обнимая его за шею.

— Белинда, лучше вам оставить меня...

— Прислушайся к зову плоти, забудь на минутку о долге...

Она выпустила его из объятий, взяла за руку и повлекла за собой. И принц, словно слепой за поводырем, шагнул следом.

В ЗАЛИВЕ

Земли не было видно. Ялик качался на волнах, освещаемый опускающейся к горизонту луной. Дженифер не спала; она немного замерзла, но, держась за руль, бодро напевала:

Рыбак уходит в морскую даль,

А девушка ждет и ждет.

Она не прячет свою печаль

И слезы открыто льет.

Глаз не отводит от синевы,

А чайки над ней кричат,

И ветер бросает: «Увы, увы!

Не знаю, где твой моряк».

*Что дни, что ночи — ей все равно,
Лишь шторм пугает — беда!
И кровь бушует, но лишь одно
Твердит в молитвах всегда.
Но вот пришла наконец весна,
И ветер принес ответ —
В гуле его услышала она
От милого друга привет.*

Вернется он...

Дженифер умолкла на секунду и вдруг отчаянно вскрикнула. Камень на голове змея внезапно погас. И тут же суденышко качнулось, сменило курс, перестав слушаться руля... словно превратившись в беспомощную щепку, отданную на волю ветра и волн.

Глава 19

БИБЛИОТЕКА

Это была комната мавританской архитектуры со стрельчатыми окнами, золочеными арабесками на стенах и потолке, смутно видимыми сейчас в свете единственной свечи. Неясно вырисовывались стоящие вдоль стен шкафы, полные книг. На всем лежала пыль, в углах висела паутина и время от времени слышался шорох лапок пробегающей крысы. В одном из углов на высоком табурете сидел хранитель библиотеки, и его блуза и белая борода казались такими же пыльными и потрепанными временем, как все в этой комнате.

Свеча стояла на столе, за которым сидел Руперт. Вокруг него громоздились кипы книг и бумаг. На принце были комнатные туфли, короткие бриджи с чулками и рубаха с закатанными выше локтей рукавами. Было жарко, и от выступавшего пота размазывалась пыль, покрывавшая лицо и руки принца. Руперт был небрит и непричесан; глаза его покраснели и провалились. Он брал книгу за книгой, бегло просматривал, откладывал в сторону, принимался за следующие... Иной раз его внимание привлекала какая-то строка. Тогда он внимательно прочитывал ее, иной раз вслух, но чаще всего отрицательно качал головой или даже ругался.

Сопя и шаркая ногами, вошел Уилл Фарвелл. Он был в европейской одежде, но при сабле, а на ногах красовались кавалерийские сапоги. Фарвелл тащил поднос, уставленный тарелками с мясом, плоскими хлебцами, графинами с вином и водой.

— Генерал, — окликнул он, — генерал, это я!

Руперт не замечал его, пока драгун не водрузил поднос прямо у него перед носом. Тогда принц потер глаза, откинулся на спинку стула и рассеянно произнес:

— А, Уилл... что это такое?

— Это, — сообщил Фарвелл, подвигая поднос так, что тот полностью закрыл «Метаморфозы» Овидия, — это еда. На тот случай, если генерал забыл, напоминаю — это едят. Это мясо. И еще тут выпивка. Вы должны это съесть и выпить. Это приказ.

Руперт встряхнул головой:

— Я не голоден. — И возмущенно добавил: — Да и кто ты такой, чтобы мне приказывать?

Уилл развалился в кресле по другую сторону стола, закинул ногу на ногу и выразительно взмахнул рукой.

— Сэр, по законам военного времени долг превыше чина. Я, конечно, знаю свое место. Стратегия — не мое дело... да и тактика тоже. Но вот если мой командир торчит в этой бил-блиотеке, черт меня побери, я же просто обязан за ним присмотреть и заставить его отдохнуть! — На Уилла нашел ораторский стих. — Вы же человек, не ангел, и надо заботиться о своем животе, так что принимайтесь-ка за еду. Что толку сидеть за полночь на голодный желудок?

Легкая улыбка тронула губы Руперта.

— Да, в самом деле, уже поздно.

— Еще бы не поздно, чуть не утро уже! Э, если бы вы слышали, что мне сказал дворецкий, когда я его вышиб из постели! Ну, я ему по-простому объяснил, что мне надо, правда, пришлось еще и саблю показать... ну, вот что я раздобыл. Очень прошу, съешь это!

Руперт снова потер глаза.

— Вообще-то идея недурна. Только болтаешь ты многовато.

— А потом ты отправишься спать.

— Нет. Хотя пока мои поиски были бесплодны, я должен продолжать.

— Да что ты ищешь-то? — спросил Фарвелл, наполняя бокал вином пополам с водой и подавая Руперту.

Принц сделал глоток, едва ли замечая, что делает.

— Я ищу путь к нашей цели, потому что из-за собственной глупости утратил компас, данный мне доверчивой рукой... — В голосе принца слышалось напряжение.

Уилл кивнул, глядя на кольцо; камень выглядел обычной драгоценностью.

— Да, я уж об этом думал. Прошлой ночью... герцогиня, э... А что, нельзя было?

Руперт отвернулся к темному окну.

— Я все время твердил себе... — вырвалось у него. — Насколько я вообще мог думать в том потоке вожделения, что вдруг нахлынул на меня... почему?.. Я напоминал себе о клятве, данной Дженифер, но говорил и то, что это бессмысленная помолвка, совершенная не по христианскому обряду... что это ловушка сил зла, и я могу заслужить проклятие... Но едва Белинда ушла от меня, вернувшись к человеку, который верил мне и которому я наставил рога... — Он закрыл лицо ладонью. — Я взглянул на потемневший камень, и моя душа тоже окаменела и словно умерла.

— Ох, генерал! Умоляю, будьте разумны! Может, ничего тут и нет страшного. Да и неужто вы думаете, что простой человеческий грех может потрясти небеса? Ну а потом — чего вы удивляетесь-то, герцогиня же попользовалась любовным зельем, вы и не могли устоять, да и не монах же вы...

— Избавь меня от твоих рассуждений, — сказал Руперт. — Уйди, я все же попытаюсь исправить последствия своей глупости.

— Только после того, как ты подкрепишься.

Руперт кивнул, взял хлеба и мяса и начал жевать.

— Вот так-то лучше, — одобрил Фарвелл. — Ну а если наш компас теперь не работает, стоит ли продолжать?

Руперт поморщился.

— Я могу попытаться... отыскать мою цель — остров Просперо — с помощью обычных средств. Конечно, шансы невелики, но что мне остается?

— Нам, мой лорд.

— Спасибо за преданность... хотя слова тут слишком слабы.

То ли благодаря пище, то ли — моральной поддержке, но принц заговорил куда более уверенно:

— Я рассуждаю так. Шестьдесят лет назад миланский герцог Просперо и его дочь были схвачены братом герцога, возжелавшим власти. Их увезли в море — «за несколько лиг от берега», так написано у Великого Историка, и там оставили «в полусгнившем остове, не дав ни снастей, ни мачты; крысы давно сбежали с этого судна». Видимо, это был небольшой корабль, не лодка. Есть упоминание о том, что Просперо увез с собой свои книги по магии, которые принес ему Гонсало, обманув брата герцога. Наверное, суденышко долго дрейфовало по воле ветра и волн, постепенно погружаясь. Те небольшие знания магии, которыми уже обладал тогда Просперо, помогли ему благополучно достичь берега. Но, учитывая начальную точку и состояние судна, этот остров должен находиться не слишком далеко, где-нибудь между Италией и Испанией.

— Хм. — Уилл почесал затылок. — До сих пор ты мне об этом не говорил. Ну, впрочем, во время путешествия у меня и времени-то почти не было... ладно, неважно. А потом что случилось?

— Просперо и Миранда жили на этом острове, пока он, благодаря упорным занятиям, не стал могущественным колдуном, а она не превратилась в юную леди. Наконец удача улыбнулась Просперо, и его брат-предатель очутился неподалеку от острова... он плыл с послами на переговоры о браке дочери короля Неаполя с королем Туниса... С помощью своего искусства и служащих ему духов Просперо заставил корабль подойти к берегу и сыграл с братом несколько шуток, принудив того к рассказанию. Позже, простив брата, Просперо вернулся в Милан и выдал дочь замуж за наследного принца Неаполя. Больше Просперо не занимался колдовством, а свои книги он бросил на острове. — Руперт немного помолчал и закончил: — Оберон думал, что мы могли бы найти и использовать их.

Уилл содрогнулся, несмотря на жару.

— Опасную штуку мы ищем... Ну ладно. И ты уже знаешь, где может быть этот остров?

— Не точнее, чем я уже сказал... В западной части Средиземного моря не так уж много островов. И все же посыльные Оберона не сумели найти нужный. Поэтому я думаю, что Просперо сделал остров невидимым. Моряки видят там лишь волны — если не подойдут достаточно близко. Это может случаться время от времени, но во второй раз отыскать остров уже никто не сумеет.

— И ты роешься в этих книгах, чтобы найти хоть какой-то намек? — спросил Фарвелл. (Руперт кивнул.) — Ну, похоже, невелика пока что твоя добыча. И долго еще ты будешь этим заниматься?

— Ну, через неделю в библиотеке не останется книги, которую я не просмотрел бы.

— Да за неделю ты просто сдохнешь, если не будешь есть как следует. Ну да ладно, об этом я позабочусь. А что мы будем делать после?

— Я куплю судно. — Руперт стиснул кулаки. — На деньги Белинды... во искупление моего греха. Куплю маленькое суденышко, с которым мы сможем управиться вдвоем. Нам не нужны посторонние; в это время года море спокойно, мы обойдемся... Да и ни к чему рисковать, опасаться предательства. Мы будем искать, пока... — Он вдруг яростно набросился на еду.

— Ага, до скончания века, или пока короля Карла не разобьют окончательно, или пока сами не потонем, — сказал

Уилл. — Да ты и сам говоришь — шансы невелики... Ну, может, Оберон и Титания бросили нас сюда как свою последнюю надежду, наугад... и вдруг им повезет? А заодно и нам. Ну а если нет... — Он пожал плечами. — Больше-то нам ничего не остается, верно?

ЯЛИК

Ялик медленно качался на волнах под безоблачным небом. Морская гладь расстилалась вокруг, словно зеленовато-синее стекло. На западе опускалась луна, на востоке чуть светлело — ближился восход солнца. Воздух был прохладным, но ветра почти не было; парус бессильно обвис.

Дженифер сидела на корме. Руки ее покрывали ссадины, лицо было обожжено солнцем, губы пересохли, веки распухли и покраснели.

«Ночь в море, потом день, потом еще ночь, — думала она, — и вот уже снова рассвет... Увижу ли я следующие сумерки? Или жажда убьет меня? Но я не должна спать... Я должна держать курс, указанный кольцом... несмотря ни на что... Как пусто в голове! Не могу думать, словно череп набит песком. Я не знаю, где я, зачем... Мне нужно просто добраться до ближайшего берега, пока не поздно... а не тащиться вслед за датчанином, перстень которого, наверное, тоже умер... — Она подняла голову и медленно огляделась по сторонам. — Ох, где же мой разум? Как я могла хоть на минуту забыть... Если чары угасли, он сейчас сбит с толку и не знает дороги... все могло случиться... значит, я должна найти его... помочь ему... найти его... Если же мне это не удастся, я погибну в пути, как солдат».

Она чуть повернула руль, стараясь добиться того, чтобы легкий бриз наполнил парус.

Внезапно возникший неподалеку водоворот привлек ее внимание.

— А, это дельфин... — шепнула Дженифер и сказала чуть громче, едва ворочая пересохшим языком: — Привет тебе, мастер дельфин! Доброе утро! Подплывай ближе! Поиграй рядом со мной, помоги мне сохранить разум... Бог любит всех, и дельфинов тоже... ох!

Испуганно вскрикнув, девушка умолкла. Дельфин выскочил из воды, изогнулся в воздухе, рассыпав капли воды, сверкнувшие в первых лучах солнца, и превратился во что-то другое...

Дженифер отшатнулась. В середине ялика уселся некто... Послышался смех, похожий на звон крохотных серебряных колокольчиков, раздался мелодичный голос:

— Спасибо за приглашение, леди, я с удовольствием принимаю его. Извини, если я немножко испугал тебя, когда сбросил свой плащ. У меня их много... вот, например...

В воздух вспорхнула яркая голубая стрекоза.

— Или такой...

Он превратился в переливчатого голубя.

— А вот еще...

Над лодкой проплыл юноша — смуглый, золотоволосый, в короткой белой тунике, с лирой в руках, с крылышками на небольшом шлеме и сандалиях.

— Или это...

Он стал вдруг вихрем радостного света.

— Ну, и это тоже...

И он вернулся к тому облику, в котором появился на борту.

— Кто прислал тебя? — едва сумела выговорить Дженифер. — И откуда? Зачем?

— Неужели я такой страшный? — насмешливо спросил он. — Если хочешь — могу превратиться в горгону!

Она чуть успокоилась. В самом деле, неведомое существо выглядело прелестно: это был мальчик лет семи-восьми на вид, стройный и гибкий, в набедренной повязке; на его голове красовался венок из белых лилий. Личико покрывали веснушки, глаза огромные, васильковые... и малыш этот был не больше фута ростом. За его спиной сверкали крылья, как у бабочки.

Несмотря на крошечный рост мальчика, голос его звучал достаточно громко и отчетливо, Дженифер увидела, как на его личике отразилось беспокойство.

— Погоди-ка... ты, я вижу, уплыла слишком далеко и подобралась к некоему месту... случайно сюда не попадешь. Но потерпи чуть-чуть.

Он исчез. Дженифер вытаращила глаза и открыла рот, не в силах издать хоть звук. Оставленный без присмотра руль вильнул, нок-рея затрещала, и парус внезапно потерял ветер.

Перед девушкой возник прямо из воздуха лакей.

— Чай подан, миледи, — сказал он, ставя перед Дженифер поднос — и тут же вновь обернулся мальчишкой и весело расхохотался.

Дженифер уставилась на поднос и нервно вздохнула. Чайник китайского фарфора исходил паром; рядом с ним стояла изящная чашка; тут же девушка увидела тарелки с сыром, изюмом, печеньем; был тут и кувшин с молоком, и графин с водой — холодные, запотевшие... и простая фаянсовая кружка.

— Пей и ешь не спеша, осторожно, — предостерег эльф.

* — Я знаю, — ответила Дженифер. — И не представляю, как благодарить тебя... О, ты не станешь возражать против молитвы?

— Нет, я к ней присоединюсь.

Успокоенная, девушка опустилась на колени, и малыш последовал ее примеру. Солнце тем временем окончательно взошло, и море засверкало под его лучами.

Наконец Дженифер осторожно принялась за еду. Ее спаситель устроился на скамье напротив и, болтая ногами, заговорил:

— Не сомневаюсь, что ты очень удивлена. Ну, так знай — я Ариэль, дух воздуха, и когда-то я служил Просперо на его острове — том самом, который ты ищешь; потом он отпустил меня. — Изумление во взгляде Дженифер вызвало в эльфе бурю веселья. — Я читаю твои мысли! Ха-ха! Не бойся, не бойся, на самом деле все куда проще. — Он вдруг стал серьезным. — Я знаю, что в Стране фей дела сейчас обстоят неважно. Правда, я много времени провел в одиночестве... но мой остров так хорош! Теперь же я должен помочь тебе и Оберону. А иначе может случиться так, что и мой островок растопчет враг, холодное железо разровняет мои холмы, вырвет лютики и маргаритки из умирающей плоти земли, а на ее костях воздвигнет фабрики...

— Это уже происходит в Англии, — грустно сказала Дженифер. — Руперт...

— Это еще что за имя? — фыркнул Ариэль. — Впрочем, имена могут иметь разные значения... Лучше бы его звали Эрнестом, конечно. А, неважно. Но уж очень тяжело звучит это имя, словно топочат грубые башмаки... Твое мне нравится больше, Дженифер.

— Не смей говорить о нем плохо! — вспыхнула девушка.

— О, вот это мне тоже нравится! — улыбнулся Ариэль.

— Но... он жив, он здоров?

— Да.

— Слава Богу! — Если бы глаза Дженифер не высушили море и жажда, она бы заплакала.

Ариэль создал из воздуха сверкающий шарик и принялся играть им, давая девушке время успокоиться. Наконец он снова заговорил:

— Тебе известно, что силы фей невелики — это лишь иллюзии, привидения, невинные шутки... иной раз феи могут предсказать кое-что, если им удастся заглянуть в поток времени... могут дать двусмысленный совет... И в твоём деле — я лишь наблюдатель, я не сумел бы помочь тебе, если бы ты сама не подобралась так близко к моему дому. И я не могу вырваться за те границы, что установил могучий Просперо. Я лишь могу

показать, где он затопил свои книги, но достать их способны лишь руки смертного — сильные руки!

— Руперт?..

Ариэль скорчил рожицу.

— О нет, он по уши закопался в книги. Я не могу вытащить его оттуда — дворец, где находится принц, стоит на железном основании, укрытый от магических сил, которых очень боялся его строитель. — Видя, что Дженифер тут же упала духом, Ариэль добавил: — Но он и сам скоро выйдет оттуда. А пока — я хочу рассказать тебе о том парнишке, из-за которого ты так тревожишься — о том, что помог тебе порвать цепи и вырваться на свободу. Он вне опасности. Его товарищи решили, что ты воспользовалась его невинностью и околдовала юношу, — он усмехнулся, — а владелец этой лодки требует с них деньги, и немалую сумму, я уверен, так как стражники сообщили, что лодку украл пуританин, и он угрожает судом!

— Откуда тебе все это известно? — спросила Дженифер.

— Пока я летал за едой и питьем для тебя, я поймал в воздухе кое-какие намеки... И я, между прочим, принес тебе еще и бальзам для твоих ран и ожогов. — Он поднялся вверх и взмахнул руками. — Ну а теперь — пусть ветер примчится, попутный и сильный!

В воздухе послышался гул, вода заволновалась... Парус внезапно надулся, и ялик рванулся вперед.

Глава 20

ОСТРОВ

За уютными бухтами и березовыми рощами виднелись вдали высокие холмы. Их склоны украшали леса — сосны, лиственницы, можжевельник... Луга, раскинувшиеся под высоким небом, пестрели цветами. Ручьи, звеня, пробивались между заросшими мхом валунами. Воздух звенел от птичьих голосов.

Бальзам Ариэля оказался чудодейственным, и Дженифер чувствовала себя прекрасно. Она весело шагала по тропинке. Кроны высоких деревьев сплетали над ее головой зеленый свод. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву, бросали под ноги золотые пятна. Эльф весело кружил возле девушки. Время от времени он бросался в погоню за бабочкой, или принимался играть в пятнашки с малиновкой, или опускался в чашечку орхидеи, чтобы глотнуть капельку росы.

— Похоже, я умерла, — сказала наконец Дженифер. — Иначе как бы я могла попасть в рай?

— Нет, это земной остров, и ты вполне заслужила то, чтобы его увидеть. — Ариэль присел на плечо Дженифер. — Но ведь и весь мир мог бы стать Эдемом, если бы человек охранял его... И сам человек, живая плоть, есть главное чудо... Сейчас мы с тобой придем в пещеру великого Просперо, она вон там, на том склоне — это жилище мага и его дочери. Мы быстренько наведем там порядок и устроим для тебя постель из ветвей и травы. — Затрепетав крыльями, он продолжил: — Ты скоро поймешь, что жизнь на острове преинтересная. В каждом источнике вода имеет свой особый вкус, каждая ягодка винограда насыщена солнцем на свой манер, ароматы земли и дождя по-разному впитывает каждый гриб... у диких яблок терпкий привкус, а груши мягки и сочны. А у многих растений тут просто нет имен. Наши крабы и омары болтают без передышки, восхваляя себя; устрицы гордо помалкивают — они чувствуют, что им хватать ни к чему, они и так великолепны. Скоро созреют лесные орехи, а в ручьях водится форель. Я думаю, я...

— Минуточку, прошу тебя, — перебила его Дженифер. — Ты говоришь «мы», «наши»... здесь живет кто-то еще?

Ариэль улыбнулся:

— Да, это верно... да вот он, пришел встретить меня.

Дженифер оглянулась — и вскрикнула от испуга.

Из-за поворота тропинки показалось странное существо, выглядевшее особенно уродливым на фоне прекрасного леса. Оно было похоже на человека очень маленького роста — на коротких ногах, сторбленного, но с широкими плечами. Руки его свисали ниже колен, пальцы заканчивались кривыми черными когтями. Всклооченные белые волосы не позволяли сразу разглядеть, как мала его голова. И у него почти не было ни лба, ни подбородка; глаза сидели в глубоких впадинах, и все лицо было слишком похоже на острую звериную морду, с плоским носом и широкой щелью рта. Кожа его имела желтоватый оттенок, а одежда состояла из одной лишь грязной набедренной повязки.

— Не бойтесь, — сказал Ариэль, — оба вы, не бойтесь друг друга!

Существо разинуло рот, выставив корявые обломки желтых клыков.

— Что это такое? — хрипло спросила оно. — Где ты нашел это привидение... — Но вдруг он отчаянно взвыл: — *Миранда!* — и бросился к ее ногам.

Дженифер вздрогнула, но сдержала себя и отпрянула. Монстр распростерся перед ней, ухватившись за лодыжки девушки, и зарыдал так, что Дженифер была потрясена.

— Это всего лишь Калибан, — объяснил ей Ариэль. — Он безопасен... ну, по крайней мере, пока я за ним присматриваю. Но должен признать, его слезы удивляют меня.

— Кто такой Калибан? — Дженифер сморщила нос, почуввав звериный запах.

— Это дитя ведьмы. Просперо нашел его совсем маленьким, научил говорить, вырастил, сделал своим слугой. Но Калибан оказался гадким, угрюмым, трусливым существом и в конце концов предал своего хозяина — хотя вскоре, подвыпив, проболтался о предательстве, а потом рыдал от раскаяния. Когда Просперо отпустил меня и уехал домой, он оставил это чучело здесь. Какой был смысл везти Калибана в Италию? Там он мог служить лишь предметом насмешек. Вот он и состарился на этом острове, в одиночестве; но время от времени я развлекаю его, строя миражи.

— Миранда, о Миранда! — проскрежетал монстр, поднимая залитое слезами лицо и глядя на Дженифер.

Ариэль отлетел в сторонку и всмотрелся в девушку.

— Нет, не похожа, — решил он. — Даже если отвлечься от одежды, стриженных волос и прочего — ты светлее, выше... а, понял. Она ведь была единственной девушкой, которую он видел, да еще и столько лет прошло...

Калибан, пошатываясь, встал. Он развел руки, глубоко вздохнул и ударил себя кулаками в грудь.

— Ты не Миранда? Неправда! Ариэль, это должна быть Миранда! Ты разбираешься в оттенках воздуха, но ты ничего не понимаешь в мечтах, эльф! Смотри, какие у нее кудри, какое тело! Слышишь, какая музыка в ее движениях? Э, тебе не понять, дух, как сладко она дышит!.. Не лги мне! Я не забыл, какова Миранда — вот она, настоящая, да, настоящая!..

Он запрыгал на месте, скаля на эльфа обломки клыков.

— Ты не уведешь отсюда новую Миранду! Ты, бессердечный насмешник! Спустишься сюда, насекомое! Смотри, я могу проглотить тебя... хотя ты и противен, как зеленая муха!

— Калибан! — строго прикрикнул Ариэль. — Ты что-то разгорячился, как молоденький! — И добавил, обращаясь к испуганной Дженифер: — Ничего, сейчас он остынет.

Над тропинкой пронесся порыв ветра. Ариэль превратился в крохотное грозное облако, из которого вырывались игрушечные молнии. Калибан взвыл, согнулся и закрыл голову руками. На него полился дождь с градом, молнии впивались в его кожу. Вреда они причинить не могли, но явно были достаточно болезненны, судя по тому, как дергался и скулил монстр.

— Не мучай его, перестань! — через минуту взмолилась Дженифер. — Он слишком стар для этого!

Ариэль вернулся к прежнему облику. Калибан лежал на тропинке, гнусаво всхлипывая.

— Ну, я его мягко поучил, — сказал эльф. — Мне пришлось обращаться с ним и похуже. — Заметив, что Калибан поднял голову и смотрит на него, Ариэль добавил: — Пожалуй, впервые за всю твою жизнь тебя пожалели. Тебе бы следовало поблагодарить леди за это.

Чудище поднялось на ноги.

— Да, да, — пробормотал Калибан жалобно. — О, Миранда всегда была великодушна. — Он попытался отвесить поклон. — Не бойся меня. Я сам тебя боюсь. Когда я был молод, а ты была первой Мирандой, я всегда пугался твоей нежности. Я буду каждый день прибираться в твоей пещере, и чистить посуду, и лежать, как сторожевой пес, у порога, а если захочешь — я покажу тебе свои ягодные поляны... все что угодно я сделаю для тебя, Миранда, только прикажи!

— Идемте, — сказал Ариэль. — Нужно привести в порядок пещеру.

СУДНО В МОРЕ

Это было одномачтовое суденышко, оснащенное кливером и треугольным латинским парусом и не такое послушное, как датские яхты, к которым привык Руперт. Ящики и бочонки загромождали все, едва оставляя место для двух человек.

Уилл Фарвелл сидел у руля. Руперт с астрольабией расположился у левого борта. Внезапно судно вильнуло, и принц едва не упал. Хлопнул парус.

— Черт бы забрал твою лысину! — рявкнул Руперт. — Три дня прошло, а ты все еще не можешь удержать руль!

— Я что, виноват, что эта лодка вытворяет всякое! — огрызнулся Уилл. — Да и что толку, что ты колдуешь там над картами и книгами, все равно мы понятия не имеем, где сейчас находимся, и уж конечно, никакая черная магия не скажет тебе, где сейчас девчонка...

— Но ведь не она виновата в этом, а я, — вздохнул Руперт. — А что касается нашего местоположения... ну разве в Тунисе найдешь современные инструменты? А с тем, что у меня есть...

— Ха! Генерал, что-то я сомневаюсь, чтобы по части морских путешествий появилось что-нибудь новенькое со времен Содомы и Гоморры... Говоришь, мы тут три дня болтаемся? Нет, целых три жизни!

— Я бы и трех жизней не пожалел... Да, мы можем и месяц потратить на поиски, а потом шторм выбросит нас на берег...

— Ну, тогда-то мы вернемся домой и будем сражаться? Дворецкий английского посла говорил мне, что король вряд ли продержится до Рождества. Куда ты тогда отправишься? В Голландию?

— Что ж, голландцы спокойно относятся к любой религии, лишь бы она не мешала им торговать, — с отсутствующим видом произнес Руперт. — А потому, боюсь, машины наполнят их землю уже в ближайшие годы.

— Я слышал, Голландия вся плоская, и еще мокрее, чем Англия. Это мне один датчанин рассказывал. Непонятно, почему голландцев не зовут лягушатниками, как французов? И там никогда не было колдунов.

— Были, — возразил Руперт. — И их колдовство живет поныне. Там были волшебники — такие, как Рембрандт ван Рейн...

— Э-гей! — заорал вдруг Уилл.

Инструмент выпал из рук принца.

В воздухе над ними сверкнула вспышка света, тут же превратившаяся в крошечного мальчишку с крыльями, как у бабочки; мальчик серебристо рассмеялся.

Фарвелл выпустил руль и схватился за меч. Руперт махнул на него рукой, требуя не вмешиваться.

— Кто ты такой, откуда? — спросил принц. — Ты не ангел... мы не заслужили этого. Но если ты демон — не забывай, что мы христиане. А если ты посыльный из Страны фей — взгляни на погасшую звезду на моем пальце. — Принц поднял вверх руку с кольцом. — Это лишь моя вина, но я прошу тебя, эльф, помоги нам — не ради меня, а ради моего короля!

— Ты и вправду принц Руперт с Рейна? — спросил эльф насмешливым тоном. — Она называет тебя молчаливым воином... но, по-моему, ты очень много болтаешь.

Руперт уронил руку и неуверенно переспросил:

— Она?..

— Дженифер Элайн... — Эльф весело посмотрел на потрясенного Руперта и продолжил уже серьезнее: — Она просила меня отыскать тебя и помочь добраться до острова, на котором она находится. Я — Ариэль, служивший когда-то великому Просперо.

— К ней?.. — едва выговорил Руперт. — К Дженифер?

Уилл наконец опомнился.

— Ну, вот и пришла к нам удача... да ведь Дженифер всегда была твоей удачей. — Он подскочил к Руперту и хлопнул его по спине. — Ну, спрашивай скорее, куда нам поворачивать и

как заставить эту чертову штуковину двигаться побыстрее! Да если бы меня ждала такая девушка, я сам бы принялся дуть в паруса!

— Ох... — пробормотал Руперт. — Но... Но сначала мы должны вознести хвалу Господу.

— Сначала определитесь с курсом, — посоветовал Ариэль. — Я буду прилетать время от времени, чтобы направить вас, хотя вы и сами справитесь, теперь для вас будет дуть попутный ветер. К завтрашнему полудню вы доберетесь до острова и до Дженифер. — И вдруг он ехидно спросил: — А почему ты никогда не улыбаешься?

— Как она там? Я все время думал о ней, клянусь!

— Она сама расскажет тебе обо всем, обещаю. — Ариэль окинул Руперта долгим задумчивым взглядом и добавил: — И что она в тебе нашла? — Он тут же взмыл высоко в воздух и крикнул, указывая крошечной рукой: — Туда! Плывите вон туда! На этот раз вы не промахнетесь!

ОСТРОВ

В заливе на западной стороне острова море пылало в лучах заката. На берегу сразу за пляжем поднималась стена леса. Чуть дальше возвышался небольшой холм, поросший сиренью. Высоко над головами плыла лебединая стая.

Руперт бросил якорь на отмели, спрыгнул в воду и вброд дошел до берега, где ждала его Дженифер. Если не считать коротко обрезанных волос, в Дженифер уже не осталось и следа перенесенных тягот. Мужской костюм был как следует отстиран, и его мрачноватый вид смягчала гирлянда из ноготков. Девушка протягивала руки навстречу принцу, и по ее лицу текли слезы.

Ни принц, ни Дженифер не обращали внимания ни на порхающего вокруг Ариэля, ни на Калибана, сидящего неподалеку на корточках. Руперт склонился над девушкой и прошептал растерянно:

— Почему ты плачешь, любимая?

— Это от радости, только от радости, — робко ответила она. — Я счастлива так, что сердце мое едва выдерживает... оно может разорваться от счастья.

— О моя королева, я пришел к тебе, как нищий, просящий о милостыне, чтобы ты коснулась меня исцеляющей рукой. — Он опустился на колени. — У меня есть лишь лохмотья, оставшиеся от шутовского наряда гордости. Излечи меня, брось мне монетку из твоих сокровищ... ты ведь не пожалеешь для меня

гроша?... О, до сих пор слово «честь» было для меня лишь звуком, но теперь я понимаю, что такое истинное величие.

— О Руперт, встань, прошу тебя! — Она снова и снова нежно гладила его волосы. — В тебе смирения не больше, чем в самом солнце, да тебе оно и ни к чему... встань!

— Свет твоего кольца прожигает меня насквозь, — пробормотал принц.

— Прощу, прошу тебя, не заставляй меня снять его! Мне легче было бы отрезать руку. — Она попыталась рассмеяться. — Но если ты все же захочешь потребовать это колечко обратно, то бери вместе с ним и руку, и все остальное.

Руперт решился наконец подняться и крепко обнял девушку. Калибан зарычал.

— Потихе, потихе, — предостерег его Ариэль. — Эта красавица не для таких, как ты.

Чудище отпрянуло назад.

— Я знаю, — пробурчал Калибан. И застенчиво добавил: — Она сегодня днем дотронулась до моей руки. Вот тут, в этом месте, смотри! Я принес ей апельсины... она улыбнулась и поблагодарила меня, а потом дотронулась до меня, вот тут. Я ушел и ревел целый час. Но... нет. Я ужасно стар, и уродлив, и грязен... Вообще-то со мной странные вещи происходят — не в этом крысином теле, оно тут ни при чем, нет, в моей душе...

Но тут из лодки выбрался Уилл, и внимание Калибана привлек новый объект.

— Ха-ха! — завопил он. — Да я тут не единственный уродец! Что это за чучело там идет, тощее, как спаржа, и с носом, как красный огурец?

Калибан боком подошел к Уиллу и ошетинился:

— Эй, поосторожнее тут, дворняжка! А то я тебе быстро выпущу кишки и понаделаю из них ремешков!

— Ну и гостеприимство! — пожаловался Уилл Ариэлю. — А я-то думал, мне помогут разгрузиться, — он подмигнул Калибану, — а то мне одному и не вытащить бочонок с бренди!

— Что? Бренди? — Калибан замер, разинув рот. — Ух... это огненная вода, вроде хереса? Это я помню... Добро пожаловать, друг, добро пожаловать, конечно, я тебе помогу! — Он заключил Уилла в объятия. — Мой язык жутко пересох, но бренди смоем с него песок! Ты уж прости, что я неуважительно отозвался о твоём прекрасном носе. Он потрясает, как горный пик, как закат солнца!

Ариэль вздохнул.

— Ну, эти нашли общий язык, — сказал он и посмотрел на Руперта и Дженифер, стоявших на тропинке, держась за руки. — Интересно, а эти двое заметили хоть что-нибудь?

ПЕЩЕРА ПРОСПЕРО

На полках стояли глиняные лампы причудливых очертаний, освещавшие неровные каменные стены, пол, усыпанный камышом, простую деревянную утварь и мебель и две постели, устроенные из ветвей можжевельника и сена. Вход прикрывала рогожная занавеска.

— Так мы можем проговорить и до самого рассвета, — сказал Руперт, стоявший с Дженифер возле двери. — Полночь давно миновала.

— Ну и что? — возразила Дженифер. — Вот только прохладно...

— Давай вернемся в пещеру. Тебе давно уже пора спать.

— О, я все равно не усну, я буду мечтать... и не проснусь ли я в могиле?

Отодвинув зашуршавшую занавеску, они вошли в пещеру. Руперту пришлось немного нагнуться, чтобы не удариться головой о потолок. Дженифер провела его туда, где из ветвей и травы были сооружены сиденья со спинками. Они сели, и девушка прильнула к принцу. Руперт обнял ее, но лицо его хранило серьезное, немного мрачное выражение.

— Ты и сама не понимаешь, как верно то, что ты сказала... Ведь с тобой рядом просто грешное тело. А тот Руперт, которого ты создала в мечтах... его просто не существует, это миф, туман...

Она нежно прижала пальцы к его губам.

— Перестань!

— Ты не понимаешь... грубая страсть испортила все...

— Но ты же не мраморная статуя! Это мрамор не может пасть жертвой страсти... но он и не движется, не страдает, не дарит цветы девушкам и не умеет заботиться о любимых... — Помолчав, она добавила: — И не мучай меня больше. Если ты считаешь, что хоть чем-то мне обязан, то давай поговорим о завтрашнем дне.

— Завтра... да... — Он расправил плечи. — Ты показала мне сломанный посох Просперо, который отыскал Калибан — по указаниям Ариэля и по твоему желанию... Но знаешь ли ты, как сделать его вновь целым?

Руперт не заметил, что при этих его словах на лице Дженифер мелькнуло разочарование; но девушка справилась с собой и ответила:

— Ответ на этот вопрос должен найтись в книгах Просперо, так говорит Ариэль, и он знает, где лежат эти книги. Когда он плавал под водой в виде светящейся рыбки, он нашел их —

они лежат в песке, не слишком далеко от берега, и смотрят на них лишь осьминоги. Книги слишком тяжелы, и Ариэлю не поднять их... он даже не может обвязать их веревками, потому что песчинки, засыпавшие их, чересчур остры для него... а Калибан не может нырнуть за ними, там глубоко...

Руперт кивнул:

— *«И даже свинцовый лот не погрузится туда, где я захороню свои книги»*, — сказал колдун и сделал именно так. Я помню, это упоминается в хрониках. Но мне кажется, все же есть способ достать их.

— Ты думаешь только о своем долге, и ни о чем больше? — печально спросила Дженифер. — Ну скажи мне, что ты любишь меня так же, как я люблю тебя!..

— Что я люблю... — Руперт повернулся к ней. — Но я действительно люблю тебя, милая Дженифер!

— О Боже, а я и надеяться не смела... — прошептала она, прижав руки к груди, словно испугавшись, что ее сердце выпрыгнет наружу. — Ты и вправду сказал это... и назвал меня милой... ох, что-то у меня голова закружилась, и в ушах звенит... А я-то все время думала — он добр ко мне, но лишь по-братски, не больше...

— Но до сегодняшнего дня я и сам не понимал этого, — медленно произнес принц. — А если и понимал, то старался не думать, гнал от себя эту мысль — потому что я не так тверд духом, как ты. — Он крепче прижал к себе девушку. — Если ты выйдешь за меня замуж... возможно, это будет морганатический брак... Нет! Это будет брак перед Небесами! Ты должна стать матерью королей!

— Да не все ли равно, если дети будут *нашими* детьми?!

Он наклонился к девушке и поцеловал ее. Потрескивали огоньки в лампах, бормотал что-то ветер у порога пещеры...

Оторвавшись наконец от губ Дженифер, Руперт сказал:

— Лучше нам все-таки лечь спать, чтобы набраться сил для завтрашнего дня, хотя теперь мне ни один день не будет казаться трудным, ведь ты рядом... Спокойной ночи, моя звезда!

Она изумленно глянула на него:

— Куда это ты собрался?

— На улицу...

— Но твоя постель здесь, — она показала в угол.

Покраснев, Руперт отодвинулся.

Она серьезно и нежно посмотрела ему в глаза:

— Я навеки твоя, всегда, в любое время...

Он отчаянно затряс головой:

— Я не сделаю ничего такого, что повредило бы чести моей Дженифер. Да, я часто ошибался, но я не хотел этого...

Девушка ласково поцеловала его и взъерошила ему волосы. Негромко рассмеявшись, она сказала:

— Прекрасно, я ценю твою скромность. Но мы погасим свет, прежде чем раздеться, и тут достаточно одеял для двоих, да между постелями не меньше ярда, сам видишь... а может, целая миля, лига, весь земной шар... Но я смогу дотянуться до тебя рукой.

Поколебавшись, он все же кивнул, улыбнувшись:

— Придется уступить.

Она обошла пещеру, гася лампы.

— Знаешь, я вдруг почувствовала, как сильно устала, — пожаловалась она. — Мне кажется, я умру, как только лягу... но это будет счастливая, счастливая смерть, я не заслужила ничего подобного...

Руперт не отрывал от нее глаз.

— *«Закончены наши пиры, — негромко произнес он. — И актеры, как и предсказывал я, оказались лишь духами, а теперь растаяли в воздухе, в прозрачном воздухе; и, словно воздушный замок, рухнула заоблачная башня, и рассыпались великолепные дворцы, и торжественные храмы, и сам земной шар, да и все живущее на нем, и увяла ненужная пышность, не оставив мучительных воспоминаний... а мы остались, словно бездомные капли, и наши крохотные жизни — всего лишь сон...»*

Дженифер остановилась, изумленная.

— Чьи это слова?

— Старого Просперо.

— Как это грустно и как прекрасно! Я никогда не слышала ничего подобного.

— И впредь не услышишь, если не примешься читать труды Великого Историка. Мы живем в смиренном и строгом веке, и язык наш беден и убог; мы просто каркаем, как вороны на пустынных зимних полях. — Руперт помолчал немного. — Ну, во всяком случае, так можно сказать обо мне. Но ты... нет, тебя не сравнишь с вороной, ты — словно ястреб, я уже думал как-то об этом... твоё красноречие сродни стремительному полету. Я могу лишь поклоняться твоей проносающейся мимо тени.

— Нет, Руперт, мое оперение куда скромнее твоего.

Он искренне рассмеялся, а потом так же искренне зевнул.

— Ох, ладно, любимая, пора отдохнуть. И мир, и время не могут обойтись без ворон.

НЕДАЛЕКО ОТ БЕРЕГА

День был тихим, безветренным. Остров лежал под лазурным небом, словно огромный изумруд. В воздухе порхал Ариэль, весело махая яркими крылышками. Остальные работали, обливаясь потом.

Тартана покоилась на воде, не нуждаясь в якоре; паруса были убраны. К основанию мачты прикрепили прочный шест; от другого его конца тянулись веревки, перекинутые через блок. На этих веревках было подвешено странное сооружение: огромная просмоленная бочка без дна, внутри которой крепились к стенкам мешки с песком. Вес бочонка заставлял лодку слегка крениться.

— Стоп! — крикнул Ариэль. — Стоп! Оставьте ее здесь... нет, промахнулись. Назад... немножко назад... самую чуточку... вот, хватит! Теперь он висит правильно. Если учесть глубинное течение... да, он опустится там, где надо. — Эльф вернулся на судно и устроился на скамье, тревожно оглядывая всех. — Но я ведь не умею видеть будущего, друзья. И не знаю, выдержат ли обручи и клепки, или твои легкие и ребра, Руперт... вдруг ты останешься лежать погребенным на дне?

Руперт ответил взволнованным тоном:

— Но я отправляюсь туда в отличной компании: со мной мой Бог, молитвы моей леди... чего же мне бояться?

Принц был одет в одни лишь бриджи; на поясе у него висел нож. Руперт наклонился к Дженифер и поцеловал ее.

— Я скоро вернусь, с книгами в руках, — сказал он. — И, может быть, с жемчужиной для тебя.

— Мне нужен лишь ты... и ничего больше. Удачи тебе! — с трудом выговорила она.

Руперт взялся за поручни.

— Ну, вперед!

— Хозяин, умоляю, позвольте мне туда отправиться! — воскликнул Уилл. — Вы нужны королю!

— Ему нужны лишь такие командиры, которые не посылают солдат на слишком опасные дела. — Руперт был уже в воде. — Ну, опускай! — крикнул он.

Уилл, скривив губы, повиновался. Калибан помогал ему. Они подвели бочку к поверхности воды. Руперт поднырнул под нее, махнув Дженифер рукой.

— Давай опускать, — вздохнул Уилл. — Чем скорее он доберется до дна, тем скорее мы сможем вытащить его обратно.

Лодка качнулась. Заскрипели снасти, затрещали блоки, и черная громада бочонка ушла вглубь, исчезнув из виду.

Дженифер перегнулась через поручни, пристально вглядываясь в воду.

— Вот теперь и поплакать можно, — сказала она, когда утихли последние волны, вызванные погружением, и беспомощно опустилась на дно лодки.

Ариэль порхнул к девушке.

— Все будет хорошо, — сказал он утешающим тоном. — В конце концов, герцог Просперо забросил свои книги не в бездонные пучины. Просто он боялся, как бы их не украли. Нашему другу нипочем такая глубина.

— Ты можешь в этом поклясться?

— Нет, — признался эльф.

Калибан, тоже желая утешить девушку, сделал неуклюжую попытку погладить ее по голове. Уилл перехватил его руку и рывкнул:

— Не лезь, безмозглый! Неужто ей и погоревать нельзя, не задохнувшись от твоей вони?

— О! Я не знаю, как помочь Миранде, не знаю! — Калибан сгорбился и сел на корме, рядом с Фарвеллом. — Если бы я мог! Если бы мог!

— А если бы я знал, как помочь моему принцу... — Уилл покачал головой. — Ну ладно, дурачок, не кисни, мы в одной лодке. Что ж, постараемся скрасить время ожидания.

Калибан просветлел.

— Бренди?

— Э нет, не сейчас. Нам с тобой понадобятся все наши силы. Зато вечером, когда вернемся на берег — э, уж тут мы устроим языческую пляску вокруг бочонка с бренди! Ну а если... — Он уставился на сверкающую под солнцем воду. — Тогда тем более напьемся.

Калибан поскреб лохматый затылок.

— Я все-таки не понял, что это за штука. Ты говоришь, это водолазный колокол. Но я что-то не слышал, чтобы он звонил.

Фарвелл хлопнул его по плечу.

— Это лишь название, понимаешь, навозная куча? Это похоже на колокол по форме, а вместо языка там болтается Руперт... — Он нервно вздохнул. — Ох, что-то мне не по себе... Конечно, мой принц узнал в Тунисе, как найти книги Просперо. Вот только эта чертова вода... Просперо мог бы спрятать свои сокровища и в другом месте, попроще. А что касается водолазного колокола — так это из последних выдумок, новомодная штучка. Я тебе объясню. Бочку просмолили, так что воздух из нее выйти не может, а мешки с песком потянут ее на дно. Когда принц найдет там то, что ему нужно, он эти мешки сбросит, и бочка поднимется наверх, к солнышку.

— И к Миранде, — нахмурился Калибан и тут же добавил с надеждой в голосе: — Но ведь воздуха-то там немного, а? Может не хватить?

— Кто знает? — пожал плечами Фарвелл. — Кто знает, что там, в глубине, во тьме и холоде... и защитит ли Руперта колокол... и вернется ли он с книгами — живым...

Дженифер вскрикнула. Ариэль стремительно взлетел вверх. Фарвелл вскочил. Калибан жалобно заскулил. Вода неподалеку от лодки вскипела белой пеной, и на поверхность поднялась бочка.

— Руперт, Руперт! — через мгновение-другое закричала Дженифер. — Где он, почему его не видно? Я поплыву за ним...

Она попыталась сбросить одежду, но Уилл остановил ее:

— Нет, погодите, по-го-дите! Вон! Там!

Над водой показалась голова Руперта.

— Э, что-то он бледноват, — сказал Фарвелл. — Мастер, вы можете держаться за это? — Он схватил отпорный крюк и протянул принцу.

Руперт не слишком уверенно ухватился за него свободной рукой. В другой он крепко держал огромный том, в потертом кожаном переплете с бронзовыми застежками. Драгун подтянул принца поближе к борту, наклонился вниз и ухватил Руперта за волосы.

— Забери у него книгу, пока он ее не выронил! — крикнула Дженифер. — Это его беспокоит сейчас больше всего! — И тут же сама, склонившись через поручни, подхватила тяжелый том. Тем временем Уилл, рассыпая богохульства, с помощью Калибана втащил Руперта в лодку.

Принц бессильно упал на днище.

— Ох, как все болит... — простонал он. — Каждая мышца, каждый сустав... я шевельнуться не могу...

Ариэль опустил рядом с ним и быстро пробежал пальцами по скрюченному телу.

— Да, очень много воздуха внутри, — сказал эльф. — Он слишком быстро поднялся. Как же я мог не предвидеть этого? Чудо еще, что он вообще выбрался... ну, это судьба. — И тут же, улыбнувшись Дженифер, опустившейся на колени возле принца, добавил: — О, успокойся! Дух воздуха знает, как привести его в порядок, как излечить те внутренние повреждения, которые он мог получить. Несколько дней покоя, и он будет совершенно здоров и силен, как прежде. А теперь отойдите все в сторону и дайте мне пропеть мои заклинания.

Охваченные благоговейным страхом, Дженифер, Уилл и Калибан отошли на корму. Уилл взял девушку за правую руку, Калибан — за левую, и все трое замерли в ожидании.

Глава 21

ВОЗЛЕ ПЕЩЕРЫ

Над утесами висела ущербная луна, серебра вершины деревьев. Изредка по небу пробегали торопливые облачка. Недалеко от входа в пещеру горел костер, ярко сверкая в крошечной тьме. Холодный ветер шелестел листвою. Время от времени раздавалось уханье совы.

Пламя плясало весело, выбрасывая вверх желтые и красные языки. Изредка раздавался громкий треск, и в воздух взлетал фонтан искр. В неровном свете видны были пятеро, стоявшие чуть в стороне. Руперт держал книгу; лицо принца бороздили глубокие морщины. Рядом с принцем стояла Дженифер, держа в руке посох выше ее самой; его половинки были скреплены ивовыми жгутами, связанными в затейливый узел. Набалдашник посоха, вырезанный в форме лотоса, слабо светился, вырывая из тьмы бледное лицо, расширенные глаза и полуоткрытые губы Дженифер. Ариэль расположился на валуне, погрузив пальцы в мох и сложив крылья, трепещущие под порывами ветра. Калибан сидел на корточках, похожий на темную каменную глыбу; Уилл Фарвелл, напоминающий живой скелет, устроился чуть позади монстра, стараясь ничем не выдать своего страха.

Руперт медленно произнес:

— Сейчас мы должны прочесть молитву, чтобы попросить у Господа благословения нашим делам и чтобы он дал нам разрешение использовать те силы, что я приобрел, изучая магию.

— И чтобы эти силы тебя не покинули, — пробормотал Уилл и добавил громче, обращаясь к своему военачальнику: — Принц, уверен ли ты, что это мудрый поступок? У тебя ведь было не так уж много времени, неделя или две, чтобы прочесть эту книгу. А старики, я слышал, говаривали, что магия — вроде норовистого жеребца, так сразу ее не объездишь, тут нужно время и упорство, а иначе она может сбросить тебя напрямик в ад, особенно если ты при этом не отличаешься особым благочестием.

— Ад... — вздрогнул Калибан. — Ох-хо, что может быть холоднее ада?

Руперт нахмурился, оглянувшись на Фарвелла.

— Сколько раз повторять тебе — я знаю, что силы мои ничтожны, что я лишь наскоро пробежал тайные тексты, а они к тому же так сложны, переполнены древними словами и символами... Я расшифровал лишь немногие чары... с их помощью можно вызвать простых духов земли, которые способны быстро доставить нас домой... вот и все, что я знаю, если я знаю хотя бы это. Да и кто бы мог утверждать, что прочел все правильно, как бы ни старался? И все же этой ночью мы сделаем первую попытку, однако даже в случае ошибки вреда никому не будет. Спроси Ариэля. Он помогал мне в работе, и Дженифер поддерживала меня, пока ты безобразно пьянствовал.

— Он прав, — сказал эльф. — Но поспешим! Нам нужен лунный свет.

Руперт открыл книгу. Дженифер вздрогнула.

— Моя дорогая, ты боишься? — спросил принц.

Она вскинула голову:

— С тобой рядом — нет.

Руперт начал напевно читать:

— О, существа стремительные и невидимые, яркие, как огонь, неуловимые, как пепел, как запах трав и грибов, растущих в полутьме леса, где бы вы ни были сейчас и чем бы ни наслаждались, придите сюда, ко мне, и увидите слова, вписанные в пентаграмму, начертанную в пыли, из которой восстала человеческая плоть, и будьте послушны, и повинуйтесь, во имя Господа. — Дженифер шагнула поближе и подала Руперту посох Просперо. Принц бронзовым наконечником посоха стал чертить в воздухе слова, произнося их вслух: — *Adam Te Dageram, Amrtet Algar Algaetna...*

Заклинание было длинным, Руперт читал его несколько минут. Закончив, он закрыл книгу, передал ее Дженифер и воззвал:

— Вот задание, которое я возлагаю на вас: покажите нам три картины, четких и ясных, и пусть мы слышим каждое слово, что будет произноситься там... Первое: я хочу увидеть то поле в Англии, где недавно побывал Ариэль, и сказал, что там началась битва. *Aleph*.

Огонь костра заревел и взвился вверх, превратился в столб высотой с дерево, закружился кольцом, бросая бледные красные и голубые отблески... И в этом огромном кольце, словно в окне, появилось изображение.

Там была та же самая ночь, под той же самой луной... а может быть, и ветер был тем же самым, он влек куда-то облака и посвистывал над пустошами. В темноте, окутавшей землю, поблескивала вода каналов и прудов; видна была и река, огибающая высокий холм, похожий на конус. Склоны этого холма поднимались естественными террасами, а вершину его венчала

возведенная человеком башня, ныне разрушенная; ее силуэт резко выделялся на фоне соседних холмов. Неподалеку громоздились стены, крыши и шпили небольшого городка. Кое-где светились окна. Куда ярче был освещен лагерь армии, расположившейся на равнине в двух-трех милях от городка. Там можно было разглядеть пушки, повозки, лошадей, офицерские большие палатки, отблески копий и лат стражей.

— Ох, это Гластонбери! — вскрикнул Уилл. — Да, именно Гластонбери! Вон, взгляните — там Тор, любимый эльфами... аббатство... холм, где растет терн Якоба... Мой дом лежит вон в той стороне, совсем недалеко, и там моя Нелл... моя Нелл и все наши ребятишки, мои любимые малыши, а война совсем рядом с ними, а я далеко и ничем не могу им помочь! — Он опустил ся на колени, закрыл лицо корявыми ладонями и зарыдал, как тюлень.

Изображение увеличилось, как если бы наблюдатель резко снизился. Опустошенные земли пугали, как Апокалипсис. Страшные картины поплыли перед пятерыми...

Дженифер сжала кулачки, задохнувшись от ужаса, и прижалась к Руперту. Калибан, сидя на корточках, разинул рот и поднял лапу, словно желая ткнуть в картину — но не решаясь сделать это. Ариэль взлетел вверх, обернулся летучей мышью, и его крылья затрепетали в порывах ветра.

Гора мертвых тел лежала на испепеленной земле, залитой лунным светом. Чуть в сторонке лежал мальчишка-барабанщик... ветер шевелил его светлые локоны, а муравьи маршировали по его застывшему лицу. Ржала раненая лошадь, едва живой солдат умолял принести воды — но рядом не было никого, кто мог бы это сделать... Пушка бессмысленно разинула жерло; среди ядер, которым не суждено уже было очутиться в створе орудия, лежала оторванная человеческая голова. Чья-то открытая Библия лежала в грязи, и страницы ее покрывала кровь. Какой-то солдат с трудом ковылял вдоль дороги, волоча за собой кое-как перевязанную ногу; борода солдата покрылась сосульками от мороза. Воющий ветер словно пел псалом, зывая о милосердии.

— И это сделал человек! — воскликнул Ариэль, обращаясь к небесам. — Чем заслужил он такую кару?!

— Это война, а война всегда жестока, — сказал Руперт. — Но можно умереть и хуже, если живешь, как раб... Эй, а там что такое? Армия, на привале...

В кольцо огня появился лагерь. Несколько человек сидели у костра — возможно, это были часовые, а возможно, они просто слишком измучились и не могли уснуть. Все небритые, грязные, на некоторых виднелись повязки; протягивая руки к тле-

ющим углям, они негромко переговаривались. Одеты они были в камзолы из буйволовой кожи и коротко острижены.

— Это парламентарии, — без выражения произнес Руперт. — Наши враги, наши злейшие враги...

Кольцо огня сжалось, вновь превратясь в столб, а потом став обычным пламенем костра. Дженифер коротко вскрикнула, Калибан хрюкнул от удивления, Уилл поднял мокрое от слез лицо, Ариэль спустился вниз.

Руперт оставался неподвижным.

— Вот и исчезла первая картина, мрачная, как наши мысли, — сказал он наконец. — Ну что ж, нам предстоит увидеть еще две. Выдержим и их.

Парящий в воздухе эльф всмотрелся в принца, на лице которого плясали отсветы огня.

— До чего же ты тверд духом... — сказал наконец Ариэль.

— Я солдат, — ответил Руперт и взмахнул посохом Пропсpero. — Теперь покажите нам совет наших главных врагов, — приказал он. — Если он не происходит в данный момент, покажите тот, что был последним. Beth.

И снова они вглядывались в центр огненного кольца... В нем появился лагерь пуритан — но это был еще вечер, не ночь. В небе светились янтарем последние отблески заката; луна едва показалась над горизонтом. Перед пятерыми наблюдателями возник сначала большой шатер, потом — его внутренность.

В свете лампы они увидели двоих, сидящих за небольшим столом, заваленным картами, депешами, записками. Один — вероятно, офицер Круглоголовых, судя по его красновато-коричневому камзолу и властным манерам. Это был крепкий человек. На его грубоватом лице немного странно выглядели усы и эспаньолка. Второй — в штатском; на коленях он держал высокую шляпу. Этот явно был старше собеседника, хотя и оставался подвижным и подтянутым. На его голове сияла обширная лысина; серые глаза постоянно мигали.

Дженифер снова вскрикнула:

— Это мой дядя... опекун!

— Шелгрейв! — рыкнул Руперт, но тут же взял себя в руки. — Не бойся его. Он далеко, и ты теперь не под его опекой, а под моей, отныне и навсегда. — Он поднял руку, призывая всех к молчанию. — Тише! Они о чем-то говорят.

Офицер, похожий на самого обычного сквайра, сказал:

— Разумеется, мы рады вас видеть, сэр Мэлэчи. Ваши мануфактуры и железные дороги так хорошо служат нашему делу, что мы можем не обращать слишком большого внимания на побег вашего пленника. — Он сухо улыбнулся. — Ну, в любом случае о нем до сих пор никто ничего не слышал, так что я

подозреваю, что Горячий Руперт давным-давно валяется где-нибудь в канаве, с перерезанным горлом... да, пожалуй, он попался под руку какому-нибудь бандиту, и тот оказал нам услугу, избавив от лишних хлопот... Но, впрочем, что привело вас сюда, в такую даль, да еще и в самый день сражения?

Должно быть, Шелгрейв заранее подготовил свою речь, потому что заговорил он живо и гладко:

— То, что я должен сказать, генерал Кромвель, возможно, прозвучит странно, и может даже показаться граничащим с ересью. И тем не менее, умоляю, выслушайте меня и не забывайте при этом о Парламенте... — Он наклонился вперед. — Я готов объяснить и рассказать все с мельчайшими подробностями, и мои слова подтвердит священник с безупречной репутацией, также замешанный в это дело. Он приехал сюда со мной, но в данный момент, к несчастью, он плохо себя чувствует, его укачало по дороге. Но мы оба готовы дать показания о черной магии, использованной Рупертом. Вы и сами знаете, его всегда звали чернокнижником, и он водил дружбу с разными тварями... ну, все это правда, и более чем правда.

— Продолжайте, — коротко бросил Кромвель, потому что Шелгрейв вдруг умолк.

— Мы подадим вам, генерал, самый подробный отчет о том, как Руперт околдовал мою племянницу, мою подопечную — и склонил ее помочь побегу; и о том, как оба они получили ведьмовские перстни из рук лесных демонов; и как Руперт со своим соучастником сумел пересечь этот остров, скрывшись от охотничьих собак, и исчез; как позже оба они объявились в Тунисе в качестве гостей дворянина-паписта; и как они снова пропали, закупив предварительно кучу оборудования для неведомых целей... явно недобрых.

Кромвель прикоснулся к Библии, лежавшей на столе среди бумаг. Больше он ничем не выдал своего внимания.

— Продолжайте, — повторил генерал.

— И мы готовы подробно рассказать о том, как я обнаружил кольцо на пальце моей племянницы; как нам удалось вырвать у нее признание; как мы отправили ее на юг под присмотром священника, в сопровождении надежных солдат, в надежде перехватить Руперта; и как она заморозила одного невезучего юного парнишку, сбежала и, без сомнения, присоединилась к своему дьяволу-любовнику. Это долгая история, а время не терпит... особенно ваше время, генерал. Не примете ли вы это краткое изложение пока и не найдете ли вы возможность позже ознакомиться с подробностями?

— Я выслушаю вас.

— Все эти новости лишь недавно дошли до меня, когда солдаты, сопровождавшие мою племянницу, вернулись домой и когда пришло донесение от моего агента из Африки. А пока, в отсутствие Руперта, наша армия идет от победы к победе, громя силы сатаны...

— Поосторожнее, — бросил Кромвель. — Карл по-прежнему остается моим королем.

Шелгрейв отшатнулся.

— Но... простите, мой генерал... но разве не Карл Стюарт командует проклятым сонмом, с которым мы столкнулись сегодня и который разбили наголову? Разве он не укрылся за теми стенами на холме, и разве вы не намерены штурмовать их завтра?

Кулак Кромвеля тяжело лег на карту.

— Король — это одно, — сказал он. — А его злобные советники — другое... — Помолчав немного, он добавил: — В этом должен разобраться Парламент. Моя же задача здесь — разогнать последнее скопище сброда... Впрочем, тут остался невесть откуда собранный хлам, он разлетится при малейшем дуновении ветерка, нужен просто еще один удар... Да, еще одна атака — и Англия обретет мир. Но говорите же, сэр Мэлчи.

— Не кажется ли вам крайне удивительным, мой генерал, что армия наших противников выбрала именно эти земли для своей последней стоянки? Кроме Тора и нескольких невысоких холмов, тут вокруг лежат совершенно плоские равнины, открытые, на них очень трудно обороняться. Почему они не отправились к Мендипской гряде или, еще лучше, к Уэльсу?

— Мы допрашивали об этом пленных офицеров. Они тоже удивлены и ничего не понимают. «Это была воля короля», — вот все, что они могут сказать. — Кромвель потер массивный подбородок. — Я думал... король ведь не слишком разбирается в войне, он мог выбрать это место потому, что здесь лежит знаменитый старинный город, центр роялизма, и отсюда ведут хорошие дороги на юг... конечно, это было ошибочным рассуждением.

— Хотелось бы мне знать, что натолкнуло его на эту мысль, — медленно произнес Шелгрейв. — Гластонбери... сердце древней Британии... старые церковные предания гласят, что именно здесь впервые на нашу землю ступило христианство, хотя и в ином, непривычном нам облике, когда Иосиф Аримафейский привез сюда святой Грааль и посох из терна, который с тех пор расцветал на каждое Рождество... и местные жители клянутся, что вот там, в развалинах аббатства, они видели в лунные ночи призрачных монахов, служивших мессу... Гластонбери, принадлежавший друидам до того, как сюда пришли христиане, да

и то кельты предпочитали Рим... и еще говорят, что здесь находился Авалон короля Артура... куда переселились из других мест эльфы и феи, им и по сей день приносят тайные жертвы... Разве не странно, что король выбрал именно эти края, да еще и за два дня до равноденствия?

Кромвель нахмурился:

— Выражайтесь яснее, сэр.

— Я пытаюсь, генерал. Говорю же вам, я на личном опыте убедился, что принц Руперт — посланец Люцифера, он явился, чтобы помешать нам очистить эту землю от идолопоклонников и сатанистов. И теперь я точно выяснил, что принц жив. Не приведет ли он сюда легионы тьмы? — Шелгрейв схватил Кромвеля за рукав. — Именно это я и пытаюсь сказать вам, генерал: ударьте! Выпустите карающие молнии из ваших орудий, разбейте, разгоните, уничтожьте филистимлян! Пусть в этом прибежище троллей не останется ни короля, ни его священников, ни солдат, ни колдунов с ведьмами, вообще камня на камне, чтобы некому было встретить дьявола Руперта и прийти ему на помощь! Лишь тогда, должно быть, он сбежит в свое дымное логовище... — Голос Шелгрейва надломился, лицо сморщилось. — Сбежит вместе со своей сучкой, которую я называл когда-то моей чистой девой... — Но тут же сэр Мэлчи взял себя в руки. — И тогда Англия будет спасена. Но вы не должны медлить.

Кромвель спокойно смотрел на него.

— Не в моих привычках бросаться в дело сломя голову, — сказал генерал. — У нас позади трудная битва, мои солдаты нуждаются в отдыхе. Завтра — да, завтра мы подойдем к городу. Ну а что касается демонов и магов, так их стрелы не страшны тем, кто закован в броню истинной веры.

Изображение в огненном кольце растаяло.

Уилл Фарвелл хихикнул.

— Наши легионы тьмы, а? Каково? — воскликнул он. — Это Калибан, что ли, наш легион? Так ведь они с Ариэлем останутся здесь. Сомневаюсь, что мой хозяин настолько искусен в магии, чтобы заставить их покинуть это местечко, это никому не по силам! Значит, мой лорд поведет за собой мощный отряд: драгуна без коня, меня то есть, да девицу в мальчишеском наряде!

— Хватит болтать, — сказал Руперт, стоявший недвижно, как отлитая из металла статуя. — Мы должны увидеть еще кое-что. — И снова взметнулся в воздух посох Просперо, набалдашник которого светился, как бледная звезда, над алыми сполохами костра. — Покажите мне моего короля. Это последний приказ. Gimel.

И вот в третий раз появилось огненное кольцо. В нем возникло изображение хорошо обставленной комнаты; из открытого окна открывался вид на Тор и Гластонбери. Вокруг стола сидели несколько человек — одни были одеты в нарядные, но потрепанные костюмы, другие — в простое солдатское платье, и все выглядели очень утомленными.

Взгляд Руперта сначала остановился на самом высоком и крупном из них.

— Мой брат... ох, Маврикий! — прошептал принц и тут же посмотрел на самого маленького. — Его величество...

Да, Карл был крохотным человечком, но, несмотря на свой рост, держался величественно, и даже сейчас его костюм был очень аккуратным. Руперт осмотрел остальных.

«Горинг, злодей... Дигби, вечный подхалим и прелюбодей... — мысленно перечислял он. — Эйтин, воплощенная алчность — что за дивные Рыцари! Я предпочел бы честного грубоватого Кромвеля. Неважно, что в этой борьбе мы по разные стороны... иначе союзники сейчас хуже врагов. Ну что ж, у нас есть мой дорогой Маврикий, и Уилл Легг, и мой горячо любимый, всегда добрый король...»

— Это твой брат? — спросила Дженифер. — Он очень хорош собой.

Он жестом попросил ее замолчать. До них донеслись голоса.

— Можно не сомневаться, утром они атакуют, — медленно говорил Маврикий. — Они прорвут нашу жалкую оборону, как они уже это делали, отбирая у нас город за городом. И Гластонбери скоро запылает в огне, как те корабли, что несли флаг Стюартов...

— Но почему ваше величество настояли, чтобы мы собрали войско именно здесь, на плоской равнине, где нас так легко разбить? — жалобным голосом спросил Эйтин.

Карл не обратил внимания на наглость, понимая, что она рождена отчаянием.

— Не знаю, — ответил он.

Все присутствующие уставились на него. Он сдержанно улыбнулся.

— Это было наитие... сон... ощущение... да, ощущение, что это — самое верное и здесь наша последняя надежда, — сказал король.

— Не иначе как ведьма наслала вам этот сон, ваше величество, — брякнул Дигби.

Карл медленно покачал головой:

— Нет, пуритане люто ненавидят даже самую невинную магию, и магия не терпит их, ведь пуритане не желают признавать даже того, что и эльфы созданы Богом... А если именно

эльф позвал меня во сне? Я не отважусь думать, что это был голос кого-то из святых.

— Ну, что бы это ни было, нас оно завлекло к гибели, — сказал Горинг.

— Нет, погодите, вы несправедливы, — возразил Легг. — Не забывайте, сэр, мы не однажды держали совет между собой и согласились, что если Сомерсет и не лучший из вариантов, то другие места все равно хуже, да после Марстон Мура нам так или иначе приходится тяжко. Да и что мы проиграли, придя сюда?

— Войну! — бросил Эйтин.

Горинг зловеще расхохотался:

— Ну, война все равно была уже проиграна. Мы сейчас похожи на привидения, болтающиеся в ожидании рассвета... холодного рассвета, и могилы, пожалуй, покажутся нам приятнее его.

— Что мы будем делать? — спросил король Карл. — Мне ненавистна мысль о сдаче, но еще ненавистнее — знать, что этот чудесный старый город может быть разгромлен, сожжен и бессмысленно разграблен.

— Но если ваше величество попадет в плен — что может быть хуже? — сказал Маврикий.

Король поморщился:

— Ну сколько еще может вытерпеть мое жалкое тело?

— Пока вы живы и на свободе, наше дело тоже живет, — заявил Маврикий.

— Может быть, вы в свое время и не слишком стремились надеть корону, — добавил Легг, — но теперь вы — символ бесчисленных надежд.

Маврикий обвел взглядом сидящих за столом.

— Если даже мы потеряем Англию, мы не потеряем весь мир, — сказал он. — Мы еще можем переправить нашего короля через канал. Но тогда нам не следует задерживаться возле этого городка. Мы должны отправиться прежде, чем враги смогут что-либо предпринять. Впрочем, если мы окопаемся вон там, на вершине, — он указал рукой в окно, — мы сможем отбить атаку немалых сил.

— Ну а они начнут осаду, — фыркнул Эйтин. — И умолят нас голодом и жаждой.

Маврикий кивнул:

— Да. Но мы можем выиграть несколько дней, вы сами понимаете... может быть, для того, чтобы тайно увести отсюда короля, а может, для того, чтобы поднять на борьбу крестьян и перерезать пути на юг... а может... не знаю. Скорее всего мы

проиграем. Но если мы не будем ничего делать — мы проиграем куда скорее.

Взгляд Маврикия вернулся к королю. Король долго смотрел на свои лежащие на столе руки, потом наконец заговорил, вздохнув:

— Принц прав, но... глупо все это. Даже если крестьяне поднимутся и Господь допустит, чтобы они встали под наши знамена, разгром все равно неизбежен.

Он поднялся, подошел к окну и долго смотрел наружу, скрестив руки на груди.

— Настанут другие времена, — очень мягко сказал Карл. — Да, придут новые времена, друзья мои. Времена действий и побед. Мы должны верить в это. А сейчас... пустые, разбитые корабли лежат на дымящемся берегу, чернея островами, и тени лежат на лицах изможденных вдов, идущих на улицу, чтобы накормить мрачных детей... и совсем скоро грубые, безжалостные победители украдут то малое, что осталось у них...

Видение исчезло, и костер погас.

Руперт крикнул во тьму:

— Мы должны оказаться в Англии, пока не поздно!

— Поздно — для чего? — спросил Ариэль.

— Для того, чтобы помочь ему — или умереть за него!

Глава 22

ОСТРОВ

Снова настала ночь, но она была мягче и теплее. Желтая луна ярко освещала холмы, лужайки, песчаные отмели... Воды залива загадочно мерцали. Пятеро стояли возле лодки, на которой приплыла Дженифер. Лодка все еще лежала на песке, но мачта на ней была установлена, а парус поднят.

— Настал час, и мы можем отправиться в полет, — сказал Руперт. — Что ж, поднимемся на борт. Какой сегодня длинный день!

— Но мне он показался слишком коротким, как последнее дыхание мира и счастья, в самом прекрасном из мест на земле, — сказала девушка.

В Руперте вспыхнула надежда.

— Так, может, ты все-таки останешься здесь, в безопасности, как я просил тебя?

— Отпустить тебя одного? — грустно рассмеялась она. — Нет, не получится.

— Боюсь, это просто необходимо — чтобы она отправилась с тобой, — сказал Ариэль. — Ты не слишком силен в искусстве магии, и те чары, что ты выучил, едва могут поднять корабль при лунном свете, а если Дженифер не будет на борту, твои надежды добраться до места еще уменьшатся. Вы и так едва успеете проделать весь путь до рассвета, а присутствие невинной девицы все-таки усиливает колдовство...

— Я и сам это знаю! — огрызнулся Руперт. — Довольно болтать... — Но тут же он опомнился. — Извини меня, Ариэль.

— Я хотел бы и дальше помогать тебе, принц, — сказал эльф, трепеща крыльями. — Но вдали от дома... в окружении холодного железа...

— Ты и так помог нам, и у меня не хватает слов, чтобы поблагодарить тебя. — Руперт с крайней осторожностью наклонился к Ариэлю и пожал крошечную ручку своими огромными пальцами.

— Ты следуешь Старому Пути, и меч твой обретет невиданную силу... тебе поможет весь живой мир, все, что растет и дышит. Удачи тебе!

— Прощайте...

— Прощайте!..

— Удачи вам!

Грустно и нежно прозвучали последние слова. Ариэль порхнул к Фарвеллу, коснулся его лба, а потом, подлетев к Дженифер, поцеловал ее.

— Ну, до свиданья, — грубовато бросил драгун Калибану. — Наслаждайся тем бренди, что я тебе завещал!

Чудовище не слыхало его слов. Его жалобный, несчастный взгляд не отрывался от девушки; все тело Калибана вздрагивало от горестных рыданий.

— Ты больше никогда не вернешься сюда, Миранда? — задыхаясь, спросил он.

— Боюсь, я приду лишь в твои сны, — ответила она. Лунный луч осветил слезы, выступившие на ее глазах. — Но я всегда, всегда буду помнить о тебе, милый Калибан.

Она шагнула к монстру, поцеловала его и быстро поднялась в лодку. Принц уже стоял там, одной рукой он высоко поднимал посох Просперо, в другой руке держал открытую книгу. Как только Дженифер очутилась на борту, он воскликнул:

— Чары брошены! Невидимые течения понесут нас к цели. Zain. Прошу тебя, взлетай!

Бесшумно и очень плавно судно поднялось в воздух. Фарвелл глянул вниз, судорожно вздохнул, зажал глаза ладонями и, резко опустившись на дно лодки, скорчился там, словно же-

лая стать как можно меньше. Дженифер на мгновение испугалась, но тут же пришла в себя и, склонясь через поручень, махала рукой оставшимся внизу, пока остров не скрылся из виду. Руперт стоял у мачты, указывая посохом на Полярную звезду.

Ариэль немного проводил лодку и вернулся на пляж. Калибан неподвижно сидел на песке.

— Эй, ты что, окаменел? — спросил эльф, но насмешка его прозвучала невесело.

— Она меня поцеловала, — прошептал Калибан.

— Ах! Ее сладкое дыхание вместе с ней скрылось уже за горизонтом!

— Ты не понимаешь, муха. Она меня поцеловала. *Меня!* — Калибан встряхнул нечесаной гривой и ссутулился. — Это было. Это есть. Это будет. Это всегда будет со мной, пока я не умру. Разве мне нужно что-нибудь еще? Как прекрасен мир, Ариэль!

— О да, понимаю... я очень рад за тебя. — Эльф хлопнул Калибана по спине. — Пошли отдохнем. Я тебе спою колыбельную про Дженифер.

Ариэль вспорхнул в воздух, Калибан, едва передвигая ноги, потащился следом за ним, и они скрылись в лесу.

ЛОДКА

Суденышко, раздув парус, скользило вперед и вперед. Его несло вызванное колдовством течение воздуха. Но вокруг было тихо, и лишь поскрипывание снастей нарушало покой небес. Они поднялись так высоко, что их охватил холод, а от дыхания рождались маленькие облачка. Внизу раскинулись необъятные просторы. Пурпурно-черный океан сливался с таким же небом; слева висела луна. Ее свет падал на раздутый парус.

Дженифер сидела у руля. Руперт стоял у поручня, глядя вперед. Фарвелл на скамье в середине лодки крепко вцепился в доску. Принц показал на серебряную нить, затеяливо вьющуюся внизу.

— Это Дордонь, — сказал он. Голос принца в окружавшей их бесконечности прозвучал странно. — Мы доберемся до нашей цели еще до рассвета.

— Откуда тебе знать? — с любопытством поинтересовался Фарвелл.

— Я изучил не одну карту. Но как странно видеть землю сверху, когда она похожа на рисунок... Вот только на живой карте нет никаких границ.

— Ну, я-то готов расцеловать любую землю, пусть это будет хоть скотный двор, лишь бы нам опуститься туда поскорее! — Уилл с опаской оглянулся по сторонам. — Нет, только не подумайте, что я без должного уважения отношусь к этим самым силам, что тащат нас сейчас, нет, конечно же, нет! Вот только очень уж это непонятно — видеть вокруг одно небо, и ничего больше. Ну все равно я благодарю Бога за его милость к нам, аминь.

— Да, а когда мы приземлимся — совершенно безоружные, потому что магические силы и мечи-то наши едва сумели выдержать, им мешают железо... может быть, тогда ты решишь, что лететь куда спокойнее и приятнее, — насмешливо сказал Руперт. — А может быть, чудеса продолжатся... Но сейчас... может быть, святые и наслаждаются бесконечностью, для них это торжество и блаженство... но мы-то простые смертные.

Он шагнул к корме и опустился рядом с Дженифер.

— Не хочешь, чтобы я сменил тебя? — спросил он ласково. — Как ты себя чувствуешь?

— Просто замечательно — с того самого момента, когда очутилась рядом с тобой. — Она нежно улыбнулась принцу. Огромные глаза и посеребренные луной волосы делали девушку похожей на фею. Дженифер указала рукой в небо. — К тому же здесь я в окружении старых друзей. Смотри, вон Большая Медведица, она указывает путь тем, кто стремится вернуться на родину. А там поет Лира, а там Лебедь раскинул свои крылья через реку, звенящую, как серебро... а там Пегас, а там Дева ждет своего героя... и поднимается Орион, чтобы прошеествовать через небеса... не так ли, как это делаешь ты?

Руперт помолчал, потом ответил хрипло:

— Нет, я Скорпион. Ты просто не замечаешь, что я до краев полон яда. Но я не слишком силен. Сумею ли я уберечь тебя?..

— Послушай, мне просто надоело слышать, что я слишком беспомощна! — вспыхнула Дженифер. Но тут же усмехнулась. — Впрочем, мне, конечно, не выдержат, если ты бросишь меня в жернова твоего долга и совести. Но когда мы обвенчаемся... ох, позволь же мне сейчас насладиться полетом, ведь потом синева дальних морей будет для меня светиться лишь в глазах наших малышей, и в их щебете мне будут слышаться мелодии Страны фей, а все мои приключения будут состоять в том, что я увижу, как растут наши дети... Когда мы обвенчаемся, я сделаю все, чтобы тебя не посещали грустные мысли...

Руперт обнял ее и крепко прижал к себе. Когда же он заговорил, голос его ощутимо дрожал.

— Ты слишком хороша для меня. Но — смотри, уже показались первые лучи солнца. Это рука Господа, указывающая нам путь.

Лодка стремительно скользила в угасающем свете луны.

НА ЛУГУ

По небу неслись темные грозовые облака, и трава на лугу казалась почти такой же темной, как деревья. Заунывно гудел ветер, упали первые капли дождя, кусающие, как ледяные шершя. Звезды исчезли, и лишь последний лунный луч касался лодки. Она стремительно спустилась и упала на землю с глухим стуком. Парус хлопнул и обвис.

Голос Руперта перекрыл шум ветра:

— Дженифер, с тобой все в порядке?

— Да, если... если не считать того, что у меня зубы стучат от холода, — дрожащим голосом ответила она. — Да еще меня здорово встряхнуло...

— Мне пришлось поспешить с приземлением, — ответил он, ощупью отыскивая девушку в сгущающейся тьме. — Иначе мы бы оказались в ловушке за облаками, а луна, без которой мы не могли удержаться в воздухе, уже заходит.

— Где это мы? — слышался голос Фарвелла.

— К югу от Гластонбери, — ответил Руперт. — Точнее сказать не могу.

— Ха, а кто бы мог, в такую-то погоду? Тут темнее, чем в кишках у дьявола! И луна-то спряталась, и дождь-то начинается... в общем, добро пожаловать в Англию!

— Сможем ли мы найти какое-нибудь убежище? — спросила девушка.

Дождь хлынул водопадом.

— Нет, если будем брести наугад, — сказал Руперт, и его слова были чуть различимы сквозь гул льющейся с неба воды. — Но север — там, и мы должны отправиться в ту сторону. Ничего не поделаешь, будем шагать, пока не наткнемся на дорогу, идущую в нужном нам направлении. А уж у дороги найдутся и дома, хотя и неизвестно, каковы окажутся их жильцы... придется нам быть поосторожнее.

— Ну, если я не ошибаюсь в своих соседях-сомерсетцах, тут кругом наши друзья, — заверил его Уилл.

— Да, но если победители уже начали размещать тут свои войска на постой? Ладно, идем!

— Да, конечно, ты прав, как всегда... чертовски это у тебя неприятная привычка, Руперт — всегда быть правым. Но, знаешь, мне бы хотелось взглянуть на физиономию того фермера, который утром найдет на своем выгоне лодку!

ДОРОГА

Шторм утих вскоре после рассвета. Но с севера все еще дул резкий, холодный ветер, унося рваные темные облака и очищая низкое, стального цвета небо. Руперт, Дженифер и Уилл упорно шагали навстречу ветру, наклонив головы; все трое были забрызганы грязью. С их одежды стекала вода, прямо в бесконечные лужи. По одну сторону дороги тянулась живая изгородь, за ней — ровные осенние поля, коричневые и серые; кое-где виднелись одинокие деревья — ветер срывал с них последние сухие листья, оголяя кривые ветви. Пронеслась над головамистая жалобно кричащих грачей.

— Поганое время — осень, — сказал наконец Уилл. Его нос являл собой единственную яркую точку среди унылого ландшафта. — Ничего хуже я лично просто не знаю.

— Не в осени дело, — сказала Дженифер. — Просто выдался зловещий, страшный год... — Она попыталась улыбнуться. — Смотри, я опираюсь на волшебный посох Просперо, как на простую палку!

— Ага, а его главная книга лежит в моем мешке за спиной, а на ней преспокойно себя чувствуют свертки с едой, взятой на его острове... но до чего же тяжела эта книга! — Уилл поправил заплечный мешок. — А перекусить, кстати, никто не хочет? Нет? Ну, между прочим, я бы с удовольствием поменял все эти волшебные груши и роскошные гранаты на хорошую миску овсянки со сливками и медом, а моей сабле сейчас хочется рубануть по куску чедерского сыра, а не пробивать дорогу к славе.

— И ей не хочется отвоевать свободу и безопасность для твоих родных? — язвительно поинтересовался Руперт.

Фарвелл поджал губы.

— Прошу вас, сэр, не надо об этом... Мне и без того слишком тяжело, когда я о своих думаю. Я себе все время твержу: «Не бойся, ничего там не случилось с твоей женой и с твоими ребятишками», да, я так себе говорю, да только я все думаю, как бы там не появились Круглоголовые, да не рассердили бы чем-нибудь мою Нелл... Она, знаете, женщина большая, сильная, когда берется доить, коровы просто трясутся от страха... ну а что касается ее характера, тут уж... она же посшибает этих Круглоголовых, как кегли!

— Тихо! — вдруг сказал Руперт, поднимая руку. — Там, за поворотом, впереди — всадники... враг! — И он мгновенно выхватил меч из ножен.

Из-за поворота показались пятеро всадников. Среди них был толстый крестьянин средних лет, в длинной коричневой куртке, поношенных штанах, грязных ботинках и засаленной шляпе, восседавший на коренастой лошадке местной породы. Насчет остальных ошибиться было невозможно — это были Железнодорожники. Едва они завидели компанию Руперта, как мгновенно разразились криками:

— Заблудившийся Рыцарь!.. Их двое! У них в плену мальчик-пуританин! Спасем его! Вперед!..

— Быстро, становимся спиной к изгороди! — приказал Руперт. — Дженифер; спрячься за меня!

Земля загудела под копытами, и грязь брызнула фонтанами во все стороны, когда пуритане пустили лошадей в галоп. Но Уилл Фарвелл не стал хвататься за саблю. Вместо этого он снял со спины тяжелый мешок и принялся раскручивать его над головой, держа за лямки. Руперт бросил на него изумленный взгляд, но времени, чтобы задавать вопросы, у принца не было. Командир пуритан оказался рядом с ним.

— Сдавайтесь, или мы вас прикончим! — заорал пуританин.

Руперт угрожающе выпрямился и взмахнул мечом. Пуританин ударил саблей, но меч Руперта встретил ее на полпути. Зазвенела сталь, посыпались искры. Сабля вылетела из руки пуританина и, сверкнув в воздухе, отлетела прочь. И прежде чем Круглоголовый сумел увернуться, левая рука Руперта ухватилась за его ногу. Сильный рывок — и Железнодорожник вылетел из седла, запутавшись одной ногой в стремях. Его конь заржал и метнулся в сторону, таща пуританина за собой по грязи.

Уилл, раскрутив как следует мешок, метнул его. Он с огромной силой врезался в живот одного из солдат. Тот хрипло вскрикнул и согнулся пополам. Лишь теперь Уилл схватился за саблю.

Уилл и Руперт с двух сторон подбежали к третьему солдату, а четвертый тем временем достал из-за пояса пистолет. Но путь ему загородила Дженифер.

— Э-гей, парнишка, давай ко мне! — подбодрил ее пуританин.

— Конечно, к тебе, — согласилась Дженифер. — Познакомься-ка с моим посохом!

И она с размаху ударила его по руке посохом Просперо. Пуританин взвизгнул и выронил пистолет. Дженифер ткнула

его посохом в нос. Солдат заревел от боли, из носа у него хлынула кровь.

Руперт и Уилл разоружили противников и забрали их коней. Принц вскочил в седло. Он поскакал за той лошастью, что умчалась в сторону, волоча за собой своего наездника, схватил ее за поводья, освободил запутавшегося солдата и вернулся к друзьям, ведя коня за собой. Изумленная жертва Дженифер даже не пыталась сопротивляться, когда Руперт потребовал отдать оружие и спешиться. Тот солдат, которому достался удар книгой Просперо, пришел в себя и, пришпорив коня, помчался на юг. Никто не стал преследовать его.

— О Дженифер! — воскликнул Руперт. — Ты не усташь удивлять меня!

Он послал ей воздушный поцелуй. Дженифер, крепко сжав посох Просперо, просияла улыбкой.

— Ну, один сбежал, зато трое захвачены, — сказал Уилл. — Недурной улов.

Крестьянин все это время неподвижно сидел на своей лошади, разинув рот. Уилл рысцой подъехал к нему, схватил его лошадь за поводья и воскликнул:

— Ба, да это же мой сосед, Робин Следж!

Крестьянин похлопал глазами и наконец выговорил:

— Уилл Фарвелл... да ты с того света вернулся?

— Не совсем так. Ну, быстро, отвечай, как там мои родные и мой дом? Говори, пока я тебя не пристукнул!

— Ну, когда я их в последний раз видал, они были в порядке. Тебе повезло, ты построил дом в сторонке ото всех!

Уилл вытер вспотевший лоб, но заговорил весело:

— Предусмотрительность, Робин, всего лишь предусмотрительность! Когда я присматривал поле для аренды и заметил, сколько кроликов бегают в ваших огородах... ну ладно. Как это ты дошел до того, что оказался в такой плохой компании? — Он ткнул пальцем в сторону грязных, окровавленных пуритан.

— А, это разведчики, им нужен был провожатый, они высматривают все, что может показаться опасным Кромвелю... ну, высматривали, пока вы трое не появились.

— И ты помогаешь бунтовщикам, Робин! Ты?!

— Да ведь выбора-то у меня не было, — с горечью ответил Следж. — Два моих сына, Том и Нед, они же ушли с королем. Уж лучше я сделаю все, что смогу, лишь бы заслужить для них прощение, если они вообще в живых останутся.

Руперт подскочил ближе и остановился, прислушиваясь.

— Как идет война? — спросил он наконец.

— Похоже, дело к концу, сэр, — вздохнул Следж. — Последние преданные королю войска выбиты из Гластонбери, на

Тор. Там, конечно, можно неплохо держать оборону... только вот этот Кромвель, командир бунтовщиков... Ну, я немного воевал, когда был молодым, а с тех пор немало приходилось мне пить пива в компании старых вояк... но никогда я не слыхал о таком, как этот Кромвель. Он словно взбесился, гоняясь за королем. А сейчас его войска обложили холм, а его орудия перестают стрелять только тогда, когда их передвигают поближе к королевским позициям... В общем, сэр, судя по тому, что я видел, я не дал бы королю и трех дней... и вряд ли ему удастся сбежать и остаться на свободе.

Руперт и Уилл обменялись взглядом.

Неожиданно принц сказал:

— Спасибо тебе, добрый человек, за твое сообщение. Ты сможешь повести эту компанию дальше после того, как я попрошу их как следует. Это не твоя вина, что мы оказались сильнее. — Он невесело рассмеялся. — Правда, дальше им придется отправиться пешком. Нам понадобятся их кони, а заодно и буйволовые кафтаны и все прочее. Ну, пусть погуляют, одетые лишь в собственную толстую шкуру. Они должны быть нам благодарны — ведь такие прогулки способствуют умерщвлению плоти, а значит, позволяют приобрести истинную святость!

Он отвернулся и направился к Дженифер.

Следж, проводив его взглядом, спросил:

— Это кто такой храбрый?

— Акробат, — брякнул Фарвелл.

— Кто-кто?!

— Это такой тип, который может пройти по проволоке, натянутой над адской пропастью. Ну-ка, давай отойдем в сторонку да поговорим, пока он делом занят.

Глава 23

ГЛАСТОНБЕРИ-ТОР

Армия Кромвеля расположилась по обе стороны холма. Но солдат почти невозможно было заметить. Они использовали все мыслимые укрытия: прятались в окопах и траншеях, за деревьями, за кустами и кочками. Они лежали и ждали, когда офицеры прикажут им наступать или защищаться. Мушкеты лишь изредка подавали голос. Это был час пушек.

И пушки гремели — ровно, мощно; они упорно били с позиций Круглоголовых. Их жерла выбрасывали огонь, снаряды со свистом рассекали воздух... снова и снова, снова и снова.

Сплошной завесой стоял дым, потому что к полудню ветер совершенно утих. Бледное солнце то появлялось, то снова скрывалось за холодными серыми клубами. Пользуясь холодной погодой, наступающие пустили в дело недавнее изобретение: надули горячим воздухом два больших шара и, привязав их на длинные веревки, запустили в воздух; шары взлетели выше холма, а в корзинах, подвешенных к ним, сидели наблюдатели с подозрными трубами и специальными инструментами. Они должны были засечь позиции артиллерии противника и подать сигнал флажками своим товарищам.

Королевские пушки отвечали на обстрел редко и неуверенно. На скаку Руперт сказал Уиллу и Дженифер:

— Похоже, нашим людям удалось втащить на вершину всего лишь несколько пушек. И можно не сомневаться, припасов у них тоже немного. Конечно, не так-то легко тащить артиллерийские орудия вверх по склону, если постоянно идет обстрел...

— Да, это дело нелегкое, — согласился Уилл. — А как мы прорвемся через их позиции?

— Подумаем, — Руперт криво улыбнулся. — И прорвемся.

— Жаль, что я раньше не додумался... мы с тобой могли ведь обрезать волосы!

— Ну, вряд ли это нам помогло бы... К тому же я думаю, мне лучше не менять внешность, так меня скорее узнают свои. Ну а пока мы должны обойтись одеждой Железнобоких и стараться выглядеть в ней, как будто она наша собственная.

— Ну, по тебе сразу видно, что костюм не твой, — пробормотала Дженифер.

— Да уж, мне противно, что я такой грязный и расхристаный, — признал Руперт. — И все же мы не должны казаться виноватыми, или робкими, или просто неуверенными... Это для нас смерть... или плен, что, пожалуй, еще хуже. Держитесь так, словно вы у себя дома. — Он сосредоточился. — Вперед!

Пальцы Дженифер изо всех сил сжали посох Просперо.

— Это было бы слишком жестоко, если бы ты... если бы любой из нас был убит своими же!

— Однако мы должны прорваться, и мы постараемся использовать любой, даже самый крошечный шанс... — Руперт натянул поводья. — Ну... вперед! Скачите за мной, ни слова не произносите и мгновенно повинуйтесь любой команде.

Выбравшись из чащи, они увидели три волевых орудия. Вокруг них лежали кучи ядер и мешки с порохом; но лошадей и повозки, очевидно, отвели куда-то в сторону, потому что видны были только орудийные расчеты. Каждую пушку обслуживало по два человека — они торопливо прочищали стволы, заря-

жали, наводили на цель, подносили огонь к фитилю, снова очищали стволы, заряжали... В воздухе висел воздушный шар; наблюдатель, сидевший в корзине, сквозь подзорную трубу следил за позициями противника, держа наготове блокнот для вычислений — чтобы уточнять очередную точку прицела.

Руперт легким галопом направился к орудиям. В этот момент грохнул очередной выстрел; принц чуть не оглох, дым заполнил его ноздри, в голове загудело. Несмотря на холодную погоду, некоторые из солдат были раздеты до пояса. Их грязные тела блестели от пота.

«Эти солдатики возле орудий, должно быть, совсем оглохли, — подумал Руперт. — Они с ног до головы перемазаны пороховой пылью, а глаза у них красные, воспаленные... и как они должны были устать, стреляя вот так, час за часом, без передышки, не зная, когда их сменят, и сменят ли вообще... они упорно, методично, неустанно, с самыми честными намерениями стараются уничтожить своего короля...»

— Стоять! — закричал сверху наблюдатель. — Кто идет? К оружию, солдаты!

— Ну, там в корзинке совсем не старичок сидит, — пробормотал Уилл. — Очень уж голос визгливый!

Руперт остановился. Сидя в седле, он возвышался над солдатами, как башня. Ничем не выдав своего напряжения, принц ответил:

— Нас трое, мы разведчики... посланы вперед, осмотреть поле. С аэростатов заметили что-то похожее на огневую точку противника вон там... Приостановите стрельбу на минутку, пока мы доберемся до того холмика и посмотрим. Но будьте наготове, вдруг понадобится прикрыть наше отступление.

— Да, сэр, — козырнул молодой солдат. — Вы очень доблестные люди, вы так рискуете...

«Дженифер...»

Руперт стиснул зубы.

— Я иду первым, — бросил он. — Уилл — замыкающий. Ну... вперед!

И он пришпорил коня.

Лошади вихрем помчались по каменистой почве, выбивая копытами искры; хриплое дыхание животных заглушало отдаленный гром пушек. Впереди неясно вырисовывались заросли кустов и невысоких деревьев. Кто прячется за ними, следя за приближающимися всадниками?

«О Боже, милостивый Боже, — взмолился принц, — если уж королевским стрелкам суждено подстрелить кого-то, пусть это буду я, именно я, но только не она, не она!.. Я знаю, я верю, я надеюсь — наши друзья подождут, они не станут открывать

огонь, просто от удивления, они захотят понять, куда несется безумная троица... ну а если все же... О Иисус, сохрани ее, не дай ей погибнуть!..»

— Не стреляйте, солдаты короля! — закричал он во всю силу своих мощных легких. — Стойте! Вернулся принц Руперт с Рейна!

На полном скаку он отстегнул и отшвырнул в сторону пуританский шлем, так плохо сидевший на его слишком большой голове, и вытащил из-за пазухи спрятанный там большой белый плюмаж, его извечный символ. Он взмахнул в воздухе плюмажем, а ветер разметал черные локоны принца — знакомые и памятные многим черные локоны.

Неподалеку свистнула пуля. Артиллеристы-пуритане сообщали наконец, что дело нечисто. Но расстояние было уже слишком велико, а из мушкетов они явно стрелять не слишком умели... Принц направил коня напрямик на кусты, и гибкие ветви яростно хлестнули по лошади и по всаднику, оставляя кровавые царапины.

И вдруг невесть откуда высыпали люди, на первый взгляд не слишком отличающиеся от врагов, оставленных Рупертом позади. Но они окружили его с громкими криками:

— Да это же принц Руперт! Принц Руперт вернулся! Эй, поскорее, помогите его друзьям, и отведем их к нашему королю!

В БАШНЕ

От часовни святого Михаила в Торе почти ничего не осталось. Крыша ее рухнула, проломы в стенах были куда шире, чем окна с выбитыми стеклами. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь облака, освещали руины. Слышался отдаленный грохот орудий. Но, несмотря на все разрушения, эти древние стены оставались последним оплотом и надеждой на свободу Британии.

Король, маленький и изящный, как фарфоровая статуэтка, стоял перед своими военачальниками и советниками. Все они были грязны, пропылены, перемазаны сажей и копотью, в изорванной одежде, пропитавшейся потом. И Карл выглядел таким же утомленным, как все остальные — лицо его осунулось, глаза провалились. Но он держался прямо, несмотря на усталость; и пыль на его спутанных волосах, аккуратной бородке, кружевах и потрепанном пурпурном бархате рыцарского платья выглядела почти как украшение, а повязка на лбу казалась короной.

Стражи, стоявшие у дверей, ударили о каменные плиты пола алебардами. Вошел принц Руперт, а за ним робко следовали

Дженифер и Уилл Фарвелл, сопровождаемые толпой людей, возбужденно выкрикивавших радостную новость. Принц подошел к королю и опустился на одно колено; но даже когда Руперт стоял так, его голова находилась почти вровень с головой его царственного дядюшки.

— Ваше величество, я вернулся домой, чтобы служить вам, — сказал принц.

Выдержка изменила королю. Вздрыгнув, он обнял племянника.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, трижды добро пожаловать, Руперт! Но поднимись же. Ты сказал правду. Здесь твой дом, твой настоящий дом. — Он обратился к окружающим: — Радуйтесь, радуйтесь, друзья! Принц вернулся! Радуйтесь, пока еще у нас есть такая возможность!

Но кое-кто из придворных при виде принца отступил назад, не слишком довольный. Даже теперь, когда им, казалось бы, нечего было терять, они не могли скрыть своей нелюбви к яркой личности принца Руперта, обладавшего военными талантами, каких им не дал Бог. Лорд Эйтин суетливо направился к двери, бормоча:

— Эй, прочь отсюда, сброд! Не лезьте сюда, не лезьте! Убирайтесь на место, отправляйтесь на позиции! — И он махнул рукой сержантам, стоявшим на страже, чтобы те помогли ему выставить за дверь неугодных ему людей.

Тем временем остальные столпились вокруг Руперта. Маврикий бросился в объятия брата. Они колотили друг друга по спинам, от радости ругаясь по-датски, по-немецки, по-французски, и не слышали, как Уильям Легг сказал:

— Мы думали, вы давно погибли, принц. Но если уж небеса сохранили вам жизнь, несмотря на все, что мы слышали, — вы, должно быть, уже стали святым.

— Вы болтаете, как папистский проповедник, Легг, — рыкнул Эйтин. И тут же замахал руками на друзей Руперта: — Эй, марш! Убирайтесь отсюда!

— Э, нет, эти двое пришли со мной, — вмешался Руперт, локтем отталкивая Скотта, потерявшего дар речи от негодования. Повернувшись к королю, Руперт продолжил, говоря громко, чтобы заглушить ропот недоумения и смятения: — Ваше величество, если бы не эти двое, я был бы по-прежнему закован в цепи, а то и вовсе лежал бы бездыханный. Они набрались мужества не только для того, чтобы помочь мне обрести столь желанную, столь дорогую свободу, нет... они, в своей преданности, бесстрашно шагали все дальше и дальше в неведомое, не смущаясь тем, что их впереди ждали многие опасности. Может быть, то оружие, которое мне удалось раздобыть с их помощью,

не обладает слишком уж большой силой в этом мире; но, ваше величество, королевское знамя будет вечно реять высоко и гордо, если его поддержат такие прекрасные души.

Дженифер схватила его за руку.

— О нет, Руперт, нет! — прошептала она в растерянности. — Мы лишь жалкие искры, а ты — кремнь...

Уилл неловко переступил с ноги на ногу.

— Ну, это, ни к чему бы нас так уж восхвалять, — пробурчал он. — Мы же просто пустые пузыри, даже и меча не надо, чтобы мы лопнули...

Маврикий задумчиво почесал затылок:

— Я что-то не понял... из чего состряпана эта метафора?

Присутствующую знать и солдат охватило глубокое молчание. Грохот пушек вдали казался нереальным. Карл поднял руку.

— Если все это действительно так, — сказал он, обращаясь к своему племяннику, — молю тебя о чести: дай мне узнать имена этих достойных людей и кто они таковы.

И вновь дрогнула придворная выдержка короля, когда тот, что выглядел юношей, шагнул вперед и сделал реверанс. Руперт весело улыбнулся.

— Это не парнишка перед вами, ваше величество, — объяснил принц, — это высокочтимая девица, Дженифер Элайн, и она будет моей супругой перед Богом, если Бог позволит нам пережить эту войну. — И принц добавил вызывающим тоном: — Она не знатного происхождения, но никто более, чем она, не достоин звания принцессы. А Уилл Фарвелл, смиренный мелкий фермер, обладает таким сердцем... — он беглым взглядом окинул своих соперников, — что и у сотни герцогов не найдется подобного.

Карл, выслушав Руперта, на мгновение задумался, а потом тоже улыбнулся — добродушно и мягко. И обратился к двоим, стоявшим возле принца:

— Если это и вправду так... а Руперт всегда правдив... что ж, тогда — добро пожаловать в наш бедный дом, и жаль, что я не могу приветствовать вас в тронном зале... — Он поцеловал руку девушки. — Моя леди, если вдруг, случайно, у вас нет родственников-мужчин, не будет ли позволено мне повести вас к алтарю? — Дженифер вспыхнула от смущения и счастья. А король обратился к Уиллу: — А ты... принц назвал тебя Уильямом Фарвеллом, не так ли? Сейчас, пожалуй, не время говорить о звании пэра, поместьях и прочих земных благах и дарах. Но если ты поклянешься служить короне... это лишь формальность, и я уверен, ты прекрасно это понимаешь...

Смущенный ничуть не меньше, чем Дженифер, Уилл выпалил:

— Во имя Господа нашего Иисуса Христа, я всегда буду верен нашему королю!

— Тогда встань на колени.

Уилл повиновался. Карл вынул из ножен меч и коснулся лезвием плеч и головы Фарвелла.

— Скорее ради нашей чести, чем ради твоей, здесь, в этом святом и благословенном месте, мы нарекаем тебя рыцарем. Встань, сэр Уильям Фарвелл!

Дрожа и пошатываясь, Уилл поднялся.

— Это я-то? Рыцарь? Как сэр Ланселот? Да быть того не может! Быть не может! — Кадык Уилла подпрыгивал при каждом слове. — О, да что же Нелл моя скажет, когда такое услышит?! Ох, сир, вы уж меня простите, что-то я лопочу, как младенец!

Руперт, Маврикий, Легг и еще кто-то из придворных столпились вокруг Фарвелла, поздравляя его. Но Дженифер поспешила отвести Уилла в сторонку, держа его за руку, как любящая сестра, а Руперт остался с придворными и королем.

— Лорд, мне бы понадобились недели, чтобы рассказать обо всем, что я пережил, но я обойдусь минутами, — сказал принц. — Однако мне придется говорить об этом с вами наедине, и, может быть, еще при тех из ваших советников, которые умеют молчать... нет, лучше будет, если сначала лишь вы узнаете обо всем. Надеюсь, вы поверите моему рассказу и не воспылаете отвращением, а спокойно решите, что делать. А вам, джентльмены, — обратился он к остальным, — я пока скажу лишь одно: мы трое прорывались сюда вовсе не для того, чтобы умереть, но для того, чтобы доставить королю некое мощное тайное оружие, добытое нами в дальних странах. Не стану утверждать, что с его помощью мы обязательно выиграем битву. Скорее всего нас постигнет неудача. Но мы обязаны попытаться, доверясь милости Господа. — Постепенно голос принца креп, пока не заглушил голоса далеких пушек: — Что бы ни случилось, мы не должны сдаваться и не должны сидеть в осаде, ожидая, пока собаки-пуритане выгонят нас из норы. Мы мужчины, говорю я, а не барсуки, прячущиеся в земле. Так соберем все силы, что остались у нас, и нападём первыми. Может быть, мы сумеем прорваться через позиции врагов и доберемся до моря и найдем корабль, чтобы спасти нашего короля. А может быть, мы сумеем так встряхнуть противника, что он согласится на почетные для нас условия договора, и мы уйдем живыми и свободными, с прощением или в ссылку, по нашему выбору. Но, может быть, мы просто погибнем без особой

пользы. Так что же? Если мы ничего не предпримем — мы погибнем; но если мы погибнем в борьбе — то хотя бы погибнем все вместе и с честью... а что может быть лучше для военного братства?

Маврикий зааплодировал. Несколько человек присоединились к нему. Младший принц резко шагнул вперед и полным благородства голосом произнес:

— Каково бы ни было твое оружие, Руперт, оно будет нашим! Твоя удача касается и нас тоже. Нет, мы не заползем в нору; теперь ты с нами, и мы каждую минуту будем помнить об этом. Ты и сам слышишь, как радостно кричат наши воины там, снаружи, возле башни! Одно твое слово стоит всех талантов Цезаря. И с тобой мы помчимся с этого холма, топча и сжигая наших врагов. На них обрушится ад, а твое имя поразит их, как молния. О король, в сумерках, когда утихнет оружейный огонь, я возьму несколько надежных людей и отправлюсь на разведку на равнину. Мы будем осторожны, мы обмотаем копыта коней тканью, и мы проскользнем мимо стражей в полутьме... ведь стражи пуритан — это простые деревенские парни и подмастерья, которых насильно поставили под ружье. Руперт помнит, как однажды мы... ну, сейчас это неважно. Мы рассыпемся в стороны, мы помчимся от дома к дому, от вересковых пустошей к холмам и лесу, и будем всем и всюду кричать лишь одно: «Принц Руперт вернулся! Тупая и злобная машина Кромвеля не сумела раздавить его! И если вы хотите обрести свободу, берите ваши охотничьи ружья, берите ваши серпы и косы, кирки и мотыги, поднимайте карающие цепи; спешите к древнему святому Тору и сражайтесь за ваши права! Хотя год и на исходе, явился Зеленый человек! А белый плюмаж Руперта развеивается во имя короля!»

Карл, казалось, немного смутился и испугался; но внезапно силы вернулись к этому доблестному человеку, и он увидел, что его люди тоже воспрянули духом.

ПЕРЕД БАШНЕЙ СВЯТОГО МИХАИЛА

Остов башни возвышался, как скала, среди чахлой травы, темных зарослей ежевики, кустарника и деревьев. Луна едва поднялась, коснувшись холодными лучами реки, равнины, ровов и канав, далекой, но кажущейся странно близкой сероватосиней Мендипской гряды и плавно возвышающегося холма, именуемого Островом Авалон; этот холм венчал Гластонберитор. Город, лежащий внизу, притаился во тьме; дальше, на равнине, кое-где светились красным сторожевые костры непри-

ятеля. Изредка под звездами проплывали небольшие облачка; дул холодный ветер. Время от времени звучали выстрелы. Далеко на болотах кричала выпь.

Вспыхнул огонек, превратился в бушующее пламя, и в перебивах красного, голубого и золотого послышалось гудение и треск искр. Между костром и полускрытой во тьме часовней стояли четверо. Трое из них так и не переоделись, лишь на Дженифер поверх бриджей было надето нечто вроде юбки, со оруженной наскоро из плаща. Руперт держал магическую книгу Просперо, в руке Дженифер был посох колдуна. У короля Карла была Библия. Уилл, с пустыми руками, стоял чуть в сторонке, похожий на пугало.

— Мы собрались здесь, — сказал принц Руперт в ночь, — чтобы обратиться с просьбой к Богу и тем подвластным ему силам, которые мы можем вызвать с помощью слабых чар, известных нам. Но боюсь, что лишь немногие и не слишком мощные духи откликнутся на тот призыв, что я осмеливаюсь произнести. И все же мы обязаны попытаться, ради безопасности нашего народа... прежде чем мы присоединимся к нашим отрядам в атаке, сэр Уильям и я...

— Я буду молиться за вас обоих, — печально прошептала Дженифер.

Руперт кивнул и посмотрел на короля.

— Ваше величество, — попросил он, — прочтите сначала молитву, а уж потом мы взмахнем волшебным посохом и мечами.

Глава 24

ПЕРЕД БАШНЕЙ СВЯТОГО МИХАИЛА

Руперт закончил напевное чтение заклинаний, закрыл книгу, высоко поднял посох и сказал, заглушая завывание ветра:

— Итак, мы призываем вас, духи нашей земли. Ваш король просит вас о помощи. Если для вас что-то значат священные узы, соединяющие короля, его народ и его землю, если вы с благоговением относитесь к тому, что приносит добро и стало обычным и любимым для людей, поднимитесь ради него в эту судную ночь!

Слова его замерли вдали. Костер полыхнул пламенем в последний раз и почти погас, лишь алые отблески тлеющих углей падали на людей. Облако набежало на луну. Звезды затуманились. Лишь ветер заунывно напевал, принося холод, пробирающий до костей.

После бесконечного молчания Карл спросил:

— Ничего?

— Ни звука, ни шороха... ничего, что подало бы нам надежду на помощь, — негромко ответил Руперт.

— Ну что ж, это была отчаянная попытка. Но должен признать, языческий аспект дела все-таки тревожил меня.

— Ну что ж, мы умрем, как истинные христиане, в этом можно не сомневаться. — Руперт выпрямился. — Пойду сейчас, заберу своего коня и оружие... кто знает, может быть, не все так безнадежно, и мы все же прорвем кольцо... — Он повернулся к Дженифер, и голос его зазвучал мягко и нежно: — Послушай, любимая... если я не вернусь, помни, что мои последние мысли были о тебе. И не забывай нашего плана — ты должна сделать все, чтобы оказаться в безопасности...

— На что мне жизнь без тебя? — едва слышно ответила она.

— Избавь меня от пытки, не заставляй думать, что ты будешь вечно горевать обо мне...

— Эй, погодите... — послышался голос.

Король, принц и девушка резко обернулись на звук этого голоса, странного, нечеловеческого...

— Я думаю, дело еще не закончено, — сказал Уилл Фарвелл и неуверенно вышел вперед, туда, где на него упал свет тлеющих углей.

— Что с тобой происходит? — спросил Руперт.

Уилл затряс головой.

— Я и сам хотел бы знать... — Он говорил, словно в полусне. — Ну, вроде как на меня что-то накатило, внезапно... нет, как будто сквозь меня прокатилось... как будто я дудка, а в меня кто-то как следует дунул... чтобы сыграть джигу для привидений.

Дженифер испуганно зажала рот ладонью, а другой рукой вцепилась в Руперта. Карл, глава английской протестантской церкви, перекрестился. Прошло не меньше минуты, прежде чем Руперт выдохнул:

— Он изменился... взгляните! Он уже не просто человек... или, вернее, он больше чем человек, он скорее та земля, к которой мы зывали о помощи, умолая понять нас... О Уилл, что я сделал с тобой, друг мой?!

— Чары, брошенные тобой, оказались летящей искрой, — сказал Карл, взглядевшись в лицо бывшего арендатора и опускаясь на колени. — А в нем эту искру ожидал готовый вспыхнуть факел. Ведь это его родная земля, не так ли?

Уилл поднял руки к небу. словно повинаясь этому жесту, угаснувший было костер запылал, вознося огонь все выше и выше, и вот Уилл, освещенный им, стал похож на горящий в

ночи маяк. Облако, закрывавшее луну, умчалось прочь, туман, окутавший звезды, рассеялся...

Голос Уилла прогремел над холмом:

— Я — земля...

Но тут на мгновение вновь прорвалась человеческая сущность Уилла.

— Что-то ты сделал неправильно, мой генерал. Ну что может земля, чем она подействует королю, знати, священникам, лордам... хотя, конечно, твой брат был прав, когда назвал тебя Зеленым человеком... Будь сильным, только и всего. Да, а тут, конечно, был кто-то, кто услышал твои заклинания...

И вновь чужой торжественный голос зазвучал из уст Уилла:

— Я вправе создать армию из тех сил, которые рождены мною, землей. Лишь во мне живет истинная сила, и лишь я могу даровать ее моим посыльным, дабы они донесли мой гнев до мира. Я есть ярость, гнев и жестокость — но я есть и любовь... Я — земля, и во мне живут добродетели и достоинства моих предков, их плоть возвращается к нам с новыми урожаями... и так все длится в неторопливо идущих веках, все повторяется с каждым весенним цветением, с каждым восходом луны, с каждым закатом солнца, заливающим алым пламенем темень лесов... человек за человеком смиренно терпят горести и печали, пока их жизнь не придет к концу и они не канут в безвестность. Их скрюченные от работы пальцы сделали меня тем, что я есть... не дикой пустошью и не железной пустыней, а домом... домом для всех... и небеса и времена года помогали им. Их песни и те сказки, что они рассказывают у очага, едины и нераздельны с моими ветрами и дождями. И хотя и люди, и деревья постоянно умирают — дома, поля и леса продолжают существовать, и каждый вновь рожденный младенец или ягненок, и каждая вновь покрывшаяся листвою ветвь твердят снова и снова о нашем бессмертии.

И никому не связать меня кирпичом и сталью и не заставить моих истинных детей поклоняться бешеным проповедникам и их нелепым книгам. И если мистерия и радость принадлежат людям, я требую права на них для моих народов.

Я и смерть, и движение, и извечная жизнь. Во все времена я призываю к себе живущих, чтобы потом свершилось чудо нового воплощения, чудо новых рождений. И пусть продолжается любовь, пусть продолжаютсся мечты. И пусть каждую весну юноши украшают белыми венками дев, и танцуют летними ночами, и играют с шаловливыми эльфами, приносящими удачу в дом... И пусть те, кто охотятся на холмах, или ловят рыбу в звенящих реках, или с мечом в руке охраняют спящих, услышат звон колокола, говорящего им: «Эта земля — ваша!» —

и восстанут. Час настал. Восстаньте! Я — земля. Я приказываю всему живому.

Пламя взвилось еще выше и, казалось, коснулось звезд. Гномы подкармливали огонь обломками деревьев, упавших от старости или от шторма. Над головами людей пролетел филин... два ворона... орел...

Тор застонал и раскрылся. Послышался звук охотничьих рогов. Над землей поплыли огромные тени, залаяли гончие псы.

— Идет настоящий Дикий Охотник, Гвин-ап-Нуд, и он ведет давно умерших язычников, — произнесло горло Уилла. — Их потревожил мой зов, но позже они обретут глубокий мир...

Чуть слышным голосом Руперт спросил:

— А там... кто эти великолепные всадники, со знаменем, на котором начертан крест, и чьи кольчуги и копыта горят холодным огнем, как сама луна?

И прозвучал ответ:

— Это король Артур и рыцари Авалона.

— Во имя Господа, я должен идти за ними! Прощай!

Руперт стремительно обнял Дженифер. А тем временем из давно разрушенной часовни показалась процессия призрачных монахов, в длинных сутанах с капюшонами. Первый из них нес распятие, второй — потир. Монахи торжественно пели:

*Dies irae, dies illa,
Solvat saeculum in favilla...*

Внизу, на равнине, затрубил олень, заревел красный бык, и огромный белый жеребец проскакал, грохоча копытами.

Руперт ушел. Дженифер и Карл встали рядом, и так, бок о бок, они смотрели на костер и на Уилла Фарвелла, наполненного силой земли...

— Ох, взгляни-ка, — запинаясь, проговорил король. — Там, среди искр и дыма... в костре... там видно... наши великолепные оборванные воины несутся вперед, как ураган... не только духи сплотились сегодня, но и простой народ... я не заслужил этого.

И вот видят они в кольце огня: скачет на боевом коне принц Руперт, с мечом и в латах, с белым плюмажем на шлеме, ведет воинов в атаку. Как сверкающий поток, бросаются они на оружейные расчеты противника.

И видят они: принц Маврикий во главе йоменов, фермеров, пастухов, землекопов и углекопов, шахтеров, ткачей и кожевников, фабричных рабочих, возчиков, бродяг и браконьеров мчится вперед — и те, кто спешит за ним, горят желанием отвоевать свободу для себя и помочь армии короля.

И видят они: на позициях пуритан трубят тревогу. Солдаты выскакивают из палаток и бегут к коновязям, где стоят оседланные кони. В небе скачет призрачная охота. Пуритане с криками разбегаются, видя ее — для них это явление ада...

И видят они: один из старших офицеров-парламентаристов, стоящий на постое в городке, слышит шум и вскакивает, протягивая руку к одежде. Маленький лохматый домовый появляется вдруг рядом с хозяйкой дома, подталкивает ее, тычет пальцем в офицера... Женщина кивает, хватая скалку и одним ударом укладывает офицера.

И видят они: Рыцари Руперта скачут напрямик на пушки Круглоголовых. Один из артиллеристов берет принца на прицел и зажигает спичку, чтобы поджечь фитиль. Но тут перед ним возникает призрачная дама. На ней нет ничего, кроме венка на голове. Она движется в стремительном танце. Артиллерист, задохнувшись, закрывает глаза руками. Женщина громко хохочет, а солдат в ужасе садится на землю. Королевская конница, гремя копытами, мчится мимо него.

И видят они: взвод мушкетеров-пуритан занимает позицию в стороне от главных сил, готовясь обстрелять атакующих. К ним приближаются монахи. Лица монахов скрыты капюшонами, но свечи в их руках горят ровно и ярко. Их пение заглушает шум битвы. Мушкетеры, взыв, бросают оружие, намереваясь сбежать. Командир останавливает их и заставляет петь гимн, в надежде, что так им удастся остановить призрачную мессу. Но они уже не участвуют в сражении, и вскоре все оказываются в плену.

И видят они: отряд Руперта врывается в гущу противников. И пуритане не в силах устоять перед ним. Руперт бьет пуритан, мелькают в воздухе сабли, мечи и копья, и вот уже множество убитых лежит на земле. А с флангов отряда Руперта встают, придя ему на помощь, огромные всадники в латах, похожие на стальные башни, рядом же с принцем — всадник с короной на голове. А над ними развевается сверкающее золотом знамя с изображением дракона. И бунтовщики понимают, что это король Артур вернулся в свои владения. И вспоминают, что на них лежит кровь британцев. Их командир бросает штандарт и начинает рыдать. А королевские всадники скачут мимо него...

И видят они: отряды Маврикия приближаются к Круглоголовым. Артиллерия пуритан готовится разметать их беспорядочную массу. Но вдруг над огневыми позициями воздух начинает темнеть. Он превращается в облако, из которого водопадом льет дождь; порох промокает, и стрелять пуритане уже не могут. А совсем рядом, в нескольких футах — чистое небо со сверкающими звездами. Крестьяне лавиной мчатся вперед.

И видят они: курьеры мчатся к дальним частям армии парламентаристов, чтобы передать приказ прийти на помощь. Отряд подкрепления приближается к реке. Они почти уже вступили на мост, как вдруг речные воды вздыбились. Река неистово кипит, бушует, покрываясь белой пеной — и, сорвав мост, уносит его прочь. Отрезанные от своих, солдаты вынуждены остаться на другом берегу, и позже, когда река входит в свое русло, их уничтожают...

И видят они: Руперт в гуще врагов без устали машет саблей, рассекая пуритан. Но их слишком много, а отряд принца невелик. Призрачные рыцари далеко... Но с другой стороны к месту схватки приближается Маврикий со своими людьми. В их сторону направляется отряд тяжелой кавалерии, презрительно глядя на сброд и намереваясь изрубить его в куски. Но воздух разрывает визг и вой; сверкают глаза, блестят клыки... волки и дикие коты, которых уж несколько поколений не выдвали в местных лесах, вдруг бросаются на коней. Кони встают на дыбы, несут... Крестьяне бросаются в рукопашную.

И видят они: небеса прорезает дождь метеоров. Земля дрожит под ногами.

И видят они: Кромвель скачет от отряда к отряду. Именем своего Бога, силой своей воли он заставляет их собраться и снова броситься в бой. Как железный идол, возвышается он в седле над своими кавалеристами и бросает их в новые и новые атаки. И кажется — ничто не может проломить эту стену. Но они начинают уставать. И все же Кромвель добивается того, что отступают они упорядоченно, в надежде, что придет день и час, когда они победят.

Но раздался шум, испугавший и потрясший их до глубины души. И взглянув на север, все увидели, что надвигается на них — медленно, неотвратимо, не по-человечески... Это был лес.

Дубы передвигали свои могучие корни; покачиваясь, шагали ясени, кусты терновника размахивали колючими ветвями... а за ними маршировали ели, прыгали лавровые кусты, скользили ползучие растения, с грохотом катились валуны... темная, тяжелая масса жизни... и ужас истекал от каждого листа.

И это был конец. Хотя Кромвель, надрываясь, кричал, что это всего лишь фантомы, его воинство не в силах оказалось выдержать подобное. Души пуритан сжались, съежились от страха, и они ударились в паническое бегство. Руперт, хотя и с трудом, удержал своих людей от погони.

И видят они: через несколько часов, разоружив и взяв под стражу тех бунтовщиков, что не умчались сломя голову, Руперт встретился с Кромвелем. Оба они были верхом. Обменявшись с

Кромвелем несколькими вежливыми словами, Руперт принял у того меч.

В холодных лучах рассвета, зеленых и красных, осветивших на удивление обычный мир, принц поскакал к Гластонбери-Тору; поднявшись на вершину, он отсалютовал королю и сказал:

— Ваше величество, вы победили!

Уилл Фарвелл, словно прикованный стоявший возле костра, вздрогнул и поглядел на остывшие угли.

— А что случилось? — спросил он, растерянно вертя головой. — Я, похоже, задремал чуток. — И он чихнул.

Глава 25

ЛОНДОН

Гудели и звенели колокола, развевались знамена и флаги, когда король въезжал в свою столицу. Среди бесчисленных толп, высыпавших на улицу, немало было и таких людей, которые работали на парламентаристов и сражались за них. Но почти все они сейчас радовались тому, что война окончена и их братья вернулись домой. А над шумом и пестротой толпы сияло безоблачное небо. Легкий ветерок играл листвою в садах и парках.

Справа от короля Карла ехал принц Руперт, слева — принц Маврикий; за ними катил золоченый экипаж с королевской семьей, окруженный верховыми дворянами. А следом ехала карета с Дженифер Элайн и сэром Уильямом Фарвеллом. Дженифер среди всего этого великолепия выглядела растерянной. И сэр Уильям старался за двоих — улыбался и кланялся во все стороны, особо отмечая хорошеньких девушек. Дальше двигалась целая процессия — священнослужители, пэры, офицеры, послы и прочие благородные лица. Королевскую армию представляла почетная стража, сверкающая латами и горящим на солнце оружием, под развевающимися знаменами; пышно-гривые кони выступали медленно и торжественно. Но регулярные части не вошли в город, а у стражей не было огнестрельного оружия. «Мы не должны являться домой, как завоеватели, — сказал король. — Мы надеемся, что нас примут, как целителей...»

УАЙТХОЛЛ

Среди павлиньей пышности нарядов пэров и командующих резко выделялась простая одежда людей, стоящих перед троном. Это были представители разных городов Англии. Среди

них можно было заметить шотландцев и ирландцев, державшихся чуть наособицу.

В полукруглые окна бил яркий солнечный свет, и, когда король Карл поднял руку, призывая к вниманию, драгоценные камни колец на его пальцах ярко вспыхнули.

— Вы уже знаете в целом то, что завтра мы намерены сообщить нашему народу и всему миру, — сказал король. — И все же позвольте нам, учтивости ради, кратко изложить вам все, дабы вы могли это обдумать. Мы вместе — король и простой народ — прошли жестокую школу, и нам розгами вколотен тот урок, что впервые прозвучал на горе Синайской. И теперь мы должны сделать свои выводы!

Это правда, что нельзя простить и забыть государственную измену. Нераскаившиеся руководители мятежа — такие, как Кромвель, Шелгрейв и прочие — должны быть изгнаны, а их имущества конфискованы и переданы небогатым, но преданным людям. А им придется отправиться в ссылку, или, если они захотят, для них будет снаряжен корабль, и они могут уехать в Новую Англию и там начать новую жизнь. Там им пригодилось бы их упорство.

Что же касается большинства, массы простых людей, им дается прощение без всяких условий. Давайте примиримся друг с другом, отстроим наш дом, разрушенный понапрасну в гневе, и будем жить в любви и мире.

И в конце скажу, что и корона должна выполнить свой долг. Потому что и на короле, и на церкви, и на знати лежит доля вины. Не просто из-за глупости и безрассудства, но из стремления к тирании все старое и отжившее стояло на пути нового века, не желая прислушаться, не желая измениться... но есть вина и на парламенте, который из-за высокомерия, нетерпимости и торопливости способствовал началу нечестивой гражданской войны. Так давайте же соединимся, обретя новые мысли и новые взгляды. Пусть будет созван новый Парламент, и мы вместе с ним напишем новые законы, которые послужат расцвету нашей родины.

ДОМИК В СОМЕРСЕТЕ

Это было низкое маленькое строение, съежившееся под соломённой крышей, словно от холода. Над крышей вился дымок, уносимый легким ветром; вокруг дома на голой земле стояли кривые деревья, давно растерявшие последние листья. День был холодный и ясный.

В это серое и коричневое уныние, как молния, ворвался сэр Уильям Фарвелл. Свиньи и цыплята, бродившие по двору вокруг дома, рассыпались в стороны и попрятались, напуганные его стремительным появлением. Уилл спрыгнул с коня на кочки замерзшей грязи, бросил поводья на коновязь и заорал:

— Э-гей, детишки мои! Ваш папочка вернулся!

Из дома высыпала толпа малышей и закружилась вокруг него. Он сгреб их, двоих посадил к себе на плечи и важно направился к двери.

Дверь распахнулась. Появилась крупная женщина в старом, заплатанном платье. На мгновение у нее перехватило дыхание, на глазах выступили слезы. Но тут же она подбоченилась и шагнула вперед.

— Ну, здравствуй, моя Нелл! — робко улыбаясь, произнес Уилл.

— Чего хорошего скажешь? — резко спросила она.

— Да ведь я дома! Ну, не буду врать, что я так уж торопился сообщить тебе, что я цел и невредим, но вот ведь я приехал — из Лондона, издалека!

— Ну да, приехал, а потом опять отправишься шляться неведомо куда! — огрызнулась его супруга. — Куда тебя понесет в следующий раз? На ночную охоту за кроликами? Э, нет, Уилл Фарвелл, больше такому не бывать! Ты-то там, в городе, набивал свое брюхо, как хотел, держу пари; а у нас тут и крыша прохудилась, и торф кончается, и за вспашку поля заплатить нечем... и тут-то ты являешься! Ну, бездельничать больше ты не будешь, нет! Придется тебе взяться за настоящую работенку, кормить своих детишек!

— Но... но... но, дорогая моя! — заикаясь, вымолвил сэр Уильям. — Посмотри-ка лучше сюда, на мой пояс — видишь, тут висит кошелек? Так он полон золота! Мы нынче поужинаем хорошим куском мяса!

— Нет, если *ты* не съездишь за ним на рынок.

— Ладно, а что касается крыши, ну, и всего прочего, так мы скоро отсюда переберемся, в другой дом, получше этого! Ты просто не понимаешь! Я теперь — рыцарь! Новый сквайр! Вот уж соседи-сквайры удивятся, а?

— Хм-м... в самом деле? Значит, *мне* придется научиться разным таким манерам, как настоящей леди, и я буду приглашать на чай жену викария, и мне будут приносить подарки на Рождество?.. Ай-ай, а кто же будет делать за меня домашнюю работу? — Помолчав немного, Нелл заключила мужа в объятия и сообщила: — А тебе к лицу эти кошачьи усы, что ты отрастил.

В ЛЕСУ

Черный лес простирался на мили вокруг; лишь иногда поскрипывали сосульки или совиные глаза. Но на холме было чуть светлее, здесь между деревьями лежал снег, отражавший лучи полной луны и множества звезд. Кристально чистый воздух обжигал холодом.

Привязав лошадей, Руперт и Дженифер поднялись на вершину холма. Принц обнял девушку, укрыв ее своим плащом.

— Ты не замерзла, дорогая? — спросил он, и голос его потерялся в звенящей тишине.

Она крепко прижалась к нему.

— С тобой рядом всегда тепло.

— Мне тоже. Но поспешим, выполним нашу последнюю обязанность и вернемся к людям. Мы повидали уже достаточно необычного и непонятного. Но теперь, когда мы обвенчаны, я с радостью предпочту сладкую реальность, она слишком хороша, чтобы менять ее на сны.

Руперт поднял посох Просперо, который он нес, а Дженифер — книгу.

— Король Оберон и королева Титания! — громко произнес принц. — В последний раз мы просим вас явиться к нам. Во имя лунного волшебства, в канун Рождества, когда радость и веселье предвещают приход нового года, придите и возьмите то, что по праву принадлежит вам!

Вспыхнуло сияние, и перед принцем и Дженифер возникли правители Страны фей. В них виделось новое величие — или вернулось былое, — заставившее людей низко склониться перед царственной парой.

Но голос королевы зазвучал мягко и нежно:

— Приветствуем тебя, добрый Руперт, и тебя, прелестная Дженифер. Как радостно вновь встретиться с вами!

— Не только твой родственник-король, но и все наши подданные многим обязаны тебе, — сказал Оберон. — Мы зажгли в твою честь бесчисленные огни... Благодаря тебе живы и мы оба. И мы будем вспоминать о вас двоих каждую ночь в течение всей вашей жизни. А когда Господь призовет вас к себе, о вас будут слагать песни эльфы и феи, и каждую весну цветы будут подниматься на ваших могилах, и счастье и удача будут у ваших детей и внуков до тех пор, пока существует на земле добрая магия. Может быть, она не иссякнет и до Судного Дня?

— Мы тоже благодарны вам, искренне и глубоко, — ответил Руперт, потом, поколебавшись, тряхнул головой. — Хотя я не знаю... не знаю... Мне очень жаль, что мы должны расстаться. Но мы слишком земные, телесные, моя супруга и я, и у нас так

много дел в мире смертных... Наши глаза не различают оттенков лунного луча; наши грубые уши не слышат песен лстучих мышей; наши пальцы не чувствуют нежности росинки или шелка, спряденного пауком... мы не улавливаем аромата камней, нашим языкам недоступен вкус пушинок чертополоха... А потому мы считаем себя не вправе и дальше владеть кольцами фей... Мы хотим видеть простые, земные чудеса.

Дженифер взяла королеву за руку.

— Я думаю, вы всегда, вечно будете здесь, — сказала девушка.

Королева лишь улыбнулась в ответ.

— Возьмите назад кольца-змеи, что вы дали нам, — сказал Руперт, обращаясь к Оберону. — Возможно, настанет день, когда вы найдете человека, способного удержать это пламя...

— Или просто с кровью более холодной, чем у тебя, — перебила его Дженифер. — Я знаю, ты всегда хотел только одного — добиться меня!

По лицам короля и королевы скользнули веселые улыбки. Но Руперт упрямо продолжал:

— И вы должны взять посох и книгу старого Просперо, чтобы хранить там, где вы сочтете нужным. И передавайте привет от нас Ариэлю.

— И Калибану, — негромко добавила Дженифер. — И... есть один юноша... только не ревнуй, Руперт... ваши величества должны знать, о ком я говорю... Мне бы хотелось, чтобы он поскорее встретил кого-то, кому смог бы отдать свое сердце, в обмен на горячую любовь... ведь так много на свете чудесных девушек!

— Милая девочка, мы не можем опекать живые сердца, — серьезно и мягко ответил Оберон, — так же как ничем не могут им помочь реки, холмы, небеса... — Он и королева взяли из рук молодых людей магические предметы. — Теперь — прощайте! — Оберон взмахнул посохом. — Идем, Титания!

И они исчезли, растворясь в сиянии зимней ночи. Довольно долго Руперт и Дженифер стояли молча, потом принц взял подругу за руку.

— Пора, любимая. Нужно вернуться домой до рассвета.

Эпилог

ПИВНАЯ В «СТАРОМ ФЕНИКСЕ»

Этим вечером тут собралось много гостей; одни сидели у очага, другие наслаждались отличной едой и напитками, щедро потчужа Трактирщика своими рассказами. Валерия Матучек

устроилась возле бара с кружкой в руке; отсюда ей хорошо было видно всех. Кое-кого она узнала: монаха в коричневой рясе, у ног которого лежал волк; жутко пьяного китайца из далекого прошлого, чья кисть легко бежала по бумаге, записывая стихи; тощего парня с лирой в руке; крупного добродушного блондина в высоких сапогах и сером кожаном костюме, с драгоценным браслетом на запястье; поджарого викторианца с трубкой и его хромого приятеля; веснушчатого глазастого мальчишку и негра в потрепанной крестьянской одежде... но остальные были ей незнакомы. А кое-кто из гостей вообще имел нечеловеческий облик.

Валерии хотелось услышать как можно больше, прежде чем гости отправятся каждый своей дорогой, и потому она поспешила закончить собственный рассказ:

— Да, я вернулась в этот континуум и некоторое время наблюдала, чтобы понять, сработало ли мое предупреждение. А до того я прочла много исторических книг, чтобы разобраться в прошлом. Очевидно, в этой временной линии романтикам удалось больше, чем где-либо еще. И... либо *этот* Карл Первый был очень мудрым человеком с самого начала, либо он поумнел от испытаний. — Она пожала плечами. — Я не знаю, к каким различиям все это приведет в будущем. В моей истории принц Руперт... ну, он не только изобрел новый способ книгопечатания, он вообще стал ученым, он помогал исследователям, основал Королевское научное общество... Однако не думаю, что в каком-либо из параллельных миров он мог бы довольствоваться уже сделанным, он человек вечного поиска. Теперь он строит новый мир, настоящий Новый Мир — с машинами и наукой... и в этом мире есть надежда, разум, свобода... Ладно. — Она допила свое пиво и протянула кружку барменше, чтобы та вновь ее наполнила. — Ничто не вечно, в любом случае. И мир никогда не приходит сам собой. Но Руперт выиграл несколько мирных лет, и их с Дженифер ожидает счастливая жизнь. А теперь я хочу послушать ваши истории. Надеюсь, мой рассказ вам понравился?

Содержание

От издательства	7
Три сердца и три льва, роман, <i>перевод с английского Э. Гюннера</i>	9
Буря в летнюю ночь, роман, <i>перевод с английского Т. Голубевой</i>	155

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Собрание фантастических произведений в 30 томах

Том девятый

Составитель *А. Новиков*

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редакторы *Л. Шилова, М. Проворова*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Ж. Голубева, Н. Дундина, А. Хиришфелде*

Операторы компьютерной верстки

Н. Амосова, Е. Глуховская

Оформление шмуцтитлов: *М. Ермаков*

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 6.09.96. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура Таймс. Печать высокая.

Усл. печ. л. 18,48. Тираж 10 000 экз.

Заказ № 2502. С 178.

Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

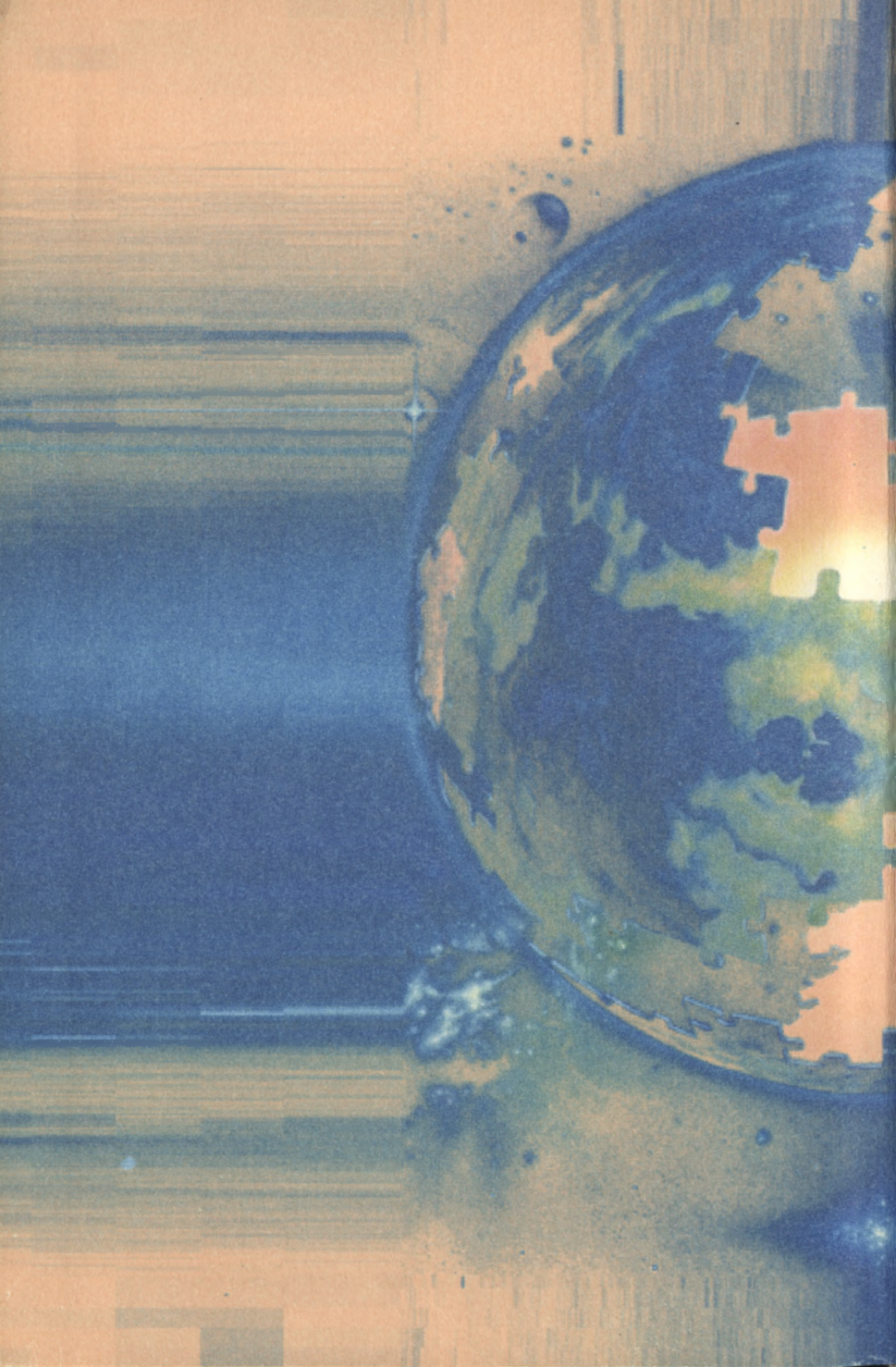
Отпечатано с готовых диапозитивов

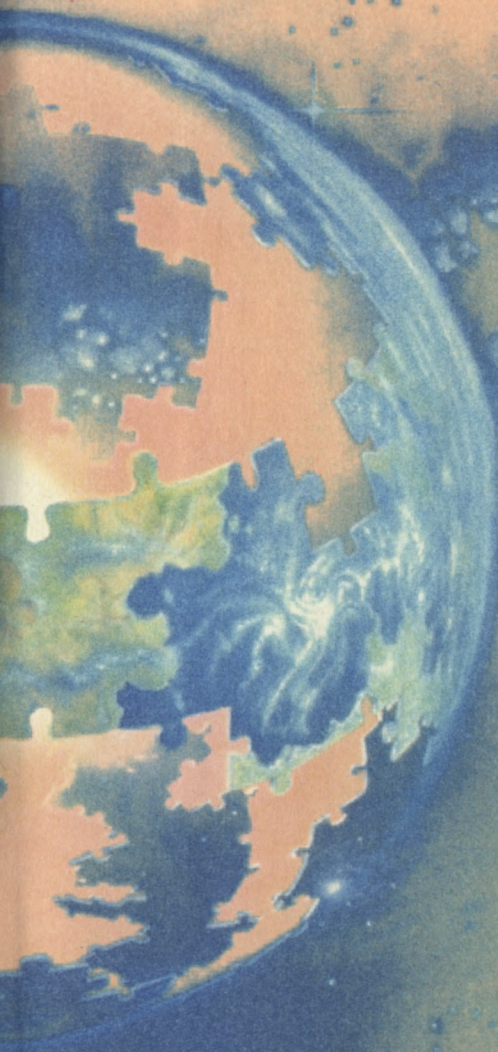
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР

Комитета Российской Федерации по печати.

170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

Три сердца и три льва

Трудно приходится современному человеку, попавшему в страну фей. Однако битва добра со злом идет не только на полях сражений второй мировой. Датский подпольщик, сарацинский воин, дева-лебедь и гном — вот все, что стоит между силами Фейери и волшебным мечом Кортаной...

Буря в летнюю ночь

Молодой рыцарь Руперт упрямо хранит верность королю Карлу в недобрый час поднятого Кромвелем мятежа. Но в мире, где живы Оберон и Титания, где сама земля готова подняться против тех, кто намерен сковать ее железом и камнем — история может пойти по-иному, если у тех, кто творит ее, достанет сил.

